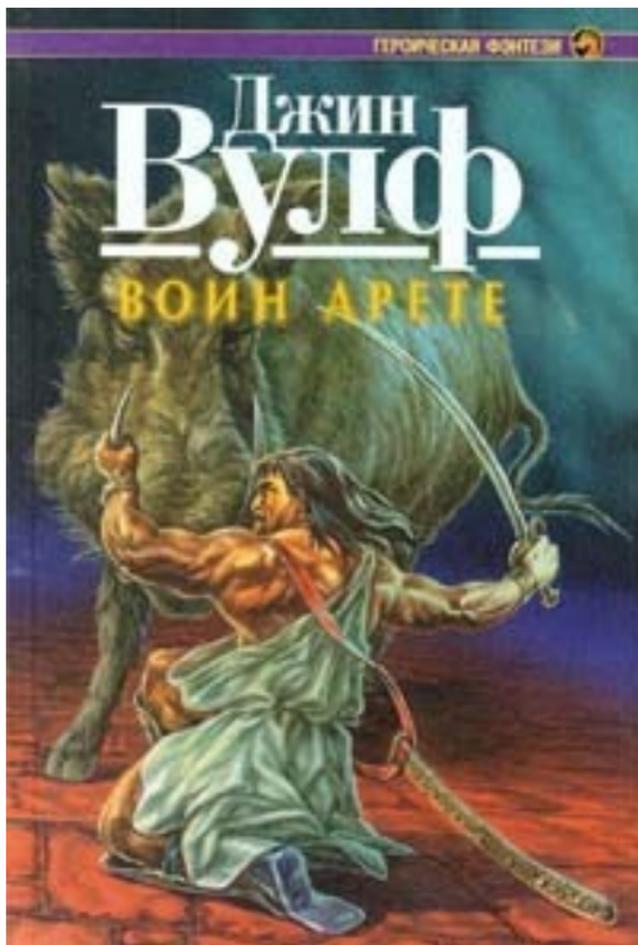

ГЕРОИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Джин Вулф

ВОИН АРЕТЕ

Джин Вулф

Воин Арете

Серия «Воин тумана», книга 2

OCR & spellcheck by HarryFan
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149659
Воин арете: Роман / Джин Вульф: Армада; М.; 1997
ISBN 5-7632-0584-7

Оригинал: Gene Wolfe, "Soldier of Arete"
Перевод:
Ирина А. Тогоева

Аннотация

Слово «арете» означает высшую степень доблести у древних греков.

Латро, герой романа, действительно доблестный воин, но он потерял память. Каждое утро он забывает, что делал вчера, и если бы не друзья, которые всегда рядом с ним, и дневник, который ведет Латро, он не смог бы выжить на раздираемом войнами Пелопоннесе. Латро становится полноправным гражданином Спарты, но боги приоткрывают для него завесу забвения:

Латро – латинянин. И значит, свой подвиг совершит, если освободит во время Олимпийских игр из рабства своих сограждан...

Но вернется ли к нему память?

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	82
Глава 8	93
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	105
Глава 9	105
Глава 10	116
Глава 11	128
Глава 12	141
Глава 13	156
Глава 14	167
Глава 15	178
Глава 16	192
Глава 17	205
Глава 18	218
Глава 19	230
Глава 20	242

Глава 21	255
Глава 22	267
Глава 23	282
Глава 24	293
Глава 25	305
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	318
Глава 26	318
Глава 27	331
Глава 28	342
Глава 29	354
Глава 30	366
Глава 31	379
Глава 32	391
Глава 33	403
Глава 34	416
Глава 35	427
Глава 36	440
Глава 37	451
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	464
Глава 38	464
Глава 39	477
Глава 40	490
Глава 41	502
Глава 42	518
Глава 43	534

ДЖИН ВУЛФ

ВОИН АРЕТЕ

Эта книга посвящается древнему полководцу, самому недооцененному из античных авторов и наиболее обойденному вниманием потомков, Ксенофонту Афинскому¹.

И явился к Ксенофонту, когда тот приносил жертву, один человек и сказал: «Грилл убит». И Ксенофонт снял венок, что украшал его голову, но церемонию жертвоприношения прерывать не стал. И тогда посланец сказал: «Смерть его была достойной». И Ксенофонт вновь возложил венок себе на голову; как гласит легенда, он не пролил ни слезы, лишь вымолвил: «Я знаю, что родил его смертным».

Диоген Лаэртий².

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свиток в очень плохом состоянии, в нем множество пропусков. Латро, кажется, не прикасался к нему целую неделю с тех пор, как его отряд покинул Пактию. Причиной тому вполне могла служить суровая фракийская зима; хотя папирус может порой сохраняться тысячи лет, он буквально рассыпается в прах, если намокнет. Подобную уязвимость это-

го материала подтверждает и свиток, принадлежавший Латро. Средняя часть свитка серьезно повреждена, и невозможно прочитать значительную часть текста, по всей видимости имевшего отношение к прибытию «Европы» в Пирей. И еще один пробел в тексте (сразу после описания освобождения Латро в Спарте) появился, видимо, вследствие того, что свиток комкали.

Искусство верховой езды, каким владели древние, во многом недооценивается нынешними исследователями, просто неспособными представить себе, как всадник может держаться в седле без стремян. Им бы неплохо было ознакомиться с историей американских индейцев, обитателей Великих равнин, которые совсем еще недавно прекрасно ездили верхом без стремян, подобно древним конникам, и, как и те, пользовались копьем, луком со стрелами и дротиками. (Кстати, легкие боевые топоры на длинных рукоятках, широко распространенные в персидской коннице, пришлось бы весьма по вкусу Джеронимо или Кочису, знаменитым вождям апачей.) По моему убеждению, стрелять из винтовки "спрингфилд" 45-го калибра на полном скаку и обернувшись назад (а индейцы проделывали такое достаточно часто) гораздо труднее, чем такое ведение боя, которое требовалось от древних конников.

Читатель должен помнить, что кони древних греков не имели подков и редко кастрировались (а боевых жеребцов вообще не кастрировали). Хотя тогдашние лошади и были

некрупными по современным меркам, отсутствие стремян все же затрудняло посадку в седло. (По сути дела, стремена, видимо, изначально были предназначены именно для того, чтобы садиться в седло; их начали использовать тогда, когда селекция привела к появлению более крупных лошадей.) Для того чтобы сесть в седло, конник опирался на копьё или на пару дротиков. Некоторые лошади были приучены подгибать передние ноги, чтобы облегчить задачу всаднику.

Текст данного папируса совершенно ясно доказывает, что современные историки заблуждаются, считая амазонок вымыслом, легендой. Древние авторы писали об их вторжении в центральные области Греции в эпоху афинского царя Тесея, приводя различные подробности; погребальные холмы павших в бою предводительниц отрядов амазонок помогают проследить путь этих воительниц от Аттики до Фракии. В любом случае, по-моему, очевидно, что у кочевников решительная женщина весом всего в 120 фунтов вполне могла считаться более ценной "единицей" в войске, чем мужчина, вдвое превышающий ее весом, ибо не менее умело владела луком, но значительно меньше утомляла своего коня.

Мне кажется, нет необходимости напоминать, что женщины-воительницы действовали на всем протяжении истории человечества, включая и наше время.

Панкратион можно определить как древний синоним наших нынешних боевых искусств. Его правилами было запрещено только кусаться и надавливать на глаза, а бой продол-

жался до тех пор, пока один из участников не признавал своего поражения. Следует также отметить, что изображение атлета, наносящего противнику удар кулаком, отнюдь не всегда – изображение кулачного бойца. Те обычно бинтовали кисти рук кожаными ремнями.

Данный свиток также весьма интересен еще и потому, что содержит единственный известный отрывок из прозы Пиндара, величайшего греческого поэта после Гомера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 Я НАЧИНАЮ СНАЧАЛА

Я снова начинаю вести свой дневник вот на этом чистом свитке, который чернокожий нашел в городе. Сегодня утром Ио показала мне исписанный мною старый свиток и объяснила, какую ценность он для меня представлял. Я пока прочитал только первую и последнюю страницы, но рассчитываю прочитать значительно больше еще до захода солнца. Сейчас, правда, я намерен сперва записать то, что мне необходимо запомнить на будущее.

Люди вокруг называют меня Латро, но я сомневаюсь, что это мое настоящее имя. Человек в львиной шкуре назвал меня Люцием, во всяком случае, именно так записано в первом свитке. Оттуда же я узнал, что очень быстро все забываю. Думаю, так оно и есть. Когда я пытаюсь понять, что же все-таки произошло вчера, на ум приходят лишь беспорядочные обрывки воспоминаний о том, как я куда-то шел, что-то непонятное делал, с кем-то разговаривал; так что я, наверное, похож на корабль, заблудившийся в тумане, когда вперёдсмотрящий видит только нависающие над судном тени, которые

вполне могут оказаться береговыми утесами, или другими кораблями, или вообще ничем; он слышит голоса, но это могут быть как голоса людей на берегу, так и голоса сирен, а может, и призраков.

По-моему, Ио и чернокожий, в отличие от меня, помнят все. Именно от Ио я узнал, что мы теперь находимся на Херсонесе Фракийском³, а захваченный город называется Сест. Здесь произошла битва между афинянами и подданными Персии. Командующий персов надеялся таким образом отбиться от преследователей. Так говорит Ио, а когда я возрадил ей, сказав, что город выглядит вполне способным выдержать длительную осаду, она объяснила, что в городе не хватало продовольствия, и персидские воины, а также эллины (город, оказывается, исходно принадлежит эллинам) начали голодать. Ио – еще ребенок, но уже превращается в красивую девушку с длинными черными волосами.

Оказывается, правитель этого города собрал все свои войска перед главными воротами, посадив всех своих жен и рабынь (коих у него великое множество) в крытые повозки. Он обратился к воинам с речью, заявив, что поведет их в бой против афинян; но когда на воротах подняли засовы, правитель со своими приближенными быстро и втайне от остальных переместился в другое место, где они перелезли через стену с помощью ремней, рассчитывая скрыться, пока у во-

³ Херсонес Фракийский – полуостров во Фракии, ныне полуостров Галлиполи на берегу пролива Дарданеллы, в Европейской Турции.

рот идет бой. Но их попытка окончилась неудачей, и некоторые из пленников сейчас находятся здесь.

Я, видимо, тоже пленник, поскольку один из них – человек по имени Гиперид – называет меня своим рабом, как и чернокожего. (Гиперид невысок и едва достает своей круглой и совершенно лысой головой мне до кончика носа; впрочем, держится он прямо и говорит быстро.) Но это еще не все. Ио, которая называет себя моей рабыней, хотя нынче утром я предлагал освободить ее, говорит, что царь Спарты Павсаний тоже предъявляет на нас свои права. Это он послал нас сюда вместе с сотней молодых спартанцев, которые оставались здесь до начала боя, когда их предводитель был ранен, после чего они тут же (не испытывая особой любви к ведению осад и предвидя, что эта будет особенно длинной) уплыли домой.

Сейчас зима. Дуют сильные холодные ветры, часто идет дождь; но мы живем в хорошем доме, одном из тех, где раньше жили персы. Под моей кроватью стоят сандалии, но мы ходим в сапогах – Ио говорит, что это Гиперид купил сапоги для всех" нас, когда город сдался, да еще две пары для себя самого.

Здесь, в Херсонесе, земля очень плодородная и, подобно всем плодородным землям, под дождем раскисает и превращается в грязь.

Сегодня утром я ходил на рынок. Граждане города Сест,

как я уже говорил, эллины, из племени эолийцев⁴, детей ветра. Они все время озабоченно спрашивают, намерены ли мы оставаться здесь на зиму, и рассказывают мне, как опасно плыть в это время года через Геллеспонт; я думаю, они просто боятся, что персы постараются вскоре снова захватить столь плодородную область. Вернувшись, я спросил Ио, что она думает по этому поводу. Она сказала, что мы, несомненно, уйдем отсюда, и весьма скоро; но можем и вернуться, если персы попытаются опять взять город.

* * *

Нынче вечером случилось нечто совершенно необъяснимое. И хотя уже давно стемнело, я все же хочу это записать, прежде чем мне снова придется уйти.

Гиперид обычно пишет по вечерам свои приказы и счета, так что на столе стоит отличная лампа с четырьмя фитилями.

Он вошел, когда я чистил его ножные латы, и велел мне пристегнуть саблю и надеть плащ. Вместе мы поспешили затем к цитадели, где находились пленники. Взобравшись по множеству лестниц, мы очутились в верхнем помещении башни, где было двое пленных – мужчина и мальчик; были там и стражники, но Гиперид отослал их. А потом сел и ска-

⁴ Эолийцы (греч. «пестрые») – одно из четырех главных греческих племен (вместе с ионийцами, дорийцами и ахейцами). В Эолиде, на эгейском побережье Малой Азии, ими был создан Союз двенадцати городов.

зал:

– Артаикт, друг мой несчастный, в незавидном положении ты оказался!

Пленный перс кивнул. Это был крупный мужчина с холодными глазами.

Борода у него почти седая, но выглядел он очень сильным; только теперь я, похоже, догадался, зачем Гиперид взял меня с собой.

– Ты ведь знаешь, я для тебя сделал все что мог, – продолжал Гиперид. – А теперь мне нужно, чтобы и ты кое-что для меня сделал. Дело у меня небольшое.

– Сделаю, не сомневайся, – отвечал Артаикт. – В чем заключается твое "небольшое дело"? – На языке эллинов он говорил, по-моему, значительно хуже меня.

– Когда твой господин ступил на нашу землю, он ведь перешел море по мосту из лодок, не так ли?

Артаикт кивнул, мальчик тоже.

– И, как я слышал, этот мост по всей длине был покрыт слоем земли? – продолжал Гиперид с некоторым недоверием. – Некоторые даже утверждают, что в землю были посажены деревья!

– Так оно и было, я сам видел, – сказал мальчик. – Там были и деревца, и разные кусты – их специально посадили по обе стороны моста, чтобы кони не пугались воды.

Гиперид присвистнул.

– Удивительно! Нет, это просто удивительно! Завидую

вам – должно быть, замечательное было зрелище! – И он снова повернулся к отцу мальчика:

– Очень способный мальчик этот юный царевич! Как его имя?

– Артембар, – сказал Артаикт. – Его называли в честь моего деда, который был другом самого Кира⁵.

При упоминании этого имени Гиперид хитро улыбнулся: – Теперь очень многие называют себя друзьями Кира. У великих завоевателей всегда оказывается очень много друзей.

Но Артаикта это не смутило.

– Верно, – произнес он. – И все же большинство этих самозванцев никогда даже за одним столом с Киrom не сидели и вина с ним не пили.

Гиперид горестно покачал головой:

– Но как это грустно – ведь ныне потомки Артембара и вовсе не пьют вина. Не думаю, чтобы вам тут давали вино, так ведь?

– По большей части дают воду и овсяную кашу, – признался Артаикт.

– Не знаю, удастся ли мне спасти тебя и твоего сына, – сказал ему Гиперид. – Горожане хотят вас убить, а Ксантипп⁶,

⁵ Кир Великий, или Старший, царствовал с 558 по 529 г. до н.э.; основал персидскую державу, захватил Мидию, Лидию и Вавилонию; освободил иудеев из вавилонского плена, восстановил Иерусалим.

⁶ Ксантипп (V в. до н.э.) – греческий полководец, отец афинского государственного деятеля Перикла.

как обычно, поддерживает ту сторону, за которую нынче выступает. Но пока вы живы, я, по крайней мере, могу обещать вам вино, причем хорошее, поскольку сам его достаю, и более пристойную пищу, если вы ответите на один мой вопрос.

Артаикт поглядел на меня, потом спросил:

– А может, тебе лучше просто избить меня, Гиперид? Чтобы я заговорил, а? Вы вдвоем вполне справитесь.

– Избить? Да ни за что на свете! Разве я могу так поступить по отношению к старому другу? Никогда! Впрочем, есть и другие...

– Несомненно. Однако и мне не следует забывать о чести. Правда, я готов прислушаться к разумным доводам. Я не настолько глуп и отлично понимаю: тебя прислал Ксантипп. Что именно тебя интересует?

Гиперид улыбнулся, снова посерьезнел и потер руки, словно предвкушая удачную сделку.

– Я... Видишь ли, Артаикт, мне надобно знать, был ли благородный Эобаз среди тех, кто вместе с тобой пытался бежать через городскую стену?

Артаикт быстро глянул на сына. Так быстро, что я едва успел это заметить.

– Не вижу никакой беды, если отвечу тебе честно. Да, был. Но теперь он уже в безопасности.

Гиперид, улыбаясь, поднялся.

– Благодарю тебя, мой друг! Можешь быть уверен, я сделаю все, что обещал. Даже больше: я постараюсь сделать так,

чтобы вам сохранили жизнь.

Если смогу, конечно. Латро, мне тут надо поговорить еще кое с кем, а ты сходи к нам домой и принеси самого лучшего вина для Артаикта и его сына.

Полный меххвати. Я скажу страже, чтобы тебя пропустили. Да факел не забудь – к тому времени, как ты вернешься, уже стемнеет.

Я кивнул и распахнул перед Гиперидом дверь, но он, прежде чем переступить порог, обернулся и задал Артаикту еще один вопрос:

– Интересно, где вы собирались переправляться? В Эгоспотаммах?⁷.

Артаикт покачал головой:

– Геллеспонт черен от ваших кораблей. Может быть, в Пактии или еще дальше на север... Могу я узнать, почему вас всех так интересует мой друг Эобаз?

Но вопрос прозвучал слишком поздно: Гиперид был уже за дверью. Я последовал за ним, и солдаты, что охраняли Артаикта (они ждали по ту сторону стены, пока мы не ушли), вернулись на свои посты.

Стены Сеста в разных местах имели разную высоту; здесь, как мне показалось, они были наиболее высокими, по меньшей мере в сотню локтей. Со стены открывался великолеп-

⁷ Эгоспотамы (греч. «козья река») – поселение и река на побережье Херсонеса Фракийского у Геллеспонта (Дарданеллы). Здесь в 405г. до н.э. спартанцы одержали победу над афинянами в морском сражении, которым закончилась Пелопоннесская война.

ный вид на окрестности города, освещенные закатными лучами солнца, и я задержался на минутку, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Те, кто долго смотрит на солнце, рискуют ослепнуть, это я знал хорошо, а потому смотрел только на землю и яркие облака, но время от времени все же искоса поглядывал и на солнце – там вместо привычной глазу огненной сферы я видел золотую колесницу, влекомую четырьмя могучими конями. Я уверен, что видел бога; ведь точно так же раньше – об этом записано в моем свитке – я видел и прекрасную богиню. Это случилось как раз перед тем, как умер человек, назвавший меня Люцием. Видение божества на колеснице испугало меня, как, видимо, и тогда испугала встреча с богиней, и я поспешил по лестнице вниз и устремился к нашему дому по улицам Сеста (которые показались мне очень темными и чересчур людными, что, несомненно, вообще свойственно подобным городам-крепостям). Лишь отыскав мех с отличным вином и связав вместе несколько лучин, чтоб сделать факел, начал я полностью понимать значение увиденного со стены.

А увидел я вот что: хотя солнце уже почти коснулось горизонта, кони влекли колесницу стремительным галопом. Это выглядело столь естественно, что у меня в тот момент даже и сомнений никаких не возникло, но потом, поразмыслив, я понял: ни один возничий не станет так гнать коней, когда приближается к месту, где намерен остановиться, – как ему потом замедлить их бег без риска повредить колесницу?

Хотя в боевые колесницы обычно запрягают всего двух коней, всякий воин знает, что главное преимущество конницы в том, что всадник может остановить и повернуть своего коня гораздо быстрее, чем возничий колесницу.

Стало быть, солнце вовсе не останавливается у западного предела мира, как я всегда полагал, чтобы на следующий день появиться у его восточных границ точно так же, как и все прочие известные звезды исчезают на западе и появляются вновь на востоке? Нет! Солнце, видимо, продолжает мчаться вперед, проходит под нашим миром и вновь появляется на востоке – точно так же, как бегун, который, исчезнув за каким-либо строением, вновь появляется с противоположной его стороны. Я не мог не задуматься над этим. Неужели на обратной стороне нашего мира тоже живут люди, которым солнце необходимо так же, как и нам? Это надо будет хорошенько обдумать, когда выдастся свободная минутка.

Сейчас трудно было бы пытаться привести в порядок свои мысли – некоторые еще не вполне сформировались, а иные были просто глупы. Я снова прошел через весь город и поднялся на башню. Стражники, охранявшие Артаикта, пропустили меня без звука, а один даже принес кратер, чтобы разбавлять водой принесенное мною вино. Пока они занимались этим, Артаикт отвел меня в сторонку и тихо сказал:

– Тебе нет нужды плохо спать, Латро. Помогите нам, и эти болваны никогда не узнают, что ты выступал против них с

оружием в руках.

Его слова подтвердили то, что я уже и сам выяснил, прочитав первый свиток: некогда я состоял на службе у царя Персии. Я кивнул и шепотом ответил, что, конечно же, освободил бы их, если б мог.

И тут вернулся Гиперид, весь сияя и неся на веревочке шесть соленых сардин. В помещении для стражи имелась жаровня, чтоб воины могли греться, и он разложил рыбу на углях, следя, чтоб не подгорела.

– По одной на каждого, – сказал он. – Это подкрепит ваши силы. Фруктов в это время года почти нет, да и вообще в Сесте после осады есть почти нечего. Впрочем, если хотите, Латро может сходить в город и попытаться добыть яблок, чтобы было чем закусить, когда покончите с рыбой. И свежего хлеба неплохо было бы прихватить, Латро. Не ты ли говорил мне, что утром видел уже открытую хлебную лавку?

Я кивнул и напомнил ему, что купил хлеба, когда ходил на рынок.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Гиперид. – Теперь, правда, боюсь, лавка уже закрыта, но ведь можно и разбудить хозяина, особенно если ты пару раз ногой в дверь пнешь. – Он подмигнул Артаикту. – Латро отлично умеет драться ногами, а голос у него прямо как у быка, когда разойдется. Ну а теперь...

И тут произошло нечто столь необыкновенное, что я затрудняюсь даже описать это. Боюсь, я и сам себе не поверю,

когда стану читать написанное мною впоследствии. Одна из соленых ставрид, принесенных Гиперидом, вдруг шевельнулась!

У Гиперида зрение было, видимо, лучше моего, потому что он вдруг резко замолчал и уставился на жаровню; я же решил, что рыба просто съехала с угольев, на которых лежала. Но секунду спустя заметил, что ставрида бьет хвостом в точности, как только что попавшаяся на крючок; вскоре уже все шесть рыбок бились так, словно их бросили на угли живыми.

Надо отдать должное стражникам: они и не подумали бежать; если бы это произошло, я, наверное, последовал бы их примеру. Что же до Гиперида, то он сильно побледнел и отпрянул от жаровни, как от бешеной собаки. Юный сын Артаикта тоже, видно, испугался, как и все остальные. Спокоен был только Артаикт. Он подошел к Гипериду и, положив ему руку на плечо, сказал:

– Это чудо не имеет к вам никакого отношения. Оно предназначено для меня: Протесилай из Элая⁸ сообщает мне, что, хотя он мертв и высох, как вяленая рыба, боги разрешили ему наказать человека, причинившего ему зло.

Гиперид сглотнул и забормотал:

– Да... это... Именно поэтому они считают, что ты... и

⁸ Протесилай – один из героев троянского цикла, который первым ступил на землю Трои и, соответственно предсказанию оракула, погиб первым (от руки Гектора). Элай – город на юге Херсонеса Фракийского, где находилась гробница Протесилая.

твой сын...

Говорят, ты похитил приношения из его гробницы и... вспахал священную землю?...

Артаикт кивнул и поглядел в сторону жаровни; рыбы уже перестали биться, однако при виде их его передернуло, словно от холода.

– Выслушай меня, Гиперид, и обещай: ты передашь Ксантиппу все, что я скажу. Я готов уплатить сто талантов за восстановление священной гробницы Протесилая. – Он помолчал, словно ожидая еще какого-нибудь знамения, но больше ничего не случилось. – И к тому же дам вам, воинам Афин, две сотни талантов, если вы пощадите меня и моего сына. Деньги мои находятся в Сузах, но я оставлю вам в залог своего сына, пока названная сумма не будет выплачена. А она будет выплачена, клянусь Ахура-Маздой, могущественнейшим из богов, полностью выплачена, и золотом.

У Гиперида просто глаза на лоб полезли. Сумма была обещана неслыханная!

Все, разумеется, прекрасно знают, что персы страшно богаты, однако вряд ли кому-то могло прийти в голову, что кто-либо, помимо Великого Царя, владеет таким немислимым богатством.

– Я передам... Я... Завтра... Нет, нынче же вечером... Если...

– Вот и хорошо. Вот и передай. – Артаикт сжал ему плечо и отступил назад.

Гиперид посмотрел на стражников.

– Но мне придется рассказать ему о том, что тут произошло! Латро, я думаю, ты тоже не притронешься теперь к этой рыбе. Меня так от нее просто в дрожь бросает... Наверное, нам пора домой...

И вот теперь мы снова отправляемся в цитадель. Может быть, нам удастся хоть как-то помочь Артаикту и Артембару.

Глава 2

СМЕРТЬ АРТАЙКТА

Сегодня утром меня поднял с постели громкий голос глашатая. Я натягивал сапоги, когда в дверь комнаты, где спим мы с Ио, постучал Гиперид.

– Латро! – позвал он. – Ты не спишь?

Ио села на постели и спросила, в чем дело.

– Артайкта должны казнить нынче утром, – сказал я ей.

– Ты помнишь, кто это?

– Да, – отвечал я, – помню. Я говорил с ним вчера вечером перед тем, как мы с Гиперидом вернулись домой.

Тут на пороге появился сам Гиперид.

– А, так ты уже встал! Хочешь пойти посмотреть на их казнь?

Я спросил, кого еще должны казнить кроме Артайкта.

– Боюсь, что его сына. – Гиперид грустно покачал головой. – Ты ведь помнишь этого мальчика?

Я напряг память.

– Кажется, я видел вчера какого-то ребенка... Мальчика, чуть старше Ио...

– А ты, – Гиперид ткнул пальцем в Ио, – останешься дома, понятно? У тебя есть, чем заняться. И вообще, это зрелище не для юной девицы.

Я последовал за Гиперидом; на улице нас уже ждал чер-

нокожий. Втроем мы отправились на берег, где начинался мост, построенный Великим Царем через Геллеспонт. Именно здесь – об этом все еще продолжали кричать глашатаи и шушукаться жители Сеста – и должен был умереть Артаикт. День был пасмурный и ветренный, с севера, со стороны Первого моря через Геллеспонт все время наплывали серые тучи.

– Этот ветер, – пробормотал Гиперид, – лишнее напоминание, что нам до отъезда отсюда нужно купить новые плащи. А тебе, Латро, плащ просто необходим. Твои лохмотья даже нищему не годятся.

Чернокожий тронул Гиперида за плечо, заглядывая ему в лицо вытаращенными глазами.

– Что? И тебе тоже? Ну конечно куплю! Я же сказал – всем. Плащ нужен даже маленькой Ио.

Чернокожий помотал головой и снова заглянул Гипериду в лицо.

– А, понял! Ты хочешь спросить, куда мы отправимся дальше? Я как раз собирался рассказать вам об этом. Но сперва давайте найдем местечко, откуда будет все видно, а потом поговорим.

К этому времени жители Сеста сгрудились в центре открытой площадки, и воинам Ксантиппа приходилось отгонять их тупыми концами копий. К счастью, кое-кто из воинов узнал Гиперида, и нам без особых хлопот удалось занять места впереди. Смотреть пока было не на что – в центре пло-

щадки двое рабов копали яму, по всей видимости, для столба, который принесли с собой.

– Самого Ксантиппа еще нет, – сказал Гиперид. – Значит, начнут нескоро.

Я спросил у него, кто такой Ксантипп.

– Наш стратег, – отвечал он. – Все эти воины подчиняются ему. Разве ты не помнишь? Артаикт ведь упоминал его имя вчера.

Я признался, что не помню. Имя "Артаикт" тоже казалось мне весьма смутно знакомым, хотя глашатаи все время упоминали его; потом я припомнил, что сам недавно сказал Ио о вчерашнем разговоре с человеком по имени Артаикт.

Гиперид задумчиво посмотрел на меня:

– Неужели и про рыбу не помнишь?

Я помотал головой.

– Соленые сардины! Ты знаешь, что такое сардины, Латро?

Я кивнул. Чернокожий тоже.

– Это такие небольшие серебристые рыбки, – сказал я. – Толстенькие такие. Говорят, они очень вкусны.

– Верно.

Между тем из толпы уже послышались выкрики: "Таштите его сюда!", "Где вы его прячете?". Гипериду пришлось повысить голос, чтобы его было слышно.

– Сардины очень жирные, – продолжал он. – Даже если они соленые, жиру в них все равно полно. Вот вы, люди впол-

не разумные, ответьте мне на один вопрос. Это для меня очень важно, так что сперва подумайте хорошенько.

Мы дружно кивнули в знак согласия.

Гиперид глубоко вздохнул и сказал:

– Если бросить на уголья жаровни соленую сардину – на раскаленные уголья, заметьте! – не может ли получиться так, что когда ее жир растопится и потечет, она как бы вдруг шевельнется? Не может ли растопленный жир брызнуть с такой силой, что перевернет рыбку?

Я уверенно кивнул. Чернокожий только пожал плечами.

– Ага, – сказал Гиперид. – Я присоединяюсь к мнению Латро, а Латро сам вчера видел это, хотя ничего и не помнит. Тут над толпой поднялся рев.

Чернокожий мотнул головой в сторону толпы, а Гиперид воскликнул:

– Смотрите! Вон они идут – и, хотя каждый из них стоит целую сотню талантов, обоих сейчас зарежут, как баранов! – Он горестно покачал головой.

Мужчине было, по-моему, лет пятьдесят; он был коренастый, крепкий, среднего роста, с бородой стального цвета. Сыну Артаикта на вид было лет четырнадцать; черты его лица еще не сформировались окончательно, как это обычно бывает у подростков; темные глаза казались бездонными. У мужчины руки были связаны впереди.

Их вел высокий, худой человек в доспехах, но без щита и копья. Я не заметил, чтобы он подал какой-нибудь сигнал,

но глашатаи вдруг разом завопили: "Молчите! Все молчите! Будет говорить Ксантипп, благородный стратег из Афин!" И когда разговоры в толпе немного стихли, Ксантипп выступил вперед.

– Граждане Сеста! – воззвал он. – Эолийцы, дети ветра! Эллины! – Он говорил громко и четко, видно, что привык командовать войском. – Слушайте меня! Хотя я выступаю перед вами, увы, не от имени всех эллинов.

Это заявление настолько поразило собравшихся, что все тут же умолкли и стали слышны крики птиц над Геллеспонтом.

– Мне жаль, что я вынужден говорить так, – продолжал Ксантипп. – Но не настали еще такие времена, когда брат перестанет наконец поднимать руку на брата.

По толпе пролетел гул одобрения. Когда все снова стихло, Гиперид улыбнулся мне:

– Они, кажется, решили, что мы забудем, как они совсем недавно выступали против нас.

– И все же я обращаюсь к вам, – продолжал Ксантипп, – и горжусь этим! Я представитель афинского собрания, и это мой город вернул вам величайшее сокровище, которым только может обладать человек, – свободу! – Снова последовал взрыв одобрительных выкриков. – Но мы не требуем за это ничего, кроме благодарности. – Громко выраженная благодарность тут же последовала, и Ксантипп заговорил снова:

– Как я уже сказал, я не могу сейчас выступать от имени

всех эллинов. Кто знает, каковы планы Коринфа? Мне это неизвестно. Кто знает, на что способен дикий народ Аркадии? Только не я.

О, граждане Сеста! Те спартанцы, что появились здесь, уплыли на своем корабле еще до того, как город был освобожден, вы сами это знаете. Что же касается Фив, то всем ли известно, что его воины, славящиеся своей жестокостью, выступали заодно с варварами? – Эти слова вызвали в толпе ропот возмущения, а Гиперид прошептал: "Бей сильнее, Ксантипп, они еще дышат!" – Многие из моих друзей-храбрецов – а они были и ваши друзья, не забывайте об этом! – пали в великой битве при Платеях. И пали они вовсе не под стрелами варваров, но от копий конников Асоподора из Фив.

Толпа испустила такой стон, будто тысяча женщин одновременно начали рожать. Я еще подумал, что в какой-то степени это так и есть – возможно, в грядущие столетия люди будут считать, что сегодня на свет родилось нечто совершенно новое и произошло это здесь, на узкой полоске земли, далеко врезавшейся в воды Геллеспонта.

– Но у моего родного города есть и другие храбрые сыновья, их много, и если у вас возникнет в них нужда – только позовите, и они явятся немедленно! – Восторженные вопли были Ксантиппу ответом. – А теперь к делу! Все мы здесь – и вы, и я – слуги богов. Мне нет нужды перечислять все прегрешения и преступления Артаикта. Вам они известны лучше, чем мне.

Многие говорили мне, что его выгоднее было бы отправить в Персию, раз он готов заплатить богатый выкуп.

Тут мне показалось, что Ксантипп метнул быстрый взгляд в сторону Гиперида, хотя сам Гиперид этого не заметил.

– Но я отверг все подобные предложения! – Толпа ревом выразила свое одобрение. – И все же, прежде чем свершится правосудие, мы поступим так, как всегда поступают свободные люди, – мы проголосуем! В моем родном городе, где изготавливают немыслимое количество всяких ваз, урн, тарелок и прочей глиняной посуды, мы обычно голосуем с помощью черепков. Каждый гражданин может нацарапать на черепке инициалы того кандидата, за которого он отдает свой голос. В Сесте, как мне говорили, есть традиция голосовать с помощью камней – белый камень означает "да", черный – "нет". Так что сегодня вы снова будете голосовать с помощью камней. Мальчик, что стоит рядом со святотатцем Артаиктом, – его сын! – Ксантипп указал на Артембара.

Толпа негодующе загудела, а какой-то мужчина слева от меня даже погрозил кулаком. – Граждане Сеста, вы сами определите, жить ему или умереть. Если вы пожелаете, чтобы он жил, отойдите в сторону и дайте ему бежать. Но если хотите, чтоб он умер, преградите ему путь и бросьте в него камень. Выбор за вами!

Ксантипп махнул рукой воинам, стоявшим возле Артаикта и его сына, один из них сказал что-то на ухо мальчику и шлепнул его по спине. Ксантипп, видимо, полагал, что маль-

чик бросится сквозь толпу, но он бросился прочь от толпы по сужающейся полоске земли – прямо к морю. Наверное, надеялся спастись вплавь, если успеет достигнуть воды.

Но воды он не достиг. Вслед ему тотчас полетели камни, несколько мужчин бросились вдогонку. Я видел, как мальчик упал, когда ему в голову попал камень величиной с мой кулак. Он сумел подняться, шатаясь, сделал еще несколько шагов и снова упал – в него попало не менее полусотни камней.

Надеюсь, он умер быстро, хотя и не могу судить, когда именно он испустил дух; несомненно одно: многие продолжали кидать в него камни и после того, как он уже был мертв.

Что же касается его отца, то после того, как он стал свидетелем гибели собственного сына, его опрокинули спиной на столб и прибили к этому столбу – вбив гвозди в обе щиколотки и в оба запястья; затем столб подняли вертикально и нижний его конец опустили в вырытую яму, засыпали песком и камнями и укрепили. Некоторые женщины начали было швырять камни и в него, но воины заставили их прекратить это, опасаясь, что камни попадут в стражников, выставленных Ксантиппом для охраны казненного.

– Пошли, – сказал Гиперид. – Представление окончено, а мне еще надо много чего успеть. Ты, Латро, ступай на рынок и купи плащи, о которых я тебе говорил. Сумеешь? Я дам тебе денег.

Я сказал, что сумею, если такие плащи есть на рынке.

– Наверняка, – успокоил меня Гиперид. – Возьми с собой чернокожего и Ио, пусть сами себе выберут. Слишком большие не бери, с длинным плащом и в беду недолго попасть. Да, вот еще что: мне купи что-нибудь поярче. Только не красный – пусть уж спартанцы носят красные плащи! – хотя вряд ли кто-нибудь примет меня за спартанца, как мне кажется. И не желтый – желтые слишком быстро выцветают. Пусть будет синий или зеленый, побогаче на вид, если у них подходящий найдется. И смотри, чтоб по длине мне подходил. – Он был на полголовы ниже и меня, и чернокожего. – И потолще выбирай, потеплее!

Я кивнул, и он выдал мне четыре серебряные драхмы. Чернокожий тронул его за плечо и показал, будто тянет за веревку.

– А, ты насчет отъезда! Ты прав. Я же обещал рассказать вам. Ну, это очень просто. Вы ведь оба знаете про мост, построенный Великим Царем?

– Да, я помню, глашатаи кричали, что казнь состоится как раз возле начала этого моста, – сказал я. – Наверное, армия Великого Царя шла по той самой дороге, по которой сейчас идем мы?

– Совершенно верно. Этот мост был построен из лодок, из сотен лодок, и все они были связаны длинными канатами, а сверху накрыты настилом из досок. Этот мост продержался почти год, насколько мне известно, пока штормом не разорвало канаты. Персы так и не стали его чинить, но канаты

собрали и сложили здесь, в Сесте. Они, должно быть, стоят очень дорого.

Конечно, их можно было бы распустить, если бы Великий Царь вновь приказал построить мост... Ксантипп даже хочет увезти эти канаты с собой в Афины, чтобы похвастаться. Вот уж там удивятся! Ведь у нас никто никогда не видывал канатов такой толщины. – И Гиперид показал, каковы были эти канаты; даже если он вдвое преувеличивал их толщину, все равно это было что-то невероятное. – Ну так вот, – продолжал он. – Первый вопрос, который здесь заинтересовал буквально всех: кто сделал эти канаты и что с ним стало потом. Ксантипп поручил мне выяснить это, и я узнал, что отвечал за подготовку моста человек по имени Эобаз, один из тех варваров, что сумели перелезть через стену и бежать из города, – это пытался сделать и Артаикт.

И вот вчера ночью, Латро, Артаикт сообщил мне, что беглецы собирались отправиться на север и добраться, вероятно, до самой стены Мильтиада⁹.

Ксантиппу очень хотелось бы выставить этого Эобазу вместе с его канатами всем афинянам на обозрение. Так что мы отправляемся в погоню, как только "Европа" будет готова к отплытию.

Я спросил, когда это произойдет.

⁹ Мильтиад – командующий греческими силами в битве при Марафоне; построил стену поперек Херсонеса Фракийского для охраны своих тамошних владений.

– Завтра после полудня, надеюсь. – Гиперид вздохнул. – Что, по всей вероятности, означает, что отплываем мы послезавтра. "Европу" уже почти закончили конопатить. Потом надо погрузить припасы. Но я еще не все получил, да так и не получу, если буду продолжать болтать здесь с вами.

Так что отправляйтесь-ка за плащами, а когда вернетесь, начинайте складывать вещи. Скорее всего, мы сюда уже не вернемся.

И он поспешно направился в доки, а мы с чернокожим вернулись в Сест и пошли к дому, где провели нынешнюю ночь, чтобы забрать с собой Ио.

Однако в доме никого не оказалось.

Глава 3

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Эгесистрат прервал было меня, но теперь я снова вернулся к своим записям. Сейчас уже поздно, и все остальные уже спят, но Ио сказала, что, когда взойдет солнце, я забуду все, что видел и слышал сегодня, поэтому мне хочется непременно успеть все записать.

Когда мы с чернокожим вернулись в наш дом и обнаружили, что Ио нет, я очень встревожился. Хоть я и не могу вспомнить, как ко мне попала эта рабыня, но знаю, что люблю ее. Чернокожий засмеялся, глядя на мою мрачную физиономию, и знаками объяснил, что Ио, видимо, все-таки решила пойти следом за нами, чтобы увидеть казнь Артаикта. Я был вынужден признать, что он, скорее всего, прав.

Мы опять вышли из дома и отправились на рынок. Сразу в нескольких лавках в переднем ряду мы нашли множество подходящих плащей. Я выбрал грубые, некрашенные плащи для чернокожего, для Ио и для себя. Они были совершенно новые, сделанные из немытой шерсти и настолько плотные, что не промокли бы в любой дождь. Я понимал, что хороший крашенный плащ, какой хотел для себя Гиперид, будет стоить дорого, поэтому долго торговался, покупая нам простые плащи, а чернокожий при этом (а он, как мне кажется, умеет торговаться куда лучше, чем я) все время что-то говорил

лавочнику на неведомом мне языке. Вскоре я понял, что лавочник-то как раз этот язык понимает, хоть и притворяется, что не знает на нем ни слова. В конечном счете даже я начал понимать некоторые слова – "зилх", например, означало "дешево", а "сель" – "шакал", и это последнее слово особенно лавочнику не понравилось.

Пока мы с ним препирались, я высматривал плащ для Гиперида. Яркие плащи казались мне слишком тонкими. Но наконец я обнаружил теплый плащ ярко-синего цвета и подходящего размера, сделанный из тонкой мягкой шерсти. Я указал на него лавочнику, который к этому времени, должно быть, весьма утомился от споров с чернокожим. Так вот, я вытащил четыре серебряные драхмы и объяснил, что это все деньги, какие у нас имеются, и я хотел бы купить на них эти четыре плаща.

(Это было не совсем правдой: я ведь знал, что у чернокожего тоже есть какие-то деньги, однако он вовсе не собирался тратить их на плащи. Да и с собой он их наверняка не прихватил.) Пусть отдает нам выбранные плащи за четыре драхмы, сказал я торговцу, и мы отлично договоримся. Если же он не согласен, тогда нам придется поискать товар в ином месте. Он долго рассматривал монеты, потом взвесил их, а мы с чернокожим внимательно следили, чтоб он не подменил их. В конце концов он заявил, что не может отдать целых четыре плаща за такую цену и что синий плащ стоит по меньшей мере две драхмы, но, если мы хотим, отдаст нам

серые плащи, по драхме за каждый.

Я отвечал, что мы не можем отказаться даже от самого маленького плаща, который нам нужен для ребенка, после чего мы отправились в другую лавку и начали всю процедуру сначала. И только тут я понял – из намеков, которые делал хозяин лавки, – насколько нервничают эти торговцы, не зная, уйдут афинские воины из Сеста или останутся. Если останутся, лавочники могут рассчитывать на хорошую торговлю, ведь у большинства воинов есть деньги, а также немало награбленного добра. У некоторых денег даже очень много. Но если афиняне уйдут, а персы снова вернутся и начнут осаду города, всякой торговле конец, потому что все станут экономить деньги на еду, зная, что осада может затянуться. Догадавшись об этом, я умышленно упомянул вслух, что завтра мы отплываем, и цена на зеленый плащ, который я торговал, тут же значительно упала.

В этот момент в лавку вошел первый торговец, с которым мы торговались раньше (владелец второй лавки, судя по его виду, готов был просто убить его), и сказал, что передумал: мы можем забрать все четыре плаща за четыре драхмы. Мы вернулись в его лавку, и он уже протянул было руку за деньгами, но тут я решил немного наказать за то, что он заставил нас так долго торговаться. Я начал снова рассматривать плащи и как бы ненароком спросил у чернокожего, как, по его мнению, подойдет ли синий плащ Гипериду, ведь плавание нам предстоит долгое.

Торговец прокашлялся.

– Так вы отплываете? – спросил он. – И ваш капитан – Гиперид?

– Совершенно верно, – отвечал я. – Но другие корабли пока что с якоря не снимаются. Они останутся здесь еще по крайней мере на несколько дней.

Тут торговец удивил меня и, надо думать, чернокожего тоже, спросив вдруг:

– Этот Гиперид... он ведь лысый, верно? И такой круглолицый? Погодите, он же говорил мне, как называется его корабль... "Европа", да?

– Да, – отвечал я. – Он наш капитан.

– Ох! Вот как. Знаете, мне, может, и не следовало бы вам это говорить, но если вы намерены купить этот плащ для него, тогда у него будет сразу два новых! Он заходил сюда следом за вами и заплатил мне целых три драхмы за роскошный красный плащ. – Торговец забрал у меня синий плащ и расправил его. – А этот вообще-то для более высокого человека.

Мы с чернокожим переглянулись, явно ничего не понимая.

Торговец достал восковую табличку и стиль:

– Я вам выпишу счет за покупку. А вы можете приложить к нему свой знак.

Скажете капитану, если он захочет вернуть синий плащ, я отдам ему деньги.

Цена будет здесь указана.

И он начал царапать на табличке; когда он закончил, я написал свое имя – "Латро" – против каждой строчки его записей, пользуясь той же системой знаков, что и здесь, в своем дневнике. Я старался писать как можно ближе к его словам, чтобы мое имя тоже наверняка стерлось, если он нагреет табличку, чтобы стереть свои записи. Потом мы с чернокожим отнесли плащи домой и принялись паковать вещи. Я все надеялся, что Ио вот-вот вернется, но она не появлялась.

Когда мы покончили со сборами, я спросил чернокожего, что он собирается теперь делать, и он показал мне знаками, что хотел бы уйти в свою комнату и немного поспать. Я сказал, что, пожалуй, поступлю так же, и мы разошлись. Через несколько минут я, стараясь не шуметь, снова отворил дверь своей комнаты, надеясь потихоньку выбраться наружу, и увидел, как чернокожий делает то же самое, стараясь "не разбудить" меня. Я улыбнулся и покачал головой, он улыбнулся в ответ, и мы вместе отправились на берег в надежде отыскать Ио.

По крайней мере, насколько я мог судить, таково было единственное намерение чернокожего. Я же, должен признаться, преследовал двойную цель: мне хотелось попытаться, если это будет возможно, еще и освободить Артаикта.

Когда мы приблизились к месту казни, то встретили нескольких припозднившихся зевак, и один из них сказал нам, что Артаикт уже мертв. С виду он казался вполне ра-

зумным, и я спросил, откуда ему это известно. Он ответил, что воины тыкали казненного остриями копий, но тот даже не вздрогнул, и тогда один из стражников воткнул ему копье в живот, чтобы увидеть, пойдет ли кровь; крови вытекло совсем немного, и стало ясно, что сердце Артаикта уже не бьется.

Чернокожий показал мне знаками, чтоб я попытался что-нибудь узнать насчет Ио. Я спросил этого прохожего насчет девочки, и он ответил, что единственным ребенком, которого он здесь видел, была молоденькая девушка, которая пришла сюда вместе с хромым мужчиной. Вряд ли Ио можно было назвать девушкой (я ее хорошо помню, я ведь говорил с ней нынче утром), и мы пошли дальше, а я спросил у чернокожего, не знает ли он, что это мог быть за хромой мужчина. Он отрицательно покачал головой.

И все же это была Ио! Я узнал ее сразу. Только она, какой-то мальчик, стражники и тот хромой мужчина все еще стояли у мертвого тела Артаикта.

Мужчина опирался на костыль, и я увидел, что у него нет правой ступни, а вместо нее к икре привязана деревяшка, крепившаяся с помощью ремней, как сандалия. Хромой плакал, а Ио старалась его утешить. Увидев нас, она заулыбалась и помахала рукой.

Я сказал, что ей не следовало нарушать приказ Гиперида, и прибавил, что, хоть я ее за это бить и не буду, Гиперид может и выпороть. (Я, впрочем, не стал ей говорить, что, если

бы Гиперид вздумал наказать ее слишком строго и жестоко, я бы мог и убить его. После чего меня, по всей вероятности, тоже убили бы афинские воины.) Ио объяснила, что вовсе не хотела проявлять непослушание и просто сидела на крыльце, когда увидела хромого человека, который показался ей таким усталым и опечаленным, что она решила немного его утешить, а он попросил ее проводить его к месту казни, поскольку его протез и костыль сильно вязли в песке. Так что, заявила Ио, она пошла вовсе не для того, чтобы смотреть, как казнят Артаикта – ведь ей запретил это Гиперид, – а просто помогла немного хромому эллину, чего Гиперид ей, конечно же, запрещать не стал бы.

Чернокожий, слушая все это, заулыбался, и мне тоже пришлось признать, что все это не лишено смысла. Хромому я сказал, что Ио пора возвращаться домой, но мы проводим и его, если ему тоже нужно назад, в Сест.

Он кивнул и поблагодарил меня, а я позволил ему опереться на мою руку.

Сознаюсь, мне было любопытно узнать, кто он такой, этот эллин, что оплакивал казненного мидийца. Отойдя немного от места казни, я спросил, что он знает об Артаикте и что это был за человек.

– Он был мне лучшим другом, – отвечал хромой. – Последним, какой у меня остался в здешних краях.

– Но разве вы, эллины, не сражались против персов? – спросил я. – Разве память изменяет мне и это было совсем

не так?

Он покачал головой и ответил, что отнюдь не все города воевали с Великим Царем, причем некоторые поступили очень неумно. Никто, добавил он, не сражался так храбро и беззаветно при Саламине, как царица Артемизия, правительница одного эллинского города – союзника Великого Царя¹⁰. А в битве при Платеях, добавил он, фиванская конница была самой храброй из храбрых, а священная дружина из Фив билась до последнего.

– Я тоже из Фив, – гордо сообщила ему Ио.

Он улыбнулся ей и вытер глаза.

– Я уже это понял, милая; тебе достаточно заговорить, чтобы это сразу стало ясно. Сам-то я с острова Закинф. Знаешь, где это?

Ио отрицательно помотала головой.

– Это маленький остров на западе. Может быть, именно потому, что он такой маленький, все у нас считают его самым красивым островом на свете.

– Надеюсь, что когда-нибудь тоже его увижу, – вежливо сказала Ио.

– Я тоже надеюсь когда-нибудь снова увидеть свой родной остров. Когда смогу без опаски туда вернуться. – И он добавил, повернувшись ко мне:

¹⁰ Артемизия – правительница города Галикарнас, которая с пятью военными кораблями участвовала в Саламинской битве (480 г. до н.э.) на стороне персов и своим мужеством заслужила похвалу Ксеркса.

– Спасибо, что помог мне, теперь я смогу идти сам, – кажется, дорога уже вполне твердая.

Я был так занят собственными мыслями, что едва расслышал его слова.

Если он действительно был другом Артаикта (а здесь ни один эллин не станет зря говорить такое), то, вполне вероятно, он знал и Эобаза, за которым мы вскоре отправимся в погоню. Более того, он мог бы помочь мне спасти его, если это будет необходимо. Он хоть и калека и в бою от него проку мало, но, подумал я, в схватке нужны не только мечи да копья; к тому же если Артаикт был ему другом, то, видимо, считал его в чем-то полезным и нужным.

С этими мыслями я и предложил ему наше гостеприимство в доме, который захватил Гиперид, упомянув, что там много всякой еды и хорошее вино, а потом предложил ему у нас и переночевать, если Гиперид позволит.

Он поблагодарил и сказал, что деньги у него есть, поскольку Артаикт не раз щедро награждал его, а остановился он в одном зажиточном доме, где ему вполне удобно.

– Меня зовут Эгесистрат, – сказал он. – Эгесистрат, сын Теллиаса, хотя известен я теперь под именем Эгесистрата из Элиды¹¹.

– А мы были в Элиде! – воскликнула Ио. – На пути к...

¹¹ Элида – местность на северо-западе Пелопоннеса. Известна своим коневодством. В Элиде преобладало крупное землевладение; до 420 г. до н.э. она была союзницей Спарты, играя второстепенную роль.

в общем, на север. Там царь Павсаний принес жертву богам. Латро об этом не помнит, но чернокожий и я помним. А почему ты говоришь, что ты из Элиды, если назвал своей родиной Закинф?

– Потому что так получилось, – отвечал ей Эгесистрат. – Я оттуда недавно. Моя семья происходит из Элиды, но это история не для молодой девушки, даже если она из Фив.

– Меня зовут Латро, – сказал я. – Ио, я полагаю, ты уже знаешь. Имени нашего чернокожего друга мы не знаем – мы не говорим на его языке, – но можем за него ручаться.

Эгесистрат несколько секунд смотрел прямо в глаза чернокожему – мне показалось, ужасно долго, – а затем заговорил с ним на каком-то языке (думаю, именно на этом языке чернокожий торговался с лавочником), и чернокожий стал ему отвечать, а потом прикоснулся ко лбу Эгесистрата, а тот – к его лбу.

– Это язык арамейев, – сказал мне Эгесистрат. – По-арамейски имя твоего друга означает "Семь Львов".

Мы к тому времени уже почти добрались до городских ворот, и он спросил меня, далеко ли находится дом, о котором я говорил. Я сказал, что на следующей улице.

– А я живу по ту сторону рынка, – сказал он. – Нельзя ли мне немного передохнуть у вас и выпить с вами вина? От ходьбы у меня культя разболелась. – Он кивнул на свою искалеченную ногу. – Я был бы вам очень признателен.

Я сказал, что он может оставаться у нас сколько угодно, и

спросил, какого он мнения о моем мече.

Глава 4

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО БОГОВ

Эгесистрат долгое время провел на стене, наблюдая за полетом птиц¹². И теперь говорит, что наше плавание будет успешным и поэтому он отправляется с нами. Гиперид пытался узнать у Эгесистрата, найдем ли мы того человека, за которым гонимся, сумеем ли доставить его к Ксантиппу и как экклесия¹³ наградит нас за это; однако Эгесистрат не ответил ни на один из этих вопросов под тем предлогом, что говорить больше, чем знаешь, значит самому себе рыть яму. Мы с ним потом еще немного побеседовали, но теперь он уже ушел.

Странная вещь случилась, когда мы – чернокожий, Ио и я – в первый раз пили с ним вино; я этого понять так и не смог, так что просто опишу здесь все это, не высказывая собственной точки зрения.

Мы сидели и болтали, а я между тем почему-то все чаще возвращался мыслями к своему мечу. Утром, надевая чистый хитон, я видел его – он лежал на сундуке; и потом он

¹² Один из видов мантики, искусства гадания и предсказаний. Гадание по полету птиц называется ауспицией.

¹³ Экклесия (греч. «народное собрание» – верховная политическая власть в античном мире, при которой все свободные и полноправные граждане имели право голоса.

мне тоже без конца попадался, когда мы с чернокожим укладывали вещи; но тогда я особого внимания на него не обращал. А сейчас я с трудом мог усидеть на месте: мне все казалось, что его у меня украли.

А потом вдруг подумал, что этот меч, должно быть, непростой, и Эгесистрат, наверное, мог бы многое прояснить на сей счет.

Как только мы смешали вино с водой, я встал, сбегал в свою комнату и принес меч. Я уже собрался передать его Эгесистрату, но тот вдруг ударил меня по руке костью, и меч упал на пол. Чернокожий вскочил и замахнулся табуреткой, Ио закричала.

Только Эгесистрат продолжал спокойно сидеть и даже с места не двинулся.

Он велел мне поднять меч и убрать его в ножны. (Меч так глубоко вонзился острием в пол, что пришлось вытаскивать его обеими руками.) У меня было странное ощущение, будто я только что проснулся после глубокого сна.

Чернокожий что-то кричал мне, тыкая пальцем в вино, затем громко заговорил с Эгесистратом, указывая на меня и на потолок. Эгесистрат пояснил:

– Он хочет напомнить тебе, что гость священен. Боги, говорит он, накажут того, кто зовет незнакомого человека в дом, а потом без причины причиняет ему вред.

Я растерянно кивнул.

– Латро же все забывает! Иногда... – прошептала Ио.

Но Эгесистрат жестом велел ей умолкнуть.

– Латро, что ты хотел сделать? – спросил он.

Я сказал, что хотел лишь показать ему меч.

– И по-прежнему этого хочешь?

Я кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – В таком случае я погляжу. Вынь его из ножен и положи на стол.

Я сделал, как он сказал. Он возложил обе руки на клинок и закрыл глаза.

Так он сидел довольно долго – я успел как следует растереть ушибленную руку и допить вино, прежде чем он снова открыл глаза и снял руки с клинка.

– Ну и что? – спросила Ио.

Мне показалось, что Эгесистрата бьет дрожь.

– Знаете ли вы, – сказал он, – что божественное прикосновение оставляет неизгладимый след и может передаваться, как передается болезнь?

Мы молчали.

– Да, это так. Прикоснись к прокаженному, и вполне можешь потом тоже заболеть. Кончики твоих пальцев побелеют или на щеке – там, где ты ее почесал, – появится пятно... Так и со следами богов. В Речной стране есть храмы, где жрецы, окончив службу, обязаны вымыться и переодеться, прежде чем покинут храм, хотя боги, в большинстве случаев, на службе в храме не присутствуют. – Эгесистрат вздохнул. – Этим мечом, я думаю, некогда владел какой-то бог.

Может быть, не самый могущественный, но бог! – Он вопро- сительно посмотрел на меня, но я лишь покачал головой. – Ты им кого-нибудь убивал, Латро?

– Не знаю, – сказал я. – Наверное.

– Ты убил им нескольких спартанцев... – начала было Ио, но зажала себе рот ладошкой.

– Он убивал спартанцев? – переспросил Эгесистрат. – Мне ты можешь сказать об этом без опаски: я им вовсе не Друг.

– Несколько рабов Спарты, – объяснила Ио. – Они нас однажды захватили в плен, но сперва Латро и чернокожий многих из них уложили.

Эгесистрат пригубил вино.

– Это, по всей видимости, было далеко отсюда?

– Да, далеко. В Беотии.

– Это хорошо, потому что мертвые тоже могут ходить.

Особенно те, что пали от этого клинка.

Я вздрогнул и оглянулся, услышав шаги Гиперида. Он был удивлен, увидев в нашем доме Эгесистрата, но я представил их друг другу, и Гиперид радушно приветствовал гостя.

– Надеюсь, вы извините меня за то, что я не встаю, – ска- зал Эгесистрат.

– У меня ноги нет.

– Конечно, конечно! – воскликнул Гиперид. Чернокожий принес ему табуретку, и он сел. – Я тоже чуть не охромел – все ноги себе отбил, целый день по городу мотаюсь.

Эгесистрат понимающе кивнул:

– А знаешь, я ведь и еще по одной причине должен перед тобой извиниться. Представляя меня, мой друг Латро сказал, что я Эгесистрат с Закинфа. Это правда; я родился на этом острове, там и вырос, только по-настоящему я Эгесистрат, сын Теллиаса... – Гиперид вздрогнул. – А еще больше я известен как Эгесистрат из Элиды.

– Так это ты был прорицателем и советником Мардония в битве при Платеях? – вымолвил Гиперид. – Это ты советовал ему не наступать?... Мне говорили...

Эгесистрат утвердительно кивнул и спросил:

– Неужели, по твоему мнению, это означает, что я преступник? Если так, то я в твоей власти. Эти люди послушны тебе, и один из них вооружен мечом.

Гиперид глубоко вздохнул.

– Мардоний мертв. Думаю, не стоит беспокоить мертвых.

– Я бы тоже не стал. Пусть покоятся с миром.

– Если мы станем мстить всем, тогда придется, например, почти все население этого города обратить в рабство. Кто же останется? Кто будет защищать стены от воинов Великого Царя? Даже сам Ксантипп так считает.

Я наполнил чашу вином и подал ему.

– А не знаешь ли ты, как экклесия намерена поступить в отношении Фив? – спросил Гиперид. Эгесистрат лишь головой покачал. – Они хотели сровнять наш город с землей! И продать всех жителей Беотии в рабство финикийцам в

пурпуровых плащах. Я вообще-то кожами торгую. В мирное время, конечно.

Можешь себе представить, если бы меня продали в рабство, какой урон это нанесло бы торговле кожами? – Было довольно прохладно, но Эгесистрат провел по лбу рукой, словно отирая пот. – Только спартанцы смогли их удержать от подобного шага... Боги свидетели, я вовсе не друг спартанцам... Ты что это хихикаешь, моя милая?

– Ты говоришь теми же словами, что и Эгесистрат, – отвечала Ио. – Перед тем, как ты пришел, он сказал то же самое. Говорят, это счастливая примета.

– Конечно! – И, повернувшись к Эгесистрату, Гиперид спросил:

– Значит, ты тоже так считаешь? Уж ты-то должен знать.

– Да, это правда, – кивнул прорицатель. – Всегда хорошо, когда люди мыслят и говорят одинаково.

– Наверное, ты прав. – Гиперид оживился. – Теперь вот что: я капитан "Европы", мы собираемся отплыть завтра утром. Сколько ты с меня возьмешь за предсказание? Хотелось бы знать, как боги отнесутся к нашему плаванию и какие опасности встретятся нам в пути.

– Ничего не возьму, – ответил Эгесистрат.

– Ты хочешь сказать, что не станешь ничего предсказывать?

– Я хочу сказать только то, что сказал. Я сообщу тебе все, что ты хочешь узнать, но ничего не возьму в уплату за это.

Ты ведь намереваешься проплыть по Геллеспонту в поисках Эобаза?

Гиперид был потрясен. Я тоже.

Эгесистрат улыбнулся:

– Здесь нет никакой тайны, – сказал он. – Можете мне поверить. Просто Артаикт перед смертью сообщил мне, что ты расспрашивал его об Эобазе. Ио может это подтвердить.

– Дело в том, – пояснил я Гипериду, – что мы с чернокожим, закончив укладывать вещи, вернулись на берег в поисках Ио. Но Артаикт к тому времени был уже мертв, и возле него никого не осталось, кроме Эгесистрата, который оплакивал Артаикта, Ио и солдат. Мы познакомились с ним...

– И я все еще оплакиваю Артаикта, – прервал меня Эгесистрат. – А ты, разумеется, решил, что неплохо было бы расспросить того, кто знал Эобаза лично. Ты совершенно ясно дал это понять, когда Ио ходила за водой и за этим прекрасным вином. Что ж, хорошо. Эобаз – мидиец, не перс; впрочем, мы, элины, часто называем мидийцами персов; только он настоящий мидиец.

Ему около тридцати пяти лет, он очень высокий и очень сильный. Прекрасный наездник. На правой щеке – длинный шрам, частично скрытый бородой. Он рассказывал мне, что получил его еще в детстве, когда, пустив лошадь галопом, пытался побыстрее миновать густые заросли. А теперь, Гиперид, я хотел бы узнать, зачем ты до сих пор болтаешься в Сесте? Я полагаю, большую часть всего, что тебе необходи-

мо для плавания, можно было бы уже с легкостью достать – или же, напротив, достать будет совершенно невозможно.

Это совершенно очевидно. Так что же ты такое ищешь, если оно представляется возможным, но отчего-то недоступным тебе?

– Мне нужен человек, – отвечал Гиперид, – который хорошо знал бы диалекты северных племен и их обычаи, а также выразил бы готовность плыть с нами. Я полагаю, Эобаз либо уже достиг пределов Империи и находится в безопасности, либо был задержан в одном из северных городов – что было бы нетрудно, либо попал в плен к кому-то из варваров по эту сторону Мраморного моря. Как раз там можем попасть в беду и мы, вот почему я хотел бы на всякий случай принять меры.

Эгесистрат погладил свою бороду – черную, курчавую и очень густую – и сказал:

– Такого человека ты уже нашел.

Вскоре он удалился, а чернокожий принялся готовить еду. Ио отвела меня в сторонку и спросила:

– Хозяин, неужели ты и впрямь собирался его убить?

– Конечно же нет!

– А мне показалось... Ты так стремительно ворвался в комнату, размахивая своим мечом, словно голову ему хотел снести. И, наверное, снес бы, если б он не увернулся.

Я снова объяснил, что всего лишь хотел показать Эгесистрату меч, но явно ее не убедил. Потом Ио принялась рас-

спрашивать меня о том, что мы с чернокожим сегодня делали. Отвечая на ее многочисленные вопросы, я вспомнил, что так и не показал Гипериду плащи, которые мы купили. Так что, удовлетворив наконец любопытство Ио, я вытащил плащи, и они Гипериду вроде бы понравились, но он и словом не обмолвился о красном плаще, так что я решил и не спрашивать его об этом.

После того как мы поели, Ио принесла мне мой свиток и посоветовала записать все, что произошло сегодня; она была уверена, что это нам очень пригодится потом. Я так и сделал, подробно записав все, что казалось важным, стараясь как можно лучше передать на своем родном языке то, что услышал и увидел за этот день.

Итак, как я уже успел записать, мое занятие прервал Эгесистрат, который хотел выяснить, где мы с Ио были, когда спартанцы взяли нас в плен, а когда понял, что я не смогу ему это объяснить, разбудил Ио и стал расспрашивать ее. Потом заявил, что пойдет на стену – наблюдать за полетом птиц; было уже довольно темно, и птицы почти не летали, за исключением некоторых. Эгесистрат долгое время не возвращался, а вернувшись, сообщил Гипериду, что боги благоприятствуют нашему путешествию и он поплывет с нами, если Гиперид того хочет. Гиперид был страшно доволен и забросал его вопросами, но он ответил всего на два-три из них, да и то Гиперид мало что понял.

В конце концов Гиперид отправился спать, а Эгесистрат

присел рядом со мной у огня и сказал, что ему очень хочется почитать мой свиток. Я пообещал прочитать ему свои записи, если они так ему интересны, и добавил, что у меня в сундучке есть еще один свиток, весь уже исписанный.

– Может быть, потом, вскоре, я попрошу тебя об этом, – сказал Эгесистрат. – Ио говорила, что ты ничего не помнишь, вот я и гадаю, насколько это действительно так.

– Да, это так, – сказал я. – По крайней мере, в отличие от других, я не помню событий даже минувшего дня. Мне это кажется странным, тем более что есть некоторые вещи, которые я помню хорошо – отца, мать, родной дом...

– Понятно, – кивнул он. – А ты не помнишь, как подружился с Павсанием из Спарты?

Я ответил, что припоминаю, как Ио говорила о нашем пребывании в Элиде и о том жертвоприношении богам, которое мы совершили вместе с Павсанием. А потом спросил, настоящий ли царь этот Павсаний.

Эгесистрат покачал головой:

– Нет, не настоящий, хотя его часто называют царем. Спартанцы привыкли, чтобы у них был царь, точнее, предводитель; а поскольку именно Павсаний сейчас предводительствует ими, они и называют его царем. На самом же деле он всего лишь регент и правит вместо малолетнего царя Плейстарха, которому приходится дядей.

Я предположил, что поскольку этот Павсаний подружился с Ио, с чернокожим и со мной, значит, он, наверное, добрый

человек.

Эгесистрат долго молчал, глядя в огонь и словно что-то читая в языках пламени. В конце концов он ответил:

– Если бы он принадлежал к иному народу, я бы скорее назвал его злым.

Послушай, Латро, если ты не помнишь Павсания, то, может быть, вспомнишь Тизамена из Элиды?

Но я и Тизамена не помнил и спросил Эгесистрата, не родственник ли он ему, поскольку оба они из Элиды.

– Родственник, но очень дальний, – отвечал Эгесистрат. – Наши семьи ведут свое происхождение от одного предка, но давно рассорились. Они стали соперничать еще в Золотой век, когда боги жили рядом с людьми.

– Жаль, что теперь не Золотой век, – сказал я. – А то я пошел бы к кому-нибудь из богов и попросил сделать меня таким, как все.

– Не настолько уж ты ото всех отличаешься, да и непросто человеку заслужить благорасположение богов; боги не часто покровительствуют смертным.

Сердце подсказывало мне, что он прав.

– Ио говорила, что ты и так можешь видеть богов, – заметил Эгесистрат.

– Я тоже иногда вижу их.

Я признался, что не помню об этой своей особенности.

– Наверное, во многих случаях я был бы куда счастливее, если б мог забывать увиденное так же быстро, как ты, – ска-

зал Эгесистрат, некоторое время помолчал и заговорил снова:

– Возможно, Латро, это Тизамен, который ненавидит меня, опутал тебя своими чарами. Ты мне позволишь их нарушить, если я буду в силах сделать это? – При этом он стал раскачиваться из стороны в сторону, точно молодое деревце под ветром. Обе руки он поднял кверху, растопылив пальцы веером...

И вот теперь, хотя я помню все его вопросы, я совсем забыл, что отвечал ему. Он давно ушел, а я все сижу и смотрю на нож, которым собирался заточить свой стиль. Нож весь в крови.

Глава 5

НА КОРАБЛЕ

«Европа» покинула Сест сегодня, уже ближе к закату. Мы могли бы отплыть значительно раньше, но наш капитан Гиперид придирался то к одному, то к другому, пока на борт не поднялся хромой и, по-моему, больной старый эллин. После чего капитан придирачься перестал.

Из гавани мы вышли на веслах. Это тяжелая, однако довольно приятная работа. Очутившись на просторах Геллеспонта, мы поставили парус; при столь мощном западном ветре грести не было необходимости. Матросы говорят, что берега на восток от нас принадлежат империи Великого Царя, так что если ветер подгонит нас слишком близко, придется все же взяться за весла. Пока я писал, мы успели встретить три корабля, такие же триремы, как наша. Они возвращались в Сест, так что шли на веслах и напоминали огромных шестикрылых птиц, низко летящих над разбушевавшимся морем.

Подошла Ио и заговорила со мной и с чернокожим. Она меня не раз предупреждала, что если этот свиток намокнет, то вскоре рассыплется в прах. И я ей клятвенно обещал сразу убирать его в сундучок, как только кончу писать. Я спросил у нее про хромого человека, и она рассказала, что его зовут Эгесистрат, мы давно с ним знакомы (чернокожий при

этом покивал), а она ухаживает за ним. Сейчас она уложила его под палубой, где не дует, и он заснул. Я спросил, чем он болен, но она не ответила.

Кибернет наш между тем все ходит по проходу между скамьями и разговаривает с гребцами. Он самый старый моряк на борту, по-моему, старше даже хромого и Гиперида. Он маленького роста, тощий, почти лысый, а вокруг лысины – седой венчик волос. Поравнявшись с нашей скамьей, он улыбнулся Ио и сказал, как это хорошо, что она опять оказалась у него на корабле. Она мне говорила, что мы однажды плавали на этой триреме вокруг Пелопоннеса, но я, конечно, ничего не помню. Кибернет велел нам с чернокожим показать ему ладони, пощупал их и заявил, что они недостаточно мозолистые. Мне казалось, что у меня на ладонях кожа здорово загрубела, ведь я в последнее время много работал руками, но кибернет сказал, что она слишком мягкая и должна загрубеть значительно больше, прежде чем я смогу грести весь день.

Он считал, что нам сейчас нужно больше работать веслами, чтобы быть готовыми на тот случай, когда от нашего умения грести и выносливости будет зависеть жизнь всех на корабле. Ио рассказывала, что наш кибернет – старый морской волк и знает о кораблях и о море куда больше, чем Гиперид, хотя, по-моему, Гиперид знает очень много. Гиперид считается нашим капитаном, потому что этот корабль куплен на его деньги (его заставило сделать это Собрание Афин). Я ска-

зал Ио, что мне он кажется человеком умным, может быть, даже чересчур. Она же уверила меня, что он очень добрый, хотя действительно хорошо разбирается в денежных вопросах.

Надо сказать, пожалуй, что мы с чернокожим занимаем верхнюю скамью по левому борту. По словам Ио, мы с ним сидим рядом именно потому, что это верхняя скамья и, к тому же находится ближе к носу, тогда как лучшие гребцы сидят ближе к корме, чтобы все видели и следовали их темпу гребли.

Чернокожий, который сидит ближе к борту, называется франитом (то есть "скамеечником"), я же зовусь зигитом (то есть "баночником"). Это потому, что весло чернокожего опирается на уключину, вставленную в пародос, то есть выступ над бортом корабля. Мое же весло прикреплено к банке, вернее, к толстому деревянному стержню, вставленному в банку. Когда судно идет под парусом, людей можно разместить на пародосе, чтобы избежать излишнего крена корабля; но когда мы идем на веслах, каждый, кто хочет пройти по этому выступу, должен переступить через вальки весел, которыми работают франиты.

Я еще должен упомянуть, что люди, сидящие ниже нас, называются "фаламиты". По-моему, это значит "сидящие внутри". Их весла проходят сквозь отверстия в бортах корабля, а на вальки этих весел надеты смазанные жиром кожаные рукава. Один из матросов раньше был подвергнут наказанию

(не знаю, за что именно). Щитоносцы привязали его к скамье фаламита так, чтобы голова торчала в отверстие борта, и каждый раз при вдохе несчастному, должно быть, казалось, что в лицо ему выплескивают ведро ледяной морской воды. Когда его отвязали, он показался мне вполне раскаявшимся и смиренным.

Чернокожий куда-то отлучился. Когда он вернулся, я спросил, где он был.

Но он только покачал головой. Теперь он сидит и смотрит на воду. Над бортом натянуты кожаные занавески от брызг, но они не мешают нам видеть море.

На ночлег мы причалили к берегу и вытащили корабль на песок. Разожгли костры, согрелись и сварили ужин – кругом валялось много плавника; теперь я пишу при свете костра, а другие уже улеглись спать. Огонь почти потух, но я принес еще дров. Один из моряков проснулся, поблагодарил меня и снова заснул.

Для Гиперида, кибернета, Асета и Эгесистрата разбили палатку. Если пойдет дождь, мы тоже сделаем себе навес из ходового и боевого парусов, а пока все спят возле костров, завернувшись в плащи и сгрудившись, чтоб было теплее. Когда я спросил, куда мы плывем, Ио ответила, что в Пактию, где стена Мильтиада.

Я вдруг проснулся и увидел какую-то женщину, которая рассматривала наш лагерь. Молодая луна светила ярко, и я мог хорошо рассмотреть незнакомку.

Она стояла, чуть выдвинувшись из тени, которую отбрасывали сосны. Лагерь охраняли двое гоплитов Асета, но они женщину то ли не замечали, то ли просто не обращали на нее внимания. Я встал и пошел к ней, думая, что она сразу исчезнет в тени и убежит, стоит, мне подойти поближе, но она не исчезла. У меня уже давно не было женщины; в чреслах моих возникла дрожь – так дрожит от напряжения парус, когда берешь слишком круто к ветру. На нашем корабле, разумеется, нет женщин, если не считать Ио.

Незнакомка была маленького роста, хорошенькая, но какая-то печальная. Я поздоровался и спросил, не могу ли чем-нибудь ей помочь.

– Я невеста этого дерева, – отвечала она, указывая на самую высокую сосну. – Многие, кто приходят сюда, в мой лес, приносят мне жертвы. И меня удивило, что вы – а вас так много! – этого не сделали.

Я решил, что она – жрица какого-нибудь местного храма. И объяснил, что я вовсе не начальник над всеми этими людьми, что спят на берегу, но, мне кажется, они не принесли ей жертву только потому, что у них не было жертвенного животного.

– Мне вовсе не нужны ни ягненок, ни козленок, – сказала она. – Достаточно лепешки и меда.

Я вернулся в лагерь. Нынче вечером чернокожий, Ио и я ужинали вместе с четырьмя обитателями палатки, причем ужин готовил чернокожий, и я знал, что у Гиперида припа-

сен горшок меда, запечатанный пчелиным воском. Я приготовил пресное тесто из муки крупного помола, добавил соли и кунжутного семени и испек на углях лепешку, а потом отнес ее той женщине вместе с медом и бурдюком вина.

Она подвела меня к подножью огромной сосны, где лежал плоский камень. Я спросил, какие слова я должен произнести, возлагая на жертвенник свои приношения, и она ответила:

– Есть гимны, которые чаще поют мужчины, а есть и такие, которые предпочитают их жены и дочери; но все эти люди забыли, что приносить жертву следует в полном молчании.

Я возложил лепешку на камень, чуть-чуть смазал ее медом, а горшок поставил рядом. Потом плеснул на землю немного вина.

Женщина улыбнулась, села перед камнем, прислонившись спиной к дереву, разломала лепешку, окунула в мед и съела. С поклоном я предложил ей вина, и она взяла мех с вином в руки и сделала добрый глоток прямо оттуда, не разбавив вино водой. Потом вытерла губы тыльной стороной ладони и знаком предложила мне сесть напротив.

Я сел, полагая, что сейчас произойдет именно то, на что я надеялся, однако не знал, как к этому приступить, потому что между нами лежал священный камень. Женщина вернула мне мех, и я тоже глотнул крепкого вина.

– Теперь можешь говорить, – сказала она. – Каково твое

самое большое желание?

Еще секунду назад я это знал прекрасно, но теперь чувствовал лишь смущение.

– Ты хочешь попросить плодородия своим полям? – Она снова улыбнулась.

– А разве у меня есть поля? – спросил я. – Я и не знал...

– Или же ты желаешь покоя? Это тоже в наших силах. Покой и прохладная сень... Только, по-моему, сейчас тебе нужно совсем не это.

Я покачал головой и попытался что-то сказать, но не смог.

– Нет, я не могу перенести тебя на родину, – сказала она. – Это не в моей власти. Но я могу тебе ее показать. Хочешь?

Я кивнул и, вскочив на ноги, протянул ей руку. Она тоже поднялась, повесила мех с вином на плечо и сжала мою руку.

И тотчас же яркий солнечный свет наполнил весь мир вокруг. Деревья, берег, корабль и спящие люди – все исчезло. Мы шли по свежевспаханной земле, где в бороздах еще корчились дождевые черви. Перед нами седовласый пахарь одной рукой нажимал на рукоять плуга, а другой погонял быка стрекалом. За его согнутой спиной виднелся сад, виноградник и невысокий белый дом.

– Если хочешь, можешь поговорить с ним, – сказала женщина. – Только он тебя не услышит. – Она глотнула еще вина.

– Тогда я лучше не буду с ним говорить.

Я хотел было спросить у нее, действительно ли эти поля

принадлежат мне, и если это так, то почему их пашет какой-то старик, но почему-то я был уверен, что это действительно мои поля, мой сад, виноградник и дом. Я даже догадывался, что седовласый пахарь – мой отец...

– Урожай будет хороший, – сообщила она мне. – Потому что я здесь побывала.

– Но как мы попали сюда? – спросил я. – И почему я не могу здесь остаться?

Она указала на солнце, и я заметил, что оно склоняется к горизонту, а тени стали значительно длиннее.

– Хочешь увидеть свой дом? – спросила она.

Я кивнул, и мы пошли к дому прямо через виноградник. По дороге она сорвала несколько ягод и съела, сунув и мне в рот одну. Ягода оказалась гораздо слаще, чем я думал; я и не знал, что виноград бывает таким сладким. Я сказал ей об этом, добавив, что сладок он, наверное, потому, что она держала его в руках.

– Вовсе нет, – возразила она. – Он кажется таким сладким, потому что принадлежит тебе.

В густой тени под лозами стояли лужи, в которых отражались звезды.

У порога свернулось клубком какое-то животное, не то обезьяна, не то медведь. Впрочем, оно вело себя вполне дружелюбно, точно старый пес при виде хозяина. В глазах его мелькали золотистые искорки, и я сразу вспомнил (и сейчас еще помню), что не раз видел их в детстве. Лохматое суще-

ство не двинулось с места при нашем приближении, но его золотистые глаза неотрывно за нами следили.

Дверь была открыта, так что мы легко вошли внутрь, хотя, по-моему, мы бы вошли туда в любом случае, даже если бы дверь была крепко заперта.

Внутри на огне кипел горшок с водой, а возле старого стола сидела пожилая женщина и дремала, уронив голову на руки.

– Мама! – сказал я. – Мамочка! – Слова застревали у меня в глотке.

– Люций! – Она вскочила и обняла меня. Лицо ее, залитое слезами, все было в морщинах, но я бы все равно узнал его сразу, где бы ни встретил.

Она прижала меня к себе, плача и приговаривая:

– Люций, ты вернулся!

Наконец-то! А мы уж думали, что ты погиб в бою!

Она обнимала меня, в точности как и когда я был ребенком, но я все время видел, что она одновременно в прежней позе сидит у стола.

Наконец, поцеловав меня, она повернулась к молодой женщине:

– Добро пожаловать! Нет, это я должна просить у тебя позволения войти в дом – ведь он не мой, а моего сына, и ты можешь не разрешить мне. Будет ли мне и моему мужу позволено остаться здесь?

Молодая женщина продолжала попивать вино все то вре-

мя, что мы с матерью обнимали друг друга. Она слегка покачнулась, но с улыбкой кивнула, и мать тут же бросилась к двери, крича:

– Он вернулся! Люций вернулся домой!

Но пахарь не обернулся, продолжая налегать на плуг и погонять быков длинным стрекалом с железным наконечником. Солнце уже почти коснулось болотистых полей; в сумерках, за вспаханным полем, я различал силуэт нашего корабля, вытасченного на берег, и казалось, что дом и сад, освещенные последними лучами закатного солнца, парят над погружающимся в ночной мрак только что вспаханным полем.

– Нам пора, – сказала молодая женщина заплетающимся языком. – По-моему, мы еще собирались заняться любовью, не так ли?

Я отрицательно покачал головой, одной рукой обнимая мать, а другой хватаясь за косяк двери. Однако они растаяли у меня на глазах подобно тому, как мед тает в горячей воде.

– А я собиралась! – заявила женщина.

Последние лучи солнца погасли, и воздух сразу стал холодным. Сквозь темные силуэты деревьев снова просвечивало море, я видел затухающие костры и корабль, лежащий на берегу. Молодая женщина прильнула губами к моим губам, и мне показалось, что я пью дивное старое вино из новой, только что выточенной и еще пахнущей деревом чаши. Мы упали на подстилку из сосновых игл и листьев папоротника.

Дважды я взял ее – плача в первый раз и смеясь во вто-

рой. Мы выпили еще вина. Я говорил ей о любви, а она клялась, что никогда меня не покинет, и мы смеялись друг над другом, понимая, что оба лжем, но сейчас находимся в полной безопасности. Заяц, выскочив из тьмы в лунное пятно на поляне, посмотрел на нас горящим глазом, воскликнул: "Элата!"¹⁴ и тут же исчез. Я спросил, действительно ли это ее имя, и она кивнула, вновь делая глоток вина и целуя меня.

Потом я услышал лай гончих псов, преследующих оленя, – сперва далеко, а потом все ближе и ближе. Мне смутно припомнилось, что все, кто имел несчастье оказаться на пути такой охоты, бывали разорваны собаками в клочья. И я пожалел, что не опоясался мечом, прежде чем отправиться приносить жертву дереву. Элата спала, положив голову мне на колени, но я поднялся, шатаясь, и взял ее на руки, желая отнести к костру на берегу.

Но не успел я сделать и шага, как затрещали ветки и из тени вынырнул огромный олень; увидев огни костров (а может, лишь почуяв запах дыма), он метнулся назад, чуть не сбив меня с ног. Я слышал, как тяжело он дышит, прямо как кузнечные мехи, и почувствовал запах страха.

Элата сонно шевельнулась у меня на руках, олень пронесся мимо, а лай собак раздался совсем рядом. Я поставил молодую женщину на ноги, намереваясь побыстрее отвести к костру, но она поцеловала меня и, ткнув пальцем в темноту, объявила с пьяной многозначительностью:

¹⁴ Элата – херсонесская нимфа. Ее имя означает «сосна».

– Погоди, 'ще один с твоего корабля хоч'т меня видеть...

Глава 6

НИМФА

Элата вернулась с минуту назад и попросила затушить костер. Но я не стал этого делать, хотя от костра остались лишь тлеющие уголья. Я знаю, она успела нынче побывать в постели Эгесистрата, а после него, по-моему, переспала еще и с одним из гоплитов Асета. После чего искупалась в ручье, где мы брали воду, но, когда я предложил ей обсушиться у костра, она как будто испугалась и попросила меня затушить его, жарко целуя и лаская меня.

Я очень устал; если Элата желает опять лечь с мужчиной, пусть поищет себе кого-нибудь другого. К тому же, пока я окончательно не заснул, нужно успеть записать в дневник про ту женщину (Эгесистрат зовет ее богиней) с пегими гончими. То, что сказала она, и то, что говорил Эгесистрат, может завтра оказаться очень важным.

Богиня была совсем юной, с менее пышными формами, чем у Элаты, но гораздо красивее; и я уверен, она еще не знала мужчины. С нею были и другие женщины, тоже очень красивые, но их я как следует не разглядел, потому что они избегали яркого лунного света, в котором столь смело выступала та Охотница.

Но сперва расскажу о ее гончих псах. Их мы увидели раньше, чем саму Охотницу и ее свиту. Меча у меня с собой не

было, так что я схватил первую попавшуюся палку, увидев этих псов, однако сразу понял, как это глупо, – с тем же успехом можно было попробовать отбиться от них тонким прутиком.

Каждый пес был ростом с теленка, а в своре их было не меньше двадцати.

Элата спасла меня от них тем, что повисла на моей руке (сказать по правде, она самостоятельно уже и стоять не могла). Разъяренные гончие рядом с ней присмирели, стали вилять хвостами и даже ласкаться, тыкаясь ей в колени мордами и облизывая ей пальцы огромными шершавыми языками, а она гладила их. Я не решился на подобную фамильярность по отношению к этим бестиям, но они меня не тронули.

Вскоре появилась и Охотница с серебряным луком. Она улыбнулась нам, однако в улыбке ее не было теплоты; если б ее гончие загнали оленя, она, наверное, улыбалась бы точно так же. Но до чего все-таки она была изящна и прекрасна!

– Человек, который все забывает, – так она обратилась ко мне. Голос у нее был совсем девчоночий, но в нем слышались отзвуки охотничьего рога, высокие и чистые. – Меня-то ты не должен был бы забывать, – сказала она и прикоснулась ко мне своим луком.

И тут же я вспомнил, как встречался с нею на перекрестках жизненных путей, хотя при первой нашей встрече, да и при последней тоже, она показалась мне старше и меньше ростом, да и окружали ее собаки совсем другой породы. Я

также припомнил, что она называла себя царицей, хотя и выглядела очень юной, и почтительно склонился пред нею, как и прежде.

– Ты, как я вижу, успел обольстить мою служанку, – заметила она, чуть улыбаясь.

– Как скажешь, великая богиня.

Она нетерпеливо качнула головой:

– Зови меня Охотницей.

– Хорошо, Охотница, коли ты так хочешь.

– Ты, наверное, мог бы послужить неплохой дичью для моих любимцев.

Хочешь, я тебе фору дам – стадию или даже две? – У нее за спиной сгрудились нимфы; до меня доносился из темноты их серебристый смех.

– Как пожелаешь, Охотница, – отвечал я. – Конец все равно один. – Костры, горевшие на берегу, были всего в одной стадии от нас, и я подумал, что мог бы успеть выхватить горящую головню. А с огнем в руках, да еще разбудив спящих матросов, можно было рассчитывать, что охота примет совсем другой оборот.

Тут из темноты раздался новый голос, мужской:

– Латро, ты где?

– Здесь, – ответил я негромко.

– Кто это там с тобой?

Я с трудом сдержал улыбку. Охотница ответила за меня:

– Ты же нас прекрасно знаешь, прорицатель.

Эгесистрат подошел совсем близко, так что, по-моему, должен был бы уже увидеть Охотницу, освещенную луной; но он опять спросил:

– Это кто там, возле дерева? Женщина?

Хоть он и опирался на свой костыль, идти ему в темноте все равно было трудно, почва здесь была неровная. Я бросил свою палку и протянул руку, чтоб помочь ему; он ухватился за меня – и тут же низко склонился перед Охотницей. Эллины не преклоняют колен, как это делаем мы, и не падают ниц, как народы Востока; но все же, мне кажется, богам оказывается более высокая честь, когда их приветствует простым поклоном мужчина, который никогда не стал бы целовать ничьи следы.

– Кому ты служишь, Эгесистрат?

– Готов служить тебе, Синтия¹⁵, если ты того пожелаешь.

– А ты, Латро? Готов ли ты снова служить мне, если я попрошу?

У меня внутри все перевернулось, как молоко в маслобойке; моя рука, что поддерживала Элату, задрожала; но я тут же напомнил себе: ведь именно эта ужасная богиня вернула мне хоть какую-то память, – по крайней мере, воспоминания о моих прежних встречах с нею. (Теперь-то я опять об этом забыл, хотя не так давно еще помнил; но я все еще помню, что тогда подумал и сказал.) – Ты ведь царица, – смиренно

¹⁵ Синтия – Охотница (Артемиды), рожденная в пещере горы Синт на острове Делос.

произнес я, – разве я могу отказать тебе?

– Некоторым это удавалось. Но слушайте оба! Нет, заклинаю вас своей девственной чистотой! Слушайте все трое!

Нимфы дружно охнули где-то в темноте.

– Латро только что назвал меня царицей. Скоро вам встретится другая царица – можете поверить. У нее сильный защитник и покровитель, и я хочу воспользоваться его могуществом, чтобы поднять кабана. А вы должны мне помочь, но не сопротивляться ей. А когда наступит время, старая шлюха должна проиграть! Случится это в доме моего брата – ты его знаешь, прорицатель. Там вы будете в безопасности, у друзей. Ступайте же на северо-запад; там вы встретите ее. И ваша царица спасет вас, если вы не свернете к югу.

Эгесистрат поклонился, а я сказал, что мы сделаем все, как она сказала, хотя на самом деле абсолютно ничего не понимал. Один из ее огромных псов обнюхал Эгесистрата. Она глянула на него и сказала:

– Да-да, хорошенько запомни запах этого человека!

Потом повернулась к Эгесистрату:

– У Латро есть все качества, необходимые герою, за исключением одного: он забывает даже то, что ему приказывают. Ты должен позаботиться, чтобы он об этом не забывал. Моя царица должна победить и, возможно, уничтожить того правителя – а, стало быть, вторая царица победить не должна!

Эгесистрат поклонился еще ниже.

– Ты приносишь победу, Латро, так что будешь править лошадьми моего брата. В случае победы получишь награду. Чего бы ты желал?

– Вернуться домой, – отвечал я, потому что сердце мое все еще разрывалось от воспоминаний о родине.

– Что? Вернуть тебя к жалким клочкам земли, свиарникам да коровникам?

Это не в моей власти. Вот что, ты помнишь, чего просил у Кору? – Я отрицательно покачал головой. – Ты просил, чтобы она вернула тебя к твоим друзьям. Она выполнила твоё желание и воссоединила тебя с ними. По крайней мере, с некоторыми. Они уже были мертвы или умирали, чего и следовало ожидать, ибо Кора властвует в Царстве теней. Я тоже верну тебя к твоим друзьям – только к живым, поскольку мертвые меня не интересуют.

– Хотя именно ты приносишь внезапную смерть женщинам, – прошептал Эгесистрат.

Я был так счастлив, что слов его почти не расслышал. Выпустив Элату из объятий, я упал перед богиней на колени.

– О, как ты добра, Охотница!

Она горько улыбнулась:

– Так многие говорили. Ну что, доволен такой наградой?

– Более чем!

– Рада это слышать. Однако ты будешь наказан за то, чем занимался нынче ночью с моей служанкой, утратив – по крайней мере, на время – всякий стыд и то, что с такой гор-

достью именуешь своим достоинством.

Богиня приблизилась к Эгесистрату, и мне показалось, что она – хотя в данный момент она была лишь чуть-чуть выше его – буквально нависает над ним.

– Ну а тебе награду выбирать не дано. Твои грязные желания и без того мне известны. Хорошо, эта испорченная девчонка пока что будет твоей, хотя до тебя она принадлежала Латро.

Эгесистрат теперь поддерживал Элату, тихо бормоча слова благодарности.

– Учти: она останется у тебя только до тех пор, пока ты снова не попадешь сюда, – предупредила его Охотница. – Как только это произойдет, она обретет свободу и сможет снова вернуться в свой дом.

И с этими словами исчезла и Охотница, и ее псы, и ее нимфы; под огромной сосной во мраке остались только прорицатель, Элата и я. Еще некоторое время мне казалось, что я слышу вдали дикий лай и завывания гончих, потом все стихло.

Хромой Эгесистрат с трудом мог передвигаться по неровной каменистой земле, усыпанной скользкими сосновыми иглами, а Элата по-прежнему была настолько пьяна, что мне пришлось нести ее на руках. Сам же Эгесистрат держался за мое плечо. Я попросил его объяснить, в чем смысл произошедшего, и сказать, кто такая эта Охотница и какой властью она обладает. Он обещал, что все потом расскажет и объяс-

нит, но сперва, едва мы добрались до костров, повел Элату к воде, где песок был влажным и плотным, так что он мог передвигаться гораздо свободнее.

Итак, я описал все события с той минуты, как заметил Элату, рассматривавшую наш лагерь. Когда я писал об олене, вернулся Эгесистрат и начал рассказывать мне об Охотнице, а тем временем вернулась и Элата, которая тут же полезла в ручей купаться.

Я спросил Эгесистрата, хорошо ли он знаком с Охотницей.

– Только понаслышке, – отвечал прорицатель. – Раньше я с нею не встречался. В отличие от тебя.

Я уже не помнил, когда встречался с этой богиней, но чувствовал, что так оно и было.

– Это Великая богиня, – сказал он. – Ты ведь тоже небось не думал, что разговариваешь с обыкновенной женщиной?

– Нет, я как раз думал, что она самая обыкновенная – ведь именно такой она явилась мне. Но что-то я, конечно же, подзревал. Так ее зовут Синтия?

– Это одно из ее имен, – ответил Эгесистрат. – А имен у нее много. Ну а Губителя «одно из прозвищ Аполлона» ты знаешь?

Я ответил, что нет, и добавил: если судить по имени этого бога, то вряд ли у кого-либо возникнет желание с ним знакомиться.

– Ты глубоко заблуждаешься! Ты забываешь, что на свете

есть великое множество такого, что следовало бы погубить, уничтожить – волки и львы, например. Между прочим, он и мышей уничтожает.

Тут я смутно вспомнил что-то – воспоминание это точно вынырнуло из тумана, окутавшего мою память, – и сказал, что хотя уничтожение мышей, видимо, приносит людям пользу, однако я совсем не уверен, что хотел бы погубить всех волков и львов на земле.

– Захотел бы, если б держал овец или коз, – прагматически заметил Эгесистрат. – Или коров разводил. У тебя свой-то скот есть? Насколько я понял со слов богини, раньше он у тебя был.

Я сказал, что у меня, видимо, была по крайней мере одна упряжка быков, если то, что показала мне Элата, соответствует действительности. После чего мне пришлось рассказать ему все об этом странном происшествии – как она перенесла меня туда, где, по ее словам (и моим собственным догадкам), находится мой дом, и что мы там видели и делали. Когда я спросил его, как Элате удалось такое проделать, он признался, что не знает, и вслух усомнился, что подобные чудеса вообще в ее власти. Я спросил, не колдунья ли она.

– Нет, – отвечал он, – можешь мне поверить. Она просто дриада, нечто вроде нимфы.

– А я думал, когда Элата назвалась невестой¹⁶, что она просто молодая женщина, достигшая брачного возраста, –

¹⁶ Слово «нимфа» по-гречески означает «невеста».

заметил я.

Эгесистрат кивнул:

– Тебе, чужеземцу, это вполне простительно. Из всех невидимых существ нимфы ближе всего к нам, людям; они даже не бессмертные, хотя живут очень долго. Наши крестьяне и боятся их, и любят; какой-нибудь деревенский воздыхатель, желая сделать приятное своей возлюбленной пастушке, может даже притвориться, что считает ее нимфой в человеческом обличье. Оттого слово "нимфа" и приобрело ныне оттенок обычного комплимента.

– Понятно, – сказал я. – Но, по-моему, есть и еще одно сходство между нимфами и нами – они тоже должны повиноваться Охотнице, которую ты называешь Великой богиней.

– Так и есть, – подтвердил Эгесистрат. – Она сестра, даже больше, сестра-близнец того Губителя, о котором мы только что говорили. А он – один из Двенадцати, лучший из них, истинный друг людей, покровитель искусства предсказаний, искусства врачевания – вообще всех искусств! Но его сестра...

– Не так дружелюбно относится к людям, как он, – подхватил я, прочитав это по его лицу.

Тут появилась Ио и уселась рядом с нами. Глаза у нее были заspanные, но горели любопытством.

– Кто эта женщина? – спросила она у Эгесистрата. – Я проснулась, а она лежит рядом со мной. Говорит, что принадлежит тебе.

Эгесистрат ответил, что это правда.

– Тогда тебе надо бы достать ей какую-нибудь одежду, а то хлопот не оберешься, когда моряки проснутся.

Я велел Ио сходить за одеждой Элаты, которая так и осталась под сосной.

Эгесистрат пробормотал себе под нос:

– Вообще-то неплохо было бы найти на корабле такое местечко, где ее никто не увидит. А то все начнут на нее пялиться – мне даже думать об этом неприятно.

Я заметил, что для этого достаточно посадить ее перед самой первой скамьей. Он рассмеялся:

– Ты прав, конечно, но это хорошо, когда все гребцы заняты. А ведь большую часть времени они грести не будут.

– Ну и что, даже в этом случае только те, что сидят рядом, смогут ее разглядывать, ведь корабль-то длинный и узкий. Только, по-моему, у моряков мысли будут при этом не намного грязнее твоих.

– Ты имеешь в виду слова богини?

Я кивнул.

– Она, между прочим, сказала еще, что ты тоже спал с этой нимфой до меня.

Я не стал возражать, а постарался утешить его, пояснив, что спал с Элатой, когда Охотница еще не отдала ее ему.

Он вздохнул:

– Да она бы никогда и не стала моей, если бы ты не переспал с нею прежде. Что же до моих "грязных" желаний,

то лишь женщина может назвать их такими, да и то далеко не всякая. Я, видишь ли, потерял несколько лет назад жену; и мне, хромоту, да еще вдали от дома, совсем не просто найти себе новую. Любому мужчине это сделать нелегко, тем более если хочешь, чтобы новая жена была такой же доброй, как прежняя.

– А у этой Охотницы любовники есть? – спросил я.

Эгесистрат покачал головой:

– Даже несколько – по крайней мере, я знаю нескольких смертных и богов, очень хотевших стать ее возлюбленными. Но все они вскоре кончили плохо.

Рассказывают, например, такую историю... Не знаю, правда ли это...

Я настоятельно попросил его рассказать мне эту историю, хотя уже очень устал. Мне почему-то казалось, что я должен постараться узнать об Охотнице как можно больше.

– Ну хорошо. Она ведь дочь Громовержца – кажется, я об этом еще не упоминал? – и, согласно легенде, в три года она явилась к отцу и попросила дать ей столько же имен, сколько у ее брата-близнеца, серебряный лук и стрелы, чтобы стать царицей нимф, и еще много всего. И когда отец пообещал выполнить все ее желания, она попросила еще, чтобы он превратил ее во взрослую женщину, такую же, как ее единокровная сестра, богиня мудрости Афина, которая родилась из головы своего отца уже взрослой. И это ее желание тоже было исполнено; вот поэтому иногда говорят, что она

так и не успела повзрослеть по-настоящему.

Я предположил, что, наверное, то же самое можно сказать и об Афине;

Эгесистрат согласился со мной:

– Кстати, ни одна из них вроде бы так и не имела ни одного настоящего возлюбленного. Правда, Афина, по крайней мере, не принуждает других блюсти целомудрие. Вполне возможно, что она действительно так и не стала настоящей женщиной – в том смысле, что и некоторые мужчины тоже настоящими мужчинами не являются, – именно потому, что появилась на свет таким необычным способом.

Тут вернулась Ио, которая сообщила, что нашла одежду Элаты и прикрыла ее наготу. Она еще сказала, что заметила среди деревьев какое-то крупное животное, и оно настолько ее испугало, что она сразу бросилась прочь. Мы с Эгесистратом предположили, что это была просто корова, но Ио с этим не согласилась. Эгесистрат попросил девочку помогать ему охранять Элату от чужих посягательств, и она с готовностью обещала ему это, предварительно испросив разрешение у меня. Я добавил, что тот мальчик тоже мог бы им помогать, но они удивились и заверили меня, что на корабле нет ни одного мальчика.

И вот сейчас в небе уже разгорается заря.

Глава 7

ЭОБАЗ НАХОДИТСЯ В АПСИНФИИ¹⁷

– Для нас это одновременно и хорошо, и плохо, – сказал Эгесистрат. – Но, должен признаться, я бы ничего менять не стал, даже если б мог. Чтобы не сделать хуже.

Капитан кивнул, потирая лысую голову – так он, по-моему, делает всегда, когда о чем-то думает.

Ию, которая ходила с Эгесистратом проведать Элату, спросила:

– А где это – Апсинфия?

Нет, прежде, чем описывать этот разговор в харчевне, я должен описать всех этих людей и местность, где мы находимся, хотя, видимо, кое-что о них в моих записях уже есть. (Я, правда, бегло просмотрев свиток, нашел очень немногое.) Город этот называется Пактия, он расположен на берегу Геллеспонта.

Когда я разворачивал свой старый свиток – хотел выяснить, как я стал владельцем рабыни Ию, – то обнаружил рассказ об оракуле Светлого бога, который якобы сказал мне: "Ты должен пересечь узкое море". Некоторое время назад я

¹⁷ Апсинфия – местность на юге Фракии, к северо-западу от Херсонеса Фракийского.

спросил у Лисона (это моряк с нашего корабля), где у Геллеспонта самое узкое место, и он ответил, что он весь очень узкий. Тогда я спросил, есть ли на свете еще более узкие моря, и он сказал, что вряд ли. И прибавил, что пока что мы не пересекали Геллеспонт, а только плыли вдоль его западного берега. Он говорит, что на восточном берегу правят сатрапы Великого Царя, и, если мы подойдем к нему, нас захватят в плен или убьют.

Итак, я полагаю, что именно Геллеспонт и есть то узкое море, которое я должен переплыть, если хочу исцелиться, как вроде бы обещал мне Светлый бог. Да, там же моей рукой (я узнал собственный почерк) написано: "В мире наземном ищи, если сможешь увидеть!" Поскольку я не слепой и не имею желания стать прорицателем, как Эгесистрат, это, по моему, должно означать, что мне следует обратиться к прошлому. А как раз этого-то я сделать и не могу: вчерашний день, как и все предыдущие дни, уже окутан для меня туманом забвения. Я спросил Ио, не случается ли и с ней такого, когда она вспоминает прошлое. Она ответила, что лишь годы самого раннего детства как бы скрыты от нее некой пеленой; мне ее слова показались странными, ведь детство – это единственное, что я помню очень хорошо.

Прорицателю Эгесистрату лет сорок; он хром, и у него курчавая борода.

Его жена, Элата, очень красива и, мне кажется, весьма склонна к распутству. Он никогда не оставляет ее одну, а ес-

ли вынужден уйти, то за Элатой присматривает моя рабыня Ио. Поскольку мне она теперь почти не нужна, у меня нет причин для возражений.

Это Ио сообщила мне большую часть того, что я ныне знаю о здешних жителях. Она считается моей рабыней, на вид ей лет одиннадцать-двенадцать.

Надо бы спросить у нее самой – она-то должна знать свой возраст более точно. Пожалуй, она довольно высокая для своих лет; личико у нее милое, темные волосы кажутся почти черными.

Еще с нами плывет один чернокожий. Кажется, он мой друг, но я не видел его с тех пор, как мы пришвартовались. Он о чем-то поговорил с Эгесистратом на каком-то незнакомом мне языке и отправился с другими моряками на рынок. Потом Эгесистрат вернулся вместе с Элатой и Ио, но чернокожего с ними не было. Этот человек высок и силен, волосы у него еще более курчавые, чем борода Эгесистрата, а зубы крупные и очень белые; мы с ним примерно ровесники.

Нашего триерарха зовут Гиперид. Он на полголовы ниже меня ростом, лысый (как я уже упоминал) и чрезвычайно живой человек – все время что-то говорит, все время куда-то торопится. Перед тем как мы причалили, я вычистил его доспехи, в них он и сошел на берег. Это очень хорошие доспехи, насколько я могу судить; возможно также, что в них живет чей-то дух, потому что, когда я их чистил и полировал, мне все время казалось, что у меня за спиной стоит женщина

с сияющим лицом, но, когда я оглядывался, там никого не оказывалось.

У меня также есть меч. Гиперид заставил меня опоясаться им, когда мы сошли на берег. Я не знал даже, где он лежит, но Ио показала мне на сундучок (я на нем сидел), открыла крышку, и мой меч оказался там, внутри.

Это великолепный меч, с отделанной кожей рукоятью и бронзовой гардой; он крепится к украшенному бронзовыми накладками поясу, какой носят воины. По лезвию идет надпись "Фальката" – теми же буквами, какими пишу я. Доставая из сундучка меч, я и обнаружил свой старый свиток.

Гиперид рассказал, что земли Апсинфии раскинулись на северо-запад от Херсонеса Фракийского. Это хорошо, потому что далеко от границ Империи, но плохо, потому что мы не можем доплыть туда на корабле, если, конечно, не спустимся снова к югу тем путем, которым сюда приплыли, и не обогнем полуостров.

Ио хотелось знать, что может Эобаз делать у варваров. Эгесистрат пожал плечами и сказал:

– Он, возможно, оказался там не по своей воле. Предположим, его захватили в плен и увели туда насильно – варвары в этих краях вечно воюют друг с другом, совершая дикие набеги, убивая людей, грабя дома и забирая в плен всех, кто окажется в опасной близости от их земель и не будет иметь такого войска, как у Великого Царя. Единственное, что мне удалось о нем узнать, это то, что он находится в плену в этой

стране – об этом мне сказал один варвар, который клянется, что другой варвар, которому он полностью доверяет, был тому свидетелем.

Капитан отодвинул в сторону грязный подносик из-под ужина и сказал Эгесистрату:

– Но ты же можешь узнать о нем больше? Например, спросить у богов?

– Да, я так и собирался поступить, – кивнул прорицатель. – Вот только ответят ли они мне... – И он снова пожал плечами.

– Все равно, нам, наверное, не стоит строить планы на будущее, пока ты не посоветуешься с богами. Что тебе для этого нужно?

Пока они обсуждали эту проблему, Элата показала мне браслет, который ей купил Эгесистрат. По ее словам, это фракийская работа. Золото обработано грубо, но хитроумно, а узор являет собой переплетение виноградных лоз с листьями и гроздьями, меж которыми видны как бы два глаза из синих камешков. Ио говорит, что это очень похоже на ствол того большого дерева, увитый диким виноградом, возле которого Эгесистрат нашел Элату, хотя лично я не могу вспомнить ничего подобного, сколько бы ни разглядывал браслет.

– Ты ступай с ними, Латро, – велел мне Гиперид, – и делай то, что скажет Эгесистрат.

Я несколько удивился, поскольку почти не прислушивался к их разговору, но подчинился и встал с земли вместе с

Эгесистратом. Элата допила вино, улыбнулась и спросила:

– А нам тоже идти?

Эгесистрат кивнул:

– Возле города есть священная роща. Туда мы и направимся. – Потом добавил, обращаясь к Гипериду:

– Ты уверен, что не хочешь при этом присутствовать?

– Хотел бы, да не могу. Вряд ли от меня был бы какой-то прок – просто хотелось бы все поскорее узнать. Но если мы собираемся снова плыть вокруг полуострова, мне надо о многом позаботиться заранее.

– Твое отсутствие может повлиять на результат, – предупредил его прорицатель.

Гиперид поднялся.

– Ну, хорошо, я постараюсь присоединиться к вам попозже. Священная роща, говоришь? Кому она посвящена?

– Итису¹⁸, – сказал Эгесистрат.

Когда мы вышли из харчевни на мокрые улицы Пактии, Ио спросила, чем мы с Гиперидом занимались утром. Я рассказал ей о наших делах (мы посещали разных чиновников и торговались с лавочниками, а еще мне несколько раз пришлось сбегать на корабль с различными поручениями) и спросил, что делала она. Она ответила, что они с Элатой ходили по рынку, пока Эгесистрат болтал с варварами.

¹⁸ Итис – сын мифического фракийского царя Терея. Мать Итиса убила его, чтобы отомстить за свою сестру, обесчещенную Тереем, и, приготовив из мяса мальчика кушанье, накормила им мужа.

– Там много людей из Пурпуровой страны, – сообщила она. – Кажется, их называют финикийцами? Я их впервые вижу с тех пор, как мы покинули войско Великого Царя. Эгесистрат говорит, что они ждут, когда афинские корабли покинут Геллеспонт; только тогда они смогут тоже уплыть домой. – И она, заметив какую-то приоткрытую дверь, показала мне пальцем:

– Вон они стоят.

Видишь?

И я увидел четверых смуглых мужчин в расшитых шапках и великолепных пурпурных плащах. Они торговались с сапожником. Один из них, заметив, что я на него смотрю, махнул мне рукой и крикнул:

– Бахут!

– Охойя! – ответил ему я и тоже помахал рукой.

– Что ты ему сказал? – спросила Ио.

– Привет тебе, брат мой, – ответил я. – Обычное дружеское приветствие – так принято между людьми одной профессии, тем более попавшими в чужую страну.

Она смотрела на меня округлившимися глазами.

– Хозяин, значит, ты знаешь язык Пурпуровой страны?

Эгесистрат тут же остановился и оглянулся на нас.

Я ответил, что вовсе в этом не уверен.

– Ну попробуй. Представь, что я – оттуда; ну, скажем, я дочь такого человека в красном плаще.

– Хорошо, – согласился я.

– Вон там, видишь? Как называется то большое животное?

– Сису, – ответил я.

– Сису! – Ио была просто в восхищении. – А вот... а вон тот человек, что стоит к нам спиной, – как ты его назовешь, хозяин?

– Этого мальчика в ярком плаще? Пожалуй, бан. Нет, лучше нусир.

Ио замотала головой.

– Нет, я имела в виду старика. Я там вообще никакого мальчика не вижу.

Где ж там мальчик?

– А он заметил, что мы на него смотрим, и спрятался, – пояснил я. – Вон он, выглядывает из-за повозки. Его тоже любопытство разбирает.

– Кажется, ты действительно можешь говорить на языке финикийцев, хозяин! Может, даже совсем свободно. Ты этого, конечно, не помнишь, но однажды ты мне говорил еще, что "саламин" означает "мир".

Я подтвердил, что так оно и есть.

– Ага! Значит, мне уже тогда следовало догадаться... – пробормотала Ио.

– Надо мне все выяснить поподробнее. – Однако задавать мне еще вопросы по поводу моих неожиданных знаний она не стала; умолкла и не произнесла больше ни слова, пока мы не добрались до священной рощи – а пройти надо было стадий десять. Ио шла молча, покусывая прядку длинных своих

волос, и все время почему-то оглядывалась.

У городских ворот Эгесистрат купил немного вина и пару голубей в сплетенной из прутьев клетке, заметив, что этим можно будет немного подкрепиться после принесения жертвы богам. Я спросил, как гадают по внутренностям птиц, и он объяснил, что нет почти никакой разницы, по чьим внутренностям гадать – телки, барана или еще кого. Не нужно только использовать при гадании лопатку животного. Но сегодня, сказал он, гадать по внутренностям он не собирается. Тогда я спросил, как он будет задавать вопросы богам, и он ответил, что вопросы вместо него буду задавать я.

После чего мне тоже пришлось замолчать, потому что девушка, у которой мы купили голубей, была рядом и могла нас подслушать.

Деревья в священной роще уже позолотила осень, желтые листья усыпали землю. Весной здесь, должно быть, восхитительно, но сейчас это место казалось совершенно заброшенным. Не думаю, чтобы местные жители часто приносили жертвы Итису; если бы это было так, они бы, наверное, построили здесь храм. Пепел, оставшийся у алтаря после жертвоприношения, осенние дожди давно уже превратили в грязь.

– Сперва нам нужно разжечь костер, – сказал Эгесистрат и дал мне мелкую монету, чтобы я в ближайшем доме, над которым курился дымок, купил факел.

– Ой, мало люди ходит здесь в такой погода, – сообщила мне грязноватая старуха, видимо, хозяйка дома; она что-то

варила на плите и, привязав пару пучков соломы к длинной палке, протянула мне этот "факел". – А который приходит, просит, чтоб я дать им огня, но ничего не заплатит.

Я заверил старуху, что боги непременно ее вознаградят за благочестивые деяния, и добавил, что, поскольку я-то ей заплатил, неплохо было бы полить солому маслом.

– Масло? Для лампа? – Старуха поглядела на меня так, словно ламповое масло было бог весть какой редкостью. – Не надо никакой масло! Я тебе лучше жир дать, совсем хорошо гореть. Нельзя много огонь просто так давать, только если мой родственник приходит. – Она помолчала, пытаюсь убрать с лица пряди жестких седых волос. – Один раз, прошлый год, дала много огонь, только это был очень бедный мать, все время плакал, и совсем один был. Ты тоже потерял ребенок? Сколько лет?

Я отрицательно покачал головой и сказал, что никто из нас ребенка не терял.

– А все приходит, кто потерял ребенка – заблудился или умер. Больше умер, я так думать. Если много народ придет, берут огонь друг у друга, это так.

Жир, что она мне дала, был старый, прогорклый, но сразу вспыхнул и запылал с ревом, едва она сунула конец факела в огонь. Я спросил ее об Итисе, чье имя было мне неизвестно, и она ответила, что это был мальчик, которого съел его собственный отец.

Когда я вернулся в рощу, моряки что-то оживленно об-

суждали. Сейчас узнаю, что тут случилось, пока меня не было.

Глава 8

ОТПЛЫТИЕ "ЕВРОПЫ"

Кибернет сказал, что мы отчалим, как только рассветет, и Гиперид послал Асета с его гоплитами¹⁹ в город, чтобы собрать всех, кто задержался на берегу. Когда корабль отплывет, мне кажется, ни меня, ни Ио на его борту уже не будет. И чернокожего тоже. Надо будет спросить их об этом, когда я все запишу.

Матросы говорят, что корабль из Пурпуровой страны все-таки сумел ускользнуть. В начале года, когда Пактия еще находилась под властью Великого Царя, финикийцы могли торговать здесь совершенно свободно, ибо их земли тоже были покорены Империей. Но теперь войско Великого Царя отступило, и жители Пактии сами не знают, обретет ли их город независимость (как это было когда-то) или будет подчинен Персии. Когда мы с Гиперидом беседовали с местными чиновниками, те предупредили нас, чтобы мы ни в коем случае не затевали никаких ссор с подданными Империи – опасались, что впоследствии из-за этого может пострадать их город. Гиперид обещал, что никаких столкновений не будет. Теперь, когда корабль с "пурпуровыми плащами" ушел из гавани, финикийцы могут стать чьей угодно добычей; они

¹⁹ Гоплиты – воины-щитоносцы.

все лето торговали на побережье Первого моря и Понта Эвксинского, и у них на корабле полно богатых товаров. Моряки говорят, что, если финикийцы просто пересекут Геллеспонт и причалят в каком-нибудь порту, все еще находящемся под властью Великого Царя, тогда мы ничего не сможем сделать. Но вот если они попытаются идти на юг по Геллеспонту и дальше вдоль берега до своего родного Библа, тогда у нас есть шанс догнать их. Такое торговое судно, как у них, может плыть и ночью, а не только днем, тогда как нашей "Европе" необходимо почти каждый вечер бросать якорь у берега, чтобы запастись свежей водой. Зато "Европа" – трирема, так что она и под парусом идет гораздо быстрее торговых судов, и на веслах, если нет попутного ветра.

Так, теперь о том мальчике. Эгесистрат, Элата и Ио сложили небольшой костерок, пока я ходил за огнем, собрав самое сухое дерево, какое только могли найти. Я зажег его, и, когда костер как следует разгорелся, Эгесистрат рассказал нам легенду об Итисе, сыне Терея, царя Фракии.

Этот Терей был сыном бога войны Ареса и враждовал с Фивами. И вот, когда Фивы начали войну против Афин, он со своим войском отправился на помощь афинянам. Там он познакомился с Прокной, дочерью царя Пандиона, и взял ее в жены. Когда война закончилась, он вернулся во Фракию и увез Прокну с собой. Там она родила ему сына – Итиса. Все шло хорошо, пока ко двору царя Терея не прибыла сестра Прокны, Филомела. Терей без памяти влюбился в нее и

поссорился с женой, после чего сослал Прокну в самую отдаленную часть своего царства. Филомела сперва отвергала все ухаживания и притязания Терeya, и тогда он распустил слух, что царица Прокна погибла в результате набега какого-то племени варваров. Решив, что теперь она может стать царицей, Филомела уступила домогательствам Терeya; но на следующее утро он отрезал ей язык, чтобы никто не узнал, что произошло, поскольку не желал, чтобы тот сын, которого, возможно, родит Филомела, когда-нибудь попытался оспорить права Итиса на престол; ведь он любил своего сына со всей страстью, на какую способен даже отъявленный негодяй, если его ребенок похож на него как две капли воды.

Вскоре искалеченную Филомелу отослали домой, в родной город. Хотя все это происходило, разумеется, еще до того, как люди научились писать, по-моему, отсутствие письменности не могло помешать этой женщине сообщить людям, что с ней произошло, ведь все можно рассказать и с помощью жестов, как со мной обычно разговаривает наш чернокожий. К тому же отец Филомелы и все остальные, несомненно, должны были очень удивиться, обнаружив, что она больше не может говорить. С другой стороны, сколь многие женщины, отнюдь не лишившись языка, но став жертвой насилия, продолжают молчать, опасаясь позора! Несомненно, несчастная Филомела, столь жестоким образом лишенная речи, испытывала те же чувства.

Однако вскоре она узнала, что сестра ее жива и вернулась

к своему мужу; этого она стерпеть не смогла. Она потратила несколько месяцев на изготовление великолепного плаща, поистине достойного царицы, из самой лучшей шерсти; и на этом плаще вышила в картинках всю свою печальную историю.

После чего с достойным всяческого уважения мужеством прибыла ко двору царя Терей и показала ему роскошный вышитый плащ, который привезла в подарок сестре. Она, разумеется, старалась держать его подальше от царских глаз, чтобы Терей не разглядел, что на нем вышито. Зато Прокна рассмотрела его хорошо, удалившись в свои покои, и сразу все поняла. И тогда она собственными руками убила своего сына Итиса.

Сестры вместе разрубили тело несчастного мальчика на куски, зажарили и в тот же вечер подали на ужин Терее. Тот был изрядным обжорой и, ничего не подозревая, съел все до последнего кусочка; когда он объявил, что жаркое было превосходным, сестры открыли ему страшную тайну: он (подобно богу времени Хроносу, как заметил Эгесистрат) пожрал собственного сына и единственного наследника.

Терей бросился на сестер, обнажив меч. Но богиня Синтия, которая всегда мстит за поруганную девичью честь, превратила его в черного грифа-падальщика, Прокну – в соловья, а несчастную Филомелу – в ласточку, у которой хвост вырезан посередине, как был вырезан язык Филомелы. Вот почему соловей поет только вдали от чужих глаз, а ласточка

летает так быстро, что ее невозможно поймать; ведь их вечный враг продолжает преследовать их.

А бедный Итис, убитый собственной матерью в отместку за преступление отца, теперь помогает всем детям, которые страдают по неведомым им самим причинам, по малолетству своему еще неспособные даже понять эти причины.

Рассказав нам эту легенду, Эгесистрат велел мне встать между алтарем и костром и, бормоча заклинания, перерезал горло голубям, чтобы кровь их капала в огонь, затем совершил возлияние вином и бросил в костер какие-то благовонные травы. Проделав все это, он запел гимн Итису, а Ио и Элата вторили ему.

От дыма костра у меня зашипало в носу, потом вдруг захотелось спать; и я, по-моему, задремал, а во сне увидел того мальчика, которого встретил на рынке. Это был отрок, еще не превратившийся в мужчину, но уже с первым пушком на верхней губе и на щеках, одетый в дорогой плащ явно восточного происхождения. Черные волосы его были тщательно причесаны, в ушах – золотые кольца. Но вел он себя как-то странно, словно пробрался сюда украдкой, и очень удивился, когда я спросил, зачем он присоединился к нам, если не принимает участия в жертвоприношении.

И тут Эгесистрат вдруг спросил меня, помню ли я, кто он такой. Я ответил, что его зовут Эгесистрат и что он прорицатель. Он спросил, могу ли я бегать так же быстро, как он; когда я заявил, что могу, он снова спросил, могу ли я бегать

быстрее, чем он, и я сказал, что могу. Тогда он спросил, помню ли я кибернета и сможет ли он, Эгесистрат, обогнать его. Я ответил, что не сможет, и он спросил, почему я так думаю.

– Ты и сам должен знать, – ответил я.

– Конечно я знаю. Но хочу выяснить, знаешь ли ты.

– Да ведь ты хромой! Тебя ранили спартанцы – так, во всяком случае, ты мне говорил.

Почему-то Ио очень удивилась этим моим словам. Странно.

– А куда меня ранили? – продолжал расспрашивать Эгесистрат.

– В бедро.

Он кивнул.

– А как тебе нравятся мои новые зимние сапоги? Как ты думаешь, в них удобно бегать? Оба ли они для этого хороши?

Я взглянул на его сапоги и заверил его, что они превосходные (так оно и было на самом деле).

– Впрочем, как и любая обувь, они больше годятся для ходьбы, чем для бега, – заметил я. – Быстрее всего человек бегаёт босиком.

– Хорошо сказано, – заявил Эгесистрат. – А теперь скажи, Латро, ты все еще видишь мальчика, с которым только что разговаривал?

Элата подмигнула мне и указала, куда нужно смотреть. Но в ее подсказке не было никакой необходимости. Я по-прежнему хорошо видел этого мальчика, о чем и сказал Эгеси-

страту.

– Спроси у него, как поживает Эобаз.

Не имею понятия, откуда мальчику могло быть известно о каком-то Эобазе и почему Эгесистрат считает, что ему это известно (разве что кто-то утром на рынке ему сказал?). Я окликнул мальчика:

– Эй! Подойди-ка поближе к костру! Что ты можешь сказать нам о спартанце Эобазе, изготовившем канаты для моста, построенного Великим Царем? – Я помнил, кто такой Эобаз, потому что прорицатель говорил о нем с нашим капитаном совсем недавно, в харчевне.

– Эобаз – не спартанец, – отвечал мальчик. – Он мидиец.

– Значит, ты его знаешь?

Он пожал плечами и повторил:

– Он мидиец. Мы мидийцам не доверяем, они не нашего племени.

– Ты должен повторять все, что скажет мальчик, – велел мне Эгесистрат.

Я повторил. Эгесистрат сказал:

– А теперь спроси его, где Эобаз сейчас.

Повторять его вопрос не было необходимости – мальчик прекрасно все слышал. Он на мгновение прикрыл глаза и промолвил:

– Эобаз на коне.

– Он едет верхом, – сообщил я Эгесистрату.

Прорицатель потер щеку и спросил:

– Один?

– Нет, – отвечал мальчик, обращаясь ко мне. – С ним много людей.

Высокие воины с копьями. Безволосый и очень сильный человек держит веревку, завязанную петлей у Эобаза на шее. – Понимая, что Эгесистрат мальчика не слышит, я повторил все это.

– Руки у него связаны?

Мальчик кивнул:

– Связаны, и конец веревки привязан к подпруге его коня.

– Латро! – раздался вдруг чей-то голос.

Удивленный, я оглянулся и увидел капитана Гиперида, который только что подошел к нам. Он помахал мне рукой, и я помахал ему в ответ. Тут мне в лицо вдруг пахнуло дымом, я закашлялся и вынужден был отойти от костра.

Эгесистрат тоже поздоровался с Гиперидом. Не знаю уж, куда при этом делся мальчик, я его больше не видел. Гиперид спросил, как прошло жертвоприношение и благоприятными ли были указания богов.

– Весьма благоприятными, – отвечал Эгесистрат. – Но при условии, что мы последуем совету Итиса.

– Превосходно! – воскликнул Гиперид, садясь у костра и протягивая руки к огню. – А каково это условие?

– Тебе с экипажем предстоит обогнуть мыс Геллы и встретить нас на фракийском берегу. А мы – Итис указал на нас четверых и на твоего чернокожего раба – должны последо-

вать за Эобазом во Фракию.

Гиперид поморщился:

– Мне не хотелось бы расставаться с вами.

Элата, улыбаясь, сказала:

– Ничего, надеюсь, наша разлука будет недолгой.

Гиперид с мрачным видом кивнул и задумался, уставившись на огонь.

– Что касается меня самого и "Европы" с ее командой, совет Итиса был вполне подходящим, это ясно. Конечно, мы не можем оставить корабль, а если Эобаз и впрямь находится во Фракии...

– Он действительно там, – сказал Эгесистрат. – Итис подтвердил это.

– Тогда нам следует тотчас же сообщить это Ксантиппу и отправляться во Фракию как можно скорее. Однако вы пятеро здорово рискуете! – Он глянул на Ио:

– Девочке тоже надо ехать с вами?

– Если Латро поедет, – сказала Ио, – я должна ехать с ним.

Эгесистрат поддержал ее.

– Хорошо, пусть отправляется, – кивнул Гиперид. – Они с Элатой все же не так сильно рискуют, как вы с Латро и чернокожий. – Он вздохнул. – Двое из вас, конечно, хорошие воины. Во всяком случае, я сам видел, как сражается чернокожий, а про Латро мне рассказывал один поэт, Пиндар его имя. Он даже собирался написать о Латро поэму. Ты-то, Эгесистрат, разумеется, воевать не можешь. И ноги у тебя

нет, и культя еще не зажила...

(Только сейчас я разглядел правую ногу Эгесистрата! Раньше-то я думал, она обута в сапог, но теперь понял, что это просто деревяшка. И решил убить его при первой же возможности.) – Культя моя быстро подживает, – возразил Эгесистрат. – И хотя от меня мало проку в боевой фаланге или при абордаже, если меня посадить в седло, я буду ничуть не хуже любого другого всадника.

Гиперид поднялся, потирая руки.

– Лошади дорого стоят, – заметил он. – Понадобится по крайней мере...

Но Эгесистрат только отмахнулся от него, заявив, что сам за все заплатит. А когда мы вернулись в Сест, чернокожий отвел его в сторонку и показал ему пять лошадей. Я сам видел, потому что пошел за ними, хотя они меня не заметили. Я догадался, зачем Эгесистрат отослал чернокожего – чтобы тот купил лошадей, а это значит, ему было известно, что они понадобятся, задолго до того, как мы пошли в рощу Итиса! И, по-моему, мальчик, с которым я беседовал, был вовсе не Итис, а самый обыкновенный живой подросток, возможно, с какого-нибудь иноземного корабля. И вовсе он не говорил того, что Эгесистрат потом передал Гипериду!

Похоже, этот Эгесистрат просто предатель. Что ж, за предательство я ему отомщу: убью его, как только корабль уплынет.

Ио пришла ко мне, когда я ложился спать, и сказала, что

ей холодно. Я уложил ее рядом с собой и накрыл своим плащом, а ее плащ набросил сверху.

Когда я спросил, сколько ей лет, она некоторое время явно колебалась, решая, видимо, какой возраст мне покажется приемлемым. Я даже упоминать здесь не стану, какой возраст она мне назвала: это безусловно вранье.

Скоро я догадался, чего она, собственно, хочет от меня, но не пошел у нее на поводу и сдержался, хотя многие на моем месте, наверное, поступили бы иначе. Я спросил только, довольна ли она, что отправляется во Фракию вместе с Эгесистратом и Элатой, и она сказала, что очень этому рада. Когда же я спросил, почему, она отвечала, что Фракия находится на пути в Фивы, и что Пиндар, вероятно, сейчас как раз в Фивах, и что для меня лучше всего было бы найти Пиндара, который, наверное, сможет отвести нас туда, где меня исцелят. Услышав это, я очень обрадовался, потому что подробно записал все, что говорили об этом Пиндаре, и уже прочел свои записи.

Потом я немного поспал. А когда проснулся, услышал, что Ио плачет. Я спросил, отчего, и она ответила, что была в Фивах храмовой рабыней и, если вернется туда, ее, несомненно, жестоко накажут. Я спросил, не из Фив ли я сам родом, хотя и предполагал, что это не так. Она ответила, что я не фиванец, а только она сама фиванка. Если это действительно так, у меня нет ни малейшего желания ехать в Фивы. Я буду продолжать свои поиски, пока не найду такое место, где лю-

ди меня узнают и смогут сказать, что я с ними одной крови.

Однако постараюсь при этом по возможности не подвергать жизнь Ио опасности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 9 ЧТО СКАЗАЛА ЭЛАТА

Мне нужно перечитывать свои записи каждое утро, как только проснусь, и каждый вечер, пока не стемнело, записывать то, что произошло за день. Это уже вошло у меня в привычку, хотя я все же иногда забываю сделать очередную запись. Необходимо продолжать вести дневник во что бы то ни стало!

Нынче утром я увидел трех женщин, но не знал, как их зовут и почему они пляшут. Остальные еще спали, когда Элата вернулась в лагерь. Я тогда не помнил, что она из нашего отряда, но она заверила меня, что это так, и когда я пересчитал лошадей, то понял, что она говорит правду. Да и все остальные хорошо знали ее, как я потом смог убедиться. Элата сказала мне, что плясала она в полном одиночестве, поскольку любит танцы, а после езды верхом у нее все тело затекло и болело, так что хотелось размяться.

Но я определенно видел и других плясуний! Я с восторгом отозвался об их грации и спросил, куда же делись они. И тогда Элата объяснила, что то были дочери реки и живут

они на дне. Она предложила даже проводить меня туда, если я того пожелаю, чтоб я сам мог их увидеть. Если мужчина, подобно мне, носит пояс воина, он не должен поддаваться страху; и все же я испугался как ребенок, когда она мне предложила опуститься на дно реки, и, конечно же, с нею не пошел.

Она рассмеялась и поцеловала меня; она такая маленькая, хрупкая, но когда я держал ее в своих объятиях, она показалась мне гораздо больше, чем я сам. Она говорит, что река эта называется Мелас и что по ней проходит граница Апсинфии.

Я спросил у нее, почему они так весело плясали, и она ответила: потому что пошли дожди.

– Ты, наверное, не помнишь, сколько вина я выпила в ту ночь, когда мы впервые встретились с тобой, Латро. Я все пила и пила, я просто умирала от жажды! – Она улыбнулась, склонив голову набок. – А теперь снова пошли дожди – лучшая пора для всех растений. Хочешь снова лечь со мною?

Страх все еще шевелился у меня в душе, но я кивнул. И тут один из спящих проснулся, Элата рассмеялась и отодвинулась от меня. Может, она просто смеялась надо мной и мы с ней никогда не делили ложе? Нет, я чувствую, что познал ее.

Проснувшийся сел, протер глаза и сказал:

– Доброе утро, Латро. Меня зовут Эгесистрат. Ты не можешь мне обуться?

Я ответил, что помогу, если нужно. Он объяснил, что ему очень трудно натягивать сапоги и что я ему каждое утро помогаю делать это. Наверное, так оно и есть, хотя я ничего не помню. Надо сказать, сапоги он натянул без особых трудностей. И еще заметил, что будет очень рад, когда вновь наступит теплая погода и можно будет носить сандалии. Я тоже буду этому рад: в сапогах очень неудобно не только ходить, но и даже ездить верхом.

Тут проснулась девочка. Она говорит, что ее зовут Ио. Позже она мне еще немного рассказала об остальных наших спутниках и о том, куда мы направляемся. Оказывается, мы надеемся найти одного плененного варварами мидийца, которого зовут Эобаз, а потом отвезти его в Афины. Я согласно кивал, понимая, что в сердце моем не много отыщется теплых чувств по отношению к Афинам, зато я исполнен сочувствия к этому Эобазу.

Проснулся чернокожий. Он пошел умываться к реке. Поскольку я почему-то за него опасался, то решил проводить его и тоже умыться. Элата явилась к реке следом за нами – похоже, боялась, что я расскажу ему о плясках на берегу. Она все время прижимала палец к губам, когда он не смотрел в ее сторону. Сбросив одежду, она нырнула в стремительный поток; мы же с чернокожим зашли в воду только по пояс, а Ио (которая тоже пришла на берег реки) просто вымыла руки и ноги.

Самым последним явился Эгесистрат. По-моему, только

потому, что боялся за Элату. Но, раз уж он сюда явился, ему пришлось снять сапоги и вымыть ноги. Потом он их вытер и снова запросто натянул сапоги – без моей помощи.

Интересно, что бы это значило? Может быть, так он хочет показать мне, что я должен ему подчиняться? Я ведь всего лишь помог товарищу, который к тому же значительно старше меня. Нет, вряд ли я подчиняюсь ему: я же не вол, чтобы ходить под ярмом.

Я тоже боялся ненароком упомянуть о тех плясуньях и решил рассказать чернокожему и остальным, что видел на берегу всадника, огромного человека с длинным копьем и на гигантском жеребце.

– Он, наверное, из Эноса, – сказал Эгесистрат. – Может, разведчик, а может, просто какой-нибудь аристократ местный на охоту выбрался. Вот переправимся через реку и окажемся на их территории. – Он кисло улыбнулся и добавил:

– Не сомневаюсь, многие еще до заката явятся приветствовать нас.

Я спросил его, не охотятся ли жители Эноса со львами, как другие народы с собаками, но он заверил меня, что у них таких традиций нет. Зверь, который несся рядом с конем всадника, показался мне самым настоящим львом, но я об этом рассказывать не стал.

Солнце, которое с утра сияло так ярко, теперь спряталось за тучи, посыпался мелкий дождь. Нам пришлось долго ехать вверх по течению, пока мы не нашли брод; и хотя множе-

ство следов копытных животных указывало, что брод действительно здесь, вода при переправе была лошадям по брюхо. Дождь прекратился вскоре после того, как мы переправились, но солнце так больше и не показалось. Когда мы взобрались на холм, с вершины которого видны были на том берегу шумной реки угли нашего костра, уже миновал полдень; в городах на рынках в это время полно народу.

Чернокожий все время ехал впереди, но когда мы на минутку остановились, чтобы оглянуться, он подъехал к нам и о чем-то заговорил с Эгесистратом на неведомом мне языке. Эгесистрат потом объяснил, что чернокожий настаивает, чтобы теперь после каждого брода мы ехали прямо на запад, а не возвращались по другому берегу, как до сих пор.

– Это будет долгое и тяжелое путешествие, – признал Эгесистрат. – У нас и так маловато продовольствия, а чем глубже мы забираемся, тем больше рискуем заблудиться. Мы можем даже невольно пересечь эту страну и оказаться на территории ее северных соседей. Можно, конечно, ориентироваться по солнцу и звездам, если боги пошлют нам ясную погоду, но мне кажется, вряд ли мы скоро вновь увидим чистое небо.

Чернокожий воздел палец, как бы показывая, что он и без того знает, где сейчас солнце, хоть небо и закрыто облаками.

– Пока что, – продолжал Эгесистрат, – мы старались держаться побережья, чтобы выйти к месту встречи с "Европой" у большого храма в устье Гебра. Но сперва надо все же выяс-

нить, где находится Эобаз. А когда мы достигнем Гебра, то сможем двигаться по его течению, пока не придем к храму. Давайте решим, кто каким путем хочет идти. Те, кто за предложение нашего чернокожего друга по имени Семь Львов, пусть поднимет руку.

Чернокожий тут же поднял руку, я тоже – уверен, что он действительно мой друг. Ио тоже подняла руку, наверное желая показать мне свою покорность. Итак, все было решено.

Когда мы тронулись в путь, я поискал было на земле следы копыт – там, где видел всадника, – рассчитывая обнаружить и следы того зверя, что несся рядом с огромным конем, и определить, кто это был: собака, как утверждает Эгесистрат, или все-таки лев, как показалось мне. Это не очень верный способ – порой крупные псы, а тем более овчарки, выведенные молоссами²⁰, оставляют следы не меньшего размера, чем у молодого льва; единственное, что их отличает: в собачьем следе всегда видны отпечатки когтей, а лев когти, как и всякая кошка, убирает. Но, сколько я ни искал, следов копыт огромного коня так и не обнаружил, зато заметил следы молодого льва.

В здешних местах берег низкий, почти плоский, зачастую заболоченный, и мы не всегда ехали у самой воды; но когда это все же случалось, нигде вдали не было видно никаких

²⁰ Молоссы – древнее племя, с конца V в. до н.э. молоссы занимали господствующее положение в Эпире. Наиболее известным царем молоссов считается Пирр. Молоссы вывели особую породу крупных овчарок.

островов, хотя, мне кажется, в такой ясный летний день мы должны были бы их увидеть. В первый раз мы перекусили, не слезая с коней; потом сделали привал у ручья с очень чистой и вкусной водой. Мы стреножили коней и развели костер, чтобы сварить обед. Мы уже покончили с хлебом и маслинами и как раз решали, не разбить ли здесь лагерь, когда Ио заметила всадников.

Она закричала, указывая на них рукой. Спускались сумерки, так что всадников различить было трудно, особенно если перед этим смотреть на огонь. Впрочем, через минуту я уже хорошо видел их на фоне деревьев, которые росли вдоль ручья: девять человек, вооруженных копьями. Эгесистрат встал и поздоровался с ними на фракийском наречии, а я проверил, легко ли выходит мой меч из ножен, заметив, что и чернокожий шарит рукой в поисках своих дротиков. Надо отметить, что у Эгесистрата, у меня и у чернокожего имеется по паре очень хороших дротиков; Ио говорит, что Эгесистрат купил их в Пактии, городе, оставшемся позади, на юго-востоке. У Эгесистрата еще есть легкий боевой топор с длинной рукояткой – обычное оружие мидийцев, – украшенный золотыми инкрустациями и накладками. У чернокожего имеется обоюдоострый кинжал, тоже, по-моему, мидийской работы, но с бронзовой отделкой, как и мой меч.

Когда Эгесистрат заговорил, он поднял чашу с вином, и я понял, что он предлагает всадникам выпить с нами вина. Один из фракийцев что-то ответил.

Я не понял, что именно, но по его тону догадался, что он от угощения отказывается. Я шепотом сказал Ио, что от нее в схватке все равно никакого проку, и велел спрятаться на берегу. Она кивнула и как будто подчинилась – отошла от костра в темноту, хотя вряд ли достаточно далеко.

Конники приблизились к костру. Тот, что отвечал Эгесистрату, что-то сказал, и Эгесистрат надел мех с вином на протянутый ему фракийцем конец копья. Всадник поднял копье, и мех съехал прямо ему в руки. Он сделал несколько глотков неразбавленного вина и передал мех своему соседу.

Эгесистрат жестом указал на небольшую кучку наших вещей – похоже, хотел показать, что вина у нас больше нет.

Фракиец указал копьем в сторону чернокожего и опять что-то сказал.

– Опустит оружие, – велел чернокожему Эгесистрат, и тот подчинился, воткнув дротики в мягкую землю. Я еще подумал, что легко можно было бы убить этого фракийца, метнув в него дротик, лежавший рядом со мной. А если бы их предводитель оказался убит, остальные наверняка тут же умчались бы прочь. Во всяком случае, мне так казалось, но дротик метать я не стал.

Фракиец объехал вокруг костра и остановился возле Элэты. Он жестом приказал ей встать ближе к огню, чтобы лучше видеть ее. Она только головой качнула, вся дрожа. Тогда фракиец направил своего коня прямо на нее, искусно им управляя, так что мощная грудь жеребца нависла прямо над

Элатой, и заставил ее отступить к огню.

В конце концов она задела конец горящей ветки, и та, шевельнувшись, разметала костер, подняв сноп красных искр. Элата вскрикнула, Эгесистрат закричал на фракийца, но другой всадник двинулся на прорицателя и толкнул его. В тот же миг дротик чернокожего со свистом поразил этого фракийца прямо в глаз; острие его как рог выскочило у конника из-за уха. Мне, конечно, следовало тоже метнуть дротик; но я почему-то решил ударить предводителя фракийцев мечом – снизу, под ребра – и, когда он упал, отрубил ему голову, поразившись тому, что мой меч такой острый. Я и не знал этого.

Тогда остальные фракийцы бросились было прочь, но вдруг развернулись и опустили копья. Я хотел было снять путы со своего коня, надеясь успеть до того, как они бросятся в атаку, но путы с него оказались сняты. Он был взнуздан, Ио держала его за повод. Едва я вспрыгнул ему на спину, как раздался громкий топот коней.

Но то была вовсе не атака фракийцев! В одно мгновение, точно ураган, налетевший во мраке ночи, вокруг замелькали длинноволосые всадники; один из них пронесся прямо через костер, раскидав горящие уголья, так что за ним будто огненный шлейф потянулся.

Я бросился следом за ними и тут же был "вознагражден": стрела проткнула мне ухо. Зато больше не пришлось никого убивать – оставшиеся в живых фракийцы бежали. Между

тем я достиг места, где только что была схватка.

Какая-то раненая женщина (я сперва принял ее за мужчину) билась на земле среди мертвых тел; на губах ее пузырилась кровь, она тщетно пыталась глубоко вздохнуть. (Еще не спешившись, я услышал, с каким ужасным звуком хлюпает рана у нее в груди!) Я разорвал на ней тунику и перевязал несчастную, закрыв рану мхом и стянув полосками ткани. Только теперь я убедился, что это женщина, ощутив под руками ее грудь. Вернулись ее подруги, однако, увидев, что я затягивал последний узел на повязке, не стали вмешиваться.

Мы прикрепили плащ к древкам двух копий и перенесли раненую к костру.

Эгесистрат зашил ее рану жилами, смоченными в вине. Я знаю, он не верит, что она выживет. Впрочем, не верю в это и я. А вот Элата уверена, что женщина будет жить.

Элата намазала мне ухо разогретой смолой, чтобы остановить кровь. Ио плачет от жалости ко мне, и я очень этим недоволен. Я уже объяснил ей, что мужчину убивает не кровь, текущая из раны, но гнев богов. Чернокожий только смеется над нами. Он стоит, выпрямившись и гордо выпятив грудь, так как эти женщины никогда не видели таких, как он.

* * *

Теперь все уже заснули за исключением Эгесистрата и одной из тех женщин. Сейчас он с ней беседует. Лошади бес-

покойно топчутся и ржут, чувствуя запах крови. Фракийцы, конечно, вернуться и приведут с собой других – но, думаю, еще не скоро, вряд ли до восхода солнца.

Глава 10

АМАЗОНКИ

Женщины-воительницы всегда сжигают тела павших по-друг. Об этом – как и о многом другом – я узнал от Эгесистрата, который говорит на языке амазонок и утверждает, что этот язык отличается от фракийского. Я спросил, сколько же языков он знает – сам-то я, похоже, знаю только два: тот, на котором пишу свой дневник, и тот, на котором разговариваю с Ио и остальными; правда, Ио уверяет, что я знаю по крайней мере еще один.

Эгесистрат сказал мне, что говорит на всех языках. Вероятно, так оно и есть. Ио называет его прорицателем, но не желает больше ничего рассказывать мне о нем. Женщины-воительницы считают чернокожего жутким; мне известно, что то же самое Ио думает о прелестной Элате; самому же мне кажется, что Эгесистрат куда более жуткий и странный человек, чем даже эти воительницы.

Он называет этих женщин "безгрудыми" «от греч. amazon – "лишенная груди"», Ио с Элатой тоже так их зовут, я последую их примеру. Ио говорит, что прошлым летом нам о них рассказывала одна женщина по имени Дракайна, весьма скверная с точки зрения Ио, но я этого не помню.

Если Фаретра умрет, остальные останутся здесь, сложат огромный костер и устроят ей огненное погребение. Нам же

задерживаться ни к чему, если сами не захотим. Так говорит Эгесистрат, а мне кажется, что не стоит отделяться от амазонок. Мы явно еще не раз будем сталкиваться с воинственными фракийцами, а драться амазонки умеют не хуже нас. Я поговорил об этом с чернокожим, и он со мной согласен. Конечно, Эгесистрат с Элаторой никуда без нас не уедут.

Амазонки сделали для Фаретры носилки и закрепили их между двумя лошадьми, отбитыми у фракийцев. Нынче утром, когда я ехал рядом, раненая улыбалась и что-то говорила мне. Я покачал головой, показывая, что не понимаю ее, и она показала мне знаками, чтобы я помог ей слезть с носилок; но я не стал этого делать. Волосы у нее почти такого же цвета, как мои, только чуть порыжее. Рана причиняет ей сильные страдания; лицо осунулось, побледнело; кожа на скулах натянута так, что кости выпирают.

Все амазонки высокие и очень сильные. У них только одна грудь, левая, а на месте правой – плоский белесый шрам; их туники держатся только на одной завязке, прикрывая этот шрам. Я спросил у Фаретры, почему это так. Она ответила с помощью разных знаков, но я ничего не понял и спросил снова:

– Вам нужна только одна грудь, потому что вы рожаете и выкармливаете только одного младенца?

Фаретра кивнула. Стало быть, она, по крайней мере, несколько слов понимает на языке эллинов?

Я спросил, как ее зовут. Она сказала, но я не могу пра-

вильно произнести ее имя так, как произносит она. Звучит примерно как "фаретра", то есть "чехол для лука" – это наиболее похожее на ее имя слово, хотя она засмеялась, когда я ее так назвал.

Итак, скоро мы тронемся в путь.

* * *

Мы миновали какой-то фракийский город и разбили лагерь на болотистом поле на берегу реки. Все злятся по этому поводу, я тоже. После утренней трапезы мы встретили фракийцев; Ио говорит, что они выглядят точно так же, как те, которых мы перебили прошлой ночью. Я перечитал все, что записал об этом событии, но нового для себя узнал мало. Мне следует поменьше писать о том, что произошло, и больше о том, что я вижу вокруг.

У многих высокородных фракийцев щеки украшены татуировкой, а на пальцах золотые кольца. Уздечки их коней и вообще вся упряжь так украшены золотом, что невероятно тяжелы, и кони аж сгибаются под их тяжестью. Фракийцев было не менее сотни. Нам бы ни за что не выстоять против них в бою, ведь у нас всего трое мужчин да несколько женщин, но Эгесистрат и предводительница амазонок после недолгих переговоров заключили с ними перемирие. Эгесистрат считает, что это было бы невозможно, если б фракийцы не пожелали представить женщин-воительниц своему царю.

Он еще говорит, что некоторые из них понимают наш язык, хоть и притворяются, что это не так; поэтому нам следует соблюдать осторожность и не болтать чего не следует. Он спросил разрешения собрать топливо для костра, но фракийцы говорят, что топлива здесь нет (это ложь!) и что они сами нам его привезут. Придется мне писать побыстрее, пока еще светло.

На полях вокруг стоит недозревшая рожь, и мы здорово потравили ее своими конями. Явно не все фракийцы ездят верхом – мы видели много пеших крестьян. Всадники – это, вероятно, землевладельцы или их приближенные.

Многие явно очень богаты.

Мне кажется, копье – основное их оружие. Длинной эти копья в полтора человеческого роста, но они не толще небольшой пики; мне, я думаю, такое копье показалось бы неудобным, но фракийцы прекрасно с ним управляются.

Мечи, что я у них видел, заострены только с одной стороны, как моя Фальката, а конец у них длинный, суживающийся. У некоторых есть луки, но они, по-моему, менее мощные, чем у амазонок. Фракийцы носят кольчуги из плетеных колец или стеганные льняные куртки, у некоторых есть и шлемы; амазонки же вообще не носят никаких лат.

Луки амазонок сборные, они склеены из нескольких слоев рога и дерева и сверху обтянуты кожей. Каждая из них держит в своем чехле для лука комок пчелиного воска, которым натирает оружие, предохраняя его от влаги; сам чехол они

тоже натирают воском. Чехлы у всех просто великолепные, из тисненой кожи. Фаретра дала мне свой посмотреть. Там есть отделение для самого лука, вшитая пустотелая кость для хранения запасных тетив и еще отделение в виде колчана для стрел. Спереди на чехле для лука изображен грифон, убивающий воина – причем это не нарисовано, а вытиснено. Надо полагать, изображение сперва вырезали на деревянной пластине, затем на этот шаблон была наложена мокрая кожа, которую тщательно обработали деревянными молотками, пока она была еще влажной. Стрелы у них длиной в локоть и два пальца, наконечники железные; правда, мне их стрелы кажутся слишком маленькими и тонкими.

А вот меч у Фаретры очень странный. Такой же серповидный, как у меня, но внешний его край тоже заострен. Если отрезать половину от меча, напоминающего формой лист, то как раз и получится меч амазонки. Мне представляется, что такой длинный и легкий клинок очень удобен для всадника.

Какой-то крестьянин привез нам дрова на своей телеге. Горящий костер, на котором можно приготовить горячую еду, улучшил у всех настроение.

Эгесистрат заплатил за дрова два оболы, что, по-моему, очень дорого. Он сказал Элате, что крестьянин обещал еще привезти нам вина и молодого барашка, так что у нас, видимо, будет неплохой ужин. Ио говорит, что мы давно не ели как следует. Да и раненой Фаретре мясо тоже пошло бы на пользу.

Эгесистрат рассказывал, что тот фракийский город называется Кобрис, а тамошнего царя зовут Котис²¹. Некоторые жители Кобриса выглядели, по-моему, как настоящие эллины, хотя несомненно были фракийцами. Нас охраняет дюжина конников; иногда они съезжаются по двое, по трое поболтать, но командир заставляет их вновь рассыпаться цепью. Я решил, что поем вместе со всеми, а потом притворюсь, будто заснул; там посмотрим, насколько бдительно эти фракийцы нас сторожат.

* * *

Не желая открывать свои намерения, но стремясь выяснить, насколько задуманное мною может быть опасным, я спросил у Эгесистрата, что уготовано мне Судьбой в будущем. Он улыбнулся и сказал, что гадание – не самый плохой способ скоротать вечерок. Ио тоже загорелась желанием узнать будущее, и Эгесистрат обещал и ей погадать при условии, что она будет ему помогать, пока он гадает мне.

Она с готовностью согласилась, и он достал из своего мешка маленькое зеркальце, протер его солью и совершил возлияние вином в честь Богини любви (зеркала находятся в ее ведении, как он нам объяснил), а потом велел Ио принести из

²¹ Котис (Котито) – фракийская богиня растительности и плодородия. Ее оргиастический культ был распространен больше всего в Коринфе, однако еще в античности его неистовая разнузданность вызывала протесты.

костра горящую головню. Сев спиной к огню, он некоторое время наблюдал с помощью зеркала за звездами – во всяком случае, так мне показалось. На небе нынче ночью есть облака, хотя оно и не полностью закрыто; клочья тумана наползают порой, закрывая луну и лицо той, которая ее держит.

Когда Эгесистрат наконец удостоверился, что все в порядке, то научил Ио простенькому заклинанию и велел ходить по кругу и повторять эти слова, высоко держа горящую головню и шагая в такт им. Элата тихонько запела другое заклинание; пела она почти неслышно, но звук ее голоса, казалось, заполнил все вокруг, раздаваясь во мраке ночи, как завывание ветра. Вскоре четыре амазонки уже били в ладоши в такт пению, поддерживая ритм, а пятая натянула лук и стала пощипывать тетиву, как струну, придерживая ее пальцем то выше, то ниже. Чернокожий и еще две амазонки постукивали в такт деревяшками.

– Мечи, – бормотал Эгесистрат. – Вижу мечи. Ты подвергаешься большой опасности, которая станет еще сильнее. Много мечей, длинных и острых!

Я спросил, погибну ли я.

– Может быть. Но я вижу богов рядом с тобою; многие из них улыбаются.

Ника всюду сопровождает тебя. Вот и Губитель тебе улыбается... – Он выронил зеркало. Ио остановилась; все остальные замолкли. Элата бросилась к Эгесистрату.

– Что ты увидел? – спросил я.

Он вздрогнул, поднял зеркало и повернул его отражающей стороной вниз.

– Свою смерть я увидел, – отвечал он. – Все смертное умирает... Нельзя было допускать, чтобы оно возобладало над мною...

Было понятно: больше он ничего не скажет, и я не стал принуждать его.

Через некоторое время он заговорил снова:

– Ника везде с тобой рядом, как я уже говорил. Ты можешь видеть богов – во всяком случае, Ио не раз меня в этом уверяла?...

Я отвечал, что не знаю.

– Нику ты не видишь, потому что она стоит у тебя за спиной. Возможно, если бы ты посмотрел в зеркало, как я только что, ты бы ее увидел. Но тебе нельзя смотреть в зеркало. В мое зеркало.

– Да я и не хочу, – сказал я.

– Вот и хорошо. – Он отер лоб пальцами, стряхнув капли пота на землю. – Так, что там было еще? Ты отправишься в далекое путешествие... Я видел, тебя манит Бог Каменного столба²², а он – покровитель путешественников.

Богиня мудрости и Охотница играли в мяч, – значит, каждая из них будет использовать тебя в своих играх. Если сможет, конечно.

²² Гермес. Каменные столбы или глыбы (гермы) использовались как дорожные вехи, поэтому Гермес считался покровителем странников.

Предводительница амазонок слушала Эгесистрата так, словно понимала все или почти все из того, что он говорил, а потом задала какой-то вопрос на своем языке. Она не более высокая, чем все остальные воительницы, и вряд ли намного старше меня; но глаза у нее – как ледяные озера, и все беспрекословно ее слушаются, стоит ей только слово сказать. Эгесистрат зовет ее Иппофодой, что значит "атака конницы".

В ответ на ее вопрос он покачал головой:

– Нет, я не видел Бога войны²³. – Потом, обращаясь ко мне, добавил:

– Она говорит, что ты обладаешь его достоинствами – у тебя есть "арете", то есть по-нашему воинская доблесть. Она считает, что Арес мог бы защитить тебя, и это вполне правдоподобно; я ведь не могу предвидеть все.

– Но ты еще говорил, что ему улыбался Губитель, – сказала Ио. – Это же очень хорошо, не правда ли? Он уже однажды дал ему хороший совет, явившись нашему оракулу в Фивах. Я раньше хорошо помнила его слова, но теперь, боюсь, уже подзабыла.

Прорицатель медленно кивнул и подтвердил:

– Да, этот бог часто выступает союзником мужчин. Я не раз сожалел, что его сестра в этом отношении так мало на него похожа, хотя иногда она вполне дружелюбно ведет се-

²³ Арес, греческий бог войны, сын Зевса и Геры. Культ Ареса имеет фракийское происхождение.

бя по отношению к женщинам, особенно к юным девушкам вроде тебя. Впрочем, она несомненно была мне прекрасным другом – и весьма щедрым! – Говоря это, он пожал руку Элты.

Я спросил, какой совет он может мне дать по поводу увиденного им.

Он лишь пожал плечами:

– Как и все, кто попал в опасное положение, ты должен быть смел, но не чрезмерно. Только те пройдут сквозь все опасности и останутся в живых, кто бесстрашен и отважен, но не безрассуден. При первой же возможности тебе следует отправиться в Дельфы. Самый великий из всех оракулов Губителя находится именно там, и, если ты спросишь у него совета, он, наверное, даст его тебе. Непременно запиши все в свою книгу. Потом прочитай, и не один раз.

Я заверил его, что так и сделаю.

– Берегись женщин и всех ученых – как женщин, так и мужчин, – сказал затем Эгесистрат. – Они будут советовать тебе то, что выгодно им самим, так что не позволяй им командовать своей судьбой. Впрочем, это предостережение следовало бы дать любому мужчине.

Я кивнул, поскольку прекрасно понял, что прорицатель имел в виду, хотя он и сам ученый человек.

– Будь осторожен, не оскорби тех, кто покровительствует тебе, и делай все, что в твоих силах, чтобы заручиться дружбой тех, кто пока еще к тебе не расположен. Охота, к приме-

ру, может понравиться Артемиде-Охотнице, а изучение наук – Афине; по нраву придется Богине мудрости и любая помощь ее городу. Или соответствующее жертвоприношение, хотя в этом нельзя быть полностью уверенным.

– А теперь мне погадай, – попросила Ио.

– Нет, – ответил ей Эгесистрат. – По крайней мере, не сегодня.

Тут как раз вернулся крестьянин, который привозил нам дрова, – с молодым бараном и кувшином вина. Прорицатель плеснул на землю несколько капель вина – возлияние Губителю; потом чернокожий (который хорошо понимает в таких делах) заколол барашка, освежевал его и разделал – все очень быстро. Он жестами показал нам, что хотел бы оставить себе шкуру, чтобы сделать барабан; и все согласились, что шкуру надо отдать ему.

Фаретра села есть вместе с нами; это, несомненно, хороший признак.

Когда я спросил Ио, когда ранили эту амазонку, она ответила, что прошлой ночью, во время нашего боя с фракийцами. Ио и Элата старательно ухаживают за раненой, и амазонки как будто очень этим довольны.

Когда мы поели, амазонки затянули песню; слова понимал только Эгесистрат, но голоса у женщин были замечательные – наши стражи даже приблизились к костру, чтобы лучше слышать. (Фракийцы носят шапки из лисьего меха; а плащи у них с разрезом, но длинные, до пят.) В конце концов все, за

исключением меня и Элаты, стали укладываться спать. Костер почти погас, и, хотя ночи стоят холодные, я не стану подкладывать в него дров, это только напугает Элату, а нашим стражам будет легче следить за мной.

Когда я писал про амазонок, надо было добавить, что они не пользуются бронзовыми удилами. Удила для своих коней они делают из сыромятной кожи, что меня очень удивило; не думаю, что когда-либо раньше мне встречались такие удила. Уздечки у них тоже из сыромятной кожи, а попоны под седлами – из овчины, почти такие же, как у нас.

Эгесистрат хром; у него курчавая борода, очень черная. Элата ростом значительно ниже амазонок и очень красива; Ио еще совсем ребенок. У меня в дневнике записано, что мы должны найти какого-то Эобаза и что нас послал Гиперид, триерарх. Я спросил у Эгесистрата и у Ио, так ли это, и они все подтвердили. Здешние земли принадлежат полису под названием Энос, а местность называется Апсинфия. Это во Фракии.

Я попытался писать до тех пор, пока не уснет Элата, но чувствую, что слишком устал, да и костер почти погас. Может, она и вовсе не собирается нынче спать? Среди наших стражников появился еще один, более высокий, чем остальные. Это плохо. И с ним собака, что еще хуже. Сейчас я лягу, но спать не буду, пока Элата не уснет окончательно и не потухнет костер.

Глава 11

АРЕС И ПРОЧИЕ

Итак, Котис, Эобаз и Клетон – мне надо запомнить эти имена или, по крайней мере, вспоминать их, когда я перечитываю свои записи. Хорошо бы еще помнить, что мне необходимо постоянно их перечитывать!

Я не собирался спать, но сон одолел меня. А когда я проснулся, луна уже сползла к горизонту, а на месте костра виднелись лишь тлеющие угли. Элаты рядом не было; Ио, Эгесистрат, чернокожий и амазонки спали. Стражей наших я не видел, но слышал, как фыркают их кони.

Хотя я уже не помню, что было вчера утром, но уверен, что тогда мы еще не были пленниками фракийцев. Я помню, что видел, как они скачут через равнину. Может быть, нам нужно было бежать от них? Впрочем, они бы наверняка бросились в погоню. Лучше уж драться на свежих конях, если придется вступать в бой, однако предпочтительнее всего было бы разойтись с ними мирно. Так, видимо, мы и оказались здесь.

Вокруг нашего лагеря даже укрыться негде. Пришлось дожидаться, когда луна уйдет за горизонт. В темноте я, крадучись и пригибаясь к земле, пробрался сквозь высокую рожь к фракийскому городу. Конечно же фракийцы подозревали, что мы попытаемся бежать, так что это было наиболее без-

опасное направление. Один раз совсем рядом со мной проехал всадник, но меня не заметил. Я захватил с собой меч, но дротики оставил. Из головы у меня не выходила Элата; я боялся, что стражники как-то выманили ее из лагеря, изнасиловали и убили.

В городе было несколько каменных зданий; стеной своей он был обращен к морю. Ближайшие дома показались мне просто лачугами; то были жалкие деревянные постройки или мазанки, крытые соломой. Несколько улиц совсем не были освещены.

Я решил, что эти бедняки вряд ли поднимут тревогу – только если их жизнь или имущество подвергнутся опасности, – а потому тихонько позвал у двери одной из лачуг, а когда мне никто не ответил, постучал в дверь рукоятью меча. Наконец дверь открылась; на пороге стоял очень недовольный мужчина и что-то говорил мне на непонятном языке. Я объяснил ему на языке элинов, что я элин, путешественник, а потом попросил его отвести меня к кому-нибудь из моих соотечественников, кто приютил бы меня на ночь.

Не думаю, что он меня понял, но, по всей видимости, догадался, на каком языке я говорю. Так или иначе, он распахнул дверь, и я увидел у него в руках дубину. Впрочем, он ее тут же выронил, едва увидел мою Фалькату.

Потом он проводил меня почти до самых доков, где находился дом Клетона.

Этот дом был довольно большой, гораздо больше всех до-

мов вокруг. Фракиец указал мне на дверь и тотчас же убежал.

Я постучался, и мне открыла какая-то женщина. Я не помню ее имени, но она, по-моему, была фракийка, одна из служанок Клетона. Она не хотела меня впускать и казалась очень напуганной. Однако, поняв, что я не говорю по-фракийски, разбудила своего хозяина.

Клетон – толстый коротышка с седой бородой, но смело-сти ему не занимать. Явился он с недовольной миной на лице и с тяжелым посохом в руке, который и не подумал бросать, даже увидев мой меч. Он заявил, что делами занимается только на рынке – с раннего утра и до позднего вечера.

Так что, если я желаю с ним говорить о делах, то мне следует подождать до утра и явиться к нему на склад, а сейчас он просит меня удалиться.

– Но я не могу явиться к тебе утром, благородный Клетон, – отвечал я (служанка сказала мне, как его зовут). – Ибо меня охраняет стража. Уж не думаешь ли ты, что я всегда разгуливаю в грязном хитоне и с вымазанными землей коленями? Да мне пришлось ползти, как ящерица, чтобы добраться сюда!

Он посмотрел на меня и велел женщине идти спать.

– Насчет ее можешь не беспокоиться, – сказал он мне. – Она понимает только "приди", "уйди" и "раздвинь ноги". Ты явно не иониец, хотя говоришь, как в Афинах. Откуда ты на самом деле?

– Этого я не помню, – ответил я.

Он рассмеялся.

– Ну что ж, здесь немало людей, попавших в беду. Можешь не говорить даже, как тебя зовут. Что тебе нужно от меня?

– Ничего особенного, – сказал я. – Знаешь, где находится мидиец по имени Эобаз?

– Ну, это все знают, – задумчиво проговорил он.

– Только не я. Я же не говорю по-фракийски.

Клетон пожал плечами:

– Язык варваров. Я тоже сперва думал, что не очень хорошо его понимаю, потому что у меня всегда были трудности в понимании разных оттенков и значений слов. Но потом я понял: эти дикари и сами-то не очень разбираются в тонкостях своего языка, который хорош только для того, чтобы орать на других. Хочешь вина?

Я кивнул; мне было ясно, что стоит заручиться дружбой этого человека.

Он поставил свой посох в угол и провел меня в большую комнату, где был стол и скамьи вокруг него.

– Здесь обычно едят под крышей, – сказал он. – Погода стоит ужасная. И вино здесь тоже неважное, но другого у меня нет – война ведь. Не знаешь, Великий Царь со своим войском сюда не собирается?

– Понятия не имею, – ответил я.

– Надеюсь, они все же вернутся; солдаты в прошлый раз

скупили у меня все, что было. И платили хорошо! Присяжайся. Извини, я только за вином схожу.

Мне, конечно, пришла в голову мысль, что он пошел вовсе не за вином, но если бы даже он позвал на помощь, я с этим ничего поделаться не мог, так что сидел и прислушивался. Но Клетон скоро вернулся с вином, водой, чашей для смешивания и еще двумя чашами.

– Если местонахождение Эобаза всем известно, – сказал я, – то ты, несомненно, можешь сказать об этом и мне.

– Нет, не могу, – ответил он и протянул мне чашу. – Ведь пока что я ничего полезного не получил от тебя взамен. Что ты мне можешь сообщить?

Я спросил, что именно он хотел бы узнать.

Он снова пожал плечами:

– Можешь начать с того, где тебя держат и что ты им сделал.

– Ничего не сделал, по-моему, – сказал я. – А держат нас в поле, на берегу реки, недалеко от города.

– Значит, ты не один? И много вас? Впрочем, вряд ли они стали бы держать одного человека в поле. Так сколько вас?

– Тринадцать.

– Несчастливое число! Неужели ты этого не знаешь? Двенадцать олимпийских богов никогда не допустили бы тринадцатого в свой круг. Когда родился Бог вина, Богине земли пришлось исчезнуть, чтоб освободить ему место²⁴. Между

²⁴ Бог вина – это Дионис, сын Зевса и фиванской царевны Семелы, которую

прочим, ему может не понравиться, что ты над моим угощением рожу кривишь. Вино, конечно, скверное, но это лучшее, что у меня есть.

– Это не из-за вина, – сказал я. – То, что мы пили вчера, было еще хуже. Просто я нынче прочитал, что могу видеть богов, а я о них ничего не знаю.

– Да никто о них ничего не знает, сынок! Пусть попусту не болтают. А кто эти остальные двенадцать пленников? И зачем ты пробрался в Кобрис?

Я объяснил, что наша группа смешанная и мы просто ехали вместе.

– Нас послал один капитан-афинянин по имени Гиперид. В нашей группе, помимо меня, еще предсказатель Гиперида, его жена...

– погоди минутку... – Клетон поднял руку. – Ты сказал, Гиперид? Как он выглядит?

Я не помнил, но чувствовал, что если признаюсь в этом, то ничего больше не узнаю.

– Да его ж тысячи людей видели, – ответил я. – Он очень хорошо известен. Что я докажу, если опишу его внешность?

– Ты докажешь, что тебя послал именно Гиперид, а я скажу тебе, где находится этот мидиец. Зачем он понадобился Гипериду?

Зевс, рассердившись, испепелил, а неродившегося сына зашил в бедро и выносил сам. Первоначально Семела была фракийско-фригийской богиней земли. Ее имя и значит «земля».

– Ему было приказано найти Эобаза и привезти его в Афины, – сказал я. – Больше я тебе ничего сообщить не могу. Что же касается доказательств, то корабль Гиперида будет ждать нас в устье Гебра. Можешь послать туда кого-нибудь – пусть у него самого спросят. Меня зовут Латро, а его предсказателя – Эгесистрат.

Клетон изумленно уставился на меня:

– Эгесистрат из Элиды? С деревянной ногой? – Я был слишком удивлен, чтобы сразу ответить, но он воспринял мое молчание как знак согласия. – В хорошую же компанию ты попал, сынок! Ничего себе! Да ты хоть знаешь, кто такой этот Эгесистрат из Элиды?

– Прорицатель Гиперида, как я тебе уже сказал, – отвечал я.

– Ну, этого маловато. Хотя да, конечно... Учти, когда здесь проходили войска Великого Царя, он был прорицателем самого Мардония! Я, правда, толком его не видел, но слышал о нем очень много. Великий Царь, конечно, обладал верховной властью, но Мардоний был его стратегом – и к тому же каким-то родственником ему приходился, кажется, зятем. Так, значит, бывший прорицатель Мардония теперь служит Гипериду?

У меня сразу пересохло в горле. Я залпом допил вино и проямлил:

– Раз ты так говоришь, значит, так оно и есть.

– Я иногда веду с Гиперидом дела. Он мне кожи продает,

в основном лошадиные шкуры. Иногда я у него янтарь покупаю, если цена подходящая.

Передай ему привет от меня.

Я обещал, что передам.

– Так тебе нужно только узнать, где находится Эобаз?

– Если бы ты мог помочь нам освободиться, мы были бы тебе очень признательны, – сказал я.

Он кивнул.

– Хорошо. Я завтра приду поговорить с Эгесистратом, а там посмотрим. Ты знаешь, где находится храм Плейстора?

Я покачал головой.

– К северо-западу от города, на высоком холме. Фракийцы всегда строят свои храмы на холмах. Это очень большой храм, потому что Плейстор – бог войны. Мы же зовем его Арес.

Я спросил, далеко ли это.

Клетон почесал пальцами бороду.

– Я там нечасто бываю, сынок, – ответил он. – Что-нибудь стадий десять.

Там есть одна дорога – по ней к храму движутся процессии, и она поэтому мощеная, хорошо утрамбованная. Ты ее сразу заметишь. Она выведет тебя прямо к храму – не заблудишься.

Но я все же заблудился, и теперь думаю, что Клетон вряд ли когда-нибудь ходил по этой дороге ночью, да еще без фонаря. Дорога, о которой он говорил, начиналась прямо от

рынка, как я и предполагал, и она действительно была хорошо расчищена и утрамбована. За ней, видимо, хорошо следили и ухаживали, такая она была гладкая, а резные столбы вдоль нее стояли через каждые десять-пятнадцать локтей и по обе стороны.

Ночь была уже на исходе, в воздухе буквально чувствовался рассвет (хотя заря еще и не думала загораться). Когда я выбрался из города, дорога пошла вверх, и вскоре я поднялся на невысокий холм и увидел справа вдали красный отблеск нашего костра. Кто-то, видимо, проснулся от холода и подбросил в костер дров. Интересно, кто это и заметил ли он мое отсутствие?

Потом я вышел на развилку двух дорог; обе они были, насколько я мог судить в темноте, одинаково широкими и ухоженными, но было совершенно невозможно определить, которая из них ведет к храму Плейстора. Решив, что благоразумнее держаться неподалеку от нашего лагеря (я рассчитывал вернуться туда еще до зари), я выбрал правую дорогу. Далеко по ней я уйти не успел: услышал музыку и вскоре заметил пламя факелов.

Едва я успел отступить в сторону, как на дороге появились танцующие девушки. Их было пять. У двух в руках были цимбалы, у двух – тимпаны.

Далее следовала еще группа людей с флейтами и факелами. Пятая девушка из первой группы, у которой не было никаких музыкальных инструментов, вдруг прервала свой ди-

кий танец и обняла меня. Я был совершенно ошарашен этим.

– Ты разве не узнаешь меня, Латро? Ну да, ты все забываешь, но не так же быстро, наверное? Пойдем, будем плясать вместе. Знаешь такой танец? – Она схватила меня за руку, и через секунду я уже прыгал и кружился вместе с нею, причем сапоги мне ужасно мешали.

– Шаг влево, шаг вправо, поворот и полный оборот. Влево, вправо, снова вправо. Очень хорошо! У тебя отлично получается!

Остальные танцовщицы чуть расступились, чтобы видеть нас, и я чувствовал, что они улыбаются в темноте.

– Еще совсем недавно ты сидел у костра и что-то писал, но сам не мог глаз от меня оторвать. Ну что же теперь ты не хочешь поплясать со мной?

Задыхаясь, я попытался объяснить ей, что у меня срочное дело в храме Плейстора.

– А-а, так ты, значит, заблудился, бедняжка! Эта дорога ведет в храм Матери богов – мы как раз идем оттуда.

Тут нас догнал еще кто-то, кого я сперва, не разобравшись, принял за амазонку; он сказал, что нам не следует танцевать впереди процессии и надо подождать, пока не проследует царь.

Я был рад немного передохнуть, согласно кивнул и отошел в сторону, но Элата рассмеялась и сказала гонцу, что она вместе с друзьями плясала во главе процессии всю дорогу от храма.

– Ах, вот как? – воскликнул гонец (голос его больше похож был на женское контральто). – И много вас тут?

Она ответила, что много, и он, вроде бы желая увидеть их, побежал дальше, но промчался мимо танцовщиц словно слепой.

Не успел он исчезнуть во тьме, как к нам приблизилась вторая группа танцоров. Здесь были и музыканты – все мужчины и все босиком. Босые мужчины теснились возле всадников, и, хотя прошло совсем немного времени, я уже не очень хорошо помню того, кто ехал позади первого всадника: наши глаза встретились, и я уже не мог отвести взгляда. По-моему, он тоже.

Он был молод, высок и широкоплеч. Ехал он верхом на молочно-белом жеребце. Кольчуга, сверкающая как золото, закрывала все его тело от шеи до пят. На нагруднике был изображен лев, а на ножных латах – лицо женщины, торжественное и спокойное; но именно его лицо я запомнил лучше всего: широкие брови, пронзительный взгляд, тяжелый подбородок. Это было, мне кажется, лицо человека, способного вести за собой огромное войско не только на край света, но и за его край.

За этим и остальными всадниками на некотором расстоянии двигался всякий сброд; эти люди тоже пели и размахивали факелами. Наверное, они были из города, хотя не уверен. Когда мимо нас прошел последний из них, я спросил Элату, не бог ли войны едет впереди. Она рассмеялась мое-

му вопросу – как смеялась и над женоподобным жрецом – и сказала, что это вовсе не бог, а царь Котис.

К этому времени розовоперстая богиня зари Эос показала на восточном крае небосклона, и мне, хоть я и рассчитывал добраться до храма фракийского бога войны, захотелось поскорее вернуться в лагерь, пока Эгесистрат еще спит. Вместе с Элатой мы сошли с дороги, спустились по изрытому копытами овец склону холма, пересекли поле и перепрыгнули через несколько канав, полных воды. Путь нам указывали отблески угасающего костра и поднимавшийся к небесам столб белого дыма над ним. Эгесистрат спал в своей палатке, завернувшись в плащ. И я воткнул ему в спину свою Фалькату.

Сперва я и сам не понял, что сотворил. Я так и стоял, глядя на безжизненное тело, пока Иппофода и чернокожий не обхватили меня сзади и не вырвали у меня из рук Фалькату. А потом очнувшийся Эгесистрат велел им держать меня в палатке и не выпускать наружу. И чернокожий, который по доброте душевной принес мне мой свиток и свинцовый стиль (он был засунут за стягивающие свиток тесемки), ясно дал мне понять (с помощью множества жестов), что и он, и амазонки убьют меня, если я вздумаю бежать.

Вспоминая события той ночи, я никак не могу понять, отчего я так страстно желал отнять жизнь у Эгесистрата-прорицателя. Ведь именно ради дружбы с ним, а вовсе не из уважения к Гипериду, капитану из Афин, я отправился на поис-

ки Эобаза. Да я и не помню этого капитана, знаю только его имя, да кое-что прочитал о нем в своем дневнике. И все же, всем сердцем желая смерти Эгесистрату, я не видел в этом никакого противоречия.

Впрочем, теперь я вовсе не стремлюсь отнять у него жизнь. Мне кажется, то, что я узнал относительно Эобаза, царя Котиса, Ареса и прочих, может иметь значение в будущем, поэтому я и постарался записать все это подробно. Надо только помнить, что я должен все это перечитать нынче же вечером.

Глава 12

МЫ БУДЕМ СРАЖАТЬСЯ

Когда все высказались, стало ясно, что только Элата выступает за то, чтобы мы повиновались требованию царя. Поужинали мы как обычно. Когда костер погаснет, Иппофода подаст сигнал. Палатку придется бросить, да и другую поклажу тоже, тут уж ничего не поделаешь. Я возьму только два свитка – этот и старый; заткну их себе за пояс.

Я перечитал свои записи о том, что делал утром, на заре, но помню только то, что застал Эгесистрата спящим и ударил его мечом. Иппофода и чернокожий, видимо, следили за мной, потому что успели схватить меня за руки и остановить, прежде чем я понял, что происходит. Думаю, что легко смог бы высвободиться, если б захотел, но со мной творилось что-то странное: я никак не мог понять, зачем пытался убить собственного друга!

А потом пришел и сам Эгесистрат, и я увидел у своих ног одеяло – это его я проткнул мечом.

Чернокожий принес мне свиток, чтобы я перечитал его. Эгесистрат явно собирался еще поговорить со мной, но его отвлек какой-то толстый старик.

Они долго шептались о чем-то, но ничего расслышать я не смог. Старика зовут Клетон. Я совершенно не помню, что был у него дома, в Кобрисе, но знаю, что это так – я прочитал

запись об этом в своем дневнике. Увидев его с Эгесистратом, я понял, что это он, и шепотом назвал его по имени.

Когда Клетон наконец ушел, Эгесистрат и Элата вернулись в палатку.

Следом явилась Ио – пробралась на цыпочках, чтобы они не заметили (хотя, может, я и ошибаюсь), и молча уселась в уголке. Один раз я заметил, что стенка палатки чуть шевелится, и догадался: чернокожий тоже подслушивает, хотя Эгесистрат, наверное, говорил с ним и с царицей амазонок перед тем, как мы с Элатой вернулись утром в лагерь.

Эгесистрат уселся напротив меня и спросил, не удивляет ли меня то, что он по-прежнему жив-здоров, и я сознался, что удивляет.

– Ты ведь понимаешь, я надеюсь, – сказал он, – что я не призрак? И не порождение твоей фантазии?

Я ответил, что прекрасно это понимаю, и добавил, что вряд ли вообще склонен к подобной игре воображения.

– Однако нынче утром с тобой это случилось, – возразил прорицатель. – Ведь, по сути дела, ты убил призрака – если его, конечно, вообще можно убить.

Поскольку я промолчал, он продолжил:

– Ты меня сейчас хорошо видишь, Латро? Я-то вижу неважно – после яркого солнечного света здесь слишком темно. А твои глаза, наверно, уже привыкли к полутьме.

Я отвечал, что прекрасно его вижу и перед этим делал очередную запись в дневнике, так что, видимо, света здесь впол-

не достаточно.

– Тогда ты, наверное, заметил, когда я вошел, что у меня имеется один физический недостаток, который не так часто встречается? – Он указал на свою деревянную ногу.

– Я видел, что ты хромаешь, – сказал я, – но, по-моему, неприлично говорить о таких вещах или как-то еще проявлять свое любопытство.

– И все же, – вступила в разговор Элата с очень серьезным выражением лица, – бывают моменты, когда об этом говорить просто необходимо. Да и ничего особенно обидного в этом, по-моему, нет. Эгесистрат калека, ну и что? Я ему уже говорила, что только крепче люблю его за это. Ты знаешь, почему он хромает, Латро?

– У него по щиколотку нет правой ноги, – сказал я. – Это моя вина?

Эгесистрат энергично помотал головой:

– Нет, это не ты; но тот, кто это сделал, находится здесь. Сейчас мы доберемся и до него. Но сперва скажи, как бы ты назвал вот эту штуковину?

– Он постучал по своей деревяшке.

– Деревянный протез, – отвечал я. – Он дает тебе возможность ходить.

– Попросту "деревянная нога", верно? Стало быть, я человек с деревянной ногой?

– Да, – согласился я. – Можно сказать и так.

– Ты, конечно же, не можешь вспомнить, встречался ли

тебе когда-нибудь человек с такой же деревянной ногой, но, как по-твоему, это часто бывает?

Я сказал, что вряд ли.

– В таком случае, может, я и есть тот самый "человек с деревянной ногой"? Ведь меня можно звать именно так!

– Можно, – сказал я.

– Ты меня действительно ненавидишь? И по какой причине? Из-за протеза?

Я покачал головой:

– Конечно, нет. С какой стати мне тебя ненавидеть?

Эгесистрат протянул мне руку.

– Прикоснись к мне, – сказал он.

Я коснулся его руки.

– Как видишь, я из плоти и крови. Меня можно пощупать, можно услышать.

Ну а теперь подумай сам. Ты молодой и сильный. Я старше тебя лет на двадцать и к тому же хромой. У тебя нет оружия, но оно тебе вряд ли понадобилось бы, чтобы расправиться со мной. К тому времени, когда на крики Эллаты сбежались бы остальные, я уже был бы мертв.

Я сказал, что не имею ни малейшего желания причинять ему вред и уверен, что он мой друг.

– Хорошо, тогда я расскажу тебе, как я лишился ноги. – Он опять постучал по своей деревяшке. – Я родился на прекрасном острове Закинф, но семья моя происходит из города Элида. Это самая южная часть материковой Эллады.

Я кивнул, желая показать, что понял.

– Наше семейство всегда отличалось особой близостью к Великим богам. А некоторые его представители были даже очень близки к Незримым. Это касалось как мужчин, так и женщин, ведь женщины обретают подобный дар не реже мужчин, хотя мужчины в результате получают куда больше славы, чем женщины. Во мне этот дар был весьма заметен с самого детства. – Я снова кивнул в знак понимания. – Постепенно мой авторитет рос, и меня несколько раз приглашали в Элиду, на родину моих предков. Эти приглашения стали приходить все чаще, и каждое последующее было куда более сердечным, чем предыдущее. Я каждый раз спрашивал у богинь судьбы, стоит ли мне ехать, и каждый раз парки предупредили меня, чтобы я туда не ездил.

Так прошло больше десяти лет, и вот однажды мне пришло письмо, но не от имени Собрания Элиды, а от Ямуса, главы нашей семьи. В письме говорилось, что не кто иной, как сам великий Губитель приподнял для него завесу времен и показал ему, что именно я однажды стану его преемником, моя семья изберет меня главой, а потом я обрету богатство и меня будут уважать по всей Элладе. Именно поэтому – а благодаря Губителю сомнений у Ямуса совершенно не осталось – он просил меня без промедления приехать к нему в Элиду. Здоровье его пошатнулось, возникли проблемы, касавшиеся кое-какой собственности, принадлежавшей нашему семейству, да и, к тому же, требовалось уладить кое-какие давние

раздоры, так что он хотел ввести своего наследника в курс дела, прежде чем за ним, Ямусом, придет Смерть, и благословить меня, что, разумеется, было для меня очень важно.

Эгесистрат помолчал, как это часто бывает, когда человек вспоминает о решении, кардинально переменившем его жизнь, и я сам спросил, не удержавшись:

– И ты поехал?

– Не сразу. Я сперва отправился в Дельфы, где, как я тебе говорил не далее чем вчера, находится самый главный оракул бога-Губителя. Три дня я возносил молитвы и совершал жертвоприношения. В конце концов в сопровождении шести жрецов я вошел в священную обитель пифии. И задал ей вопрос: "Если я отправлюсь в Элиду – чего, как мне представляется, требует мой долг перед семьей, – избегну ли я опасности, ожидающей меня там?"

Ответы богов зачастую разгадать трудновато, но ответ на мой вопрос был предельно ясным:

*Хоть те, кого боятся все, тебя захватят,
Ты собственной рукой от них освободишься.*

Эгесистрат горько улыбнулся и спросил:

– Что бы ты сделал на моем месте, Латро?

– Отправился бы в Элиду, надо думать. И соблюдал бы максимальную осторожность.

Он кивнул.

– Именно так я и поступил. Слова бога можно было понять только так, как подсказывал мне собственный здравый

смысл и тамошние жрецы: меня будут окружать враги, которых все боятся до смерти, – о горделивый глупец, я полагал, что это всего лишь кто-то из числа недовольных членов нашего семейства; ведь нас многие другие люди действительно побаиваются, хотя чаще всего зря, – но мне все-таки удастся избежать опасности собственными силами.

Это предсказание к тому же полностью совпадало с тем, что мне сообщил Ямус, одновременно подтверждая мои прежние опасения относительно Элиды. Я прибыл туда и встретился с некоторыми родственниками – главами различных ветвей семейства – и не заметил ни малейшей враждебности.

Вскоре Собрание пригласило меня исполнять обязанности жреца во время одного жертвоприношения, а затем предсказать, согласно обычаю, будущее города по внутренностям жертвенных животных. От такой чести невозможно было отказаться, хотя я предупредил городские власти, что мои предсказания могут оказаться не самыми благоприятными для них – я уже имел некоторое представление о том, какое будущее ожидает эту часть Эллады. Они заранее "простили" мне, если результат будет не слишком радостным, и еще раз повторили свое приглашение.

Результаты обряда жертвоприношения и гадания были совершенно однозначными – свободе и независимости Элиды грозила опасность с юга; лишь ценой огромного мужества и невероятной предусмотрительности можно было надеять-

ся сохранить хотя бы видимость ее прежних свобод. Должен сознаться, доводя это до сведения граждан города, я использовал и те откровения богов, что были дарованы мне ранее; впрочем, и без этого все было ясно. Я постарался ни у кого не оставить сомнений в том, кем будут грядущие деспоты Элиды, поскольку и сам никаких сомнений на сей счет не испытывал.

И особо подчеркнул важность и срочность моих предупреждений.

Ах, если б только я прислушался к своим же собственным пророчествам!

Мне ведь следовало бежать из Элиды той же ночью! Но я остался там до конца празднества, а весь следующий день провел у Ямуса, отдавая дань благодарности ему и прочим членам нашего семейства. Потом попрощался со всеми и отправился спать, рассчитывая утром отправиться в обратный путь.

Однако путь мне пришлось держать совсем не туда, куда я хотел. Утром, еще до рассвета, у стен города появился небольшой отряд спартанцев, едва ли более десятка – видимо, это было сделано исключительно из полного презрения к Элиде. Но, несмотря на столь малочисленный отряд спартанцев, граждане Элиды не осмелились им сопротивляться, зная, какая великолепная, лучшая в мире, армия стоит за этой горсткой воинов. Перед ними настежь распахнули городские ворота; спартанцы беспрепятственно вошли в город,

вытащили меня прямо из постели и отправили в Спарту.

Видя, насколько я потрясен этим, Эгесистрат сказал:

– Ничего сверхъестественного в этом не было. Просто какой-то шпион успел передать спартанцам слова моих пророчеств, и они поспешили нанести удар незамедлительно, что им вообще свойственно. Ты хоть что-нибудь знаешь о Спарте?

Вместо меня ответила Ио, впервые открыв рот:

– Мы там были, но Латро, наверное, этого не помнит. Да и помнись-то особо нечего.

Эгесистрат кивнул и продолжил свой рассказ:

– Все в Спарте делали вид – хотя и не слишком усердно, – что я всего лишь в гостях у одного из их судей-эфоров. На самом деле, хоть меня и содержали в частном доме, ноги мне заковали в железо и в течение нескольких дней допрашивали. Спартанцы, по-моему, были уверены, что меня кто-то подкупил, чтобы я сделал именно такие предсказания, и, естественно, желали выяснить, кто же это меня использовал. Когда я в конце концов сумел убедить их, что предсказал чистую правду, мне объявили, что на следующее утро я буду подвергнут публичному осмеянию, пытке, а затем казнен.

Ночью один из стражников, притворяясь сочувствующим, принес мне кинжал.

Тебе известно об этой гнусной уловке спартанцев?

Я покачал головой, хотя буквально видел этот кинжал, словно держал его в собственной руке, и прекрасно понимал,

что за этим может последовать.

– Обреченному узнику позволяют покончить с собой, – продолжал Эгесистрат, – что освобождает спартанцев от позора в случае убийства кого-то из знатных и достойных людей; ведь тогда их судьи могут поклясться хоть всеми богами Олимпа, что узник сам лишил себя жизни. А потом какого-нибудь несчастного раба обвинят в том, что это он передал самоубийце оружие, и, соответственно, казнят. Точно так они убили, например, одного из своих царей, Клеомена; это случилось лет десять назад.

Я никогда не забуду, с каким звуком захлопнулась дверь за тем стражником и как лязгнул снаружи тяжелый засов; не забуду я и острого лезвия – я тут же попробовал пальцем – принесенного мне кинжала.

– А как же Дельфийский оракул и его предсказание? – спросила Ио. – Ведь Губитель обещал – его устами, – что ты будешь в силах освободиться самостоятельно?

– О да, конечно! – Горькая улыбка скользнула по губам Эгесистрата. – Я этого не забывал, как и того, что меня часто предупреждали, чтобы я не ездил в Элиду, однако я продолжал утомлять богов своими вопросами и в итоге получил от них разрешение отправиться туда. Мы, смертные, всегда так глупо ведем себя, а потом еще удивляемся, почему боги над нами смеются! В ту ночь я наконец стал взрослым. И очень надеюсь, девочка, что твое взросление пройдет менее болезненно!

Итак, сперва я довольно долго просто сидел на полу, держа кинжал в руках и слушая, как обитатели дома отходят ко сну. Бог-разрушитель был, конечно, совершенно прав, как и почти всегда: лишь моя собственная рука могла освободить меня из неволи, и, надо сказать, весьма быстро. Нужно было одно: вонзить кинжал себе в грудь. Но как же это тяжело для настоящего мужчины – покончить с собой! Царь Клеомен, говорят, так и не смог нанести себе достаточно сильный удар кинжалом; он просто истек кровью от бесчисленных неглубоких и неуверенных порезов.

Я вспомнил о нем: ведь он сидел, как и я, закованный в колодки – возможно, в те же самые, – и без конца пытался смертельно ранить себя, лишь вздрагивая от боли и ударяя вновь и вновь... Тут мысли мои потекли по иному руслу, и я подумал: как много животных я принес в жертву за свою жизнь! Самых разных, от маленьких птичек до огромных быков – но никогда, ни разу не вздрагивал при этом. И еще я вспомнил, какой скользкой делалась рукоять ножа от жертвенной крови, особенно если приходилось убивать трех или четырех довольно крупных животных подряд, как это только что было в Элиде. Я наклонился и несколько раз провел острием кинжала по щиколоткам, пока они не стали скользкими от крови; затем, напрягая все силы, попытался вытащить ноги из колодок. Левую ногу удалось освободить почти сразу, а правая не вынималась. Возможно, она была чуть толще или отверстие в колодке было чуть уже, трудно сказать. Вы, на-

верное, догадались, что было потом? Да, я стал отсекал от своей правой ступни по кусочку, ударяя по ней острым кинжалом. Дважды я терял сознание. Но каждый раз, придя в себя, снова резал и резал, пока не смог вытащить из колодки то, что раньше было моей правой ногой. Я так часто совершал жертвоприношения и так много видел жертвенных животных, что хорошо представлял себе, как животное устроено; а ведь, несмотря на все наши похвальбы, человек – всего лишь двуногое животное. Если вы когда-нибудь видели освежеванную тушу медведя, то знаете, как она похожа на человеческое тело. Я перетянул самые крупные кровеносные сосуды, отсекал те куски плоти, которые все равно должны были отмереть, и крепче перевязал культю своим грязным хитоном.

– А ты не мог после этого выбраться через окно? – спросила Ио. – Или ты слишком сильно ослаб?

Эгесистрат покачал головой.

– Там не было окон. Однако стены были из сырцового кирпича, как и в большинстве спартанских домов. С помощью кинжала мне удалось извлечь несколько кирпичей. Сам город стеной не обнесен – спартанцы любят похвастаться, что их гоплиты куда лучше любой стены. Была глубокая ночь, так что никто не помешал мне выбраться за город, хотя каждый шаг был для меня мучителен. Утром меня обнаружила девочка-рабыня, которая пришла доить коров. Она вместе с другими рабами спрятала меня в коровнике; когда моя куль-

тя немного поджила, я отправился в Тегею²⁵, а оттуда – домой.

Тут Эгесистрата прервали: в лагерь галопом влетели три знатных фракийца – все на великолепных конях с украшенной самоцветами упряжью, в сверкающих доспехах и с перстнями на пальцах. Фракийцы о чем-то заговорили с Эгесистратом, а он переводил их слова и свои ответы Иппофоду.

Потом фракийцы ускакали, а Иппофода созвала всех амазонок, а за мной и Ио пришла Элата. Когда мы все собрались, Эгесистрат сообщил, что за послание привезли фракийцы от своего царя.

Сперва, сказал он, они повторили заверения царя Котиса в его добронамеренности: он ведь не предал нас смерти, хотя в его распоряжении имелись тысячи воинов; разрешил нам разбить лагерь вблизи от столицы; позволил купить продукты и дрова – и так далее. Теперь, заявили они, настал наш черед продемонстрировать свою добрую волю. Нам следовало сдать своих лошадей и оружие, а потом нас отведут к царю, и он готов благосклонно выслушать все наши просьбы.

Затем Эгесистрат спросил у царских гонцов, сколько времени у нас есть на обсуждение этого предложения, и ему ответили, что, если мы к утру не сдадим оружие и лошадей, нас попросту убьют.

²⁵ Тегея – город на юго-востоке Аркадии на пересечении важнейших торговых путей. После продолжительных войн со Спартой стала членом Пелопоннесского союза.

После Эгесистрата слово взял чернокожий, а Эгесистрат перевел его речь всем остальным – сперва на язык амазонок, потом на эллинский. "Если этот царь и в самом деле хочет быть нам другом, – сказал чернокожий, – то почему желает отнять у нас лошадей и оружие? Любой царь предпочитает видеть своих друзей вооруженными, а врагов – безоружными. Давайте сделаем так, – предложил чернокожий. – Постараемся уверить царя в нашей дружбе, как и он уверяет нас в своей, и поклянемся, что выполним любое его поручение – перебьем врагов, добудем то, чего он особенно желает, хоть на краю света – но и он должен пойти на уступки и разрешить нам оставить при себе лошадей и оружие. Тем более они нам потребуются для службы ему же. А еще он должен сообщить нам, где находится Эобаз, и разрешить увезти его в Афины, если он на его территории. И пусть этот фракийский царь даст амазонкам тех коней, ради которых они проделали столь долгий путь".

Я если и знал раньше, зачем амазонки прибыли во Фракию, то совсем об этом позабыл; но, по-моему, Ио тоже этого не знала, иначе не выглядела бы такой удивленной.

Затем заговорила Иппофода; амазонки дружно приветствовали ее, а Эгесистрат стал переводить для нас: "Я согласна со всем, что сказал Семь Львов, – начала она, – но хочу добавить вот что: мы, амазонки, дочери Бога войны; мы преданы ему и любим его, но он очень строг, и мы не осмеливаемся нарушать законы, им установленные. Один из них гла-

сит: мы никогда не должны складывать оружие, иначе станем такими же, как дочери простых смертных. Мы можем заключать мир, но только с тем, кому можно доверять и кто верит нам; если же он не поверит нашей клятве и потребует, чтобы мы сломили свои луки, мы должны сражаться до последней капли крови. Никогда ни одна амазонка не нарушала этого закона, установленного не смертными, но богом, нашим великим отцом. Царь Котис должен непременно понять, что мы этот свой закон тоже не нарушим".

Глава 13

В ОЖИДАНИИ НАПАДЕНИЯ

Клетон вернулся, чтобы нас предупредить. На этот раз и я переговорил с ним, а не только Эгесистрат. Нужно все это записать – может понадобится, если мы останемся живы. Но сперва о том, что случилось сразу после собрания.

Когда Иппофода завершила свою речь, Эгесистрат спросил, не хочет ли высказаться кто-нибудь еще, и я сказал, что нам вовсе нет необходимости спрашивать у царя Котиса, где Эобаз, потому что он находится в храме Плейстора, бога войны. И добавил, что поскольку амазонки считают этого бога своим отцом, то вполне могут попросить его отпустить Эобаза с нами.

Иппофода обещала мне это, а я рассказал, что видел и слышал в прошлую ночь. Эгесистрат подтвердил, что Клетон действительно приходил и расспрашивал его о Гипериде. Потом мы проголосовали и решили не сдаваться.

Потом Эгесистрат долго беседовал с Иппофодой и с чернокожим; а я между тем записывал все в свой дневник. Я отложил свиток, только когда Эгесистрат пришел, чтобы поговорить со мною.

– Мы обсуждали нашу тактику, – сказал он. – Утром мы пошлем царю новое послание и предложим ему заложника в качестве гарантии нашего мирного поведения. Это, по край-

ней мере, поможет отсрочить нападение фракийцев.

Я согласился, что это отличный план, и спросил, кто останется в заложниках.

– Мы предложим ему выбрать самому – любого.

– Тогда он, конечно же, выберет тебя, – сказал я. – Он же не дурак. А мы, если потеряем тебя, лишимся слишком многого.

Эгесистрат пояснил:

– Мы как раз и рассчитываем, что он выберет меня. Если мне удастся поговорить с ним наедине, я, возможно, многого сумею добиться. Кстати, именно об этом я и хотел поговорить с тобой, Латро. Ио мне тоже нужна.

Ио, между прочим, вошла в палатку вместе с ним.

– До появления фракийцев, если помните, я рассказывал вам свою историю, хотя, боюсь, вам уже надоело меня слушать. Мне кажется, вам все же следует знать, почему спартанцы так ненавидят меня и почему я ненавижу их.

– Несомненно, и мы понимаем теперь, почему ты их ненавидишь, – сказала Ио. – Но если ты говорил жителям Элиды всего лишь то, что узнал от богов, то за что спартанцам-то тебя ненавидеть?

Эгесистрат улыбнулся:

– Ах, если б все были такими разумными! Тогда и ссор в мире было бы поменьше. К сожалению, люди ненавидят всякого, кто выступит против них – и по любой причине. Я ведь не только предупредил граждан Элиды о нашествии

спартанцев. Я затем предупредил и другие города – предупредил всех, кто хотел выслушать меня. Кроме того, спартанцы сочли оскорбительной для себя весть о моем побеге. К тому же, они знали, что я верой и правдой служил Мардонию. Так вот, я сказал, что спартанцы ненавидят меня; но есть и еще кое-кто – он не спартанец, – кто ненавидит меня куда сильнее, чем они.

Тизамен его имя, Тизамен из Элиды; и этот Тизамен является прорицателем Павсания, регента Спарты.

Лицо Ио так оживилось при этих словах Эгесистрата, что я спросил, не встречалась ли она с этими людьми. Она молча кивнула.

– Ио уже рассказала мне, как вы с ними встретились, – сказал Эгесистрат, – хотя ты этого, разумеется, не помнишь. Она сообщила, что Павсаний называет тебя своим рабом.

Наверное, физиономия у меня при этом стала свирепой, потому что он поспешно добавил:

– Конечно, у него никаких прав на это нет. А еще Ио сказала, что ты подробно описал в своем дневнике ваш разговор с Тизаменом; гораздо подробнее, чем ты ей рассказывал. У тебя нет желания прочесть мне эти записи?

– Конечно, прочту, – отвечал я. – Но ты говоришь, что этот Тизамен из Элиды – прорицатель Павсания? Он тебе не родственник?

Эгесистрат со вздохом кивнул:

– Он действительно приходится мне родственником,

правда, дальним. Я же говорил, что у нас в семье были кое-какие раздоры. Помнишь?

– Да, конечно.

– Так вот, самая ранняя из наших семейных ссор была между Теллидами и Клитидами, то есть между сыновьями Теллия и сыновьями Клития, который его предал. Я, как вы знаете, потомок Теллия; а Тизамен – потомок Клития. Он примерно моего возраста. Рассказать вам о нем?

– Хотелось бы послушать, – сказала Ио. – Я не прочь побольше о нем узнать.

– Вот и хорошо. Хотя и Клитиды, и Теллиды происходят от одного и того же человека – от Ямуса, – Клитиды никогда не пользовались таким почетом и уважением, как Теллиды; и, как я слышал, в юности Тизамен был весьма посредственным прорицателем. Однако он всеми средствами добивался почета как победитель спортивных игр, поскольку обладал чрезвычайно живым умом и ловким телом, да еще невероятной для столь не крупного человека силой.

Слава была его главным устремлением.

Хотя он женился очень рано, раньше большинства своих сверстников, детей у него так и не было; под этим предлогом он занял у семьи своей жены довольно большую сумму денег и отправился в Дельфы – просить совета у Аполлона, бога-Губителя. Однако, оказавшись там, он при первой же возможности постарался выяснить у бога свое будущее и узнал, что добьется пяти блестящих побед.

– Ты имеешь в виду победы на скачках и в других играх? – спросила Ио.

Эгесистрат покачал головой:

– Нет, хотя он полагал именно так. Как вам, вероятно, известно, великие Игры в честь Аполлона проводятся раз в четыре года в Олимпии, а это недалеко от Элиды. И вот Тизамен записался в качестве участника на целых пять видов состязаний! В Элиде только об этом и говорили, как вы сами можете себе представить; а потом слухи достигли Закинфа, и мы тоже все узнали. Мой дядя, брат моей матери, Поликлет, попросил меня обратиться к богам. Я обращался к богам с помощью разных способов гадания по крайней мере полдюжины раз; результаты были однозначно отрицательными, и я сказал дяде, что Тизамен не победит ни в одном из соревнований. И это пророчество оказалось совершенно точным.

Но хватит об этом, я поистине испытываю ваше терпение. Итак, после Игр Тизамен вскоре поступил на службу к Павсанию в качестве прорицателя, но так и не простил мне моих пророчеств. Надо полагать, что именно победы при Саламине и при Платеях и были двумя из тех пяти побед, что обещал ему Великий бог. Ведь Эврибиад, командовавший объединенным флотом при Саламине, был подданным Павсания, а соединенными силами при Платеях командовал сам регент Павсаний.

Эгесистрат помолчал минутку, внимательно на меня глядя.

– Дальше придется вам положиться только на мое слово и постараться поверить тому, что я вам расскажу, – сказал он. – Прорицатель – если он имеет силу и опыт – может наложить на человека почти любое заклятье и заставить его поступать вопреки собственной воле. Вам это известно?

Мы дружно кивнули.

– Маги, как называют прорицателей в Персии, очень сильны в колдовстве.

Я тоже многому научился у одного из них, пока был на службе у Мардония.

Где научился колдовству Тизамен, сказать не могу. Может, его наставником был какой-нибудь маг, попавший в плен у Саламина? Но это только мои догадки. Впрочем, я уверен, что он действительно научился этому искусству; и если ты, Латро, прочитаешь мне кое-что из своих записей, я, возможно, сумею обнаружить что-то весьма интересное.

Я, естественно, тут же развязал старый свиток, разыскал, где упоминалось имя Тизамена, и прочитал этот отрывок, начиная со слов: "Никто меня не встретил". Небольшой кусок Эгесистрат попросил меня повторить еще раз. Я привожу, его здесь в том же виде, как он у меня был записан прежде:

"И еще одно нужно непременно записать, хоть я и не решаюсь сделать это.

Я как раз собирался нырнуть в палатку, в которой живем мы с Ио, Дракайна и Пасикрат, когда услышал совсем рядом странный, лукавый голос Тизамена:

"Убей этого человека с деревянной стопой!" Я тут же оглянулся, но никакого Тизамена не было и в помине".

* * *

Эгесистрат кивал, точно в подтверждение собственной догадки.

– Вот-вот. Когда я говорил об этих заклятьях, нужно было еще вспомнить, что колдун может – а часто так и делает – отнять у человека память о каком-то событии. То есть человек забывает все не на следующий день, как ты, а тут же, мгновенно. В данном случае, по-моему, мой родственничек как раз не сумел проявить должного умения, хоть и считает себя великим мастером, потому что даже ты, который все забывает, все же сохранил в памяти кое-что и записал это, хотя тебе его странный лукавый голос и показался похожим на свист ветра. Может быть, зная о твоей забывчивости, он проявил небрежность, а может, именно твоя особенность все забывать на этот раз помогла тебе запомнить самое важное.

– То есть, ты хочешь сказать, что Тизамен действительно там был, даже если Латро об этом и не помнит? – сказала Ио. – Точно призрак, до которого нельзя дотронуться? – Ее всю передернуло.

– Воспоминание о нем было стерто из памяти Латро, – отвечал Эгесистрат.

– Подобно тому, как исчез и призрак Тизамена. Когда Ла-

тро вместе с Павсанием и его стражником вернулись со скалы, откуда рассматривали корабль, который должен был везти вас в Сест, Тизамен, видимо, увлек Латро в сторонку, а может, даже отвел его в свою палатку или в какое-нибудь другое место, где ему точно никто не мог помешать. Там он и опутал его своими чарами, и, судя по последующим событиям, последними словами его заклятья были именно эти: "Убей человека с деревянной стопой". Но было там и что-то еще, что заставило Латро забыть даже это приказание. Видимо, Тизамен старался заставить его вообще забыть, что он разговаривал с ним в отсутствие Павсания. Вряд ли регенту пришлось бы по душе то, что человека, которого он посылает в Херсонес с определенной целью, использовал в своих личных устремлениях мой хитроумный родственничек. Так что второе заклятье – приносящее забвение – было абсолютно необходимо.

Ио покусала прядку своих длинных волос, потом сказала:

– Но я же помню, как Латро и чернокожий нашли нас у места казни, за городом, и Латро тогда вовсе не пытался тебя убить!

– Нет, пытался, – возразил Эгесистрат. – Ты должна понять: Латро вообще не ведал, что творит. Он не строил никаких планов. Он просто должен был привести меня в дом, где был его меч, помочь мне сесть, убедиться, что я не ожидаю от него никакого подвоха, и выхватить меч...

– Но ты выбил у него меч костылем! Я помню! А Латро

после этого выглядел так, словно его кто-то грубо разбудил.

– Это ты правильно подметила, – сказал Эгесистрат. – Зачарованный человек совершает поступки действительно как во сне, не отдавая себе в этом отчета. Кстати здесь есть две существенные тонкости – одна помогала моему родственничку, другая действовала как бы против него. Понимаете, очень трудно заставить человека действовать вопреки его собственной природе. Например, если б я наслал такое заклятье на тебя и велел тебе несильно ударить свою лошадь по морде, это было бы легко – в таком действии для тебя нет ничего внутренне неприемлемого, и ты бы подчинилась моему приказу. Но если бы я приказал тебе кого-то убить, все выглядело бы совсем иначе. Сомневаюсь, чтобы тебе когда-либо приходилось убивать.

– Никогда! – воскликнула Ио.

– Латро же был воином и, судя по вашим с чернокожим словам, служил Великому Царю, когда его войско явилось из Фессалии. Вполне вероятно, что он убил немало сынов Эллады; я был бы всего лишь еще одним.

– Так что явилось "противоядием" его заклятью? – спросил я. – Скажи скорей!

– *Lingua tua* «твой язык (лат.)», – отвечал Эгесистрат на том языке, которым я пользуюсь, когда пишу свой дневник. – Тизамен не знал твоего языка, и ему пришлось творить заклятья на чужом для тебя языке, так что даже удивительно, что ему все же удалось добиться несомненного успеха. – Он

немного помолчал и продолжил:

– Обдумав все, что мне известно на сей предмет, и посоветовавшись с одним своим другом – он скрывался в Сесте, и никому не говорите об этом человеке, прошу вас! – я вернулся с намерением по возможности снять это заклятье. И увидел Латро, когда тот был занят своей книгой. Меча при нем не было, но рядом лежал нож с костяной ручкой, которым он затачивает свой стиль, и едва я попытался снять заклятье Тизамена, как он ударил меня этим ножом. – Эгесистрат коснулся своего бока. – Рана еще не совсем зажила, и вряд ли я когда-нибудь смогу забыть о ней. Однако продолжим. Поняв, что положение становится опасным, я тоже сотворил кое-какие заклятия; в частности, постарался заставить его забыть о моей деревянной ноге. Но вы сами знаете, каков был результат.

– Нет, – сказала Ио. – Я не знаю. А что случилось?

– Значит, ты не слышала нашего недавнего разговора с Латро? Он пересказал свой разговор с Клетоном, купцом из Аргоса, которого нашел в Кобрисе, и упомянул мое имя, а Клетон, ничего не подозревая, назвал меня "человеком с деревянной стопой".

– Да-да, – кивнул я, – эти слова еще заставили меня вернуться и снова попытаться тебя убить. А про Эобаза я совсем забыл.

– Вот именно. Но есть в мире силы куда более могущественные, чем мой родственничек-мерзавец, и они оберега-

ют меня, а может, оберегают и Латро тоже, ибо, если бы ты, Латро, все-таки убил меня, скорее всего, либо амазонки, либо чернокожий убили бы и тебя самого: редко кто способен простить даже лучшего своего друга, когда тот убивает спящего товарища.

Как я уже сказал, у меня есть определенные способы убедить себя, а возможно, и один из богов, которых я просил о защите, сам вмешался, желая спасти меня.

– Так, может, твои заклятья спасут завтра и всех нас? – спросила Ио.

Видя, как она напугана, я прижал ее к себе и попытался успокоить тем, что погибнуть в бою могут только те, кто будет сражаться, ее же, самое худшее, может ожидать участь служанки, подметающей пол в богатом фракийском доме.

Глава 14

В ПЕЩЕРЕ МАТЕРИ БОГОВ

Я пишу при свете жертвенного костра. Здесь запасено много кедровых дров, да и сам костер еще не совсем догорел – видимо, после жертвоприношения. Ио нашла дрова, а мы изо всех сил раздували огонь. Трех амазонок уже нет с нами, а еще две тяжело ранены. Чернокожий ранен копьем в щеку; Эгесистрат сейчас зашивает рану. И никто не знает, что случилось с Элатой.

Снаружи моросит дождь.

* * *

Я только что перечитал записанное до заката солнца – к этому следует многое добавить. Вернулся Клетон. Эгесистрат, Иппофода, чернокожий, Ио и я собрались вокруг него, и он поведал нам о том предсказании.

– Я отправился во дворец, желая повидать царя Котиса, – начал он. – Я много раз совершал по его поручению торговые сделки, очень для него прибыльные, и, по-моему, имею при дворе кое-какое влияние. Мне пришлось довольно долго ждать, но в конце концов меня все же допустили к нему.

Он сидел у стола с тремя высокородными фракийцами;

перед ним стоял его лучший золотой ритон²⁶. Они не просто пьют из них вино – это еще и символ их власти, если вы не знаете. Если вам подают ритон, вы обязаны выпить его до дна. Ну, я сразу увидел, что Котис выпил уже немало, что для него не совсем обычно. Все варвары пьют много, но Котис старается дольше остальных оставаться трезвым. Лучший способ убедить этого царя (это мой личный опыт!) – сообщить ему, что возникла некая серьезная проблема, и предложить свои услуги для ее разрешения. Так я и сделал. Мне известно, сказал я, что он держит вас (я сказал «этих варваров» – варварам всегда нужно говорить, что варвары не они, а другие) за городом, но кто знает, как поведут себя его сограждане, если начнется настоящая схватка. К тому же, добавил я, некоторые из вас – мои соплеменники, а мои соплеменники только что разбили армию Великого Царя, прогнав всех его мидийцев, и очень похоже, что их войско вот-вот появится у границ Фракии.

Я сказал затем, что уже общался с вами, – всегда ведь лучше предупредить наушников, которые передадут сплетни о тебе, – узнав, что вы купцы, почему и запряг в повозку лучших своих мулов и поехал в лагерь, желая предложить вам кое-какие товары. Я также отметил, что Эгбео – отличный воин (Эгбео командует вашими стражами, понимаете? Я его подкупил – стоило это недорого, – и мне не хотелось, чтобы у него были неприятности).

²⁶ Ритон – сосуд для питья в виде рога животного.

Потом я якобы выяснил, что вы вовсе не купцы, а паломники, посланцы Афин. Про Афины Котису хорошо известно; для него Афины и Аргос – самые крупные торговые партнеры. И я посоветовал ему поскорее покончить с этим делом к обоюдному удовлетворению, чтобы потом не было неприятностей, так что, если он прикажет своим людям слушаться меня, я постараюсь все для него уладить.

Он улыбнулся и сказал: "Когда взойдет луна". И все воины вокруг тут же принялись вопить: "Гей! Гей!" Тут-то я и понял: что-то затевается, и сказал, что лучше бы все начать сразу после полудня. Но он покачал головой и говорит: "Клетон, друг мой, не стоит тебе сегодня беспокоиться. Поедешь и все уладишь завтра, получив на то мое разрешение". Я поклонился ему три раза и вышел, сказав, что счастлив служить ему. Сел в повозку, доехал до храма Плейстора и сказал, что хочу видеть Эобаза. Верховным жрецом этого храма является сам Котис, но там есть и другие жрецы, я хорошо знаю двоих, и, когда я сказал, что приехал прямо из дворца и мне нужно договориться насчет завтрашнего дня, мне тут же позволили переговорить с Эобазом.

Кто-нибудь из вас видел этот храм? – Мы сказали, что никто. – Вы только не думайте, что это такое же прекрасное мраморное здание, как у нас в Элладе.

Храм довольно большой, но построен из местного камня – известняка, скорее всего – и довольно узкий, потому что люди в здешних местах опасаются класть длинные балки. Вход

расположен в торце. Там есть зал, где самые знатные могут укрыться в плохую погоду. В зале – алтарь и тому подобное, а еще – огромная деревянная статуя. Позади нее висит прекрасный занавес, который я привез для них из Сидона. Женщины из здешних знатных семейств вышили на нем изображение бога: он скачет верхом на коне, рядом бежит его ручной лев, в одной руке Арес держит копье, а в другой – рог для вина. Они хотели еще в нижнем углу изобразить Залмокса²⁷ в обличье кабана, но там уже места не осталось, да и все равно Залмокса закрывала бы статуя.

Так что я посоветовал им вышить только его передние копыта, а голова...

Эгесистрат прервал его, подняв руку:

– Так, значит, ты смог поговорить с Эобазом?

Клетон кивнул:

– Они держат его в задней комнате. Там есть окно, но очень маленькое, не пролезть, да еще в оконный проем вделана пара железных прутьев. Котис, по-моему, собирается его в жертву принести.

Не думаю, чтобы Эгесистрата легко было удивить, но тут он удивился.

Даже глазами захлопал. Иппофода коснулась его плеча, и он перевел ей слова Клетона, правда, очень коротко. Я сказал

²⁷ Залмокс – фракийский колдун, впоследствии обожествленный и обладавший умением менять свое обличье; его имя своим происхождением, видимо, связано с фракийским словом *zaimo*, что значит «шкура».

Клетону, что и не знал, что здешнее население совершает человеческие жертвоприношения.

– Только цари, – отвечал он с важным видом, заложив руки за спину и выпятив грудь. – Царям не к лицу приносить такие же жертвы, какие приносит простой люд, поэтому все остальные – и простолюдины, и высокородные – приносят в жертву животных, как и в наших краях, а цари – людей. Обычно это пленники, которых захватывают во время набегов. Вам надо помнить, что здешний царь не простой человек. Он ведет свой род от Терей²⁸ – многие его предки носили то же имя, а первый Терей был сыном самого Плейстора. А Плейстор – сын Котито, или Котис, так они называют нашу Рею²⁹, да еще иногда он выступает в роли ее возлюбленного. Вот почему, когда царь встает перед алтарем в своих священных одеяниях и отрубает голову человеку, всем становится ясно, что это именно царь, существо высшего порядка.

– Когда будет совершено жертвоприношение? – спросил Эгесистрат.

– Завтра, – ответил Клетон. Иппофода знала это слово; я увидел, как побледнело ее лицо, чувствуя, что и сам побелел от ужаса. Никто не произнес ни слова, пока Клетон не добавил:

²⁸ Терей – в греческой мифологии фракийский царь, сын Ареса, зять Филомелы и отец Итиса.

²⁹ Рея – дочь Урана и Геи, сестра и супруга Кроноса. В качестве матери олимпийских богов отождествлялась с малоазийской Матерью богов Кибелой.

– Царь перенес дату; предполагалось, что жертвоприношение состоится не ранее следующего месяца.

Снова воцарилась тишина. Потом Ио спросила:

– А сам Эобаз об этом знает?

Клетон кивнул:

– Он мне об этом и сообщил. А потом я поговорил со жрецами, сказал, что хотел бы видеть всю церемонию – она ведь не тайная, наоборот! Жрецы сообщают о ней всем, рассылают глашатаев и все такое прочее, как только Котис распорядится насчет жертвоприношения. Если хотите знать мое мнение, у него на уме только весеннее предсказание оракула.

Эгесистрат крикнул и попросил:

– А может, ты расскажешь об этом поподробнее?

– Ну, каждый год здешний правитель отправляет послов на остров Лесбос, где в храме Бромия³⁰ в подземелье хранится голова Орфея. Вам об этом известно? Голова вроде бы по-прежнему живая. И вот, в благодарность за подношения, привезенные послами, голова дает разные хорошие советы на грядущий год. Обычно ничего особенного – чепуха, вроде того что следует опасаться чужаков, доверять друзьям и тому подобное. Но иногда голова говорит такое, что волосы встают дыбом; после таких предсказаний царь режет глотки даже некоторым своим ближайшим родственникам.

– Надо полагать, – вставил Эгесистрат, – что в этом году было как раз такое предсказание? Что именно сказал оракул?

³⁰ Бромии (греч. «шумящий») – одно из прозвищ Диониса.

– Хочешь услышать его собственные слова? – спросил Клетон.

– Это было бы лучше всего, если ты их помнишь.

– Я их в жизни не забуду, даже если бы хотел! Предсказания головы повторяют каждый год на празднествах, а в этом году добрая половина жителей Кобриса обсуждала их на все лады. С ума можно было сойти! – И Клетон нараспев продекламировал что-то по-фракийски.

Эгесистрат глубоко задумался, держа себя за бороду и полузакрыв глаза, а потом обратился к Иппофоду на языке амазонок. Она испуганно уставилась на него и притронулась к своей шее. Он пожал плечами и отвернулся.

– Не уверен, что смогу перевести это в стихотворной форме, но все же попробую, – сказал он нам.

*Сильным – несчастьем грозит гнев богов и проклятье.
Гончие взвоют, и вороны в небо взвоятся,
Ринутся с неба голубки, как соколы когти наставив,
Яростно вступят волю, опустив свои острые роги,
В битву дитя устремится верхом, за ним девы с
оружьем.
Вот когда Бендис³¹ захочет замедлить ход солнца,
Только напрасно; стремительно львы понесутся!
Воинства бог все на битву подвигнет народы;*

³¹ Бендис, или Бендида – богиня, которую примерно с конца V века до н.э. под фракийским влиянием начали отождествлять с Артемидой; первоначально являлась богиней охоты и природы.

В битве кровавой прольется и царская кровь без сомненья!

Когда Эгесистрат умолк, я быстро посмотрел на чернокожего, а он – на меня, так что я высказался как бы от лица нас обоих:

– Не вижу здесь никакой связи с Эобазом.

– Или с нами, – вставила Ио. – Может, ты разъяснишь нам это предсказание, Эгесистрат?

– Может быть, но потом. – И он обратился к Клетону:

– Все это очень серьезно, друг мой. Есть ли у тебя еще какие-либо новости, скверные для нас?

– Думаю, есть, – сказал Клетон. – Насколько они скверные, это уж вам судить. Покинув храм – а это было, как вы понимаете, совсем недавно, – я направился в город и на дороге, ведущей к вам в лагерь, встретил Эгбео. Я уж решил было, что вас отпустили, но он сказал, что ничего подобного, а ему дано приказание найти для всех свежих лошадей, и он по очереди посылал всех своих воинов, а сам вот едет последним.

– Понятно, – сказал я, обращаясь к Эгесистрату. – Они хотят напасть на нас, когда луна будет высоко и от нее будет достаточно света, чтобы им было легче направлять свои копья. Их, я думаю, будет куда больше, чем тех, кто нас сейчас охраняет; и царь Котис, вполне возможно, сам поведет их в бой.

Эгесистрат с сомнением покачал головой:

– Ты действительно считаешь, что они осмелятся? А по моему, мы можем довериться царскому слову.

– Я бы не стал, – откровенно поддержал меня Клетон.

Мы поблагодарили его за добрые услуги, и он отправился обратно. Мы смотрели, как его влекомая мулами повозка, дребезжа, катится по дороге.

Потом Эгесистрат сказал мне:

– Ты был совершенно прав, Латро. Я тоже уверен, что они ночью нападут на нас. Но хоть я и не верю, что наш друг Клетон – шпион царя, он все же, даже невольно, может проболтаться об услышанном здесь первому встречному, и тогда это может дойти до ушей царя или его приближенных. Нам необходимо нынче же ночью исчезнуть из лагеря!

Видя в моих глазах незаданный вопрос, он добавил:

– Но сперва я бы хотел спросить совета у богов, да и амазонкам следует попросить помощи у их "отца".

Он о чем-то поговорил с Иппофодой, затем снова обратился ко мне:

– Иппофода говорит, что лошадь – вполне подходящая жертва. Конечно, мы выберем самую слабую. Полагаю, что этот бог должен понять нас. Может, лучше даже взять одну из лошадей, захваченных у фракийцев в той, самой первой схватке? А вы, – обратился он ко мне и к чернокожему, – должны составить план нашего бегства, Иппофода поможет вам. Вы будете стратегами, а я – вашим прорицателем, а за-

одно, видимо, и вашим переводчиком.

Амазонки построили из дерева и глины алтарь и воткнули в него короткий меч. Мы с чернокожим между тем выкупали самую тощую из наших лошадей (по-моему, это была очень хорошая лошадь), а Ио и Элата украсили ее, как только сумели. Церемонией руководила Иппофода; она перерезала лошади горло после вознесения молитв и исполнения всеми амазонками гимна. Иппостизия, самая высокая из воительниц, собрала кровь в чашу, плеснула немного на священный меч, а остальное вылила в огонь. Потом Иппофода с Эгесистратом вспороли лошади брюхо, извлекли сердце и печень и бросили их в огонь, как и некоторые другие органы и кости. Эгесистрат внимательно наблюдал, как они горят и какой от них поднимается дым; потом внимательно изучил обе лошадиные лопатки и только тогда поведал нам, что сумел узнать.

– Предзнаменования есть разные – и плохие, и хорошие, – сказал он. – Нам не избежать потерь, ибо слишком много опасностей поджидает нас впереди, однако мы в итоге все же своего добьемся.

Чернокожий указал на Элату, на Ио, ткнул рукой в грудь себе и мне, а потом мотнул головой в сторону Иппофоды и ее амазонок.

– Да, – ответил Эгесистрат. – И мы, и они. Но не сразу – и, видимо, даже не нынче ночью. Но очень скоро! Во всяком случае, Арес готов выполнить просьбу своих дочерей.

Едва зашло солнце, как чернокожий пробрался мимо ча-

совых, чтобы наблюдать за дорогой. Мы решили, что начальник фракийцев непременно будет ехать во главе своего отряда; и, даже если это окажется не сам царь, все равно их командир будет хорошим заложником. Ио и Элата должны были оставаться "в тылу", в палатке. Остальные оседлали коней, как только убедились, что нас уже плохо видно в сгустившейся тьме. Мы рассчитывали сами атаковать еще до того, как взойдет луна. Даже одна из раненых амазонок взобралась в седло, уверяя, как мы поняли, что уже вполне поправилась и готова драться. Но Иппофода приказала ей спешиться и оставаться в палатке вместе с Ио и Элатой. Кто-то поцеловал меня в темноте. Наверное, именно она. Во всяком случае, это была женщина значительно крупнее и сильнее Элаты.

Глава 15

МНЕ ПОРА УХОДИТЬ

Эгесистрат не соглашается со мной, а я ему обещал, что буду считаться с его мнением. Мы с ним переговорили наедине и решили, что если что-то предпринимать, то немедленно и именно мне. Я сказал, что пойду, как только сделаю записи в дневнике, но он настаивает, чтобы я сперва отдохнул и, если получится, поспал.

Все это связано с событиями, которые он предвидел, когда глядел на пламя жертвенного костра – с тем, что мы все-таки доберемся до этого Эобаза, но не нынче же ночью. Если мы дождемся зари, говорит Эгесистрат, можно будет поискать другой выход из пещеры. Я-то хотел выйти через известный ход в пещеру и лучше ночью – в сущности, это единственное подходящее время. Может быть, мне не следовало с ним соглашаться, хотя, по его словам, в глубь пещеры тянет сквозняком. Я и сам вижу, как туда сносит дым от костра.

* * *

Я только что перечитал написанное прежде, до возвращения Эгесистрата, и вижу, что кое-что пропустил, так что это следует записать, пока я не забыл. После жертвоприношения

Ию опять спросила Эгесистрата о том предсказании весеннего оракула царю Котису.

– Полагаю, тебя удовлетворит только полное толкование каждой строки пророчества? – сказал он ей. – Что ж, очень хорошо. Я попытаюсь это сделать. Но ты должна понять, что у царя есть свой мудрец, который, изучив куда больше пророчеств этого оракула, чем я, понимает его гораздо лучше.

Итак, первая строка: "Сильным – несчастьем грозит гнев богов и проклятье". Тут единственный вопрос – какие "сильные" и какие "боги" имеются в виду? Довольно обычная практика – оракулы любят задавать такие вот загадки в первом же предложении, а отгадки – в последнем. По-моему, под "сильными" подразумеваются цари, упоминаемые в последней строке. Тебе это понятно?

Ию кивнула, и мы с чернокожим вслед за нею.

– Упоминаются в пророчестве и, по крайней мере, три бога, хотя могло быть и больше. Тут я уверен: "Воинства бог" – это Арес, бог войны; Бендис – фракийское имя Охотницы; а "солнце" – это ее брат-близнец. Всего трое.

Теперь вторая строка: "Гончие взвоят, и вороны в небо взовьются".

Вороны в небе – знак того, что многие погибнут; ведь вороны питаются падалью и всегда летают над полем битвы. Вопрос в том, не относится ли слово "гончие" к многоголовому псу Церберу, который охраняет главный вход в Царство мертвых? Но поскольку Бендис названа открыто, я полагаю,

что имеются в виду просто гончие псы. Если я прав, то эта строка означает, что будет погоня, во время которой многие погибнут.

– А что означает строка, где упоминается устремившийся в битву ребенок?

– спросила Ио.

– Потерпи, – отвечал Эгесистрат. – Скоро и до нее доберемся. Итак, следующая строка гласит: "Ринутся с неба голубки, как соколы когти наставив". Я считаю, что здесь могут быть два толкования: первое и, несомненно, более очевидное, заключается в том, что нормальный, естественный ход вещей в природе будет прерван, остановлен; случится чудо.

Ведь голубки не бросаются на добычу подобно соколам. И волы, вопреки тому, что говорится в следующей строке, – одни из самых мирных животных на свете. Но по-моему, здесь вложен иной смысл: видимо, в бой вступят некие конкретные люди или группы людей, от которых трудно было бы ожидать проявления воинственности. Голубки, конечно же, еще и священные птицы Богини любви, а если они фигурируют в пророчестве, то чаще всего олицетворяют красивую молодую женщину – вспомните, когда мы приносили жертву в роще Итиса, я говорил вам о двух женщинах царского рода, которых боги превратили в подобных птиц. Волы, упомянутые в следующей строке, – это, видимо, крестьяне, хотя в этой стране, как и в нашей, крестьян трудно назвать людьми мирными, ибо они часто сопровождают своих хозяев в набе-

гах и военных походах.

– А следующая строка как раз та, о которой спрашивала Ио, – сказал я. – "В битву дитя устремится верхом, за ним девы с оружием".

– Правильно. Латро, у тебя вообще-то прекрасная память, когда она действует! Да, следующая строка звучит именно так, но, к сожалению, я здесь многого сказать не могу. "Дитя", по всей видимости, означает Бога любви³², сына Великой богини; но, поскольку он обычно вооружен и скорее летает, чем ездит верхом, у меня нет уверенности в таком толковании. Мысль об Охотнице мне тоже представляется маловероятной – сразу став взрослой женщиной, она осталась в некоторых отношениях ребенком; правда, она часто ездит верхом, особенно здесь, во Фракии. Но она тоже всегда вооружена, так что подобное толкование вряд ли верно.

Более того. Охотница названа по имени в следующей строке: "Вот когда Бендис захочет замедлить ход солнца". Она, стало быть, попытается это сделать, когда "в битву дитя устремится", так что вряд ли слово "дитя" относится к ней. Что же хотел сказать оракул, говоря, что она так поступит? Я бы предположил, что "дитя" – это некто, кого мы не знаем; возможно, некий царевич из этой или соседней страны.

³² Имеется в виду Эрот, или Эрос, греческий бог любви, сперва считавшийся одной из самовозникших сил, способствовавших развитию упорядоченного мира из хаоса. Позднее он стал считаться сыном Ареса и Афродиты и всегда сопровождал свою мать в облике дерзкого крылатого сорванца, мучающего своими стрелами людей и богов.

"Девы" – это, по всей вероятности, те, кто в предыдущей строке именуется "голубками"; в таком случае, эти две строки про "голубок" и "дев" составляют еще одну загадку и ее разгадку. Если "дитя" – это и в самом деле Охотница, тогда "девы", которые, согласно предсказанию оракула, тоже отправятся на войну, вполне могут быть ее свитой. Однако вам троим уже, наверное, пришло в голову и куда более вероятное толкование, я вижу это по вашим лицам.

Чернокожий выразительно ткнул пальцем в сторону амазонок; мы с Ио просто назвали их.

Эгесистрат подтвердил правильность нашей догадки:

– Мы можем почти с полной уверенностью утверждать, что именно таким было толкование, к которому пришли царь Котис и его советник. Посудите сами: царь получил предсказание весной, то есть почти год назад, и в нем содержался прямой намек на то, что он и сам может погибнуть: "несчастьем грозит гнев богов... прольется и царская кровь". А летом огромное войско Великого Царя, отступая, потоками крови залило всю Апсинфию. Так, может, это именно то, о чем предупреждал оракул? Но Великий Царь не был даже ранен! Да и пророчество было дано оракулом Орфея Котису, а не Ксерксу.

Теперь далее. К концу года в стране появились женщины-воительницы, о которых здесь, вероятно, раньше и не слыхали. Из того, что нам сообщил Клетон, мы можем с уверенностью предположить, что первый отряд фракийцев,

с которым мы столкнулись, был прекрасно осведомлен об этом пророчестве.

Они напали на нас, однако и сами были атакованы вооруженными девами; поэтому второй отряд согласился заключить с нами перемирие и проводить нас в Кобрис. Латро, представь, что ты царь Котис; что бы ты предпринял дальше?

– Приехал бы сюда, надо полагать, – отвечал я. – Чтобы самому увидеть дев-воительниц.

– Но это же очень рискованно, – заметил Эгесистрат. – И раз я твой советник в подобных вопросах, мой долг предупредить тебя, что предсказанные события могут и не свершиться, пока ты сам не увидишь одно или даже все предзнаменования. Но если ты – точнее, царь Котис – поступишь так, как собираешься, это может привести как раз к тому, чего ты опасаясь.

Я кивнул:

– Кажется, я понял. И что же ты мне посоветуешь, господин мой Эгесистрат?

– Первое: пошли трех доверенных людей проверить, действительно ли это девы-воительницы, как говорил оракул Орфея. Второе: разоружи их. Если ты попытаешься просто их уничтожить, они, несомненно, будут драться, и это сопротивление вполне может привести к той войне, о которой говорится в пророчестве. А если отнять у них оружие и коней, они уже не смогут "в битву устремиться".

– Погодите! – закричала Ио. – Я знаю! Ведь он и послал

их – помните?

Помните троих благородных фракийцев, на которых было столько золота? Он хотел, чтобы мы отдали ему наше оружие и коней, и дал нам время до завтрашнего утра. Хотя вы с Латро утверждаете, что на самом деле он собирается напасть на нас нынче ночью.

– Да, боюсь, именно так он и поступит, – вздохнул Эгесистрат. – И Клетон, и боги предупредили нас; мы можем быть вполне уверены в этом. И хоть мы и не заявили ему напрямую, что не сдадим ни коней, ни оружия, мы просто старались выиграть время, и он это прекрасно понимает. И теперь хочет взять быка за рога, если сможет, конечно. Царя, разумеется, тоже можно ранить, но вдруг это окажется легкая рана? Да оракул мог вполне иметь в виду и другого царя, не Котиса. Или просто ошибиться в своих предсказаниях; Светлый бог, согласно всеобщему мнению, частенько действует наперекор предсказаниям Орфея, и, как мы с вами уже сами убедились, он несомненно в этом замешан и противодействует своей сестре³³.

Ию даже подскочила от возбуждения:

³³ Мифический фракийский певец Орфей, по одной из легенд, был сыном Аполлона и музы Каллиопы. После гибели жены Эвридики и неудавшейся попытки вывести ее из подземного царства, Орфей стал женоненавистником и был растерзан фракиянками (по другой версии – вакханками). Музы собрали и похоронили растерзанное тело Орфея, а его голова приплыла по реке Гебр (что во Фракии) на остров Лесбос. Светлый бог, упомянутый в тексте, – это Аполлон; его сестра – Артемида.

– Так вот, значит, почему Котис перенес день принесения в жертву Эобаза? Хотел заручиться поддержкой Бога войны?

– Именно так. Теперь давайте рассмотрим четыре последние строчки:

*Вот когда Бендис захочет замедлить ход солнца.
Только напрасно; стремительно львы понесутся!
Воинства бог все на битву подвигнет народы;
В битве кровавой прольется и царская кровь без сомненья!*

– О Бендис и о солнце мы уже говорили. Я бы предположил, что «львы» – это стратеги или, может быть, просто могучие воины. Бог воинства – это, конечно же, Арес, или Плейстор, как его здесь называют. Ну, хорошо. Арес посылает людей на битву, но кто-то, надо полагать, эту битву выигрывает?

Может быть, сам Котис? Следовательно, ему нужно непременно добиться расположения Плейстора; к счастью, для этого есть вполне подходящая жертва. Итак, Котис сперва уничтожит дев-воительниц (если сможет!), а затем отправится просить помощи и защиты у Плейстора.

Вот что рассказал нам тогда Эгесистрат; возможно, он говорил и что-то еще, я уже не помню. Однако, вновь заговорив со мной в храме, когда мы остались наедине, он воспользовался языком, на котором я пишу свой дневник, чтобы никто из врагов нас не подслушал. И здесь, в храме, он преду-

предил меня об одной чрезвычайно важной вещи.

– Ты, конечно, уже не помнишь нашего разговора с Охотницей, – сказал он. – Не перечитывал ли ты запись о нем сегодня?

– Нет, – ответил я, – не перечитывал. Меня это сейчас совершенно не занимает. Ты, оказывается, говоришь на моем языке – скажи же, где находится моя родная страна?

Эгесистрат только головой покачал:

– Я бы непременно сказал тебе, если б мог. Но, увы, я этого не знаю.

Если мы переживем эту ночь, я могу спросить у богов.

– Как же так – ты знаешь мой язык, но не знаешь, где на нем говорят?

Эгесистрат подсел поближе; тогда мы еще не начали обсуждать с ним, как мне добраться до храма.

– Да уж такой я, какой есть. Ты слышал о Мегисте?

Имя это ни о чем мне не говорило.

– Он был прорицателем царя Спарты Леонида и погиб вместе с ним. У него был дивный дар – он понимал язык всех птиц и зверей и благодаря этому мог узнавать множество самых невероятных вещей, хотя, как он сам мне говорил однажды, большинству зверей и всем птицам нет никакого дела до людей.

– А может кто-то из птиц сказать мне, где мой дом? – спросил я.

– Сомневаюсь. Так или иначе, сам-то я, хоть и разговари-

ваю порой с богами, птичьего языка не знаю. Впрочем, и у меня тоже есть особый дар – я понимаю любого человека, с которым встречаюсь. Не могу объяснить, как это происходит. Мардоний, например, не раз спрашивал меня об этом, но я в ответ мог только удивляться, почему он сам так не может. Возможно также, что я вообще никогда не учился говорить, как все остальные дети, а сразу заговорил на своем родном языке, как взрослый.

Мне показалось, что в этот момент мной опять овладевает желание схватиться за меч.

– Видно, такова воля богов, – сказал я обреченно. – И я никогда не найду свой дом.

– Если и в самом деле такова их воля, тебе остается только смириться, – согласился Эгесистрат. – А теперь не хочешь ли перечесть, что говорила Охотница?

Я отрицательно мотнул головой.

– Хорошо, я сам тебе перескажу. Она обещала, что ты вернешься к своим друзьям. Я не говорил об этом раньше, потому что твоя рабыня вечно подслушивает. Советую тебе все-таки перечесть эту часть своих записей, а также то, что ты сегодня зачитывал вслух на языке эллинов.

Ну вот, теперь мне нужно описать наш бой. Луна едва взошла, когда мы услышали крик чернокожего и тут же прорвали цепь стражников. Иппофода бросилась вперед со своими амазонками; они мчались слева от меня.

Эгесистрат скакал справа. Перед нами возникли двое

фракийских всадников, зазвенели луки амазонок, и я, наверное, всегда буду помнить свист стрел и то, как кости упавших фракийцев затрещали под копытами наших коней.

Царь уже положил руку на рукоять меча, но выхватить его так и не успел: я налетел на него, обхватил его рукой и выдернул из седла. Какой-то фракиец бросился на меня – я помню, как блеснул наконечник его копья в лунном свете, – но я развернул коня так, чтобы тело царя прикрывало меня от удара, и фракиец промчался мимо, тут же подняв оружие. Царь был очень силен и сумел высвободить одну руку; когда он ударил меня в лицо, мне показалось, что все звезды упали с небес и вонзились мне в глаза; но я тут же схватил его за горло и душил, пока он не перестал сопротивляться.

Я скакал на северо-запад, как было договорено, снова и снова понукая коня ударами пяток. Это был превосходный конь, но как он мог уйти от фракийцев, таща на себе двух тяжелых мужчин? Чернокожий, Эгесистрат и несколько амазонок устремились на помощь ко мне, и мы сбились в тесную группу. Теперь они скакали позади меня. В руке чернокожий все еще держал дротик, которым он и убил фракийца, пытавшегося нас обогнать: просто повернулся в седле и, когда фракиец приблизился, точно и сильно метнул свое оружие. Стрелы амазонок избавили нас от преследователей; фракийцы падали с коней на полном скаку, кони тоже падали под ними, и все же врагов было слишком много.

Вдруг я почувствовал, что мы летим. Я глянул вниз и уви-

дел серебряный месяц далеко; мне показалось, что мы взлетели выше неба. Но то оказалась всего лишь канава – с помощью таких канав фракийские крестьяне отводят воду с полей; мой конь перепрыгнул через нее, и только тогда я ее заметил.

При этом я чуть не вылетел из седла и чуть не выпустил из рук царя.

Впрочем, минуту спустя я понял, что мне все-таки придется его бросить, иначе я погиб. Оказалось, что справа от меня скачет уже не Эгесистрат, а какой-то фракиец, уже поднявший копьё для удара. Если б можно, я бы швырнул царя прямо ему на копьё; однако бросок такой силы, сидя верхом на коне, я сделать не мог. Котис упал на землю, и фракиец, как я и надеялся, сразу осадил коня. Теперь я мог воспользоваться своими дротиками.

По-моему, одного преследователя я убил, но второй дротик в цель не попал.

Не знаю, как нам удалось обнаружить священную пещеру. Мы продолжали мчаться вверх по склону горы, потом свернули на какую-то дорогу, чтобы лошадям было легче бежать, а потом я услышал чей-то голос: "Латро! Латро!"

Это был чернокожий; хотя он редко открывает рот, сейчас он кричал. Дорога привела нас ко входу в пещеру; внутри, возле алтаря, светился красным догорающий костер. Вход был слишком низким, чтобы въехать в пещеру на коне, даже если сильно пригнуться, но внутри своды пещеры оказались

достаточно высокими.

Когда я достиг входа в пещеру, где уже собрались все остальные, чернокожий быстро спешил и повел своего коня внутрь, жестом приглашая остальных последовать за ним. Молодой жрец бросился ему навстречу с обнаженным мечом и, несомненно, пронзил бы им чернокожего, если б ударил на палец правее. Но он промахнулся, и чернокожий, перехватив руку нападавшего, перерезал ему горло.

Элаты с нами не было: мы ведь оставили ее в палатке. Я считал, что Ио тоже осталась там, пока вдруг не увидел ее среди амазонок (это уже потом она принесла дров и снова разожгла костер). Я сказал девочке, что ее легко могли убить фракийцы.

– Да, я столкнулась с одним, – отвечала она. – Он был почти такой же высокий, как ты, но верхом мы оказались почти одинакового роста. Я его мечом по шее рубанула.

Несколько фракийцев, спешившись, попробовали ворваться в пещеру, но амазонки уложили двоих из луков, и остальные поспешно отступили.

Я спросил Ио, где она взяла меч.

– Мне его дала Иппофода, – сказала она.

– Ей не следовало этого делать, – заметил я. – А тебе не следовало его брать.

Ио как раз закончила вытирать клинок (она это делала, пожалуй, даже тщательнее, чем нужно, да еще подолом своего пеплоса). Она опустилась на колени и принялась разду-

вать угли в костре, притворяясь, будто меня не слышит. Потом все-таки пробормотала:

– Я сама ее об этом попросила. Сказала, что из лука стрелять не умею, но верхом ездить могу не хуже других. И могу пригодиться в бою, например, чтобы прикрыть тебя сзади, если ты захватишь царя Котиса. Она спросила, представляю ли я, что такое бой, и я ответила, что видела немало сражений, хотя сама никогда в них не участвовала. Тогда она отыскала среди своих вещей этот меч и дала его мне.

– Но это, конечно, не ее собственный меч?

– Нет, он принадлежал одной из амазонок; она погибла давно, еще до того, как мы с ними повстречались. Так мне Иппофода сказала.

Мне очень хотелось отобрать у нее этот меч, но я не мог лишить ее оружия, зная, что нам, видимо, вскоре снова придется биться не на жизнь, а на смерть.

– Мне кажется, Иппофода все еще горюет по той своей подруге, – сказала Ио. – Она плакала, когда отдавала мне этот меч. Я и не думала, что амазонки тоже умеют плакать.

Вот и все, что я хотел записать. Теперь надо постараться заснуть – Эгесистрат обещал разбудить меня на заре. Да, Ио сообщила мне, что забрала плащ убитого жреца и хочет сделать себе из него хитон.

– Жреца сперва кастрировали, – сказала она, – точно годовалого бычка! – И жестом показала, как это делается.

Глава 16

КОНИ ГЕЛИОСА

Белые кони, которых украли мы с Фаретрой, поставлены в конюшню вместе с остальными. Они так хороши, что (подобно самому солнцу) все вокруг затмевают своей красотой. Иппофода считает, что нам нельзя их убивать, что бы ни случилось, и Эгесистрат согласен с нею; да только фракийцы, к сожалению, этого не понимают.

Я спал, и мне снился сон, – наверное, тот самый, что я увидел, написав в дневнике последние слова о том, что мне надо поспать и что Эгесистрат обещал разбудить меня на заре. Но разбудил меня не Эгесистрат (он прорицатель, одна нога у него деревянная), а фракийцы. И даже не они, а амазонка, стоявшая на часах у входа в пещеру. Она так закричала, что я тут же проснулся. Я видел, как она натянула лук и выстрелила, а потом отбежала назад, к священному огню. На ходу она вытащила новую стрелу, обернулась и выпустила ее, не замедляя бега. Я раньше считал, что столь виртуозное владение луком смертным недоступно, однако видел все собственными глазами.

Фракийцы ворвались в пещеру через узкий вход, но я к тому времени был уже на ногах и держал в руке меч, на клинке которого написано "Фальката".

В авангарде, видимо, шли высокородные фракийцы в ве-

ликолепных шлемах, с расписными щитами и в дорогих кольчугах, пластины и кольца которых нашиты на кожу. За ними толпились пелтасты³⁴; некоторые были в шлемах, и каждый имел по паре дротиков.

Думаю, что со стороны фракийцев было бы умнее построиться в фалангу, оцетинившись копьями, но копья они оставили снаружи и в бой вступили разрозненно, вооруженные мечами. Я лично сразу уложил двоих благородных.

После боя я хотел было снять с одного из них его кольчугу; но удары Фалькаты испортили ее, вмяв бронзу в тело. Впрочем, амазонки нашли еще одного убитого – ему стрела попала прямо в глаз, – и Иппофода подарила мне его кольчугу; теперь я ее ношу.

Не знаю, скольких пелтастов я убил. На поле боя осталось много мертвых; убитых чернокожим отличить было легко – он сражался мечом, отнятым у жреца; но раны, нанесенные Фалькатой, было почти невозможно отличить от следов боевого топора Эгесистрата. Некоторые из амазонок тоже вытащили мечи. Иппофода опасается, что у них скоро кончатся стрелы, хотя те, что были выпущены в этом бою, мы собрали. По крайней мере, большую их часть.

У входа в пещеру со мной сразу могли драться не более троих пелтастов; я сразу уложил нескольких человек; луки амазонок пели, как лиры. Когда пелтасты отступили, наде-

³⁴ Пелтаст – легковооруженный пехотинец с легким кожаным щитом-пелтом, длинным мечом, копьем и дротиками.

ьясь пустить в ход дротики, амазонки уложили еще многих, а дротики фракийцев лишь оцарапали камень. Потолок здесь местами нависает так низко, что мне приходится пригибаться. Мы лишь посмеялись над этой их попыткой.

Когда бой затих и амазонки торжественно преподнесли мне доспехи, мы решили, что Эгесистрату следует обратиться к фракийцам с предложением перемирия: у нас было мало дров, чтобы устроить огненное погребение для всех павших. И потом мы пришли к заключению, что, если Эгесистрату удастся переговорить с царем Котисом, он, возможно, завершит переговоры успешно, поскольку Арес явно на нашей стороне – он так хорошо помогал своим дочерям, что ни одна из них в этом бою не получила сколько-нибудь серьезного ранения.

Эгесистрат действительно переговорил с царем, после чего мы принялись подтаскивать тела убитых фракийцев к выходу из пещеры, откуда их должны были забрать. Именно тогда мне и удалось потихоньку уйти еще до зари.

В сотне шагов от священного огня, горевшего у алтаря, мрак был таким густым, как самой темной ночью. Я очень жалел, что не прихватил с собой факел, хоть и понимал, что все равно не сумел бы воспользоваться им, не привлекая внимания фракийцев; да и чернокожий тут же стал бы настаивать на том, что пойдет со мною, хотя рана на щеке причиняла ему значительные страдания. Иппофода тоже, заметив, что я ухожу, захотела бы послать со мною нескольких амазо-

нок – что, как мне кажется (и Эгесистрат со мною согласен), только ослабило бы наш отряд. К тому же, будь нас больше, вряд ли мы добились бы лучшего результата. Если Эобаза и можно было спасти, то скрытно, ведь у нас все равно не хватило бы сил отбить его в открытой атаке.

Пробираясь в темноте, я беспокоился об одном: как бы чего-нибудь не забыть. Эгесистрат, разделяя мои опасения, предложил мне захватить с собой свиток. Я заткнул его за пояс и пообещал Эгесистрату, что, если мне удастся обнаружить другой выход из пещеры, я непременно сделаю остановку и прочту свои записи.

Итак, на мне была кольчуга, подаренная амазонками, на поясе висел мой меч, на голове красовался шлем, снятый с одного из высокородных фракийцев, убитых мною, а еще я прихватил пару дротиков и пелт. Мне казалось, что лучше постараться сойти за одного из знатных фракийцев. Особенно я был рад, что взял шлем и дротики: шлем предохранял мою голову от ударов о низкие своды пещеры, а накопечниками дротиков я ощупывал перед собой путь во тьме. Щит, правда, пришлось бросить, потому что мне дважды пришлось взбираться по уступам, дабы не потерять ощущение легкого сквозняка, которым я руководствовался. Я считал шаги и успел насчитать две тысячи двести семнадцать, когда услышал рык одного льва и глухое ворчанье другого.

Встреча с такими зверями в полной темноте означала верную смерть – и все же у меня не возникло желания повер-

нуть назад. Хотя я, оставив позади более широкий коридор, свернул в более узкий, все равно впереди слышалось рычание львов. Интересно, думал я, что могло их привлечь столь глубоко под землю? Известно, что днем львы часто спят в пещерах, но я никогда бы не подумал, что они способны по собственной воле забраться так далеко.

Насчитав более двух тысяч шагов, я заметил наконец проблески света и почувствовал себя полным дураком, ведь "разгадка" была очевидна: львы и не думали забираться в глубь пещеры, они просто устроили себе логово у входа в нее, который, собственно, я и искал и откуда тянуло ветерком. И хотя мне вовсе не улыбалось встречаться со львами даже при дневном свете, я решил, что парой камней и громким криком сумею прогнать их. Немногие дикие звери станут нападать на вооруженного человека, если у них есть возможность уйти.

Как только я выбрался на освещенное пространство, где отчетливо были видны камни и жидкая грязь, то сразу вспомнил данное Эгесистрату обещание перечитать свой дневник. Однако, вынув свиток из-за пояса и развязав шнурки, я понял, что не различаю слов; пришлось пройти еще немного вперед, прежде чем я смог сесть на камень и прочитать все, что записал вчера. С этого камня выход из пещеры мне еще не был виден.

Теперь, прочитав наконец о пророчестве, о волах, о ребенке и о том, как это пророчество исполнилось, я, казалось,

в эти мгновения отлично помнил все это, даже то, как записывал об этом в свой дневник, но сейчас уже ничего не помню. Свернув свиток, я снова сунул его за пояс и двинулся вперед, держа в каждой руке по дротику.

И тут передо мной предстало видение столь необычайное, что я, наверно, должен был бы сразу догадаться, что случится далее, однако догадался не сразу. Слева от меня возвышался сталагмит, какие часто встречаются в пещерах, влажный от стекающей сверху воды. Он почти достигал каменного свода у меня над головой и блестел, точно жемчуг; правда, вряд ли я обратил бы на него особое внимание, если бы он не показался мне несколько странным. Подходя к этой блестящей колонне, я решил, что она больше похожа на те рукотворные колонны, какие часто воздвигают люди в честь своих богов – из белого мрамора или из дерева, выкрашенного в белый цвет.

Скользнув по ней взглядом, я пошел дальше, однако мне снова пришла в голову мысль, что эта колонна сделана людьми. Я остановился, повернул назад и стал на нее смотреть.

И тут мне показалось вдруг, что вокруг не стены пещеры, а дикая, продуваемая всеми ветрами пустыня, а под ногами не камни и глина, а земля, покрытая пожухлой травой, и над головой ярко-синее знойное небо. Острые выступы в стенах пещеры, похожие на хищные зубы, теперь казались мне то целым лесом колонн, то войском, грозно ошестинив-

шимся пиками, а вокруг эхом разносился львиный рев; звери явно ожидали меня снаружи, у низкого округлого выхода из пещеры.

На мгновение, правда, я усомнился в их существовании, поскольку в самой пещере их не было. Ведь вполне вероятно, решил я, что это всего лишь рев горной реки или шум водопада, и мне просто почудились эти львы – ведь видел же я портик какого-то храма там, где не было ничего, и не менее сотни вооруженных человек в совершенно пустой пещере. Может, я просто выдумал этих львов, как и все остальное?

Но у выхода из пещеры появился самый настоящий черногривый лев с оскаленной пастью, желто-коричневый в ровном солнечном свете. Подняв над головой дротик, я ринулся вперед.

Солнце, видно, только что взошло. Передо мной лежало узкое каменистое ущелье; в самой его теснине бежал поток; и я заметил, что все это очень похоже – и одновременно совершенно не похоже! – на то, что я ожидал увидеть снаружи. Я, например, ожидал увидеть стаю львов, возглавляемую тем огромным самцом с черной гривой, который встретил меня у выхода из пещеры, и матерой львицей, возможно, с детенышами. Там и в самом деле было не менее четырех львов, однако все они были самцами и такими же огромными, как и тот, первый. И они настолько походили один на другого, что я не смог бы различить их.

Рядом действительно стояла львица, но в женском обли-

чье. Высокая и сильная, сильнее любой из амазонок Иппофоды, она обзревала выход из пещеры с высокого помоста своей серебряной колесницы, в которую, однако, не было запряжено никаких лошадей. В лице ее безошибочно читалась сила, могущество, сосредоточенность и целенаправленность, ее огромные желтые глаза яростно светились – в этих глазах, как мне показалось, могла гореть и страсть, и жажда крови. В ее облике были возвышенность и благородство; однако было в нем и еще что-то необычное (но тоже прекрасное!), о чем я так и не осмелился спросить, чего не сумел ни определить, ни измерить.

Казалось, за ее широкими плечами поднимается еще одно солнце – между нею и каменной стеной ущелья – и его восхитительное сияние окутывает ее, как мантия, блестящая ярче самого чистого золота.

– Подойди, – велела она мне. – Ты мне нужен. – В руке она держала большой барабан, и, хотя ее пальцы вроде бы не прикасались к туго натянутой коже, он вздрагивал от каждого удара моего сердца.

Я заколебался.

– Ты боишься моих львов? – Она свистнула, и все четыре зверя тут же подскочили к ней. Она погладила их, почесала им за ушами, точно они щенки; но стоило мне поймать на себе взгляд их янтарных глаз, как я тут же вспомнил, что это настоящие львы.

– Да, так будет-лучше. – Она благосклонно кивнула мне,

когда я подошел ближе. – Знаешь, кто я? – Я покачал головой.

– Можешь называть меня Кибелой. Мои жрецы сказали бы тебе, что я самая великая богиня на свете. – Она улыбнулась. Видя ее улыбку, я понял, что уже полюбил ее. – Впрочем, то же самое говорят о своих богах и все прочие жрецы.

– Ты читаешь мои мысли? – спросил я, потому что мне показалось, что это так.

– Они же написаны у тебя на лице. Конечно, я легко могу их прочесть.

Что же ты не преклонишь колена пред богиней?

– Боюсь твоих львов, Кибела.

– Да они же все равно что котята. Они и тебе не страшны – пока ты под моей защитой. Ты когда-нибудь управлял такой колесницей, не помнишь? И что это ты здесь делаешь?

– Не помню, – отвечал я. – Фракийцы... то есть... царь Котис держит в плену одного мидийца по имени Эобаз, которого намерен принести в жертву Плейстору. Храм этого бога я должен разыскать и спасти Эобазу, если смогу.

– Вы как дети, – сказала Кибела. – И ты, и этот ясновидящий глупец с деревянной ногой. Он думает умолить бессмертных богов – с тем же успехом игрок может молиться лошади, на которую поставил! Кстати, твой чернокожий друг в кровавом долгу предо мной. Он убил одного из моих жрецов, а тот был юношей весьма многообещающим.

– Я, конечно, не все понимаю, – сказал я, – но твой много-

обещающий жрец как раз обещал тогда убить чернокожего.

– И все же я ему не позволю расплатиться со мной шутками и остротами, хотя это у него получается несколько лучше, чем у тебя. – Кибела махнула рукой, и львы бросились прочь, взбираясь по стенам ущелья и выскакивая наверх. Затем богиня встала, спустилась с колесницы и заняла место у ее высокого и изящного колеса. – Залезай! – скомандовала она. – И возьми поводья.

Я медленно подчинился ей. Колесница оказалась выше, чем мне представлялось, и значительно легче; казалось, ее сияющие боковины совсем ничего не весят. Поводьев было четыре пары – по две-для каждой лошади. Я надел петли на пальцы, как положено, и, хотя на земле перед колесницей лежала лишь пустая сбруя, в трепещущих кожаных ремнях я ощутил огненный темперамент четырех мощных коней.

– Да, – сказал я Кибеле. – Я вспомнил, что когда-то управлял колесницами.

– Тогда слушай внимательно.

Я опустил поводья и повернулся к ней лицом; глаза ее находились на одном уровне с моими.

– Если ты будешь действовать так, как вы надумали, тебя убьют, – сказала богиня. – Убью не я. И даже косвенным образом не буду виновна в твоей смерти; но ты погибнешь. Могу тебе это показать, если хочешь: как тебя обнаружат возле храма моего сына, как ты будешь бежать, а копье пронзит тебе спину... Ну и все остальное. В точности как на самом

деле.

Хочешь поглядеть?

Я покачал головой.

– Очень умно с твоей стороны. Смотреть на собственную смерть до ее прихода – удел трусов. Что ж, хорошо. Ты ведь не помнишь своей встречи с той узурпаторшей³⁵, что присвоила себе мою славу? А ведь это моих рук дело.

– Она обещала вернуть меня к моим друзьям – к тем из них, что еще живы, – сказал я. – Мы с Эгесистратом недавно говорили об этом.

– Но он не сказал тебе, какую цену она за это назначила. А ведь он прекрасно знает, какую именно. – С выражением глубочайшего презрения Кибела отмахнулась, точно и слышать не желала об этом. – Впрочем, не важно; она бы в конце концов все равно тебя обманула. Но до этого еще очень далеко. Я, например, могу быть не только жестокой, но и доброй, однако моя клятва нерушима, а мое возмездие неотвратимо. Я спасла тебе жизнь сегодня – ведь если бы я здесь не оказалась, ты бы поступил так, как вы с этим провидцем задумали, и погиб бы. Теперь ты, наверное, должен отплатить мне за это. Ты готов?

– Конечно, – отвечал я. – Конечно, готов.

– Отлично. Твоей наградой будет этот мидиец – делай так, как я скажу, и он сам упадет тебе в руки, точно созревшее яблоко. Узурпаторша предупреждала тебя, что вскоре ты по-

³⁵ Артемиды, с которой (а также с Селеной) часто смешивался образ Кибелы.

встречаешь царицу. Ты уже повстречал ее?

– Да, это Иппофода, царица амазонок. – Я вздрогнул, внезапно все поняв, и, не сдержавшись, воскликнул:

– Значит, они твои правнучки! Ведь они дочери Ареса, а он – твой сын!³⁶.

– И чего же хочет царица Иппофода? Тебе известно, что привело ее в эти земли?

– Священные лошади из храма Гелиоса. Она привезла сапоцветы и золото – так мне говорил Эгесистрат, – чтобы купить этих коней.

– Здешний царь никогда не продаст их – и никогда не отпустит твоего мидийца. Но мы заставим его сделать и то, и другое. Ты знаешь, где находится этот храм?

Я не понял, о каком именно храме она говорит, и, поскольку ничего не знал об обоих, просто покачал головой.

Кибела вновь улыбнулась – точно сдерживая бешеный хохот.

– Солнце покажет тебе дорогу. Когда выберешься из ущелья, иди по солнцу. Храм будет прямо под ним. Там и ищи!

– Я понимаю, – сказал я.

– Вот и хорошо – этот бог покровительствует понятливым. Его стадо пасется на лужайке перед храмом. Тебе нужно объехать вокруг, и с той стороны храма ты увидишь священную дорогу. Сворачивай вправо на каждом перекрестке и так до-

³⁶ Через понятие «Мать богов» образ Кибелы здесь как бы соединяется с образом Геры.

берешься до входа в мой храм. Пригони туда священное стадо Гелиоса и передай его царице, а потом получишь своего мидийца целым и невредимым. Это я тебе обещаю.

– Но разве коней никто не охраняет? – спросил я и прибавил:

– Ты ведь знаешь, что у входа в твой храм стоят вооруженные фракийцы.

У меня просто не хватает слов, чтобы описать тот взгляд, которым она одарила меня при этом! В ее взгляде были и любовь, и сожаление, и ярость, и гнев, и чудовищная гордыня, и многие иные чувства.

– Как ты думаешь, почему я выбрала именно тебя? – спросила она. – Если б коней мог пригнать ребенок, я послала бы ребенка. Не бойся, я не оставлю тебя совсем без помощи. Трое, которых ты встретишь в самом начале пути, будут твоими помощниками. Можешь полностью доверять им, ибо они посланы мною. А теперь – вперед!

Глава 17

КЛЯТВА БОГАМ

Клятва царя Котиса несомненно принесет погибель и ему самому, и его народу, если он ее нарушит. Мы принесли в жертву одну из лучших лошадей, принадлежавших амазонкам; а фракийцы – рыжую телку. Договорились об условиях: Иппофода берет четырех коней, за которых должна заплатить согласованную сумму. Остальных мы должны пригнать в целостности и сохранности к храму Бога войны, где нам будет передан Эобаз. А потом мы беспрепятственно покинем пределы Апсинфии, уводя с собой мидийца и четырех священных коней.

Обмены произойдут завтра, а пока нам доставят продовольствие и вино.

Вода нам не нужна – в глубине пещеры есть множество родников; эту пещеру, как сказал мне Эгесистрат, фракийцы считают дорогой в Страну мертвых.

Амазонки напоили коней; мы с Ио им помогали.

Я спросил Эгесистрата о Кибеле, прежде чем сесть за свой дневник. Она, несомненно, могущественная богиня – она спасла меня, спасет и мидийца.

Эгесистрат говорит, что ее считают дружественной людям богиней, а когда-то почитали как самую великую из богов, хозяйку всех зверей, хотя теперь Синтия оспаривает эту ее

власть, как и многое другое. Царица мертвых – дочь Кибелы³⁷; и мне удалось добиться, чтобы среди богов, которым была принесена клятва, была названа и она.

И все-таки я не доверяю царю Котису. В глазах его, когда он глядел на меня, сверкала злоба. В моих же, наверное, горела радость победы – ведь это я пригнал сюда коней Гелиоса по приказу Кибелы, а помогли мне Фаретра и лев. Был с нами еще мальчик по имени Полос; он утверждает, что тоже помогал нам; да, он присоединился к нам и скакал позади табуна, возможно, направляя его. Эгесистрат считает, что этот мальчик может оказаться шпионом фракийцев, однако готов позволить ему остаться с нами, чтобы фракийцы не беспокоились насчет принесенной нами клятвы.

Начавшаяся церемония помешала мне закончить записи, а теперь я перечитываю то, что успел записать, хотя пока помню все, что со мной произошло. Несомненно, моя встреча с Кибелой куда важнее захвата священных коней, что, впрочем, тоже было сделано по ее приказу. Если б Кибела не желала заполучить этих коней, она бы, наверное, не явилась мне. Надо поскорее записать и эту мысль, пока не лег спать.

И вот вместо того, чтобы продолжать свои записи, я люблюсь амазонками у костра. Огонь горит очень ярко, потому

³⁷ Царица мертвых, Персефона – дочь не Кибелы, а Деметры, богини плодородия. Но, поскольку Кибела также является богиней плодородия (фригийско-фракийской), образы этих двух богинь как бы переплетаются между собой, причем не только в сознании все забывающего Латро, но и большинства его современников.

что крестьяне привезли нам еще дров, а также сена и зерна для лошадей. В пещере очень холодно. Одна из амазонок обнаружила в небольшой пещерке недалеко от входа железный вертел с подставками и теперь с двумя своими подружками устанавливает его, чтобы поджарить мясо. Ее зовут Бадизоя³⁸.

У амазонок великолепно развиты тела; а как грациозно они движутся!

Первым на пути моем встал лев; я не успел отойти и двух стадий от ущелья, где виделся с Кибелой, когда он возник передо мною. Я понял, что его послала богиня и он один из ее слуг, однако трудно было заставить себя подойти к нему без страха. Я сказал: "Иди за мной"; и лев пошел, точно собака, хотя прикоснуться к нему я не осмеливался. С того места я еще не видел храма Гелиоса – его закрывали деревья.

Затем мне встретилась Фаретра – на опушке, откуда можно было уже разглядеть белоснежных коней, пасшихся на склоне холма возле храма. Я не помнил, как ее зовут, но понял, что это амазонка – по великолепному луку у нее за плечами и по зорким глазам лучницы. Она обняла меня, я тоже ее обнял, однако, заметив льва, она тут же отступила назад, и мне далеко не сразу удалось убедить ее, что этот лев не причинит ей вреда. Я был в этом уверен – ведь и Фаретру, и льва послала мне богиня.

Мы спрятались за кустами, лев был слева от меня, Фаре-

³⁸ Имя этой амазонки означает «медленный шаг».

тра – справа. Я спросил, как она оказалась здесь, и, хотя она вроде бы понимала мои вопросы, зато я не всегда понимал ее ответы. Эгесистрат потом поговорил с нею и сказал, что во время боя она упала на землю, а потом спряталась.

Она махнула рукой в сторону коней, вытянула щеки, изображая лицо Иппофоды, и показала мне четыре пальца.

– Значит, твоя царица хочет получить четырех белых коней? – спросил я, ведь Кибела сказала, что коней нужно отдать Иппофоду.

Фаретра утвердительно кивнула, показав пальцем на себя и на меня.

– Ты предлагаешь, чтобы мы с тобой украли этих четырех коней? – Я говорил очень медленно, и, когда я поднял четыре пальца, обозначая слово "четыре", Фаретра закивала.

Я отрицательно покачал головой, указал на коней и нарисовал в воздухе круг, показывая, что мне было ведено привести царице Иппофоду всех коней.

Фаретра, по всей видимости, не поняла меня; тогда я пересчитал коней – их было двадцать пять. Я пять раз показал ей по пять и снова нарисовал в воздухе круг.

Она внимательно посмотрела на меня, покачала головой и пожала плечами.

А я уже рассматривал пастухов. Их было пятеро, все высокородные. Их одежды и сбруя их лошадей сверкали от обилия золотых украшений. У них были мечи и копья, но шлемов они не носили; и лишь один из них был в кольчуге.

Надо было решить, нападать на них прямо сейчас или ждать третьего помощника, обещанного Кибелой. Я знаю, уверения даже самых добрых из богов далеко не всегда совпадают с действительностью; вполне могло оказаться, что третьим помощником должен быть... я сам. Я уже собирался предложить напасть на двоих фракийцев, занятых разговором, когда послышался топот лошади.

Это оказалась Элата, хотя в тот момент я не узнал и не вспомнил ее; она и была третьей. Элата примчалась верхом на отличном гнедом жеребце, и благородные пастухи не могли не заметить ее, однако во Фракии все умеют ездить верхом, и вид тоненькой девушки вряд ли обеспокоил сторожей. Но один все же направил своего коня к нам, видимо, желая выяснить, чего этой всаднице здесь нужно.

Конечно, разумнее было бы выждать и напасть на этого пастуха потом, когда он успокоится. Можно было также Фаретре сесть на гнедого вместо Элаты. Она куда больше подходила для этой роли. Но я поступил иначе. Элата соскользнула с седла, я вскочил на ее коня и ударил его в бока. Это был еще совсем молодой жеребец, но его явно растили как боевого коня, способного носить на себе тяжело вооруженного воина, так что он рванулся с места со скоростью стрелы, выпущенной из лука. И только тут я понял, что Элата его даже не взнуздала!

Это в общем-то особого значения не имело; гнедой жеребец прекрасно знал, что от него требуется. Львиный рык ис-

пугал бы любую другую лошадь, но не его; а может, он не испугался просто потому, что уже летел вперед мощным галопом. Мой первый дротик поразил фракийца прямо в грудь и вышиб его из седла. Лев промчался вперед, легко увернулся от копья второго фракийца и свалил его на землю.

Фаретра уже мчалась по полю к священным коням. Коленами и рукой я, вцепившись в гриву, направил жеребца следом за ней; остальные три пастуха были по ту сторону табуна. Как оказалось, с ними нам даже сражаться не пришлось. Они бросили свои копья и бежали, как последние трусы.

Увидев, что Фаретра уже сидит верхом на молочно-белой кобыле, я последовал ее примеру, оставив гнедого, который уже выдохся, и пересев на белого жеребца, самого крупного в священном стаде. На секунду мне показалось, что белый вот-вот сбросит меня со спины – я не знал, объезжены ли священные кони, а укротить взрослого огромного жеребца было бы непросто. Впрочем, конь, хоть и обладал огненным нравом, явно сам желал нести всадника и не думал брыкаться. Он полетел вперед, а остальной табун последовал за ним, как я и рассчитывал. Мы успели загнать всех коней в священную пещеру Кибелы задолго до того, как фракийцы явились туда, требуя вернуть табун.

Таким образом, мы оказались в том положении, которое я описал вначале.

Нас одиннадцать человек; точнее, двенадцать, если считать Полосу. Из них только семь боеспособных – Иппофо-

да, Фаретра, еще две амазонки, Эгесистрат, чернокожий и я. Еще две амазонки тяжело ранены; Элата и Ио ухаживают за ними, и от них вряд ли можно ожидать помощи в бою. Элата драться не будет, а вот Ио вполне может полезть в самое пекло. У мальчика есть праща и небольшой запас камней для нее; он обещал научить Ио, как с нею обращаться.

Когда заявили фракийцы, Эгесистрат выяснил, что позорно бежавший от нас пастух сообщил остальным: священных коней, дескать, забрал Плейстор.

(Я еще пожалел, что льва Кибелы с нами нет – можно было бы снова провести этих фракийцев.) Эгесистрат сказал им, что мы поступили так потому, что желаем получить Эобаза живым и что он лично весьма недоволен намерением царя Котиса принести мидийца в жертву, дабы держать в благоговейном страхе свой народ, а вовсе не для вящей славы Плейстора. Я спросил Эгесистрата, поверили ли ему фракийцы. Он ответил, что, кажется, поверили.

* * *

Только сейчас, набирая дров для костра, Ио обнаружила связку стрел, спрятанную среди поленьев. К стрелам была привязана записка, которую она тут же прочитала вслух: "Да поможет Каменный столб «Гермес» тому, кто это сделает! Связка стоит две совы. Человек с «Европы» может их мне передать.

Привет ему от меня".

Иппофода говорит, что это не очень хорошие стрелы; но все же значительно лучше иметь такие, чем никаких. У всех амазонок теперь полные колчаны. Чернокожий говорит, что тоже умеет стрелять из лука. Он хочет взять лук одной из раненых амазонок, но она не отдает. Эгесистрат считает, что это Клетон спрятал стрелы в дровах (это наш друг из Кобриса).

По-моему, Кобрис – главный город этой страны.

Я сижу у самого входа в пещеру; мне хватает света, чтобы писать, но все же фракийские лучники здесь в меня попасть не могут. Пора бы поесть; Ио и чернокожий готовят мясо. Эгесистрат обратился с вопросами к богам: он опасается, что Котис уже принес Эобаза в жертву вопреки данной им клятве.

Только что ко мне подходила Ио, желавшая со мной поговорить. Для начала она сообщила, что уже почти целый год служит мне верой и правдой в качестве моей рабыни. Потом сказала, что знает, как быстро я все забываю, но заверила меня, что ее слова – чистая правда.

Я отвечал ей, что, несмотря на свою чрезвычайную забывчивость, которую и сам прекрасно чувствую и сознаю, я всегда помню, что она хорошая девочка и мой добрый друг и что у меня сразу теплеет на сердце, когда я ее вижу.

Хотя я никак не могу поверить, что она моя рабыня, ведь я так люблю ее, что давно бы освободил от рабства.

Тогда Ио спросила меня, как я отношусь к Элате; по ее тону я понял, что это ее по-настоящему беспокоит. Наверное, решил я, она боится, как бы Элата не выдала нас Котису, поэтому сказал: я уверен, что Элата не предательница. И объяснил, что Кибела обещала мне помощь трех достойных доверия союзников, и это оказались лев, Фаретра и Элата. Поскольку Кибела сама желает, чтобы царица Иппофода заполучила священных коней, то вряд ли подослала ко мне предательницу.

– А ты спрашивал у Фаретры, каким образом Кибела послала ее к тебе?

Сама ей явилась или как-то иначе?

– Нет, не спрашивал, – признался я. – Да Фаретра и не упоминала ни о чем таком, даже когда Эгесистрат прямо спросил ее, куда она пропала во время боя. А может, и упоминала, но Эгесистрат ничего мне об этом не сказал. Кроме того, вполне возможно, сама Кибела велела ей ничего никому об этом не рассказывать. И мы могли бы поставить Фаретру в неудобное положение, спросив ее об этом.

Ио пожала плечами:

– Да, наверное, ты прав. Ну а что все-таки ты думаешь об Элате? Как по-твоему, она обыкновенная женщина?

– Конечно нет! – отвечал я. – Она гораздо привлекательнее большинства женщин. Я, возможно, чересчур быстро все забываю, но это я помню хорошо.

– Хотел бы ты разделить с ней ложе?

Я ответил не сразу. Было ясно, что откровенный ответ причинит Ио боль; и все же я был уверен: ложь – даже сказанная из самых добрых побуждений – принесет куда больше вреда, чем правда. Так что ответил все же честно:

– Да, если б она сама того пожелала; но она ничем не показала мне, что хочет этого. Кроме того, Эгесистрат не далее как нынче утром сказал мне, что Элата принадлежит ему.

– Чернокожий спал с нею, – сказала Ио.

– Что ж, это дело его и Эгесистрата, – пожал я плечами. – Надеюсь, они решат этот вопрос без крови.

– Не думаю, что Эгесистрат знает об этом. Я, во всяком случае, ему не говорила.

– Ты хочешь, чтоб я ему сказал? – спросил я. – Я никому не стану такого рассказывать. Тем более я ничего сам не видел.

Ио покачала головой.

– Тогда какой смысл вообще говорить об этом? Между прочим, Эгесистрат – прорицатель и ясновидящий, так что и сам, несомненно, уже обо всем знает.

Ох как трудно скрыть неверность от такого человека!

– Не думаю, что он пытался что-либо выяснить. По-моему, он даже боится того, что может узнать об Элате – помнишь, как он перепугался, когда вы с Элатой вместе вернулись лишь к утру?

Посыпался мелкий дождь; я свернул свиток и стянул его шнурками, думая, что ей сказать еще.

– Понимаешь, Ио, Эгесистрат – умный человек. Он, конечно, тоже делает ошибки, даже самым умным это свойственно. Но он все равно остается мудрым, и, по-моему, мудрость его, в частности, проявляется в том, о чем я только что сказал тебе.

– Но неужели ты все же считаешь Элату обычной женщиной? Если сбросить со счетов ее красоту?

– А ты сама кем считаешь ее, Ио?

– Не знаю, – призналась она.

– Но почему это тебя так беспокоит?

– Из-за Фаретры. Тебе ведь нравится Фаретра, я знаю!

Я признал, что она права, и заметил:

– Однако это вовсе не значит, что я не люблю тебя, Ио.

– Помнишь, еще совсем недавно Фаретра была при смерти. Один из этих варваров попал ей копьем прямо вот сюда, – она коснулась своей груди. – Там, где наконечник вышел наружу, была огромная рана. У нее ртом шла кровь, много крови, и дышала она едва-едва.

Я сказал, что в это трудно поверить.

– Вот именно! – подхватила Ио. – Мне кажется, и остальные амазонки несколько удивлены тем, как быстро она поправилась. Ее ранили в самой первой нашей схватке с варварами, ночью. А потом нас отвели на то поле, в лагерь, окруженный фракийцами, и следующую ночь мы провели там. А на следующую ночь снова был бой, и ты еще пытался захватить их царя...

Я только головой помотал; я действительно ничего об этом не помнил.

– А Иппофода еще не хотела, чтобы Фаретра участвовала в бою, но та ослушалась ее приказа. И сегодня была уже совершенно здорова и помогла тебе выкрасть белых коней. – Ио замолчала, неотрывно глядя мне в глаза, потом попросила:

– Хозяин, ты ведь присутствовал при том, как Эгесистрат получил Элату? Прошу тебя, найди это место в своих записях! Это было ночью, на пути из Сеста в Апсинфию. Разверни свиток, прочти мне это место.

Я нашел эту запись и сперва прочел ее про себя; а потом сказал Ио, что хотел бы все это еще раз как следует обдумать. Эта Элата, оказывается, нимфа! Так у меня записано. Если остальные этого не знают, она, несомненно, рассердится, если я им расскажу.

Эгесистрат утверждает, что Эобаз пока жив. Он видел его в своем зеркале; мидиец смотрел в нашу сторону из узкого окошка своей темницы.

Эгесистрат считает, что кто-то ему уже сообщил, что мы пытаемся выторговать его жизнь у фракийцев. Видимо, Клетон сумел тайком передать ему письмо.

Мне тоже хотелось бы втайне от остальных передать записку Фаретре, но я умею писать только на том языке, каким пользуюсь для ведения дневника.

Если бы сейчас было лето, я бы мог, по крайней мере, по-

слать к ней Ио с букетом цветов, даже если б мне, чтобы доставать эти цветы, пришлось уложить сотню фракийцев!

Глава 18

СМЕРТЬ ФАРЕТРЫ

Она лежала рядом со мной, когда меня разбудила Иппо-стизия. Я едва мог различить черты ее лица в свете костра. Я поцеловал ее в щеку и встал; она не проснулась.

Мне кажется, я хорошо ее знаю, хоть и не помню, где мы находимся и кто эти люди, спящие у костра.

Высокая женщина, что разбудила меня, подала мне меч со словами: "Твоя очередь на страже стоять!" По всей видимости, этот меч принадлежал мне. Я опоясался им и последовал за женщиной. Она повела меня к выходу из пещеры, где на страже стоял часовой, который и сам был чернее ночи, вооруженный длинным мечом и парой дротиков. Когда он мне улыбнулся, я понял, что мы с ним друзья. Мы обхватили друг друга руками и немножко в шутку поборолись.

Я спросил, кто может напасть на нас – сперва на том языке, каким пользуюсь при письме, а потом на том, на котором говорила женщина. Ни женщина, ни чернокожий первого языка явно не знали, а во второй раз энергично закивали в ответ и стали показывать на дорогу, начинавшуюся от пещеры. Я сказал, что если кто-то попытается войти, я громко закричу и разбужу остальных, и это их вполне удовлетворило.

Я вышел наружу и некоторое время наблюдал за окрестностями оттуда, потому что в самой пещере было куда хо-

лоднее, чем снаружи. Видимо, накануне шел дождь, и земля все еще была сырая, а под ногами хлюпала вода.

Когда я уже довольно долго простоял на часах (во всяком случае, мне так показалось), где-то в отдалении завыла собака. Мужчина, да еще вооруженный мечом, не должен бояться собак, но мне почему-то стало страшно; я чувствовал, как нечто ужасное движется ко мне во мраке. Я вернулся в пещеру, потуже завернулся в плащ и больше наружу не выходил. Здесь вой был еле слышен. От костра ко мне доносился запах дыма, но все равно было ужасно холодно, и я стал ходить взад-вперед, чтобы согреться.

И тут я услышал чьи-то шаги – кто-то тяжело ступал, явно обутый в сапоги, постукивая какой-то деревяшкой, из-за чего я решил, что это слепой посохом нащупывает путь. Но человек, приблизившийся к выходу из пещеры, вовсе не был слепым; это был одноногий калека, опиравшийся на костыль. Его зовут Эгесистрат, что значит "предводитель войска", но тогда я этого еще не вспомнил. Эгесистрат приветствовал меня, назвав меня Латро, как и все прочие, и вышел из пещеры. Больше я его не видел.

Некоторое время спустя ночное покрывало стало сползать с небес. Вой прекратился; снова пришла та высокая женщина и с нею та, что спала рядом со мной. Я коснулся своей груди и спросил: "Мое имя Латро?" Обе кивнули и сказали, что их зовут Фаретра и Иппостизия, правда, произнесли они свои имена нечетко, и я не смог сразу записать их правиль-

но. (Теперь я записываю их так, как произносят Эгесистрат и моя девочка, хотя в моем языке не хватает для этого букв.) Высокая женщина повела меня в глубь пещеры, тем временем дети принесли откуда-то воды, а хромой человек стал смешивать ее с вином в кратере.

Чернокожий передал мне чашу – это я помню точно, как и то, что выронил эту чашу, когда Фаретра вдруг вскрикнула. Чаша разбилась о камни, и сапоги мои оказались залиты вином.

Она была уже мертва, когда я подбежал к ней; на нее навалились убитые ею пелтасты. Я упал на колени и вытащил ее из-под груды тел. Из горла Фаретры торчала стрела. Амазонки и чернокожий бросились мимо меня ко входу. Я поднял безжизненное тело и понес в глубь пещеры, хотя там было полно дыма, потому что изображение Матери богов упало в священный очаг, и высохшее от старости, грубо раскрашенное дерево вспыхнуло яростным пламенем. Дыма было столько, что ветерок, тянувший откуда-то из глубины земных недр, не мог с ним справиться. В глубине пещеры кони уже били копытами и тревожно ржали.

Мой меч зовется Фальката; им я разрубил древнее изображение на куски, которые тут же пожрал огонь, взвившись до потолка. Я отбросил в сторону меч и лук Фаретры и возложил ее тело на костер.

Благородные фракийцы явились просить о перемирии; мы позволили двоим из них войти в пещеру. Эгесистрат говорил с ними от имени нас всех; он заявил, что мы можем их перебить, не вызвав ни малейшего недовольствия богов, ибо они нарушили перемирие, заключенное вчера. (Когда я закончу описывать события сегодняшнего дня, надо будет перечесть прошлые записи, чтобы вспомнить, как это было.) Фракийцы отвечали, что ничего не нарушали, что мирное соглашение остается в силе, а пелтасты, убившие Фаретру, действовали по собственной воле, просто из ненависти к нам, но никто им такого приказа не давал. Они также заявили, что царь непременно накажет тех из них, кто остался в живых, и что нам уже назначены конники для сопровождения и охраны.

Затем они обвинили нас в том, что мы сожгли священное изображение богини Котис. Эгесистрат отвечал, что оно само свалилось в костер, а у нас вовсе не было желания оскорблять кого-либо из богов, да и дров в пещере было предостаточно. Он предложил заплатить серебром за изготовление новой статуи богини, и они согласились.

Царица амазонок через Эгесистрата передала фракийцам, что священные кони очень испуганы и плохо себя чувствуют в темных стойлах в глубине пещеры, далеко от огня. Двое

коней к тому же сорвались с привязи и упали в темноте в расщелину, так что их пришлось прирезать.

Когда фракийцы услышали об этом, они помрачнели и заявили, что мы нарушили данную им клятву. Иппофода (таково имя этой амазонки) рассердилась и стала что-то выкрикивать им на своем языке. Эгесистрат очень старался договориться мирно, но амазонки схватили фракийцев и приставили им мечи к спинам.

После этого Эгесистрат и Иппофода долго о чем-то спорили, и лишь минуту назад было наконец решено: одному фракийцу мы позволим уйти, а второго оставим в заложниках. Если царь Котис будет соблюдать условия мира, мы вернем ему этого фракийца. А если нет – мы его убьем.

* * *

Пока я перечитывал записи о вчерашнем жертвоприношении и клятве, пришли дети. Они хотели поговорить со мной. Девочку зовут Ио Табайкос, мальчика – Полос. Девочка – моя рабыня. Во всяком случае, так она сама говорит, хотя поцеловала меня в щеку, как дочь, и я посадил ее себе на колени. Она и есть та самая Ио, которая помогала мне вчера поить коней – я только что прочитал об этом в своей книге. Я спросил, не является ли и Полос моим рабом.

Она рассмеялась:

– Нет. Он мой... я учу его говорить.

Мальчик широко улыбнулся.

– Он что, сын одной из этих женщин?

Ио помотала головой.

– У них нет сыновей. Если у них рождается мальчик, его отдают отцу.

Отцы их детей – обычно сыновья Сколота³⁹. Ты, наверное, ничего не помнишь про них, хотя несколько сколотов было на корабле Гиперида. У них еще такие длинные бороды, а у одного были очень синие глаза. Они отлично стреляют из лука.

– Мне сейчас не до сыновей Сколота, – отвечал я. – Расскажи мне о Полосе.

– Ну... Он, например, знает о лошадях так много, как никто другой в мире. Если бы это он оставался со священными конями, ни один из них не сорвался бы с привязи и не свалился в расщелину.

Мальчик как будто понял, что она сказала, и важно кивнул.

– Он явно не сын Эгесистрата, даже если та молодая женщина приходится Эгесистрату женой, – сказал я. – Тем более Эгесистрат говорит на том же языке, что и мы. Он чей, этот мальчик? Кому он принадлежит?

– Мне, – отвечала Ио. – Я же тебе говорила, хозяин.

Я погрозил ей пальцем и сделал вид, что сейчас прогоню ее с колен.

³⁹ Сколоты – одно из скифских племен.

– Не шути со мной. Где его родители?

Ио пожала плечами:

– Где-то на северо-востоке, наверно. Он, во всяком случае, туда показывает. Не думаю, правда, что он живет в родительском доме.

Мальчик покачал головой и сказал что-то вроде: "Энкилин".

– Они живут в горах, – перевела Ио. – Покажи хозяину то, что ты нашел, Полос.

Мальчик застенчиво отступил и, порывшись в складках драной козьей шкуры, служившей ему одеждой, достал оттуда маленький кожаный мешочек.

Когда я протянул руку, он развязал кожаные завязки и высыпал мне на ладонь звонкие золотые монеты.

Я даже присвистнул:

– Ничего себе! Где ты нашел столько денег, Полос?

Он взглянул на Ио, словно прося у нее разрешения ответить мне по-эллински, и сказал:

– Взял у убитого.

– У одного из убитых тобой, хозяин, – пояснила Ио. – Он считает, что, раз это ты его убил, деньги принадлежат тебе.

Я задумался.

– Может, мы лучше разделим их? Половину тебе, Полос, а половину мне?

Мальчик энергично закивал.

– Только пусть моя доля хранится у Ио, а то сам я забуду

об этих деньгах. Она меня знает. Но только никому не говорите, что у вас есть так много денег, иначе вам глотки пере-режут. Поняли?

Мы пересчитали монеты и разложили их на две кучки. Их было восемнадцать, каждая размером примерно с ноготь моего мизинца. Ио сбегала и принесла тряпку, в которую мы завязали мою долю – девять монет. Полос ссыпал свои монеты обратно в мешочек и тоже отдал Ио.

– Послушай, – спросил я у Ио, – сколько пелтастов, по твоему, напали на нас нынче утром?

– Много. Их было гораздо больше, чем нас.

Я кивнул:

– А сколько это – много?

– Десятка два, а может, и три.

– А могло их быть восемнадцать? Или давайте лучше пересчитаем убитых – тогда проще будет определить, со сколькими мы сражались. Вы с Полосом их не считали?

– Я только тех считала, которых ты убил, – ответила Ио. – Их было семеро.

Мы пошли взглянуть на убитых; всего их оказалось одиннадцать. Тот, у которого был мешочек с монетами, был в шлеме; у него, по словам детей, было еще и кольцо на пальце, но кто-то уже снял его. Он смотрел на меня невидящим взором, лишенным всякой ненависти.

– Ио, – сказал я, – Эгесистрат считает, что Полос может оказаться фракийским шпионом. А ты как думаешь? Можно

ему доверять?

Не успела она ответить, как Полос, подняв обе руки вверх и яростно мотая головой, отбежал в угол пещеры.

– Он не хочет слушать чужие секреты, – объяснила Ио. – Видимо, чтобы ты не думал, что он что-то специально вынюхивает, а потом доносит.

– Ну, раз так, можно считать, что никакой он не шпион. Но кому здесь мы можем полностью доверять?

– Чернокожему.

– Так, это хорошо. А как насчет Эгесистрата и его жены? И царицы?

Ио покачала головой.

– Почему ты так думаешь? – спросил я.

– Ну, Иппофоду надо заботиться о своих амазонках и действовать так, как велит ее бог – перегнать священных коней в большой храм Ареса, что на юге, и так далее. В первую очередь она будет думать об этом, а не о нас.

– Очень хорошо. А Эгесистрат?

Ио неуверенно передернула плечами.

– Во-первых, его гораздо больше заботит Элата; никогда не видела, чтоб мужчина так беспокоился о женщине! Когда ты прочел про нее в своем дневнике, то так и не рассказал мне, что там написано. А сейчас ты это помнишь, хозяин?

– Нет, но я потом еще раз все прочитаю, когда будет время. Так, теперь дальше.

– Эгесистрат творил разные чудеса и предсказывал буду-

щее для варваров – я имею в виду персидское войско, а не здешних варваров! Ты тоже сражался на стороне Великого Царя. И мой родной город тоже входил в число его союзников.

– А чернокожий? – спросил я.

Ио кивнула.

– Стало быть, мы все были на одной стороне? И у нас нет достаточных причин, чтобы не доверять ему, Ио?

– Да, но теперь он служит Гипериду! Впрочем, и мы тоже. А Гиперид сражался против Великого Царя. Видишь, как все перепуталось?

– Похоже на то.

– Кроме того, Эгесистрат ненавидит спартанцев так же сильно, как любит Элату. Я и сама их не люблю, но они в дружеских отношениях с родным городом Гиперида.

– Так, – сказал я, – вполне достаточно. А теперь приведи ко мне чернокожего.

– Позволь сперва еще кое-что сказать тебе, хозяин. Я обещала Полосу, что непременно скажу тебе об этом.

– Конечно, говори, – отвечал я. – Тем более если это для вас так важно.

Что же ты хочешь мне сказать?

– Видишь ли, хозяин, Эгесистрат и царица Иппофода обсуждали, что нам следует предпринять дальше... ну, как обычно... Но ведь это тебе следует решать, как нам быть дальше! Так говорит Полос, и я тоже так считаю.

Амазонки – прекрасные воины, я и не думала, что женщины способны так здорово сражаться, пока сама не увидела. Чернокожий просто великолепно дрался, а Эгесистрат вообще был похож на раненого льва. Но фракийцы боятся вовсе не их, а тебя! Я все время была у тебя за спиной нынче утром, с мечом наготове, и видела их лица. Полос говорит, они тебя "героем" зовут!

Считают, что в тебя вселился Плейстор, даже если ты об этом и не подозреваешь!

Когда она замолчала, я спросил:

– Это все?

– Ты же иногда видишь богов, господин мой! Да-да, ты их видишь. Один раз ты видел Царя Нисы, даже касался его, а потом и я смогла его увидеть... Он был старый и был похож на нашего чернокожего, вот только...

– Давай, давай, что было дальше?

– Однажды, еще до того, как Светлый бог отдал меня тебе, я ходила в театр, дома, в Фивах. Это стоит очень дорого, но иногда какой-нибудь богатый человек покупает места для бедных, так сделал и мой прежний хозяин. Актеры все-были в масках, но зрители об этом не знали...

– Что за чушь ты несешь, Ио, – заметил я. – При чем тут театр? Иди-ка лучше да приведи сюда чернокожего.

Обиженная, она поднялась и гордо выпрямилась, глядя мне прямо в глаза:

– Ты можешь побить меня, господин, если хочешь. Толь-

ко я знаю, что не побьешь. Неужели мы могли бы так долго удерживать эту пещеру, если бы тебя не было с нами? Я понимаю, эта Апсинфия – всего лишь жалкое убежище варваров и расположена на самом краю света, но у здешнего царя сотни воинов, может быть, даже сотни тысяч!

С этими словами она и ушла. Я все это записал и стал ждать, когда она вернется вместе с чернокожим.

Глава 19

МОЙ ПОЕДИНОК С ЦАРЕМ

Эобаз-мидиец, схватка в храме, стратег из Спарты – эти и еще многие другие новости принес Клетон. Все это я должен записать, потому что пора ложиться спать, а потом я все позабуду.

Когда я начинаю припоминать утренние события, то вижу перед собой женские головы на копьях; длинные темные волосы мертвых женщин мокнут под дождем... Нас сопровождали высокородные всадники в кольчугах из золотых колец, и на их копьях как раз и красовались отрубленные головы. Но тем не менее – хотя нас было очень мало и мы были не слишком хорошо вооружены – я вскоре заметил, что они нас боятся.

Иппофода ехала впереди на белом жеребце из священного табуна. За ней – Эгесистрат, Элата, чернокожий и я; потом дети, причем Полос тоже верхом на белом жеребце. Затем шли белые кони без всадников, а замыкали шествие остальные амазонки, гоня священнных лошадей впереди себя.

И все же отрубленные женские головы привели меня в ярость. Заметив, что фракийцы нас боятся, я обогнал царицу Иппофоду и остальных и спросил на языке эллинов у благородных фракийцев, у которых на копьях красовались столь ужасные символы, где они взяли эти головы. Фракийцы пы-

тались изобразить, что не понимают меня, но я ясно видел, что они все отлично поняли, потому что оба покраснели от гнева.

– Мы считали вас настоящими воинами, но ошиблись, – сказал я. – Истинный воин никогда не станет хвастать тем, что убил женщину. Воины убивают мужчин, а женщин забирают в свои дома, чтоб грели хозяевам постель. Вы что, и детскими головами свои копья украшаете? А может, вам кажется, что особая воинская доблесть в том, чтобы насадить на наконечник копья грудного младенца?

Они промолчали и отвернулись – в разные стороны, явно не желая встречаться со мной взглядом.

– Когда мальчик идет на охоту, – продолжал я, – он убивает медвежонка, но всем говорит, что убил большого медведя, не зная еще, что придет и тот день, когда он действительно повстречает такого медведя. И тогда ему действительно понадобится короткое копье, чтобы...

Эгесистрат попросил меня замолчать.

– Я замолчу, – отвечал я ему, – если они отдадут мне головы этих женщин, чтобы мы могли достойно предать их огню.

Тогда один из фракийцев что-то сказал Эгесистрату на своем языке, и Эгесистрат перевел мне, что они согласны отдать эти головы, когда мы доберемся до храма Бога войны, и позволят нам предать их огню в священном очаге. Я промолчал, но дал коню шенкеля и на всякий случай выехал вперед, чтобы держать в поле зрения этих фракийцев с головами на

копьях.

Сперва фракийцы вроде бы держали свое слово. Царь уже ждал нас в храме, одетый в золотую кольчугу и богатый плащ; за ним стоял старик с белой бородой, также в богатых одеждах, и множество высокородных фракийцев. Все они были верхом на великолепных конях. Когда царь увидел меня, лицо его покраснело от гнева, а когда он заметил мальчика верхом на священном жеребце, то разозлился еще больше; но тут один из фракийцев что-то сказал ему, и царь, а за ним и старец согласно закивали. Женские головы сняли с копий и передали амазонкам, держа за волосы. Амазонки бережно приняли их в руки. В священном очаге уже горел огонь. Царица Иппофода что-то сказала амазонкам и воздела руки, обращая свою молитву к Богу войны. После чего головы были поставлены прямо на горящие дрова и завалены сверху мелко нарубленным хворостом.

Когда пламя поглотило их, царь обратился к фракийцам, которые пришли в храм с ним вместе. Эгесистрат тихим голосом переводил его речь амазонкам, а Полос – чернокожему, Элате, Ио и мне (хотя он говорит на языке Эллады хуже, чем я).

– Слушайте меня! – сказал царь. – Вы все помните нашу клятву. Осмелится ли кто-либо утверждать, что она ничего не стоит?

У царя был сильный, глубокий голос, внимательные ясные глаза. Странно звучал неуклюжий перевод Полоса по срав-

нению со звенящей металлом царской речью.

– Мы поклялись, что они уйдут с миром. И никто не посмеет нанести им никакого оскорбления – хотя в честном бою мы бы рассеяли их, как мякину.

Однако никаких схваток с ними больше не будет!

И эти слова повторили за ним все фракийцы.

– Золото, что они заплатили нам за священных коней Гелиоса, пойдет в его храм. Тамирис проследит за этим. – Он бросил взгляд в сторону старца.

– И эти люди уйдут с миром!

И снова фракийцы эхом повторили его слова. После чего старец и несколько благородных фракийцев вывели из-за занавеса в задней части храма Эобаза-мидийца. Эгесистрат и чернокожий с облегчением вздохнули, а у Ио вырвалось:

– Ну наконец-то!

Мидиец был высок и силен, лицо его украшал шрам, выходящий из-под черной бороды; он был более темнокожий, чем Эгесистрат, но все же не такой, как наш чернокожий.

Тут царь вновь заговорил, но Полосу было не до перевода: он подбежал к Эобазу и стал рассматривать его меч и лук. Эгесистрат тоже ничего не перевел амазонкам, поскольку обнимал Эобаза, говоря с ним на языке мидийцев, как мне кажется, хотя несколько слов я все же разобрал и по этим словам, а также – по жестам Эгесистрата понял, что он попозже представит Эобазу всех нас, когда для этого будет время.

Эобаз взял возвращенное ему оружие, и мы вышли из со-

гретого священным огнем помещения храма под моросивший снаружи ледяной дождь. Царица Иппофода указала на тех священных коней, которых хотела бы взять, выбрав того жеребца, на котором приехала, и еще трех других. Все это были великолепные животные. Амазонки тотчас же надели на них уздечки. Потом Иппофода отсчитала золотые монеты в руки старца – очень много монет, как мне показалось. Царь попробовал некоторые на зуб – высока ли проба золота.

Когда была отсчитана последняя монета, один из пелтастов принес старцу весы, чтобы взвесить золото. Я не понял, что именно он сказал, но было ясно, что он вполне удовлетворен результатом.

Настал самый острый момент, и все это понимали. Чернокожий прыгнул в седло. Эгесистрат тут же последовал его примеру, как всегда взгромоздившись на коня вместе с костылем. Но тут царь крикнул на языке эллинов и почти так, как мог бы самый настоящий эллин:

– Погодите! Мы обещали, что вы уедете с миром. Однако, если один из вас предпочтет честный бой, наша клятва нарушена не будет.

Тут я окончательно удостоверился, что эти фракийцы знают язык эллинов: все они тут же зашевелились в седлах, а многие приготовились пустить в ход оружие.

Эгесистрат громко возразил:

– Но мы вовсе не хотим ни с кем драться! Дайте же нам уехать с миром, как и обещали.

Тут старец обратился к царю по-фракийски. Мне показалось, что он тоже призывал к миру, но царь гневно покачал головой.

– Не твое дело! – сказал он Эгесистрату. – И других ваших это тоже не касается – кроме одного. – И хотя обращался он к Эгесистрату, но смотрел прямо на меня. – Остальные могут ехать с миром. Впрочем, и он тоже – если захочет. Мы обещали вам это. Но если он пожелает участвовать в поединке с оружием в руках – как один герой с другим героем! – ему стоит только это сказать.

– Он не желает этого! – резко выкрикнул Эгесистрат. – В седло, Латро!

– Да, – повторил царь. – В седло, Латро! И еще тебе понадобится копье.

Эй, кто-нибудь, принесите копье, да получше!

Не думаю, чтобы царь делился своими планами со своими советниками, но по крайней мере один из них явно знал, что сейчас произойдет, ибо тут же оказался рядом со мной, протягивая мне новое копье.

Я не стал его брать.

– Ты называешь себя героем, – сказал я царю, – и, как я понимаю, это истинная правда, ибо только дурак станет без нужды сражаться с героем. – Я подошел к своему коню и хотел сесть в седло, но один из фракийцев ткнул его в бок кинжалом; конь заржал от боли и отскочил, испуганно кося глазом.

Фракиец ткнул в меня копьём – чуть ли не в нос.

Иппофода метнулась к царю – она была выше его ростом, лицо ее пылало гневом, глаза метали синие молнии. Не знаю, что она ему сказала, но сперва она указала на небо, затянутое низкими тучами, потом на храм, потом опять на небо; голос ее был подобен рыку пантеры. Чернокожий хотел броситься к ней на помощь, но множество фракийцев вцепились в его коня, стащили с седла и бросили на землю. Царь старался не смотреть на Иппофоду, неотрывно следя взглядом за мной.

– Как же ты глуп! – сказал я. – Ты ведь сам объявил своему народу, что отпустишь нас с миром, и сам же нарушаешь данную тобой клятву! Разве ты не знаешь, что именно так многие цари потеряли свой трон?

– А ты захвати его, если сможешь! – завопил царь и плюнул мне в лицо.

Мне кто-то снова подsunул копьё, и теперь уже я его взял. Все сразу умолкли. Державшие чернокожего фракийцы отпустили его и отступили; он поднялся, отирая грязь с лица и одежды; его изуродованное раной лицо было похоже на маску ярости.

Эгесистрат подъехал поближе, и его никто не остановил. Царь сказал:

– Если желаешь говорить, прежде чем мы начнем поединок, слезь с коня!

Эгесистрат кивнул:

– Только из уважения к тебе, царь.

Он сполз с коня, держась за седло, и встал, для прочности как следует опершись на костыль.

– Царь Котис, – начал он, – ты поклялся перед своими и нашими богами, что отпустишь нас с миром. Отпусти же нас, пока не пролилась твоя царская кровь! Может, боги еще простят тебя!

– Если это все, что ты хотел сказать, – отвечал царь, – то лучше замолчи, или мы забьем тебе рот навозом.

Эгесистрат повернулся ко мне и спросил так тихо, что я еле его расслышал:

– Ты знаешь, как бьются на копьях, Латро?

– Не уверен, – сказал я, – но вряд ли тут нужна особая наука.

Фракийцы, заслышав мои слова, заулыбались и стали подталкивать друг друга локтями, натягивая уздечки.

– Учти, он в шлеме! У тебя тоже еще вчера был шлем, но ты его, видно, где-то оставил. Дать тебе другой?

Я отрицательно покачал головой.

Царь крикнул:

– Копье тебе дали? В седло!

Я спросил его, где будем биться – в поле или на склоне холма.

– Нет, – и он показал мне рукой, – езжай вон до той рощи, там разверни коня и жди моего нападения.

Иппофода что-то быстро сказала Эгесистрату. Он повернулся ко мне:

– Царица просит тебя об одном одолжении: она желает, чтобы ты взял ее коня. Твой напуган и, как она говорит, слишком мал ростом.

Я поблагодарил Иппофоду и вскочил на ее белого жеребца из священного табуна. Все мы двинулись к подножью холма, где фракийцы остановили всех – Эгесистрата, амазонок, чернокожего и остальных. Царь отъехал шагов на десять и обернулся ко мне:

– Никакой пощады побежденному, – сказал он. – Это тебе понятно?

Я ответил, что вряд ли способен убить человека, который молит сохранить ему жизнь, но все же попытаюсь, и поехал вперед по окутанной туманом долине до рощи, на которую указал мне царь, находившейся примерно в полустадии от подножья холма.

Поворачивая коня, я услышал рычание сперва одного льва, а потом и других – справа и слева, едва ли в половине полета стрелы от меня.

Конь мой встал на дыбы и забил в воздухе копытами. Опасаясь, что царь нападет на нас неожиданно, я закричал в ухо коню и ударил его пятками по ребрам, размахивая копьем, чтобы он понял, что мы будем биться, несмотря ни на что, хотя устрашающее рычание доносилось из ближних зарослей, точно грохот наступающего войска.

Царь помчался вперед. Я чувствовал, как дрожит земля под его конем; львиный рев и топот копыт заполнили для

меня весь мир.

Я знаю, что успел разглядеть в этот миг его лицо. Он жестоко понукал коня, наставив на меня копьё. И тут вдруг обрушился такой мощный ливень, что стена падающей воды закрыла от меня и царя, и всадников позади него, и даже холм с храмом Бога войны. Туча пролетела очень быстро, ливень кончился, и я увидел, что царь повернул коня и скачет обратно, словно собираясь напасть на свою собственную свиту или, быть может, на амазонок.

Кони и люди смешались в кучу, сквозь дождь и ледяной туман до меня донеслись пронзительные крики, словно битва уже началась.

Сверкнули обнаженные мечи. Еще мгновение – и бой был в разгаре. Не знаю, смог бы я остановить своего коня с помощью упряжи из сыромятной кожи; вряд ли я вообще пробовал это сделать, настолько был поражен увиденным. Я мог бы, наверное, в тот момент сразить не менее полудюжины благородных фракийцев, но у меня даже желания такого не возникло. И я поднял свое копьё.

Но бой все же шел. Двое фракийцев передо мной бились бок о бок, и тут кто-то третий сразил одного из них ударом сзади. Это был чернокожий, который промчался мимо как вихрь; его щит был разрублен почти пополам, меч весь в крови. Иппофода созывала своих амазонок, голос ее звучал, как боевая труба. Я попытался направить белого жеребца в их сторону, уклоняясь от ударов фракийца, чей дико ржущий

конь оказался зажат между двумя другими конями, и со всей силы рубанул мечом по древку вражеского копья.

Лишь теперь я понял, что давно бросил свое копьё и в руке у меня моя Фальката.

Кто-то схватил меня за плечо. То были Эгесистрат и мидиец.

– Бежим! – закричал Эгесистрат. – Прочь отсюда!

И они исчезли. Прежде чем разрубить фракийцу шлем и голову, я успел заметить, как он, отбросив оружие, поднял вверх руки. Но я промчался мимо, заметив лишь, как Ио и Полос галопом несутся в сторону густого тумана, и поскакал за ними следом.

Писать мне больше не о чем, да и ужин готов. После очень долгой, как мне показалось, скачки я догнал Ио, и она объяснила, что они с Полосом потеряли друг друга. Мы скакали до тех пор, пока кони не выбились из сил, и наконец, когда короткий день сменился ночной тьмой, остановились возле крестьянского дома. У Ио есть деньги, и она говорит, что деньги эти принадлежат мне. Она предложила хозяевам дома маленькую золотую монету – при этом у них просто глаза на лоб полезли – и попросила хорошенько нас накормить, уложить спать и никому об этом не проболтаться. Вскоре нас догнал Полос, который вел в поводу трех лошадей с пустыми седлами. Один из этих коней был мой: в седельных мешках лежали оба мои свитка и стиль. Ио мне их показала и сказала, что мне нужно непременно все записывать.

Я как раз перечитывал то место в дневнике, где описано бегство Эгесистрата из Спарты, когда к домику с грохотом подъехала крытая повозка, которой управлял какой-то толстый старик. Крестьянин – он выглядит точно так же, как те пелтасты, что явились в храм вместе со своими господами, – клялся старику, что не видел нынче никаких чужаков, но я окликнул того по имени: "Клетон!" – и пригласил выпить с нами вина. Клетон говорит, что царь Котис мертв; теперь городом правит его старый советник, Тамирис. А еще он сообщил, что из Спарты приплыл на корабле некий стратег и с ним множество воинов; он требует сведений об Эобазе и о нас.

Глава 20

РАСКОС

Этот раненый пришел сюда перед рассветом. Мы все трое спали на полу, и, когда он постучал в дверь, я сел. Девочка Ио тоже проснулась. Я велел мальчику – его зовут Полос – отпереть дверь. Он не хотел – явно боялся, – а мне лень было вылезать из-под теплых одеял. Я подбросил дров в очаг и спросил, кто там.

– Раскос! – прозвучало в ответ.

Потом из комнаты, где спали крестьянин с женой, вышел хозяин дома и отпер дверь.

Раскос вошел, держа в руках легкий щит и дротики. Я тут же отбросил одеяла, полагая, что сейчас придется драться. Раскос что-то сказал хозяину, и тот рассмеялся, сжал пальцы в кулак и сунул большой палец в рот. Потом указал на табурет возле огня и, хотя я и не понял, что он сказал, видимо, пригласил Раскоса сесть.

Полос шепнул мне на языке эллинов:

– Он не пьяный.

Мальчик так дрожал, что я обнял его; при этом он резко выдохнул через нос – видно, такая у него привычка. Ему лет десять или чуть больше. У него рыжеватые волосы и темные глаза.

Раскос снова заговорил, озираясь вокруг; по всей видимо-

сти, он никогда прежде в этом доме не был. Он часто повторял одни и те же слова, и, когда Ио спросила, что он говорит, Полос объяснил:

– Он сказал, что заблудился в метели.

Я подошел к окну и открыл ставни. Ночью действительно была метель; все покрывал слой снега в палец толщиной, так что на деревьях и кустах будто расцвели белые цветы, купавшиеся сейчас в лунном свете.

Раскос о чем-то явно просил крестьянина, которого зовут, кажется, Олепис. Я собрался было захлопнуть ставни, но тут увидел на дороге людей.

Три человека несли на плечах какой-то длинный и, видимо, тяжелый сверток.

Когда один из них указал на дом, мне стало ясно, что они направляются именно сюда.

Но я был слишком занят иными мыслями, чтобы обратить на это должное внимание. Снова заперев ставни, я спросил у Ио:

– Помнишь, что сообщил нам Клетон? Я все раздумывал над его словами.

По-моему, раз уж мы все проснулись, нам лучше выйти пораньше.

– А может, лучше послать в город Полоса, чтобы он поговорил с этим спартанцем? – предложила Ио.

Я покачал головой, понимая, что знатный стратег и говорить не станет с каким-то маленьким оборванцем, и сказал:

– Первым делом надо отыскать Эгесистрата и сообщить ему, что здесь спартанцы, они узнали о нем и, вероятно, хотят его убить.

– Может, уже убили, – мрачно буркнула Ио. – Я знаю, ты этого не помнишь, господин, но несколько дней назад Эгесистрат пытался прочесть твое будущее и увидел, что ему самому грозит гибель. Похоже, смерть его была уже совсем рядом.

Я хотел сказать, что нам тем не менее следует все же предупредить Эгесистрата, если успеем, но тут кто-то постучал в дверь.

На пороге стояла плачущая женщина в темном плаще. Спутанные волосы были распущены по плечам, щеки в грязных потеках от слез; с нею пришла еще одна женщина, помоложе. Трое мужчин, что несли тяжелую ношу, остановились в нескольких шагах от них, явно чувствуя себя очень неуютно. Двое из них показались мне почти мальчиками.

Ио ткнула Полоса локтем, и тот сказал:

– Она говорит, что ее муж умер и они идут, чтобы предать его тело огню.

Она просит, чтобы этот мужчина пошел с ними.

"Этот мужчина" был наш хозяин; он улыбнулся женщине, покачал головой и указал ей на табурет возле огня, словно на нем сидел кто-то важный.

Женщина в ответ еще громче зарыдала, и из другой комнаты вышла жена крестьянина, чтоб успокоить ее.

– Ай, Раскос! – воскликнула плачущая женщина.

Тут крестьянин закричал на нее, но она не обратила на него никакого внимания, и он стал кричать на троих носильщиков, которые только качали головами и отводили от него глаза. Потом они опустили свою ношу на снег и сняли покрывало: под ним было тело мужчины, и, хотя было слишком темно и лежавшего на снегу освещала только луна, чтобы быть полностью уверенным, однако мне показалось, что мертвый очень похож на того, кто нас разбудил.

Крестьянин взял из очага горящую головню и поднес ее к мертвому. В бороде у покойника виднелись седые пряди; нос был, по-моему, сломан.

Из-под полуопущенного века на нас глядел глаз; мне так и хотелось его прикрыть, но я не стал этого делать. Левое плечо мертвеца было разрублено топором или тяжелым мечом почти до нижних ребер.

Крестьянин, что-то шепотом приказав своей жене, занял место одного из юношей, что несли тело, и вся процессия двинулась прочь от дома. Я проследил, чтобы дети хорошенько умылись и почистили зубы, затем пошел седлать коней, которые неплохо провели ночь в сарае по соседству с коровами; у нас был огромный белый жеребец, белая кобыла и еще четыре лошади.

– Надо вознести благодарственную молитву тому из богов, который покровительствует лошадям, – сказал я Полосу, который пришел мне помочь, – что наша кобыла не в течке.

Он улыбнулся:

– Ничего страшного, даже если б жеребцы ее и покрыли. А бог этот – сотрясающий землю великий Бог моря. Он же и Лошадиный бог⁴⁰.

Белый конь покосился на меня и оскалил зубы, но Полос успокоил его одним прикосновением.

– Ты на котором нынче поедешь? – спросил он.

– На своем собственном. – Я указал на того жеребца, на котором со вчерашнего дня остались мои седельные сумки.

– Откуда ты знаешь, что это твой? – спросил Полос. – Ио говорит, что ты уже на следующий день все забываешь.

– Сегодня – еще не "следующий день", – объяснил я. – Ведь был уже поздний вечер, когда ты пригнал сюда этих лошадей, а сейчас еще даже не рассвело.

Полос с минутку подумал, седлая между тем маленькую и спокойную гнедую лошадку Ио, и спросил:

– А ты помнишь, как вчера сражался с царем Котисом?

Пришлось признать, что ничего подобного я не помню, но, судя по тому, что я жив, я, видимо, победил.

– Ну, на самом-то деле вы с ним вовсе и не сражались, – сказал Полос. – Котис просто позорно бежал, а потом его за это убила собственная свита.

Как мне называть тебя – Латро или господин, как тебя зовет Ио? – Полос помолчал и добавил:

⁴⁰ Бог моря – это Посейдон. Согласно мифу, именно Посейдон первым привел лошадь в Аттику и считался покровителем этих животных.

– Ио – это твоя рабыня, помнишь?

Я покачал головой и сказал:

– Если у меня есть рабыня, я ее освобожу, чтобы она могла вернуться домой, к родителям. А если ты не раб мне, тебе совершенно незачем называть меня господином. Жаль, что тот царь оказался трусом! Надо полагать, цари тоже могут струсить, да только вряд ли приятно думать так о своем повелителе.

– Да нет, не думаю, что он трус, – отвечал Полос. – Вообще-то я в таких вещах не очень разбираюсь...

Я засмеялся, глядя на его серьезную мордашку, и потрепал по голове.

– А в чем ты разбираешься?

– Ну, в лошадях, в овцах. И в собаках. В животных, в общем. А еще в погоде. Я хорошо погоду предсказываю.

– Правда? Ну, и какой день будет сегодня?

– Сперва солнечный и ветреный. Солнце растопит этот снег, и вокруг будет сплошная грязь. Но потом придут густые облака, и стемнеет раньше обычного.

Я вздохнул, почувствовав вдруг, что все это, возможно, имеет отношение ко мне, хотя вроде бы Полос ничем этого не выразил.

– Господин... Латро! Я все сделаю, как ты скажешь!

– Хорошо, – сказал я. – Только зачем ты мне в этом клянешься? Ты разве когда-нибудь уже ослушался меня? Может, я тебя побил?

– Нет, – ответил Полос. – Я всегда делал так, как ты мне велел, хотя ты со мной не очень-то много разговаривал. Я просто хотел сказать, что, по-моему, ты ошибаешься насчет некоторых вещей, и я не хочу, чтобы ты на меня сердился.

Я сказал, что когда ошибусь, тогда и посмотрим.

– Думаю, что мне все же следует называть тебя своим господином. Иначе людям станет интересно, почему это я все время нахожусь при тебе. А так они просто решат, что я твой раб, как Ио.

Мы с ним вернулись в дом, чтобы согреть над огнем озябшие руки; тем временем я обдумал его предложение и сказал:

– Ну а предположим, Полос, что я погибну? По твоим словам, вчера я сражался с царем, так что вполне могу сегодня и погибнуть. Тогда мои наследники – если таковые имеются – имеют право забрать тебя себе, так ведь? И ты на всю жизнь останешься чьим-нибудь рабом.

Полос упрямо покачал головой, точно маленький мул:

– Если вчера тебя не смог убить даже царь Котис, господин мой, то кто осмелится напасть на тебя сегодня? И потом, даже если у тебя есть наследники, они, видимо, тоже хорошие люди. А на свете полно и не слишком хороших и добрых людей, которые часто ловят и похищают детей, которые никому не принадлежат.

Тут вошла Ио, и я спросил у нее, отдала ли она жене крестьянина обещанные деньги.

– Еще нет, – отвечала она. – И не отдам, пока мы не будем совсем готовы к отправке – вдруг нам что-то еще понадобится? Ты помнишь, почему нам надо уходить отсюда, господин мой?

– Чтобы найти человека по имени Эгесистрат, если сумею.

– А ты помнишь, – спросил меня Полос, – как он выглядит?

Я покачал головой.

– А зачем нам нужно его найти, помнишь? – продолжал настаивать Полос.

– Потому что спартанцы хотят его убить. – Это я помнил. Но спросил у Ио:

– Эгесистрат ведь мне друг, правда? Когда я произношу его имя, я чувствую это.

Тут раздался стук в дверь. Из другой комнаты женщина крикнула:

– Это Раскос!

– Не открывай! – быстро сказала мне Ио.

Я обнажил меч.

Я должен был отпереть дверь, если хотел, чтоб меня и впредь считали настоящим мужчиной; но у меня уже не оставалось времени объяснять это Ио.

Подняв меч, я распахнул дверь левой рукой.

Там никого не было. Солнце только что взошло, и на снегу протянулись длинные красноватые тени. Следы ног тех, что

принесли мертвое тело к нашим дверям и потом унесли его, были наполовину засыпаны свежим снегом, как и бесформенный отпечаток их ноши. Но новых, более свежих следов не было вовсе!

– Ио, – позвал я, – ты можешь хоть что-то сказать этим людям на их языке?

Ио кивнула.

– Это фракийский язык, господин мой. Мы ведь во Фракии. Я немножко выучилась их наречию, а вот Полос говорит на нем совсем хорошо.

– Тогда ты. Полос, предупреди эту женщину, что Раскос может вернуться.

Понимаешь? Если он вернется, ей лучше не отпирать дверь. Пусть скажет ему из-за двери, что он мертв. – Полос понимающе кивнул. – После того как он умер, выпал свежий снег. Я думаю, он засыпал все следы, по которым он привык ориентироваться. Снег обычно задерживается надолго лишь высоко в горах, так что, если Раскос вернется до того, как снег здесь растает, пусть она ему скажет – но ни в коем случае не отпирая двери! – как ему найти то место, где будет сожжено его тело.

Когда Полос сказал все это женщине, Ио дала ей золотую монету, и мы тронулись в путь.

– Перед тем, как все это случилось, – Полос мотнул головой в сторону дома, – я хотел сказать, что, по-моему, тебе следует ехать на белом коне.

Ты был на нем, когда сражался с царем Котисом, так что, наверное, он будет хорошо тебя слушаться.

Я покачал головой:

– Вряд ли. Ему вчера, надо полагать, здорово досталось.

Я ведь на нем долго скакал, так, Ио?

– Очень долго, господин мой, – подтвердила она. – И мы все тоже здорово устали, пока сюда добрались.

Каждый из нас вел на поводу еще одну лошадь.

– А если на нас кто-нибудь нападет? – спросил Полос.

– Тогда я пересяду на белого, – пообещал я ему. – А пока пусть он отдохнет без всадника.

Полос задумчиво поглядел на белого жеребца и сказал:

– Да, конечно, ты ведь и впрямь очень тяжелый.

– Еще бы – на мне ведь кольчуга и меч.

– У Эобазы меч с золотой рукоятью, но, по-моему, твой лучше.

Я спросил, кто такой Эобаз.

– Один мидиец, – вмешалась Ио. – А мы заставили царя Котиса отпустить его на свободу. Собственно, это ты заставил. И все очень хорошо описал в своем свитке, так что найдешь там все подробности. Правда, на ходу, видимо, не стоит перечитывать свиток, особенно на таком ветру.

– Хорошо, – сказал я. – Не буду.

– Ты мне когда-нибудь покажешь, как обращаться с мечом? – попросил Полос.

– Ты же видел, как он это делает, – сказала Ио. – Я знаю,

ты за ним внимательно наблюдал в прошлый раз.

– Ага, наблюдал, – признался Полос и поглядел на меня. – Я видел, как ты дрался, но не понимаю, как это делается. Один против четверых! Я уж думал, они тебя убьют, но ты сам перебил их одного за другим. Наверное, немного найдется таких бойцов.

Мне пришлось сознаться, что я уже совсем не помню тот бой, о котором он говорит.

– Но ты же должен знать, как ты это делаешь! А если на тебя опять нападут сразу четверо?

– Я убегу от них, – ответил я. – Если смогу, конечно.

– А если не сможешь?

Я задумался, представив себе воинов с копьями и мечами, которых не видел, но которые, по всей вероятности, совсем недавно напали на меня вчетвером.

– Ну, сперва надо определить, кто у них главный, – сказал я Полосу. – Если на тебя напали сразу четверо, наверняка один из них главный. И остальные, стало быть, постараются не покинуть поле боя у него на глазах.

Также весьма возможно, что из этих четверых лишь один действительно хочет тебя убить, а остальные просто ему помогают. И если сразу же вывести его из строя, полдела сделано. Конечно, хорошо бы его убить, но не обязательно – вполне достаточно глубокой раны на правой руке или на ноге.

Навстречу нам попался одиноко стоявший дом; Полос переговорил с его обитателями и передал мне, что они не ви-

дели здесь сегодня никаких чужаков и что, похоже, они говорят правду. Я громко переспросил:

– Значит, они не видели Эгесистрата?

Я сделал это в надежде, что Эгесистрат – если он прячется – услышит меня и узнает мой голос. Но никто мне не ответил.

Тронув коня, я продолжил свой урок Полосу:

– Меч должен быть как бы продолжением твоей руки, это тебе понятно?

Мальчик кивнул:

– Да, понятно, вот только вчера твой меч что-то не очень хотел быть продолжением моей руки.

– Фальката слишком тяжела для тебя. К тому же ты мало с нею знаком.

Хорошо иметь надежный меч, но его непременно нужно знать и понимать. И следить, чтобы он всегда был наточен. В некоторых ножнах лезвие может затупиться само по себе, потому что их делают из твердых пород дерева или даже из бронзы. Если у тебя такие ножны, продай их и купи себе другие – лезвия должны касаться только кожа или шерсть.

Полос кивнул; я видел, что он задумался над моими словами.

– Но главное вот что: побеждает не лучший меч, но лучший воин.

Впереди и чуть дальше показался мужчина, вооруженный двумя дротиками.

Насколько мне было видно, он не оставлял никаких следов на снегу. Я попросил Полоса рассказать, что он знает о лошадях, зная, что Ио эта тема тоже заинтересует. И он многое нам рассказал.

Глава 21

СТРАТЕГ ИЗ СПАРТЫ

Предводитель непобедимой армии лакедемонян требует, чтобы жители Апсинфии передали ему всех пленных – так сказал Бадизое раненый пелтаст, и жители Кобриса умоляют нас поскорее уйти, пока не стало известно, что мы здесь. Однако они не осмеливаются просто нас выгнать – боятся, хотя нас всего-то: я сам, две женщины да двое детей. Все боеспособные мужчины из этой деревни призваны на военную службу и несколько дней назад ушли в город.

Бадизоя рассказала мне, что воспользовалась запуганностью местных жителей и добыла не только различные сведения, но и пищу. Я спросил, что именно она узнала, и позвал Ио, чтобы та тоже послушала. Ио говорит, что Бадизоя узнала больше, чем рассказал нам Клетон, но, в общем, примерно то же самое. Мы спросили у амазонки, откуда деревенским жителям так много известно, и она сказала, что раненому во вчерашнем бою пелтасту было позволено вернуться в родную деревню, то есть в Кобрис. Узнав об этом, она попросила женщин, с которыми разговаривала, потом отвести ее к раненому.

Элата пойдет с нею вместе в качестве переводчика.

Вот что поведал им раненый.

Царь Котис мертв. Он вызвал эллина на поединок, но бе-

жал от него.

Увидев это, благородные фракийцы сами его зарубили, хотя кое-кто и пытался спасти царя, например Тамирис, который сейчас вместе со своими сторонниками засел во дворце.

Пока остальные планировали штурм дворца, причалило судно некоего стратега из Спарты. На щите у них изображена "лямбда" – знак Спарты, а на плечах алые плащи. Со стратегом прибыл отряд гоплитов из Пилоса⁴¹.

Спартанец заявил хозяевам города, что если они ему не подчинятся, то вскоре будет уже не важно, кто правит в Кобрисе: он вернется сюда с целым войском и сожжет город. Эта встреча состоялась у городской стены, где раненый пелтаст все и подслушал.

Сейчас мы отправляемся в путь. Бадизоя хочет отыскать своих подруг, а Элата мечтает вновь найти Эгесистрата-прорицателя. Ио считает, что нам лучше всего пойти с ними, и я с ней согласен.

* * *

Все спят, кроме этого мальчика из Суз. Для него священен всякий огонь; он то и дело молится костру, а потом ходит в темноте, словно не находя себе места. С ним явно что-то не

⁴¹ Пилос – гавань и крепость в Мессении, в 425 г. до н.э. завоеванная афинянами.

так; я никогда прежде не сталкивался с бессонницей у детей такого возраста – да и у взрослых, если только они не были ранены в бою. По-моему, Полос знает, что с ним такое, но мне ни за что говорить не хочет. Мальчика зовут Артембар.

Я только что прочитал в дневнике описание самодельных носилок для раненой Фаретры, которые укрепили между двумя лошадьми. Я не помню, как выглядела эта женщина, но стоит мне прочитать ее имя, и моей руки будто касается ее рука. По-моему, она была стройной, гибкой красавицей с пышными огненными кудрями. Я твердо знаю, что любил ее, хоть и позабыл теперь.

В нашем мире правят боги, а вовсе не мы сами. Для богов мы всего лишь жалкие ничтожества, даже самые могущественные из наших царей кажутся им бедняками. Это боги позволяют нам возделывать поля, которые на самом деле принадлежат им; а потом отбирают у нас выращенный нами урожай. Мы встречаемся, расстаемся, любим, строим друг для друга гробницы, но разве все это имеет значение? Все равно кто-то другой с легкостью осквернит гробницу, ветры развеют прах, и все нас позабудут. Мне в общем-то все равно, но я прочел в своем дневнике, как Фаретра мне улыбалась. И пока будет цел этот папирус, она будет жить в нем, как и ее улыбка, тогда как даже маленькая Ио станет со временем лишь коричневатой пылью на ветру.

Читая дневник, я понял, что должен записывать ради себя же самого то, что еще помню: как мы прибыли в следующую

деревню, как отняли у ее жителей вино и поросенка и потом разбили лагерь подальше от них – крестьян было многовато, хоть мы и делали вид, что ни чуточки их не боимся. Я устал, замерз и, возможно, выпил больше чем нужно; ну а Элата была просто пьяна.

Потом Бадизоя и Ио все боялись, что я изнасилую спящую Элату – что я и сделал бы непременно, если б не они; да и Полос глаз с меня не сводил. Ну и, естественно, я так на них разозлился, что готов был убить, но все же понимал, что, если бы я хоть пальцем тронул Ио, Бадизоя схватилась бы за меч; вот тогда я наверняка убил бы ее. Я лег, притворяясь, что сплю; однако вскоре сон действительно одолел меня.

Когда я проснулся, Ио и Бадизоя крепко спали. Я попытался разбудить Элату горячими поцелуями и страстными ласками, но каждый раз, стоило ей шевельнуться во сне, кто-нибудь из наших "сторожей" просыпался. Я явственно слышал, как наши кони разговаривают друг с другом – точно люди.

Может, я и потерял память, но не настолько, чтобы забыть, что лошади говорить не могут! Оставив Элату в покое, я принялся перечитывать свой дневник.

Но до того я подбросил в почти потухший костер остатки топлива и, обнаружив поблизости сухое дерево, обрубил ему ветки своим мечом. Костер ярко вспыхнул, и пришлось отодвинуть крепко спавшую Элату подальше, чтобы она случайно не обожглась.

Возможно, маленького жителя Суз привлекло именно яркое пламя костра. Он спросил, можно ли ему погреться, и я, видя, что он совсем один и совершенно не опасен, разрешил. Некоторое время он смотрел, как я читаю, а потом сказал:

– Я знаю, вы здесь не поклоняетесь огню, как это делаем мы, – у вас богом огня является Гефест, который даже к числу ваших главных богов не относится. Но ведь вы, по-моему, не против, чтобы другие верили в своих богов?

– Это смотря в каких, – сказал я. Мы оба старались говорить как можно тише, чтобы не разбудить спящих. – Ты ведь из парсов⁴², верно? Я знаю, что ваши люди молятся Ахура-Мазде и возжигают костры на вершинах холмов, и против этого у меня нет ни малейших возражений.

Он улыбнулся; только теперь я заметил, какое печальное у него лицо.

Потом он преклонил колена перед огнем, как делают все эти люди с Востока, и заговорил со своим богом на неведомом мне языке.

К тому времени, как он закончил молиться, у меня от усталости щипало глаза, и я, отложив свиток, спросил, не заблудился ли он.

– Да, – кивнул он. – Потому-то я и на корабль этот попал. Ты был там, когда на борт поднялся Эгесистрат, и мне по-

⁴² Парсы, или огнепоклонники – последователи зороастризма в древнем Иране. Впоследствии, после завоевания Ирана арабами (в VII-X вв.), так стала называться община зороастрийцев в Индии. Парсы поклоняются огню, считая, что он присутствует во всех элементах мироздания, включая человеческую душу.

казалось, что это судно может доставить меня в Сузы. Ты, должно быть, бывал в нашей стране. А в Сузах ты бывал?

– Не помню, – сказал я. – Я слишком быстро все забываю.

Он придвинулся ближе – по-моему, он боялся разбудить Ио, хотя та крепко спала.

– Вот и я тоже, – вздохнул он. – Нет, вообще-то я многое помню, вот только иногда не могу вспомнить самое важное. А с тобой тоже так?

– Нет, – сказал я. – Я иногда могу вспомнить очень мало и сущие пустяки – как, например, мы с Полосом и Ио загоняли свинью... Это вот, рядом с тобой, Ио, а дальше – Полос. Он из сосновых веток постель себе устроил.

Но, как и ты, самого важного я не помню. Я как раз перечитывал свои записи, чтобы понять, как оказался здесь, и узнал, что мы ищем некоего мидийца Эобазы, но сейчас его с нами нет. Ты его знаешь?

– Конечно! Ты уже однажды спрашивал меня об этом. Кроме того, ты и еще один варвар расспрашивали о нем моего отца – мы еще тогда в башне сидели.

Ты что, забыл?

– Забыл, – признался я.

– Хотя ты в тот раз вопросов моему отцу не задавал. Их задавал другой варвар, такой низенький. Ты помнишь, как пытался освободить нас?

Я сказал, что мне очень жаль и что, как я прочитал в дневнике, попытка эта оказалась неудачной.

– Там, в башне, рядом с нами все время были стражники. Один услышал какой-то шум и пошел выяснить, в чем дело, но не вернулся, и тогда второй пошел искать его. Вот тут как раз появился ты. Ты принес для нас плащи и шлемы и сказал, что как только мы выйдем за крепостную стену, то легко сможем спрятаться в городе и подождать, пока варвары не уплывут прочь. Но мой отец сказал, что тамошние жители... не помню, как назывался этот город...

– Я тоже не помню, – сказал я. – Продолжай, пожалуйста.

– Что они могут... что они побьют нас, если обнаружат. И он еще сказал, что Ксантипп будет всюду искать нас, потому что ему за нашу свободу обещан огромный выкуп. Отец считал, что Ксантипп возьмет эти деньги, а нас отпустит. Мой отец очень богат... – Мальчик постарался сказать это как можно скромнее. – Он тебя вознаградит, я уверен, если ты отвезешь меня к нему.

– Так, значит, вы просто не захотели пойти со мной? И что же случилось потом?

– Ничего. – Мальчик умолк, глядя в огонь. – Ты ушел, пришли еще несколько солдат, и мы легли спать. Ты проводишь меня на этот корабль?

– На какой корабль? – спросил я.

– На тот, где ты был прежде – вместе с девочкой и с той прекрасной пери.

Я слова "перн" не знал, но он посмотрел на Элату, произнося его. И я сказал, что вряд ли смогу вернуться с ним на

корабль, пока мы не найдем Эобаза.

– Да он вон там, – сказал мальчик и показал пальцем.

– А ты откуда знаешь? – спросил я.

– Да я всегда знал, и когда ты меня об этом раньше спрашивал – тоже.

Разве ты не помнишь? Я тебе еще сказал тогда, что он едет верхом на лошади, а руки у него связаны.

При этих словах Полос проснулся и сел. Я извинился перед ним за то, что мы его разбудили, хоть и старались говорить тихо.

– Вовсе вы меня не разбудили, – вежливо возразил он. – Мне просто пить захотелось.

– А это... – начал я.

– Артембар, сын Артаикта, – подсказал мне мальчик из Суз. Он постарше Полоса и, по крайней мере, на голову выше.

– Артембар, – повторил я за ним.

Полос на него даже не взглянул (хотя я видел, как он исподтишка на него посматривает).

– Откуда он тут взялся? – спросил меня Полос. – Это ты его позвал?

– Нет, не я. Просто он замерз, увидел костер и попросил разрешения погреться, вот я ему и разрешил.

– Значит, он первым заговорил с тобой?⁴³.

⁴³ Полос, будучи кентавром, знает, что Артембар мертв, а покойники не могут первыми заговорить с живыми людьми. Именно поэтому Артембар и объясняет

– Естественно. А почему это тебя так волнует, Полос?

И тут в разговор вступил Артембар:

– Да, здесь, у твоего костра, я заговорил с тобой первым, но ты ведь уже разговаривал со мной раньше, у другого костра, когда спрашивал об Эобазе. Я обычно не заговариваю с теми, кто никогда еще ко мне не обращался. – Он поколебался и пояснил:

– По-моему, так нельзя делать.

– Пойду к ручью, очень пить хочется, – прервал его вдруг Полос, и я дал ему с собой немного вина – смешать с водой для предотвращения возможных болезней. Потом я спросил, не встречал ли он Артембара прежде. Он помотал головой и убежал.

Попробую теперь снова уснуть.

* * *

Я только что разговаривал с Эобазом, который говорит на языке эллинов лучше даже, чем Артембар. Он подошел ко мне, когда я точил Фалькату, попросив точило у одного из крестьян. Эобаз сказал, что знает, как отважно все мы бились, спасая его, но ему известно, что больше всех старался я, а потому он хотел бы меня отблагодарить.

– Не в наших обычаях, – сказал он, – чересчур много говорить даже по столь серьезному поводу. Скажу лишь: пока

далее, почему он смог обратиться к уже разговаривавшему с ним до этого Латро.

я жив, тебе стоит лишь позвать меня, и я явлюсь.

– Пусть сказал ты немного, – отвечал я, – но вряд ли кто-либо сумел бы выразить в нескольких словах больше.

Он улыбнулся и протянул мне руку, которую я пожал. По моему, мы оба чувствовали себя неловко. Усмехнувшись, он указал на мокрый брусок, которым я точил меч:

– Видно, ты затупил клинок, срубая головы врагов?

– Нет, – сказал я, – это я вчера ночью вздумал рубить мечом ветки для костра, хоть и подумал еще, что он, наверное, затупится. Однако он почти не пострадал – отличный клинок! – И тут я вспомнил, как ночью к костру моему подошел Артембар, и сказал:

– Тут у нас есть мальчик из твоей страны, точнее, из Суз. Ты с ним никогда не встречался?

Эобаз с озадаченным видом покачал головой.

Ио, прислушивавшаяся к нашему разговору, сказала:

– Мой хозяин все забывает. Ты говорил, что наш прорицатель рассказал тебе о нем, верно?

– Да, мы с ним вчера имели весьма продолжительную беседу. Твой хозяин, возможно, и забудет меня, и я буду знать причину этого. Только я-то его никогда не забуду!

– А он сказал тебе, что порой видит то, чего не видят другие? – продолжала Ио. Эобаз кивнул. – Порой люди считают, что он выдумывает, но однажды и я видела то же, что и он. Все, по-моему, зависит от того, что считать выдумкой, а что – правдой.

Эобаз улыбнулся, глядя на нее:

– Хорошо сказано! Достоинно эллинки! Я как-то слушал, как ваши мудрецы всю ночь обсуждали подобные проблемы, но так и не пришли к единому мнению.

Для нас существует только истина или ложь. Мы не тревожим себя размышлениями о таких пустяках, как выдумка, фантазия.

– Это хорошо. Едва мы проснулись, как мой господин сообщил, что нашел какого-то маленького перса, который знает, где ты находишься, и готов нас проводить туда. Бадизоя и я сперва хотели узнать, где это, но мой хозяин сказал, что уже ходил с ним, и указал на ближайший холм. Там, на вершине, виднелся молодой жеребец, гнедой масти и еще не совсем взрослый, а всадника на нем не было. Когда мы спросили об этом Элату, она только рассмеялась в ответ. Однако этот конь и привел нас прямо к тебе.

Эобаз пригладил бороду – она у него черная и очень густая – и сказал:

– Возможно, тебе следовало бы спросить Эгесистрата.

– А я и спросила, – откликнулась Ио, – да только сразу позабыла его ответ.

– Так нужно было снова спросить – у Семи Львов, например. Он говорит, что знает твоего хозяина даже лучше, чем ты.

И тут в наш кружок ворвался чернокожий, указывая мне подбородком на что-то, яростно жестикулируя и очень быст-

ро говоря что-то на своем языке.

Эобаз, как оказалось, знал его язык и перевел:

– Он говорит, что сюда мчится колесница, а за ней следуют остальные амазонки.

Мы все побежали смотреть. Эгесистрат и прелестная Элата были уже там, а Бадизоя погнала своего коня навстречу царице амазонок. Колесницей правил какой-то фракиец, однако ехавший с ним рядом человек был скорее похож на спартанца – высокий воин в алом плаще. Когда они подъехали ближе, воин махнул рукой и крикнул:

– Благородный Эгесистрат! Латро! Клянусь богами, до чего же я рад снова вас видеть!

Глава 22

ВОЗЛЕ НАШЕЙ СТАРОЙ СТОЯНКИ

– Спорим, если пойти и хорошенько поискать вокруг, можно легко найти наше старое кострище, – сказала Ио. – Смотри, вон наш алтарь – до сих пор стоит!

Я согласился с нею: место казалось мне знакомым, хотя я, разумеется, не мог толком вспомнить, был ли я здесь.

– Тогда с нами еще были амазонки, – с грустью заметила она.

Они уехали после завтрака – шесть крепких, сильных женщин, две из которых были серьезно ранены, и забрали с собой всех белых коней. С ними отправился и тот фракиец, поклявшийся проводить их до брода через Гебр.

Эгесистрат говорит, что река Гебр – это западная граница Апсинфии. Они должны передать знаки приветствия и уважения от трех здешних правителей их родственникам в Сикионе⁴⁴. Кроме того, царица амазонок везет письмо, написанное моим стилем на полоске белой овечьей кожи стратегом из Спарты; в письме говорится, что его податели находятся под защитой царя Леотихида и регента Павсания.

⁴⁴ Сикион – город на северном побережье Пелопоннеса, известный как город ремесленников и художников.

– Я буду по ним скучать, – сказала мне Ио. – Ты-то не будешь, а я буду.

И я очень скучаю без Полоса, очень! Ты его еще помнишь? – Я только головой покачал. – Это просто мальчик, фракиец, наверное. Во всяком случае, он говорит, как они. Он чуть младше меня, но так приятно, когда рядом есть еще кто-то из детей.

Я сказал ей, что, надеюсь, мы когда-нибудь будем жить в таком месте, где найдется много других детей и мудрая женщина, которая сможет научить ее всему необходимому.

– А я и так уже многому научилась, наблюдая за амазонками! – воскликнула Ио. – Царица Иппофода меня просто любила: а Иппостизия и Фаретра тоже старались обращаться со мной хорошо, потому что им нравился ты. Я-то Фаретру недолюбливала – у тебя всегда был такой глупый вид, когда ты на нее смотрел. А потом ее убили, и мне было ужасно ее жаль! Мне до сих пор ее жаль. Но ты-то наверняка ее уже не помнишь, да?

– Немного помню, – сказал я; какая-то память сохранилась, видно, у меня в душе, хоть туман забвения и успел окутать меня. – А как она выглядела?

– Она была ростом почти с тебя, и у нее были такие высокие скулы. – Ио натянула кожу на щеках, чтобы показать мне, какой скуластой была Фаретра.

– Рыжеволосая, лицо все в веснушках, а ноги, если честно, не слишком прямые – наверное, потому что она все время

верхом ездил.

Я вздохнул – как и сейчас вздыхаю:

– Похоже, она была очень хороша собой.

– Ну, я вовсе не пыталась ее приукрасить...

– Не пыталась, – подтвердил я, – но скрыть этого ты не сумела. – И я, нагнувшись из седла, поцеловал Ио в щеку.

– Ну все равно. – Она отерла щеку. – Кстати, нам с тобой нужно поговорить наедине. О нем. – Она быстро указала мне на колесницу. – И об Эгесистрате тоже.

– Хорошо, – кивнул я, решив сразу записать весь наш с нею разговор, что и сделал.

Остановились мы в хорошем большом доме в Кобрисе. Он принадлежит одному из высокородных союзников Тамира. В доме есть слуги, хотя вряд ли им можно доверять. Когда мы передали им своих лошадей и велели напоить их и отвести в конюшню, Асет отвел Эобаза и меня в сторонку и сказал, что на самом-то деле никакой он не стратег из Спарты, как думают фракийцы.

Оказывается, все остальные давно его знают и только посмеялись бы, видя наше изумление. Ну и ладно.

– А я все никак понять не мог, почему это Эгесистрат с тобой так сердечен? – сказал Эобаз. – Ведь спартанцев он ненавидит.

– Я и сам-то их не больно люблю, – признался Асет, – хотя теперь понимаю их гораздо лучше. Быть настоящим спартанцем очень нелегко; это великая вещь.

За ужином мы притворялись перед слугами, что Асет самый настоящий спартанец; но когда трапеза закончилась, он отослал слуг, и мы все вместе, собравшись у очага, пили неважное местное вино и грызли орехи.

– Гиперид тоже здесь, – сказал Асет. – Его комната рядом с моей. А вам придется спать тут, однако, видимо, спать вам приходилось и в куда худших условиях.

Все засмеялись и признали, что это так и есть.

Тут Эобаз задал вопрос, который и у меня вертелся на языке:

– А кто такой Гиперид?

– Капитан нашего судна, – отвечал Асет. – Именно его Ксантипп просил разыскать тебя. А мы, все остальные, просто помогаем ему тем или иным способом.

– Жаль, что его сейчас с нами нет, – сказала Ио. – Мне бы очень хотелось повидаться с ним! Да и не следовало бы ему бродить по городу так поздно.

– Он заключает сделки по поводу поставок на корабль продовольственных запасов и вина, – пояснил Асет, – а заодно и немного кожами интересуется.

Знаем мы Гиперида! А ты не беспокойся, девочка: уж он-то за себя постоять сумеет.

– Так это он послал Эгесистрата, Элату и Семь Львов – ну, вашего чернокожего, – а также Латро и Ио? – спросил Эобаз.

Асет и Эгесистрат закивали, а Эгесистрат пояснил еще:

– Благодаря одной богине мы встретились с амазонками.

Они ехали по поручению Бога войны, однако без них мы бы, конечно, не справились.

Эобаз кивнул – видимо, в подтверждение собственных мыслей – и сказал:

– Несколько лет назад я повстречался с одним племенем, которое считает Бога войны не кем иным, как Ахура-Маздой – Ахура-Мазда, так сказать, в ином обличье. Возможно, они и правы. А откуда вы знали, где меня искать?

– Да это Эгесистрату удалось разнюхать твой след, – улыбнулся Асет. – По крайней мере, Гиперид так считает. Но вот чего я понять не могу: что ты-то тут делал? Вряд ли ты держал путь в Мидию или Персию.

Эобаз покачал головой:

– Нет, я направлялся в Афины.

– В Афины?!

– Да. – Мидиец, казалось, заколебался, оглядывая наши лица. – Эгесистрат, ты здесь единственный, кто меня хорошо знает. Расскажи всем присутствующим – и мне тоже, – что ты знаешь обо мне.

– Ты храбрый воин, великолепный наездник и умелый инженер. Ты был советником Артаикта в искусстве фортификации и оборонной техники.

– А более ничего не прибавишь? – с нажимом спросил Эобаз.

Эгесистрат пригладил бороду.

– Дай-ка подумать. Ты мидией; как-то ты говорил мне, что

у тебя есть земли близ Экбатаны⁴⁵, есть и жена, но нет наследника. Да, вот еще что: ты был практически единственным человеком в окружении Артаикта, кто никогда не просил меня предсказать судьбу.

– Было у нас с женой три сына, – лицо Эобазы стало печальным. – Прекрасные юноши! Они поступили на службу в армию Великого Царя – как вы понимаете, для высокородных граждан нашей страны это дело само собой разумеющееся. Любой, кто поступит иначе, сразу попадет под подозрение.

– Это правда, – кивнул Эгесистрат.

– Наш царь Ксеркс – Великий Царь, как вы его называете, – задумал поход против варваров севера. Вы все теперь знакомы с женщинами-воительницами из этих краев, так что можете представить себе, каковы тамошние жители – дикие всадники, вечно следующие за своими стадами. От них вполне можно обороняться, однако нападать на них – все равно что идти в атаку на клубы дыма; они растворяются, едва успев вступить в бой, а потом, совершив круг, возвращаются, и нет у них ни городов, ни возделанных полей, которые им было бы жаль потерять. Этот поход превратился бы в настоящую пародию на военные действия, и все понимали это, кроме царя. Однако в Сузы свезли невероятное количество разного оружия и припасов, которые при необходимости

⁴⁵ Экбатана – столица Мидии; находилась на месте современного Хамадана (Иран). Была одной из резиденций персидских царей.

сти следовало переправлять в действующую армию.

Все молчали. Я огляделся, отыскивая взглядом того маленького парса. Он сидел рядом с Элатой довольно далеко от огня и, казалось, внимательно слушал, но я не смог разглядеть, какое у него при этом лицо.

– Наступила весна, и армия расположилась лагерем у городской стены, – продолжал мидиец. – Мои сыновья тоже были там, все они служили в кавалерии; был там и сам царь. Артаикт представил меня ему, всячески нахваливая как одного из лучших поставщиков провианта для царской армии.

Царь был доволен; он улыбнулся и предложил щедро одарить меня за отличную службу. С замиранием сердца я попросил у него всего лишь малость: пусть одному из моих сыновей позволят остаться со мною.

Эобаз умолк. Он молчал долго, пока молчание не прервала своим вопросом Ио:

– Ну, и неужели же он этого не сделал?

– Нет, он сделал это. Он улыбнулся и пообещал мне, что всех троих оставят в Сузах, когда армия выйдет в поход. На следующее утро, когда армия двинулась на север, мои сыновья действительно остались в Сузах – они лежали на обочине дороги с перерезанными глотками, и каждый воин, проходя мимо, мог видеть, что ждет того, кто... – Эобаз встал и, словно умываясь, провел ладонями по лицу. – Прошу прощения. Вы спрашивали, почему я пытался добраться до Афин, а я вместо того, чтобы сразу ответить на ваш вопрос, стал

рассказывать всю эту не имеющую отношения к делу историю. Прошу меня простить – но, по-моему, в данный момент лишь прогулка верхом поможет мне успокоиться.

Когда за ним закрылась дверь, Асет откашлялся и сплюнул в огонь.

– Вообще-то одному ему лучше бы не ездить, – сказал он, – но можете считать меня дураком, если знаете, как сейчас увязаться за ним.

Детский голосок из дальнего конца комнаты воскликнул:

– Я поеду с ним, господин мой. Он меня и не заметит.

Все обернулись. Но это оказался отнюдь не богато одетый персидский отрок (как я подумал сперва), а совсем еще маленький мальчик, одетый в рваную овечью шкуру.

– Полос! – воскликнула радостно Ио, но он уже выскользнул за дверь. И через секунду мы услышали стук лошадиных копыт. Ио вскочила:

– Господин мой...

– Ни в коем случае! – Я схватил ее за руку и заставил снова сесть.

– Я только хотела спросить его, где он был все это время, – пояснила Ио. – Я его со вчерашнего вечера не видела.

– А разве он раньше был с нами?

– Да, с тех пор, как мы побывали в священной пещере Матери богов, – сказал Эгесистрат. – А сегодня утром ты говорил, что вы с ним долго беседовали у костра вчера ночью, а потом он пошел за водой, да так и не вернулся. Полагаю, он

шел по нашему следу.

Элата, которая, как мне кажется, редко говорит сразу с несколькими людьми, сказала вдруг:

– Он старается по возможности быть полезным, да и душа у него счастливая – я рада, что он решил остаться с нами. Однако твой хозяин прав, Ио. Ночью улицы этого беспокойного города вовсе не место для юной девушки.

Чернокожий тоже выразительно закивал, поддерживая Элату.

Эгесистрат снова наполнил свою чашу и сказал:

– По-моему, они скоро вернутся. Если одному из них и хочется с кем-то подражаться, особой беды в этом я пока не чувствую. А нам, Ио, по-моему, сейчас лучше грызть орехи да рассказывать истории о призраках. О наших отсутствующих друзьях беспокоиться не стоит. Вот ты мне как-то рассказывала одну замечательную историю, еще на корабле – о том, как твой хозяин был свидетелем действий некроманта, заставившего встать из гроба мертвую женщину, помнишь? Сам он, разумеется, вспомнить эту историю не в состоянии. Вряд ли все остальные здесь ее слышали, так почему бы тебе снова не рассказать ее?

– Ах это! – воскликнул Асет. – Клянусь Девственницей⁴⁶, никогда в жизни мне не было так страшно! Ио там, между

⁴⁶ Кора (греч. «девушка»), или Персефона, почитавшаяся вместе со своей матерью Деметрой как богиня плодородия, а также как правительница Царства мертвых (в качестве жены Аида).

прочим, не было. Полагаю, что ей все это поэт рассказал – он тоже был родом из Фив. Ты-то, надеюсь, такими вещами не занимаешься, Эгесистрат?

– Некромантией? – Прорицатель покачал головой. – Один или два раза я вызывал духов, одному даже задавал вопросы. – Он поболтал вино в чаше, любуясь бликами на его поверхности, потому что они гораздо больше могли сказать ему, чем, предположим, мне. Помолчав, он снова заговорил:

– А ведь духи людей становятся все более злобными, вы заметили? Раньше чаще попадались всего лишь заблудшие души, которым удалось выбраться из Царства мертвых или же вообще не довелось побывать там; такие духи ничуть не хуже живых людей, а часто даже и лучше. Таковы были и те, о которых мне в юности рассказывали мои учителя. И те, с которыми мне довелось встретиться самому. Но теперь меж них затаилось зло. – Он снова помолчал. – Кто-нибудь из вас слышал историю капитана Убрия? Вы знаете о Белом острове?

Асет покачал головой; чернокожий, Ио и я тоже.

– Это было за два года до войны, так он мне говорил. Его корабль вышел из устья Истра⁴⁷, окутанного густым туманом, когда впередсмотрящий крикнул с мачты, что слышит музыку и хлопанье множества крыльев. За разговором они, наверно, их не замечали, но тут прислушались и действительно услышали эти звуки, а вскоре поняли, что перед

⁴⁷ Истр – древнее фракийское название Дуная, особенно в его нижнем течении.

ними не густой туман, а остров с белыми утесами и полоской белого песка на берегу.

Убрий рассказывал мне, что с детства плавал в этих водах и отлично знал, что там такого острова нет и быть не может. И все же он был там!

– И что же он сделал? – спросила Ио.

– Да в общем-то ничего. Но тут на песчаном берегу появился некий человек в латах. Он махал им рукой и громко просил прислать за ним шлюпку.

Убрий решил, что этот человек хочет, чтобы его оттуда забрали, а поскольку ему было очень интересно узнать, что это за остров, то он велел четырем матросам спустить шлюпку и плыть к берегу. Вскоре стало ясно, что это воин, который, по словам Убрия, был необычайно, божественно хорош собой и силен как бык. Едва днище лодки коснулось дна, Убрий выпрыгнул из нее и приветствовал незнакомца, сказав, что он может располагать как им самим, так и его кораблем.

"Я Ахиллес⁴⁸, – сообщил ему призрак, – и я прошу тебя об одном одолжении". Ну и Убрий, естественно, сказал, что готов выполнить любое его желание. "Тогда ступай в храм Афины Илионской⁴⁹, – сказал ему призрак.

⁴⁸ Ахиллес, или Ахилл – сын мифического фессалийского царя Пелея и nereиды Фетиды, один из храбрейших греческих героев, осаждавших Трою. Фетида, желая сделать сына бессмертным, окунула его в священные воды Стикса, однако держала его за пятку, и та осталась уязвимой («ахиллесова пята»).

⁴⁹ Илион – эолийская колония близ древней Трои со святилищем Афины Илионской; а также – второе название Трои, по которому названа «Илиада».

– Там ты найдешь рабыню по имени Криза. Выкупи ее у жрецов и доставь сюда".

Убрий, конечно же, поклялся, что сделает это, снова прыгнул в лодку и поспешно отплыл от берега. Когда они разворачивались, призрак сказал: "Она последняя в роду Приама⁵⁰ – обращайся с ней почтительно!"

Они поплыли в Трою, и в течение всего плавания ветер был попутный, и Убрий разыскал ту девушку. Ей, по его словам, оказалось лет четырнадцать, и она была служанкой в доме одного из жрецов. Он заплатил за нее немалую цену и обеспечил ей на своем корабле всевозможные удобства и полную праздность. Он сказал ей, что она предназначена в дар некоему царю с острова в Понте Эвксинском, и она охотно обещала ему всегда хорошо о нем отзываться перед этим царем.

– А что случилось потом? Остров-то он отыскал? – спросил Асет. Мне и самому интересно было узнать, сумел ли Убрий во второй раз отыскать этот остров.

– Выйдя из устья Истра, они снова встретились с густым туманом. – Прорицатель вздрогнул, осушил свою чашу до дна и выплеснул оставшиеся в ней капли вина в огонь. – Однако на этот раз дул попутный ветерок. Убрий рассказывал, что им пришлось снова и снова брать риф, уменьшая поверх-

⁵⁰ Приам – мифический царь Трои Подарк, который получил прозвище Приам («выкупленный»), поскольку при разрушении Трои Гераклом он был выкуплен своей сестрой Гесионой.

ность паруса, и все же они чуть не вылетели на берег, достигнув Белого острова.

Призрак ждал их на белом песке, и рядом с ним стояла самая прекрасная женщина на свете. Со времени этих событий прошло уже более года, однако глаза Убрия каждый раз вспыхивали, когда он пытался описать мне эту красавицу. По его словам, было в ней нечто бесконечно влекущее, и в то же время это была в высшей степени достойная и скромная женщина. Любой мужчина на свете с радостью бросил бы к ее ногам свою жизнь.

Так вот, Убрий разукрасил эту Кризу янтарными бусами и прочими побрякушками, ее посадили в лодку и поплыли к берегу. Когда она преклонила перед призраком и той женщиной колени – женщина-то, без сомненья, тоже была призраком, – те даже в ладоши от радости захлопали.

"Друг мой, – сказал Убрию призрак-мужчина, – ты сослужил мне добрую службу. Ступай же с миром, и обещаю тебе, что без награды ты не останешься". Убрий говорил, что после этого он, похоже, ни разу не совершил ни малейшей ошибки или оплошности в искусстве навигации, да и торговые дела пошли у него на редкость хорошо. За все он получал сторицей.

Если он плыл на юг, ветер менялся на северный; а когда ему пора было возвращаться, ветер тут же принимался дуть с юга. Он слыл в тех местах уже очень богатым человеком, когда я в последний раз говорил с ним. Он владел землями

близ Коринфа и подумывал о том, чтобы прикупить еще участок.

– Ну что ж, мне кажется, ему с призраком повезло, – сказала Ио. – Я бы тоже с таким встретиться не возражала.

– Может, оно и неплохо, – пожал плечами Эгесистрат. – Но только вот еще что: когда Убрий отчалил от острова, то услышал пронзительный крик и обернулся. Пред ним предстала страшная картина: призрак, держа Кризу за ногу и за руку, вскинул ее над головой, а красавица спокойно наблюдала за происходящим. И когда Криза снова закричала, призывая Убрию на помощь, призрак разорвал ее пополам.

Я услышал, как в ужасе застонала Ио, а потом раздался смех Элаты.

– Неужели все это было на самом деле? – спросил я у Эгесистрата. – Неужели все это правда?

– Ну, сам-то я не видел, – пожал он плечами. – Однако с Убрием я разговаривал лично и верю ему. Ни одному, даже самому лучшему актеру, не изобразить тех чувств, какие отразились у него на лице, когда он описывал мне ту прекрасную женщину или смерть юной рабыни. Он даже вспотел от ужаса под конец. А теперь, Асет, расскажи-ка нам о том, как была вызвана из могилы та мертвая женщина в Афинах. Неужели это было столь же страшно?

Асет, расколов кулаком орех, лакомился ядром.

– Куда хуже! – сказал он. – Мне довелось как-то видеть несчастного, которого заломал медведь. Вряд ли тот твой

призрак сделал с девушкой что-то более страшное. Но история с некромантом куда ужасней. Мы тогда большой компанией отправились к одной гетере – Гиперид, кибернеты, тот поэт, еще парочка гостей и я. Латро тогда был рабом этой гетеры и очень нам пригодился, потому что после обильной трапезы мы еле на ногах стояли – столько там было отличного вина и вкуснейших яств, да и девушки так на нас поглядывали...

Кто-то – полагаю, это был чернокожий – закрыл на засов дверь после ухода Эобаза и мальчика, и теперь кто-то из всех сил барабанил в нее, а потом я услышал, как мальчик кричит: "Впустите нас! Впустите!", и мы с чернокожим поскорее отодвинули засов и распахнули тяжелые створки настежь.

Эобаз и Полос, спотыкаясь, подошли к огню, поддерживая с обеих сторон и почти неся толстого старика, по лицу которого струилась кровь.

Глава 23

И Я, НА СВОЕЙ СКАМЬЕ ЗИГИТА⁵¹

Я должен закончить вчерашние записи. Я только что все снова перечитал и должен признаться, что по собственной глупости записал историю, рассказанную Эгесистратом во всех подробностях. И все же период отсутствия мидийца и его возвращения вместе с Полосом и Клетоном, как мне кажется, очень важен. По-моему, у нас с Ио немного было таких часов – когда мы чувствовали себя в полном покое и безопасности. Возможно, именно поэтому Ио с такой теплотой всегда вспоминает о доме Каллеос в Афинах. Каллеос – эта самая гетера, о которой упоминал в своем рассказе Асет. Так мне сказала Ио.

Старик был почти без сознания, когда Эобаз и Полос привели его к нам.

Пока Эгесистрат и Элата осматривали его рану, Асет, чернокожий и я задавали вопросы Эобазу. Он сказал, что знаком с Клетоном и тот навещал его, когда он сидел в темнице, в храме Плейстора. Он случайно увидел его на улице – Клетон сердито спорил с полудюжиной фракийцев. Рядом с ним стояла служанка с фонарем – собственно, свет фонаря и привлек внимание Эобазы. Едва он успел узнать Клетона,

⁵¹ Зигит – гребец, сидящий у прохода.

как один из фракийцев ударил старика мечом. Женщина выронила фонарь и убежала; а мальчик – тогда Эобаз еще не знал его имени – бросился на помощь. Вместе они подняли Клетона, посадили на коня и привезли сюда.

– Клетон сказал, что хорошо знаком с твоим хозяином, – сказал мне Эобаз, – да и ко мне он по-дружески относился, когда я был в заточении. Он был единственным человеком, который не давал мне совсем утратить надежду.

– Это правда, – подтвердил Эгесистрат, поднимая голову (он перевязывал рану Клетона). – Он действительно твой друг. Надеюсь, он не слишком опасно ранен. – Элата кивнула и подмигнула мне. – То ли у фракийца меч был не слишком тяжел, то ли рука слабовата – не все ли равно, в сущности. Плоть, правда, рассечена до кости, но здесь, над ухом, кость крепкая.

Клетон (чье имя я уже успел к этому времени запомнить) что-то пробормотал, и Элата поднесла к его губам чашу с вином. А я принялся записывать все, что произошло с тех пор, как Ио указала мне на место нашей старой стоянки; ибо она сказала (мы с ней говорили шепотом, прислушиваясь к хриплому дыханию раненого старика), что он приходил к нам в тот лагерь и говорил не только с Эгесистратом, но и со мной. Я спросил ее, записывал ли я что-нибудь после этого и не могу ли теперь перечесть, но она призналась, что тогда сама все подслушала и в случае надобности тут же перескажет мне этот разговор.

Прошло немало времени, прежде чем Клетон пришел к себе и обратился к Эгесистрату и чернокожему, которые удобно усадили Клетона у очага, прислонив к теплым камням. Я как раз кончил записывать и стал слушать.

– Они захватили Гиперида, – сразу сообщил Клетон. Имя этого капитана я уже слышал.

– Кто захватил? – спросил Асет.

– Нессибур и Делопт.

– Ты не волнуйся, – сказал Эгесистрат, – не то тебе станет хуже. А куда они его повели?

– Во дворец.

– Понятно. Эобаз говорил, что ты на улице спорил сразу с несколькими фракийцами – наверное, с охраной тех, кто увел Гиперида?

Клетон устало кивнул.

Эгесистрат повернулся к Асету:

– Значит, эти двое из высокородных, сторонники Котиса. Видимо, они выскользнули из дворца через боковую дверь.

Клетон снова кивнул.

– Так они захватили его у тебя дома? – спросил Клетона Асет. – Откуда же они узнали, что он там?

Клетон тупо смотрел на Эгесистрата, на Асета, на меня, на чернокожего, на Элату... Я подумал: что за ужасная штука – жизнь, когда такой вот ослабевший от старости человек вдруг обнаруживает, что его необдуманый поступок стоил жизни другу.

– Это я им сказал, – вымолвил наконец Клетон. – Вернее, Тамирису. А он послал этих... так они сами сказали.

Асет выругался и спросил Эгесистрата:

– Ты хорошо разбираешься в здешней обстановке?

– Не так хорошо, как Клетон, – сказал Эгесистрат. – Вряд ли лучше тебя.

Ты-то бывал во дворце и с Тамирисом говорил. А я там даже ни разу не был.

– И я снова пойду туда, как только удастся собрать людей. Пойдешь с нами?

– Конечно! – воскликнул Эгесистрат. Эобаз, чернокожий и я также выразили свою готовность.

Ио протиснулась между мной и чернокожим и спросила Клетона:

– Значит, ты был шпионом этого Тамириса, верно? Не только шпионом Гиперида! А ты мне сперва так понравился!

Заслышав ее слова, Клетон с трудом улыбнулся и взял ее ручонку в свои.

– Я пытался быть шпионом, – признался он ей. – Честно пытался. Это ведь я послал вам тогда стрелы. Ты догадалась?

Ио кивнула.

– Неужели ты думаешь, – продолжал Клетон, – что я смог бы это сделать, если б у меня среди фракийцев не было друзей? Что я вообще смог бы жить и торговать здесь? – Он выпустил ее руку и потянулся к чаше с вином. Элата поднесла ее к его губам. Напившись, он сказал:

– Я последовал твоему доброму совету, детка. Правда последовал. Котис был горячая голова, но Тамирис повсюду имел своих шпионов – ну, почти повсюду. И он не хотел, чтобы этого мидийца убили, и боялся, что амазонки могут убить Котиса, и хотел, чтобы все окончилось миром.

– Но другие аристократы, должно быть, его ненавидели, – сказал Эгесистрат. – Слишком уж он был близок к царю. Большая их часть, по крайней мере. Видимо, те, кто сейчас на его стороне, это в основном его родственники – сыновья, племянники, двоюродные братья...

Клетон снова кивнул:

– Верно. Нессибур – его внук. Делопт – племянник.

Эгесистрат оттопырил губы:

– А кого те, другие, хотели бы посадить на трон? Младшего брата Котиса?

– Его сына. Мальчику всего три года!

– Но теперь, – вмешался Эобаз, – Тамирису придется вести переговоры с моим, неведомым ему пока другом, который попытается запугать его несуществующей армией из Эллады – и возможно, заставит назначить именно его регентом при маленьком царевиче.

Клетон обратился к нам с Ио:

– Гиперид приходил ко мне сегодня днем. Мы с ним старые друзья, много лет вместе торговые дела вели. На этот раз ему было нужно вино, а у меня оно было, и мы заключили сделку. Я велел отнести вино к нему на корабль, а он обещал

к вечеру принести мне деньги...

– Но стоило ему выйти за дверь, как ты сообщил об этом Тамирису? – вставил Асет.

– Да, я послал ему записку, – прошептал Клетон с убитым видом, – и предупредил, что, возможно, вместе с ним ко мне зайдет и еще один человек, спартанец...

– Но Тамирис не пришел, – сказал я. – Он прислал вместо себя двух фракийских аристократов.

Клетон вздохнул и отпил вина.

– Я и не ожидал, что он сам придет, думал, он просто пришлет кого-нибудь, чтобы заключить сделку. Но фракийцы непременно хотели увести Гиперида с собой во дворец, а он идти не хотел. Сказал, что придет утром и приведет с собой того спартанца. Наверное, они решили, что он лжет. Может, он и лгал, а может, был слишком уверен в себе.

Я кивнул.

– Тогда они схватили его и заломили ему руки за спину, – продолжал Клетон. – Я бросился следом за ними на улицу, пытаюсь объяснить им, что это мой гость, мой заказчик...

– Тогда они решили от тебя попросту избавиться, – встала Ио, и Асет добавил тихонько:

– И, видимо, решили, что убили тебя – своего собственного шпиона. Да, так можно поступить только в полном отчаянии! Они ведут себя, как игроки, у которых одна надежда – выигрыш в следующей партии.

– Ну, и что же мы теперь будем делать? – спросила Ио.

Асет выпрямился:

– Соберем людей, отправимся во дворец и освободим его.

Я спросил, сколько у Асета людей.

– Гоплитов? Пятеро. И еще два лучника.

– Клетон, у тебя тяжелые щиты есть? Понадобятся также

кирасы, шлемы и так далее.

Клетон чуть кивнул:

– Да, четыре штуки.

– Четыре штуки – всего?

Он снова еле заметно кивнул.

– Хорошо. Асет, выясни, где все это хранится, подбери че-

тырех матросов посильнее да обучи их обращаться с гопло-

нами – впрочем, они, возможно, и сами гоплитов не раз ви-

дели. Возьми с собой Эгесистрата, мидийца и чернокожего.

Когда достигнешь ворот дворца, заставь стражу непременно

всех впустить внутрь.

– Ты прав, – кивнул Асет. – Именно так и повел бы себя

настоящий спартанец.

– Я же потом присоединюсь к тебе, а пока попытаюсь про-

браться во дворец. Какова там стража?

Я почувствовал, как рука Ио сжала мое плечо.

– Сперва придется миновать стражу у внешних ворот, –

предупредил меня Асет.

– Это я знаю, но каково внутреннее устройство дворца? И

где они могут держать Гиперида?

Клетон, задыхаясь, промолвил:

– На дворцовой площади. Слышишь, сынок? Я во дворце много раз бывал...

Стена там не слишком высокая. И башен никаких нет. А внутри двор и за ним конюшни. Это называется дворцовой площадью. Оттуда вход в парадный зал, а чуть дальше расположены хозяйственные помещения и кухня. Жилые комнаты – наверху, а пленных... пленных держат внизу. В подземелье. Свернешь направо, пять проходов...

Эгесистрат попытался было удержать меня, но я решительно оттолкнул его и бросился к двери, не позволив чернокожему остановить меня.

Улицы были темны и покрыты скользкой грязью, так что пришлось идти довольно медленно. Я не успел еще далеко отойти, когда чуть не столкнулся с незнакомой женщиной, но стоило ей заговорить, как я понял, что это Элата.

– Латро, – сказала она, – погоди, послушай меня. Ты ведь знаешь, что я умею лечить?

– Конечно, – удивился я, – я видел, как ты помогала Эгесистрату обрабатывать рану Клетона.

– Я и тебя исцелю, Латро, если смогу. Раньше, правда, не могла, но теперь я хорошо понимаю твой недуг. По-моему, только я одна это по-настоящему и понимаю, да вот еще Ио тоже. Ты ведь не помнишь, кто такой Гиперид, и тебе, в общем, его судьба безразлична. Так и должно быть. Мое дерево теперь уже слишком старое, хотя и оно, и я проживем еще очень долго после того, как этот Гиперид умрет и все его по-

забудут. Ты должен хранить свое семя, Латро! Сегодня ты рискуешь им совершенно напрасно. Отчего ты это делаешь?

Я не понял, что она имела в виду, когда говорила о своем дереве, потому что обычно у женщин никаких таких "своих деревьев" нет. Но ответил так:

– Я делаю это, чтобы не уподобляться Клетону, который так поступил сегодня. И пусть пока для тебя этого объяснения будет достаточно. – Я поцеловал ее и велел вернуться в дом, пока кто-нибудь ее не обидел на улице. Я тоже немало выпил сегодня, но она, хоть и жевала душистую смолу, прямо-таки пропахла вином.

Мимо нас проехал всадник. Он посмотрел в нашу сторону, и я увидел, что он в шлеме и вооружен копьем. Хорошо, что он не остановился. Я поспешил дальше и почти достиг дворцовых ворот, когда меня догнала Ио.

– Хозяин! – закричала она и вцепилась в мой плащ.

Я обернулся, грозно на нее замахнувшись:

– Я тебя хоть раз прежде бил, Ио?

– Не помню, – сказала она и быстро прибавила, поскольку я замахнулся еще более грозно:

– Да, хозяин. Раз или два ты меня ударил. Но это совсем не важно...

– Ну так сейчас я тебя снова побью! Тебя ведь на улице запросто убить могли! А теперь мне еще придется провожать тебя обратно.

– Вот и хорошо! – Она как будто была страшно этому рада.

Мы повернули назад. – Это тебя могли убить, господин мой! Разве ты этого не понимаешь?

Честное слово, там ведь не меньше тысячи фракийцев, и все этого Тамириса стерегут. А смертью своей ты Гипериду ни чуточки не поможешь.

– Если ты еще раз пойдешь за мной, Ио, – сказал я ей, – я тебя больше провожать не стану. Я тебя с собой возьму. Это, пожалуй, безопаснее, чем оставлять тебя одну ночью в этом варварском городе.

– Тебе бы лучше тоже вернуться домой, господин мой. Или же взять с собой чернокожего и Асета.

– Этого я сделать не могу.

– Почему же? – удивилась она. – Никто тебя ни в чем за это винить не станет.

– Но все будут знать, Ио, что я собрался что-то сделать и не сделал – даже и не попытался. Только сам я об этом сразу забуду. И мне будет противно видеть, как меня жалеют, – я это уже видел несколько раз сегодня.

И я даже не смогу понять, почему они меня жалеют! – Глаза мои вдруг увлажнились, словно ветерок вдруг принес откуда-то горький дым. Нет, я не плакал – ведь мужчины не плачут; и все же слезы выступили у меня на глазах, как я ни старался проморгаться. Сегодня мне следовало быть очень осторожным и ни в коем случае не позволять жалости к себе снова взять верх; безусловно, все из-за того, что я слишком много выпил.

Наверное, слеза моя упала на головку Ио, потому что она быстро посмотрела на меня и сказала:

– Я могу дальше пойти сама, господин мой. Тут уже совсем не страшно.

– Нет. – Я покачал головой, хотя она, возможно, этого даже и не заметила.

Когда мы подошли к дому, мне пришлось стучать в дверь рукоятью меча, прежде чем Элата отодвинула засов и увидела на пороге нас. Ио прильнула ко мне всем своим худеньким телом, и я поцеловал ее так, как целовал Элату, – впервые чувствуя в Ио женщину, а ведь до сих пор я считал ее всего лишь ребенком, так она была молода.

– Я больше не побегу за тобой, – пообещала она мне, и я кивнул, так и не сказав ей, как сильно мне хочется, чтобы она все-таки побежала, и как мне страшно идти туда.

Вспомнив всадника с копьем, я предпочел не идти по той темной улице, что в первый раз, и сразу свернул направо, а потом налево. И тут я увидел, что вся улица освещена чуть ли не до самого дворца. Посреди нее горел огромный костер, и вокруг него стояли стражники; мне показалось, что они греют у огня руки.

Глава 24

КАБАН

Огромный зверь, прятавшийся в глубокой тени, – вот что поразило воображение всех, это, по крайней мере, ясно. Я выслушал Гиперида, прорицателя Эгесистрата, мидийца, Асета и гоплитов; все говорили одно и то же. Прорицатель еще хотел знать, как мне вообще удалось проникнуть во дворец. А я просто перелез через стену, что было совсем не трудно, об этом я ему и сказал.

Но сперва нужно сказать, что чернокожий спас меня, когда я вышел к костру, возле которого грелись часовые противников Тамириса. От моего рассказа об этом Гиперид был просто в восторге, да и сам чернокожий тоже.

Он устроил настоящую пантомиму, показав, как сломал фракийцу шею, прежде чем тот успел вытащить свой меч. Я никому не стал говорить, что чернокожий сперва забежал вперед, надеясь остановить меня; это Гипериду могло быть неприятно. Также я ничего не рассказал о попытках Элаты и Ио не пустить меня во дворец. Я рассказал совсем о другом – о том, что делал до того, как, стянув сапоги, полез через стену. Теперь сапоги мои, конечно, пропали, как и наши лошади и еще много всякого добра, оставленного в доме.

Я помню, как раздумывал, не снять ли плащ, прежде чем лезть на стену.

Теперь я очень рад, что этого не сделал, хотя в сапогах я бы точно на стену не влез.

* * *

Полос все время просит меня рассказывать ему об оружии; я ему объяснил, что сперва должен сделать очередную запись в своем дневнике. Постараюсь писать покороче.

Чернокожий предупреждал, что меня могут убить, указывая то на мертвого фракийца, то на меня самого и разводя руками – желая объяснить мне, как много фракийцев может оказаться там, за стеной. Я не решился отвечать ему вслух, боясь, что меня могут услышать, и объяснялся тоже на пальцах, показывая, что их там, возможно, будет совсем не так уж много и тогда я их всех просто перебью. На это он усмехнулся – я видел, как блеснули в темноте его зубы, – и наконец ушел; я чувствую, что он мне как брат.

Хотя на пальцах-то я изъяснялся весьма смело, однако пальцы мои здорово дрожали, когда я, скрючившись в тени какого-то дома, снимал сапоги.

Фракийцы, стоявшие на стене, были хорошо видны на фоне холодного ясного неба – в шлемах и с острыми дротиками. Если бы сейчас мне пришлось рассказывать Полосу о мечех и сражениях, я бы в первую очередь непременно сказал, как

важно хотя бы на минутку представить себя на месте своего врага. Не думаю, что без этого вообще возможно одержать победу – разве что если тебе помогают боги. Так что я представил себя на месте Тамириса, спрятавшегося во дворце, за высокой стеной.

Поскольку рядом со мной (то есть с Тамирисом) находились другие высокородные, я не смог бы подняться на стену – они бы на это не согласились и сами поднялись бы на стену только в случае атаки. С другой стороны, мне бы потребовался крепкий отряд из отборных воинов, способный отразить любую атаку противника. Что ж, прекрасно! Вот пусть мои высокородные и составят этот отряд. А пелтасты будут сторожить стену днем и ночью, сменяя друг друга, и в случае чего подадут сигнал тревоги.

Но сам я, Латро, понимал, что пелтасты – это всего лишь простолюдины, даже если они и отважные воины (я и сам тоже простолюдин). Так что простолюдины в первую очередь будут следить за теми, кто греется у костров, и сами будут там греться.

Так что мне необходимо было чем-то отвлечь их внимание. Если бы чернокожий остался со мной, я бы, конечно, попросил его. Теперь же помочь мне было некому, разве что мертвый фракиец мог на что-то сгодиться.

Ползком я оттащил его за кучу дров, собранных для костра, возле которой он меня и обнаружил себе на беду. Я поставил вертикально одну из самых толстых веток и воткнул

в нее его нож. Я боялся, что кто-нибудь услышит мою возню, но люди у костра громко разговаривали, да и дрова все время потрескивали. Очень трудно оказалось заставить безвольную руку мертвеца держаться на рукояти ножа, но я засунул ее поглубже ему в рукав и как-то пристроил в нужном положении.

Потом я быстро обежал дворец по периметру, но не обходя сторожевые костры стороной, как в первый раз, а по городским улицам (так что я все время находился достаточно далеко ото всех костров вообще), и вышел к дворцовой стене с другой стороны. Вскоре, я это отлично понимал, кто-нибудь должен будет пойти за топливом для костра и обнаружит моего покойничка. То-то он удивится, когда увидит, что этот человек "сражался" всего лишь с бревном, да так на нем и помер (во всяком случае, так ему покажется)! Ему, конечно, захочется, чтобы на мертвеца поглядели остальные, — и я надеялся, что пелтасты на стене тоже услышат его крики.

Я не рассчитывал, что все произойдет так быстро (хотя случилось именно то, на что я и рассчитывал), и едва успел спрятаться возле дворцовой стены. Послышались крики часовых, и сомнения непременно погубили бы весь мой план. Медлить было нельзя, я бросился к стене и стал на нее взбираться.

Самым трудным оказалось перемахнуть через нее и остаться незамеченным, так что, увидев внизу какую-то крышу, я сразу прыгнул, понятия не имея, насколько прочна эта

кровля. Она была из соломы и тут же просела; потом сломалась старая балка, но солома заглушила громкий треск, и я успешно соскользнул в дыру и упал на землю. Несмотря на внушительную высоту, приземлился я мягко – в грязь. И понял, что на какое-то время опасность мне не грозит – стража на стене наверняка ищет меня снаружи, а я, похоже, попал в конюшню.

Передо мной высилась темная громада дворца. Скрываясь в его густой тени, я шел вдоль стен, пальцами ощупывая каменную кладку. Вскоре я обнаружил глубоко утопленный в стене дверной проем и низенькую деревянную дверцу, отделанную бронзой. Я легонько надавил плечом, потом навалился изо всех сил. Дверь подалась едва ли на толщину волоска. Чуть передохнув, я увидел, что дверь вроде бы незначительно качнулась в мою сторону, снова принялся ощупывать ее и вскоре нашел кольцо. Я потянул за него, и скрип дверных петель настолько ошеломил меня, что я и в настоящий момент ужасаюсь собственной глупости и непредусмотрительности.

Совсем недавно я писал, что всегда следует представить себя на месте другого; однако сам я этого вовсе не сделал, понадеявшись пробраться во дворец через окошко. Тамирис был бы полным дураком, если б запирали свои двери на засов изнутри – это безусловно помешало бы его помощникам поспешить, скажем, на защиту дворца в случае непредвиденной атаки противника. Да и любой царь, строя себе дворец,

никогда бы не сделал в нем дверей, открывающихся внутрь. Во-первых, они мешали бы тем, кто спешил выбежать из дворца, а во-вторых, их легко было бы выбить обыкновенным бревном.

Я очутился в полном дыма коридоре, слабо освещенном горевшими по стенам факелами. Примерно на середине я обнаружил по обе стороны коридора двери, а в торце – довольно просторное помещение, освещенное значительно ярче.

Одна из дверей была заперта на засов изнутри, а вторая вела в темную комнату, где хранились короткие и длинные копья и дротики, прислоненные к стенам, а на деревянных манекенах красовались шлемы, мечи и кожаные доспехи, вроде тех, что на мне, с тяжелыми металлическими пластинами. Я позаимствовал здесь овальной формы щит с бронзовым покрытием, а потом, споткнувшись о целую охапку дротиков, рассек скреплявший их ремешок мечом и выбрал себе два получше. И тут я понял, что боги на моей стороне – иначе зачем бы им было так хорошо снаряжать меня? Я взял еще и шлем (он и сейчас при мне), высокий, с величественным гребнем, похожим на растопыренную пятерню.

Когда я вышел из оружейной, то увидел, что Тамирис стоит в конце коридора и как будто ждет меня.

– Ну, иди, иди сюда, – сказал он и поманил меня рукой.

Я не сразу понял, кто это, потому что, даже если я его прежде и видел, то уже об этом позабыл. Он исчез, как только понял, что я иду следом, и, когда я вошел в зал, он уже

сидел на троне. Хотя в зале тоже было полно дыма, все перекрывал какой-то странный запах. И я лишь через некоторое время догадался, чем это пахнет.

– Подойди ближе, – сказал Тамирис. – Ты пришел, чтобы меня убить?

Я ответил, что вовсе нет и что я даже не знаю, кто он такой.

– Я Тамирис, сын Ситона, – сказал он. Он был стар, борода его совсем побелела, но глаза все еще сверкали. Что-то огромное, неясной формы шевельнулось во тьме за тронном.

– Меня называют Латро, – сказал я ему, – и я пришел сюда не для того, чтобы кого-нибудь убить, но всего лишь затем, чтобы освободить твоего пленника, эллина. Отдай его мне и позволь нам спокойно выйти отсюда, и я клянусь тебе, что мы никому здесь не причиним ни малейшего вреда.

– Тебя в этой стране называют Плейстором, – сказал он мне. – А в других странах – иными различными именами. Что же касается твоего эллина, то мне он совершенно не нужен – я его всего лишь использовал как наживку, на которую попался ты. – Он хлопнул в ладоши, и двое вооруженных людей вышли из глубокой тени за тронном. Когда я увидел их, то подумал, что, видимо, это один из них шевелился там в темноте. – Приведите сюда иноземца, – велел Тамирис одному из них. – Он, возможно, больше нам не понадобится.

Человек поспешил прочь; второй остался ждать у трона с обнаженным мечом в руке.

– Это мой внук Нессибур, – сказал старик, мотнув головой в сторону юноши. – Он унаследует после меня фракийский трон.

Я поздравил его с этим.

– Ты что же, хочешь сказать, что я пока что всего лишь царь Апсинфии?

Или же что Апсинфия – всего лишь маленькая часть из полусотни таких же частей Фракии?

Я покачал головой и сказал, что ничего во всем этом не понимаю. На самом-то деле я думал вовсе не об этом. Меня занимало то, почему он так меня назвал! По словам Ио, этот Плейстор – один из фракийских богов.

– Латро!

Явился их пленник, лысый, круглолицый человек со связанными за спиной руками. Увидев это и решив, что лучше мне вести себя посмелее, я оттолкнул высокородного фракийца, который привел его, и разрезал путы.

– Благодарю тебя, – сказал он, растирая руки и поколачивая одной другую. – Я бы с удовольствием позаимствовал у тебя один из этих дротиков, но, боюсь, не смогу держать его в руках.

Тот человек, что привел пленного, спросил, следует ли вернуть ему меч.

Тамирис рассмеялся. Я понимаю, смех старых людей часто бывает похож на пронзительное карканье, но в смехе этого старика было еще и нечто угрожающее, такое злобное ве-

селье человека, ощутившего прикосновение богов.

– Почему бы и нет? – воскликнул он. – Почему бы не вернуть ему меч? А ты, Плейстор, разве так и не скажешь, что трон Фракии – и даже Апсинфии! – мне не по зубам? – И он звонко шлепнул ладонью по подлокотнику.

Я замотал головой и сказал:

– Мне не хочется проявлять грубость по отношению к тебе, Тамирис, и я совершенно не представляю, по зубам ли тебе Апсинфия или Фракия. Если ты мечтаешь именно о них, то желаю тебе в этом всяческих успехов.

– Так ты и есть Тамирис, господин мой? – промолвил пленник. – А меня зовут Гиперид. Я приплыл из Афин, однако привез я благородного Асета, стратега, назначенного на этот пост Павсанием, регентом Спарты; спартанцы – наши союзники, как, надеюсь, тебе уже известно. Уверяю тебя, я не шпион и не возмутитель спокойствия, и у меня здесь есть друзья, которые будут рады поручиться за меня.

Тамирис заговорил так, словно и не слышал его слов:

– Мы, фракийцы, могли бы стать хозяевами мира. Тебе это известно, Плейстор?

– Не сомневаюсь. В вашей стране немало доблестных мужей, – сказал я.

– Численностью нас превосходят только индийцы, – он доверительно склонился ко мне, – а воинственностью – только спартанцы! Если бы мы были едины – как то и должно быть! – нам не мог бы противостоять ни один народ на земле.

– Но вам ведь нужны будут союзники, – быстро вставил Гиперид. – Хотя у вас, разумеется, есть отличная кавалерия и пехотинцы с легкими щитами.

Армия у вас хорошая, это я знаю. Даже очень хорошая. Но вам потребуются и гоплиты, и флот! В настоящее время лучшие фалангисты – спартанцы, это всем известно. А лучшие корабли у нас, как мы доказали это при Саламине.

Тамирис по-стариковски откинулся на спинку трона, уставившись на закопченный потолок. Наконец он вздохнул:

– Ты все еще здесь? Ну хорошо, я прикажу выпустить тебе кишки твоим же собственным мечом, как только Делопт принесет его. Ты будешь выпотрошен Плейстором, если мне удастся с ним договориться. А я полагаю, что удастся.

– С этими словами он поднялся, сошел с трона и остановился предо мной. – Ты, по слухам, правишь любой битвой. Но это не так! После стольких лет я... мы... нашли его! – Быстрым, летучим движением скрюченные, похожие на когти, пальцы его погладили меня по подбородку и по нижней части щеки, не закрытой лицевой пластиной шлема. Потом он спокойно положил руку мне на плечо. – Если бы ты действительно был тем, кем себя называешь, то сразу убил бы этого чужеземца по моей просьбе его же мечом. Хотя сам он сделал бы это непременно, только ты, в отличие от меня, этого не понимаешь. Ну так вот я тебе это говорю.

Он казался мне странно похожим не на человека, а на марионетку в руках невидимого кукловода. Я сказал:

– Хорошо, пусть я хозяин на любом поле брани, как ты утверждаешь. В таком случае от его имени уверяю тебя: ни один стратег, достойный его приказаний, не станет убивать тех, кто охотно пошел бы воевать на его стороне.

Вот и все. Больше мы с Тамирисом ничего сказать не успели, потому что широкая дверь в дальнем конце зала широко распахнулась, вбежал пелтаст и пал ниц перед Тамирисом, сжимая в руках дротики. Они заговорили на неведомом мне языке, причем пелтаст явно возражал, указывая на дверь, и пытался в чем-то убедить своего повелителя. Он был немного младше меня, и я чувствовал, что, хотя ему было стыдно спорить со стариком, но это все же необходимо.

Тамирис закричал на него и сердито умолк; потом заговорил Нессибур, а из темноты за треном послышалось утробное ворчание, при звуках которого Тамирис невольно вздрогнул. Он громко позвал кого-то, хлопнув в ладоши, и с десятков хорошо вооруженных людей тут же вбежали в зал и встали по обе стороны от него. Нессибур и молодой пелтаст вышли – видимо, улаживать те дела, которые привели пелтаста сюда.

И тут вернулся Делопт, неся меч Гиперида, кошель с деньгами и некоторые другие вещи. Гиперид привязал кошель к поясу, а меч повесил на шею, как то делают все эллины (они редко носят меч на поясе).

– Твой хозяин стоит у ворот, – сообщил Гипериду Тамирис. – Нессибур впустит его во дворец, и если ты умрешь у

него на глазах, как то и подобает мужчине, то получишь удовлетворение хотя бы от того, что не только в его хваленой Спарте такие мужественные люди.

– А если я останусь жив, – откликнулся Гиперид, – то покажу, что Афинам вообще нет равных!

Тамирис обернулся ко мне:

– Возьми его меч, Плейстор, и жизнь его в придачу. Или же потеряй свою.

И тут я воскликнул:

– **НО ЭТО ЖЕ КАБАН!**

Я вовсе не собирался так громко кричать, но эти слова сами сорвались с моих уст, прежде чем я успел их сомкнуть, хотя Гиперид смотрел на меня, как на сумасшедшего (я действительно был близок к безумию, когда наконец догадался, что это за странный запах перебивает здесь все, даже запах дыма: это была не просто свиная вонь, но куда более сильный, мускусный запах опасного зверя – такой запах легко улавливает любой охотник, затравив вепря в лесу).

Глава 25

ПРОЩАЙ, ФРАКИЯ

Ио позвала меня на корму посмотреть на удалявшийся берег. Когда я сказал ей, что был занят дневником, она попросила меня сразу же вернуться к этому, но я остался стоять рядом с нею, пока берег совсем не скрылся в серых волнах моря. Сейчас зима, время штормов. Так говорят кибернетцы. Но я не думаю, что сегодня будет шторм. Солнце встало в золотистом сиянии, и хотя дует пронзительный холодный ветер, он для нас попутный, а солнце по-прежнему ярко светит в небесах.

Едва уловив запах кабана (как раз на этом месте я остановился, когда Ио позвала меня), я сразу же увидел и самого зверя, огромного и черного как ночь. Он лежал в темной тени за тронем, положив голову на пол, и будто спал, однако глаза его горели, точно уголья, и он следил за каждым движением тех, кто был в зале.

Когда я воскликнул, что это кабан, сразу заговорили стражники Тамириса.

Я не понимал их речи, но чувствовал, что меня-то они понимают прекрасно.

– Он что, на цепи? – спросил я. – Это ведь опасно.

Если мне кто-то и ответил, то я не расслышал ответа и подошел ближе, желая получше рассмотреть кабана. Стражник-фракиец чуть отошел в сторону, пропуская меня.

Кабан грозно поднялся, и я сразу понял, что он не привязан. Он быстро посмотрел на Тамириса, и тот что-то громко приказал ему. Но я на Тамириса и на тех людей, что были с ним рядом, внимания почти не обращал. И все же успел обернуться, услышав шелест вынимаемого из ножен меча. Гиперид мгновенно успел проткнуть одному фракийцу плечо и снова замахнулся своим мечом.

Я метнул сразу оба дротика. Расстояние было настолько мало, что промахнуться я не мог. Если бы остальные четверо бросились на нас одновременно, нас бы тут же убили – ведь мне приходилось прикрывать и Гиперида своим щитом, поскольку у него щита не было. Нас оттеснили назад (как я и ожидал), но это означало, что нас все ближе и ближе прижимают к кабану.

– Беги! – сказал я Гипериду, и мы вместе бросились вдоль стен мегарона – я рассчитывал, что кабан окажется между нами и нашими преследователями, но зверь обернулся к нам (чего я весьма опасался), и я ударил его мечом.

Фальката вошла глубоко, но лишь скользнула по шее кабана, не повредив ему глаза, на что я очень рассчитывал. Из-за этого неудачного удара мы чуть не погибли.

Однако этого не произошло – как и предсказывал Гиперид. Огромный кабан, вывернувшись из-под моего меча, по-

шел крушить оставшихся в живых фракийцев, гоняя их по залу, как кур. Одному он своими ужасными клыками вспорол живот до самого горла. (В холке кабан был выше любого из этих воинов – это я видел собственными глазами!) Тамирис выхватил меч и бросился на нас, точно безумец. Гиперид ловко увернулся от его удара, сам ударил снизу и... убил его!

Что бы случилось дальше, если бы мы – трое фракийцев, мы с Гиперидом и кабан – остались в запертом помещении, сказать не могу. Но тут снова распахнулись огромные двери, и ворвалась свора пестрых гончих. Они кинулись на кабана, и мне показалось, что сейчас они повалят его на пол и разорвут на куски; но кабан сбросил с себя собак, расшвырял их и выбежал в открытую дверь. Снаружи до меня донеслись крики тех, кто был во дворе, и лай гончих.

Потом исчезли и кабан, и собаки.

Об исходе сражения особо и сказать-то нечего: хотя раны мои кровоточат до сих пор, помню я лишь какие-то неясные, отдельные эпизоды. Судя по всему, явившийся Асет убедил Нессибура (это он сам рассказывал недавно) принять его вместе с гоплитами, Эгесистратом, Эобазом и чернокожим; однако, прежде чем объявить сторонникам Тамириса о своем желании заключить мир, он пообещал осаждавшему дворец фракийцам, что откроет для них дворцовые ворота, если сможет. Он дал это обещание, как признался он сам, по совету Эгесистрата, который сказал, что это совершенно беспроегрышный ход – ведь ему не будет никакой нужды от-

пирать ворота крепости, если помощь тех, кто снаружи, ему не понадобится.

Похоже, что, когда кабан выбежал во двор, кто-то из находившихся там – то ли фракиец, то ли эллин – широко распахнул обе створки ворот, возможно, всего лишь в надежде выгнать зверя. Однако, завидев это, находившиеся снаружи фракийцы бросились в крепость, полагая, что это Асет выполнил свое обещание.

Нессибур, по слухам, погиб, а вместе с ним и все те, кто поддерживал Тамириса, за исключением нескольких пелтастов. В придачу к огромной сумме золотом Асет получил дочь одного высокородного фракийца, который сам предложил ему купить у него девушку. Золото поделили – большую часть передали членам нашей команды, но значительная сумма досталась также Гипериду, Эгесистрату, кибернетам, Эобазу, чернокожему и мне. Свою долю я спрятал в сундучке. Кое-что было в виде различных золотых монет, кое-что – в виде украшений: колец, застежек и тому подобного; делили по весу.

По-моему, мы могли бы получить куда больше золота, если бы остались во Фракии, но всем очень хотелось поскорее отправиться в путь. Мы ведь приплыли за Эобазом, так говорит Ио, и отыскали его. Отплыли мы так поспешно, что многие полезные вещи позабыли на берегу. Справедливости ради следует отметить, что Ио не забыла, похоже, ничего. Она взяла с собой тот меч, который, по ее словам, подарили

ей амазонки, пращу, которую сделал ей Полос, а также мою и свою одежду, этот вот свиток и еще один, старый, а также разные другие вещи. Тот шлем, который я взял во дворце, по-прежнему со мной, а вот щит был так сильно изрублен, что я его бросил.

* * *

Я долго беседовал с Полосом, который задавал множество вопросов о кабане. Все эллины вокруг только о нем и судачат. Я отвел мальчика к Эгесистрату, который рассказал нам, что во фракийском искусстве кабан – символ Плейстора. Порою он носит имя Залмокс, считаясь колдуном, который может менять обличье, и часто представляется не кабаном, а медведем.

Эгесистрат и Полос говорят, что Плейстор – это тот бог, которому должны были принести в жертву Эобаза. Эгесистрат так и не смог объяснить, откуда у Тамириса в мегароне взялся кабан. Он говорил примерно то же самое, что и все остальные: в осажденной крепости обычно не убивают и не изгоняют ни одно животное, поскольку в случае особой нужды его можно съесть.

Полос хотел знать, видел ли того кабана сам Эгесистрат и действительно ли зверь был такой большой, как говорят.

– Видел, – сказал ему Эгесистрат, – и он действительно был огромен.

Хотя все же не настолько велик, как о том будут говорить, когда мы доберемся до Афин.

По-моему, отличный ответ!

Может, я бы и не стал писать обо всем этом так подробно, но мне больше просто нечем заняться, хотя кое-кто из свободных матросов вычерпывает воду или передвигает под палубой припасы, чтобы корабль сидел в воде ровнее.

Приходится признать, что мы, те, что были во дворце и участвовали в тамошней схватке, вызываем зависть у остальных. Гиперид сказал тем четырем матросам, которым Асет подарил шлемы, гопланы и кирасы, что это награда за проявленное мужество. Такое снаряжение стоит кучу денег, но Асет сказал Клетону, что лучше мы ему за доспехи заплатим, но не вернем их. Гиперид намерен заставить столичных жрецов как следует раскошелиться; поскольку он везет Эобаза, они ему не откажут.

* * *

Сделав предыдущую запись, я пошел один к Эгесистрату и спросил его насчет тех гончих псов; меня очень удивляло, что никто о них даже не упомянул. Он сказал, что не видел их, хотя и слышал их лай; похоже, слышал его только он один. Я же точно видел и слышал их. Он говорит, что они принадлежат Синтии; это та богиня, перед которой мы оба в долгу. Он прямо-таки рассыпался в похвалах ей – особенно

когда я описал ему, как гончие погнажи кабана.

Элата все уговаривала нас искупаться, хотя море кажется ужасно холодным. (Это море эллины зовут Эгейским.) Кибернет велел матросу привязать к ахтерштевню длинную веревку, чтобы она тянулась за кораблем и можно было ухватиться за ее свободный конец, если купальщики испугаются, что отстанут. Когда Эгесистрат снял одежду, я увидел, что он был несколько раз ранен и некоторые шрамы совсем еще свежие; он сказал, что эти раны получил в том бою, когда мы сражались бок о бок с амазонками. (Ио говорит, что именно они подарили ей меч. По-моему, довольно странно, что женщины тоже воюют.) Эгесистрат показал мне самый старый свой шрам и спросил, помню ли я, откуда он взялся. Когда я признался, что не помню, он сказал, что эту рану получил в Сесте. Я не в состоянии вспомнить этот Сест, хоть и знаю, что на побережье Геллеспонта действительно есть такой город.

Когда Элата скинула одежду, все уставились на нее, и она, похоже, была даже этим довольна, но скоро замерзла на ветру и нырнула в море.

Эгесистрат отвязал свою деревянную ногу и тоже нырнул. Они звали и меня последовать их примеру, но, по-моему, Эгесистрат на самом деле вовсе этого не хотел. Поскольку никто больше в воду не полез, они довольно долго плавали вдвоем, а когда вернулись на корабль, то сели, прижавшись друг к другу и завернувшись в оба свои плаща. Они сказали,

что хотя вода в море и холодная, но ветер еще холоднее.

* * *

Кибернет говорит, что показавшийся вдали остров называется Самофракией, потому что до него от фракийского побережья плыть ровно один день⁵².

Все говорят о том, что мы были во Фракии, но я этого совершенно не помню.

Ио сказала, что у меня все записано в дневнике.

На этом острове, по словам Гиперида, отличные гавани, однако перед нами сейчас всего лишь рыбацкая деревушка. Мы не хотим заходить в более крупный порт, потому что никому не известно, на чьей стороне здешние элины. А деревушка настолько мала, что нас на корабле в два раза больше, чем ее жителей. Да и беднякам этим совершенно наплевать на Персидскую империю, как и ей, впрочем, на них. Гиперид, Ио и я собираемся сегодня ночевать в деревне, в самом большом из ее домов. Хорошо выспаться, да еще под крышей!

Сегодня, наверное, было бы не слишком уютно спать под открытым небом, даже у костра и в защищенном от ветра месте.

В настоящий момент мы жарим дроздов, которые очень

⁵² Поскольку на этом острове с давних времен жили фракийцы, они считали его своим.

вкусны. Кроксин – хозяин этого большого дома – наловил дроздов сетью несколько дней назад; а теперь его жена ошипала птиц, и мы их жарим, надев на свежесрезанные прутья.

Кроксина интересуется почти так же много вещей, как и Полоса, однако вопросы он задает главным образом взглядом. Когда у него совсем не хватает терпения, он спрашивает Ио. Но отвечает ему обычно Гиперид. Кроксин спросил, например, что привело нас во Фракию в самый разгар зимы, и Гиперид сказал, что мы прибыли исключительно для того, чтобы помочь сыну царя Котиса укрепиться на троне Апсинфии.

Кроксин о Котисе слышал, но считал, что тот уже умер. (Во всем этом очень трудно разобраться, потому что сына Котиса зовут тоже Котис – в честь отца.) Гиперид сказал, что сейчас, когда Империя рушится, святой обязанностью Афин является насаждение основных законов правления на островах Эгейского моря и побережья Пелопоннеса. Его речи заставили меня думать, что теперь я, должно быть, более чем когда-либо нужен Великому Царю.

– А еще во дворце была большая драка, – вставила Ио, – в которой участвовали мой хозяин и Гиперид.

Кроксин с женой очень хотели послушать об этом, как, впрочем, и я.

Гиперид с удовольствием стал рассказывать. Я приведу здесь только самую суть его рассказа, опустив все подробности.

– После того, как царя Котиса убили его же приближенные-аристократы, брат его матери, Тамирис, попытался захватить трон. Он давно и успешно продвигался к намеченной цели и был первым советником своего племянника, царя Котиса. Советник он, видимо, был хороший, да только сам захотел стать царем. Мы бороздили воды Геллеспонта, – рассказывал Гиперид, – высматривая корабли Великого Царя, но как только о происках Тамириса стало известно Ксантиппу, он сразу же послал нас в Апсинфию. Фракийцы боятся спартанцев, так что ни одного спартанца мы с собой не взяли, а я просто купил в Сесте для Асета алый плащ. Когда мы добрались до берегов Фракии, он выдал себя за стратега из Спарты, а нас за своих помощников и союзников. Нам удалось весьма быстро переманить на нашу сторону всех высокородных фракийцев, поддерживавших Павсания, а мне удалось выяснить, что же, собственно, происходит во дворце, хотя в то время это было еще очень и очень неясно.

Поскольку Тамирис окопался во дворце, а остальные фракийцы просто боялись нас, я решил, что ничего страшного, если я разок прогуляюсь по Кобрису. На случай нападения грабителей я захватил с собою меч – у нас в Афинах ходить по городу с мечом просто так не разрешается – но в Кобрисе все было вроде бы спокойно. Я даже доспехов не надел. Надо было, конечно, взять с собой Латро и чернокожего, ведь они мои телохранители, но мне это и в голову не пришло.

И разумеется, меня застали врасплох. Я зашел к одному

своему приятелю, мы болтали о всякой чепухе, а также о делах, и тут в дом к нему явились двое тамошних аристократов с совершенно синими от татуировки физиономиями.

Клянусь Каменным столбом, не хотелось бы мне снова их увидеть! У каждого было человек по шесть оруженосцев, вооруженных до зубов. "Царь Тамирис желает с тобой побеседовать, – сказали они мне. – Мы пришли, чтобы проводить тебя во дворец".

Я хорошо знаю, каковы эти варвары, и понимал, что из дворца мне не выйти, пока я не уплачу выкуп, так что пообещал прийти завтра и притворился пьяным. Но провести их не смог. "Нам приказано доставить тебя", – заявили они, повалили меня, связали руки за спиной и повели прочь.

И вот Латро, узнав об этом, явился во дворец, чтобы вытащить меня оттуда. Тамирис велел привести меня и сказал, что сейчас заставит Латро убить меня. Разумеется, это была лишь уловка, нацеленная на то, чтобы стравить нас, однако мне эти речи не понравились. Латро тоже.

У Тамириса был ручной кабан. Считается, что именно в обличье кабана часто предстает их колдун Залмокс, так что, должно быть, это было священное животное. Думаю, ты, Кроксин, вряд ли когда-либо бывал в Речной стране, то есть в Египте, но поверь мне: вот где кабанов полно! Ну а у нас, в Афинах, как ты, наверно, знаешь, очень много сов; это священные птицы нашей богини, так что ее жрецы их подкармливают.

Ну это я просто к слову. Итак, Латро сказал: "Какой у тебя там отличный поросеночек!" и решил на него посмотреть. Тамирис, должно быть, заподозрил неладное, и все пошло кувырком. Прибыло еще с десятков сподвижников Тамириса – как будто десять фракийцев могли нас удержать! Двоих-троих мы убили в мгновение ока, а над остальными уже одерживали верх, когда Латро заметил, что кабан готов напасть на нас. "Беги!" – крикнул он мне, и мы побежали. Я такого гигантского кабана в жизни не видел! И он гонялся за этими фракийцами по всему залу, в точности как мы – за кораблями Великого Царя во время битвы при Саламине!

– И как раз в этот момент появился Асет? – спросила Ио. Гиперид кивнул:

– Верно. Асет тоже узнал, что со мной приключилось, и возглавил отряд из фракийцев, ставших нашими союзниками. Если бы он этого не сделал, фракийцы, видимо, все же рано или поздно убили бы нас с Латро. Это была на удивление жаркая схватка; никакого боевого построения, все дрались "щитом к щиту" – что-то вроде описанных Гомером рукопашных битв древности. Давно я так не веселился, со времен битвы при Марафоне, пожалуй.

Кроксин, слушавший его открыв рот, спросил у Ио:

– А что стало с Тамирисом? Ему голову отрубили?

– Да, между прочим, именно это с ним и произошло, – ответил ему Гиперид. – Отрубили ему голову, надели на копье и выставили у дворцовых ворот на всеобщее обозрение.

Однако прежде я сам убил его собственной рукой.

Ио подтолкнула меня, словно желая сказать: "Я-то знаю, что это ты убил его, господин мой!"

– Я потом говорил с Эгесистратом о том кабане. Он говорит, что зверь так и остался жив, – сказал я.

Гиперид покачал головой:

– Да меня сотни людей спрашивали, что с ним стало, но я не знаю!

Жена Кроксина прошептала:

– А ты не думаешь, что это и был сам Залмокс? Мы-то эллины, но здесь у нас многие почитают Залмокса. – Она поежилась. – Не думаю, чтобы дяде маленького царевича захотелось попытаться свергнуть законного царя, если бы трон не был ему обещан кем-то из богов.

Ио обернулась к Гипериду:

– Плейстор этого Залмокса не любит! Во Фракии мы видели его изображения – на них он поражал Залмокса копьем.

Гиперид рассмеялся:

– Что ж, но на этот раз Плейстор не пришел нам на помощь. А жаль! Он был бы нам очень полезен.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 26

У КИМОНА В САДУ

Эти великие люди приняли нас в саду, удобно усевшись в тени яблоневого дерева. Гиперид описал их мне заранее, так что я сразу понял, что крепкий круглоголовый человек с резкими чертами лица – это Фемистокл⁵³, а высокий, красивый и более молодой мужчина – Кимон, наш хозяин⁵⁴.

Ксантиппа мы уже встречали прежде, так говорит Ио, хотя я его не помню.

⁵³ Фемистокл (524–459 до н.э.) – афинский государственный и военный деятель, демократ, выступавший за расширение афинского рынка сбыта товаров и выражавший интересы крупных торговцев. Горячий сторонник создания военного флота Афин. Его политические противники из числа богатых землевладельцев, в первую очередь отец Кимона Мильтиад, опасались того, что создание флота усилит позиции демократов, и поэтому выступали за усиление боеспособности сухопутной армии. Фемистокл был одним из руководителей победоносного сражения у острова Саламин.

⁵⁴ Кимон (510–450 до н.э.) – сын Мильтиада, афинский государственный деятель и стратег, предводитель антиперсидски настроенной аристократии, активный участник борьбы за создание Афинского морского союза.

В любом случае, он дружески приветствовал нас, и слуги Кимона принесли для нас табуреты.

– Мы попросили вас прийти сюда, чтобы обсудить смерть Эобаза, – начал Фемистокл. Я видел, как внимательно он следит за лицом самого Эобаза. Я тоже следил за его реакцией. Но лицо мидийца оставалось непроницаемым.

Через некоторое время Ксантипп со смешком сказал:

– Не многие из ныне покойных встретили бы весть о своей кончине с таким хладнокровием, Эобаз! Тебя следует поздравить.

Белые зубы мидийца блеснули в зарослях бороды точно лезвие клинка.

– Если ты хочешь сказать, что намерен убить меня, то я это уже слышал не раз и прежде.

Фемистокл покачал головой:

– Ни о каком убийстве речи идти не может. Я ведь сказал: мы здесь для того, чтобы поговорить о твоей гибели, случившейся довольно давно. Тебя принесли в жертву варвары-фракийцы этому... как его?

– Плейстору, – подсказал Эгесистрат.

Фемистокл поднял бровь:

– Он у них что же, один из главных богов?

– Да, и они его весьма почитают, – кивнул Эгесистрат.

– Итак, Эобаз, таков был твой конец. Скорее всего известно, что ты не переезжал ни в Афины, ни в какой-либо другой город Аттики. Поскольку нам теперь совершенно невоз-

можно больше называть тебя Эобазом, скажи, какое имя ты предпочел бы сам вместо прежнего? Только, прошу тебя, не выбирай среди имен своих родственников, если можно.

Мидиец решил быстро, а может быть, он был предупрежден заранее:

– Почему бы мне не назваться Зихрун? По-моему, это имя вполне мне подходит.

Ксантипп улыбнулся, Эгесистрат и чернокожий тоже. Заметив, что все остальные ничего не поняли, Ксантипп пояснил:

– Это имя означает "избранник жизни". Просто отличное прозвище! Так ты не хочешь вернуться в Империю, Зихрун?

И тут впервые заговорил Кимон. Ничего необычного не было в его звучном приятном голосе, однако тут же воцарилась некая атмосфера необычности и значительности. По-моему, все дело было в спокойном взгляде его серых глаз.

– По-моему, не стоит и говорить, как это опасно для него, – сказал Кимон, обращаясь к нам. – Вы не дети.

Я поискал глазами Ио (она-то как раз самый настоящий ребенок, хотя сама, конечно, считает себя взрослой), но Ио и Элата гуляли где-то далеко в саду, вероятно предоставляя мужчинам возможность поговорить наедине.

Полос же остался помогать конюхам.

– Да, это так, – одобрительно кивнул Фемистокл. – Мы с тобой еще поговорим об этом наедине, Зихрун, и о том, с кем тебе непременно нужно будет встретиться и что сказать

им – короче, обо всем, что нам необходимо.

Я собираюсь громогласно подчеркнуть важность этой невосполнимой для нас утраты – твоей гибели во Фракии. Однако сперва нам следует многое объяснить тебе, а кое в чем тебя и заверить. Что тебе известно о том, как мы правим нашей страной?

– Что вы как бы сами собой правите, – сказал мидиец, – а ты всего лишь военачальник, верховный стратег, называемый полемархом⁵⁵. А более ничего, пожалуй.

– А ты что скажешь, Эгесистрат?

– Ну я-то вообще чужеземец, да и отстал здорово от теперешних событий.

Но вас я с удовольствием слушаю.

– В таком случае я постараюсь максимально быстро и просто кое-что прояснить. Если я в чем-то ошибусь, пусть меня поправят мои друзья, а они меня поправят, можете быть уверены. Прошу сразу заметить – моя политическая группировка здесь в меньшинстве.

Ксантипп покачал головой, откашлялся и сказал:

– Вряд ли. Гиперид, например, – твой человек и прекрасный оратор к тому же. Мне и самому несколько раз приходилось в этом убеждаться.

Фемистокл лукаво усмехнулся, чем очень понравился

⁵⁵ Полемарх (греч. «главнокомандующий») – один из девяти ежегодно избираемых архонтов-судей в Афинах, в руках которого находилось командование армией.

мне.

– Ну вот, видите, меня уже поправляют! А среди вас, мидийцев, как я слышал, есть довольно много уважаемых людей, которым доверяют все. У нас же совсем иначе – у нас никто никогда никому не доверяет. Вместо этого мы добиваемся, чтобы мнение каждой стороны было представлено в споре, а также чтобы любой мошенник оказался сразу как бы под перекрестным огнем, тогда ему пришлось бы дважды подумать, совершать ли следующее преступление.

Эгесистрату все это известно, конечно. Все мы эллины одинаковы.

Спартанцы, например, – о них мы непременно поговорим чуть позже – скажут тебе, что и двух своих царей избирают для того, чтобы один не давал другому лгать. Мы же вместо этого имеем две политические группировки – военную (или "щитоносцев" – гоплитов) и морскую. Ксантипп и Кимон возглавляют первую. А когда мы говорим, что поддерживаем тебя, то значит, что тебя поддерживают обе группировки.

Мидиец кивнул.

– У нас есть определенные разногласия, – продолжал Фемистокл, – причем довольно серьезные. Вот ты сказал, что мы сами собой правим. На самом деле это справедливо, только когда у власти моя политическая группировка.

Кимон бросил на него взгляд, одновременно сердитый и насмешливый.

– Я представляю трудовую бедноту, которая в нашем городе составляет большую часть населения, как, впрочем, и в любом другом. Моему народу нужна работа – это моряки, портовые грузчики, мастеровые доков, гончары и тому подобное. И они прекрасно понимают: чтобы всем им не умереть с голоду, Афины должны торговать. А для этого у нас должны быть суда и судовладельцы – вроде Гиперида, – а также много купцов и ремесленников.

Кимон, глянув на Ксантиппа, попросил слова:

– Позволь и мне кое-что сказать, Фемистокл. Сразу вынужден предупредить Зихруна и остальных, что не все из сказанного тобой соответствует истине.

А ты, Зихрун, не должен считать нас, щитоносцев, противниками афинского флота, хотя Фемистокл и его друзья порой говорят, будто Афины могли бы существовать без армии. С другой стороны, как бы Фемистокл ни старался изобразить, будто является представителем всех трудящихся людей, это не правда. Совершеннейшая не правда! Ибо никто не работает тяжелее земледельцев, которым приходится пахать и жать, пасти стада и отары, охранять их от хищников, убирать урожай с полей и молотить зерно, растить лозу и собирать виноград, а потом еще давить его и делать вино... Если бы ты собирался стать членом Афинского Собрания, Зихрун, то обнаружил бы, что земледельцы, без которых мы все просто умерли бы с голоду, все как один поддерживают как раз нашу группировку. И пусть Фемистокл опровергает

мое мнение, я покажу тебе двоих особо выдающихся людей, и ты сам сможешь с ними поговорить.

И хотя мы с гордостью защищаем интересы этих тружеников, их жен и детей, они далеко не единственные наши сторонники. Вот ты, Зихрун, и ты, благородный Эгесистрат, – вы оба гораздо выше их по своему положению, оба принадлежите к совершенно иному, хотя и необходимейшему, ценнейшему классу; но вряд ли кому-то придет в голову считать вас сторонниками морской группировки. Вы люди, занимающиеся воспитанием молодого поколения и науками, а именно мы – и вовсе не Фемистокл, человек низкого происхождения и недостаточно образованный (хотя мне неловко говорить об этом), – являемся представителями лучших семейств Афин.

Фемистокл нетерпеливо заерзал на каменной скамье – ему явно очень хотелось возразить, и Кимон встал, желая все-таки закончить свою речь.

– Разумеется, лучшие семейства – это еще далеко не все, не в них суть города. Какими бы выдающимися их представители ни были, их слишком мало. И не в семьях бесчисленных бедняков нужно искать душу города – эти люди даже в бою не смогут участвовать, если кто-то другой не будет их кормить. Нет, душа города среди ремесленников, среди умелых мастеров, среди состоятельных купцов и свободных крестьян; только там и можно обнаружить истинную добродетель и даже арете. Ведь это они настоящие защитники го-

рода, и даже сам Фемистокл не может отрицать, что они на нашей стороне.

Фемистокл с насмешливым видом нарочито зааплодировал.

– Теперь ты скажешь, что город не был защищен, когда сюда пришли войска Великого Царя, – продолжал Кимон, – и будешь глубоко прав. наших овец, коз и коров угнали, наших лошадей украли, птицу и свиней перерезали, урожай был сожжен и вытоптан, гробницы наших предков и храмы наших богов осквернены, а сам город сожжен дотла. Да, все это чистая правда. Но все это произошло потому, что городские средства были глупейшим образом переданы не армии, а флоту. Такого больше ни в коем случае нельзя допускать, иначе мы будем окончательно уничтожены! Мы должны защищать свою землю. Если бы Аттика была островом, я бы и сам выступил в поддержку Фемистокла. Но она не остров!

Фемистокл широко раскрыл глаза:

– Ну, ты наконец все сказал, юноша?

– Пожалуй, да. – Кимон снова сел. – Моя карьера еще только начинается, и я бы сам хотел успеть стать полемархом, пока не выдохся окончательно. Но я сказал то, что хотел сказать сегодня, если ты это имеешь в виду.

– Вот и прекрасно. – Фемистокл наклонился к нам; глаза его прямо-таки излучали искренность. – В таком случае позволь мне подтвердить, что ты говорил чистую правду насчет того, что я весьма скромного рода-племени.

Мой дед был рудокопом на серебряных копях, и мой отец тоже. Что же касается наук... разве не важнее то, что именно сумел постичь человек?

Каким наукам учиться, например, вы, мидийцы, Зихрун? Вот ты образованный человек, как то старательно подчеркивал мой молодой друг. Из чего, собственно, состоит образование в вашей стране?

– Из умения почитать богов, – сказал тот, кого раньше звали Эобазом. – Прежде всего – Ахура-Мазду, бога всех богов. Ну а потом – из умения скакать верхом, стрелять из лука и всегда говорить правду.

Фемистокл согласно кивал головой, словно все это уже слышал раньше.

– Вот, я бы сказал, отличное образование! Зато Кимон умеет неплохо играть на лире, да и поет хорошо. Вы его сегодня еще услышите, как мне кажется. Ну а я знаю только одно: как сделать город великим.

– Если ты говоришь о спартанцах... – начал было Эгесистрат, но Фемистокл призвал его к молчанию, подняв руку.

– Мне еще есть что сказать и о спартанцах. Однако сперва я должен убедиться, что наш друг с Востока понимает одну вещь: хоть мы и столь различны (во мнениях, в частности), но всех нас объединяет наша преданность Афинам. Ты, возможно, знаешь, у нас есть обычай подвергать остракизму политиков – а все мы здесь политики, Ксантипп, Кимон и я, – которые своими идеями могут слишком разобщить людей.

Мы отсылаем их прочь, но бесчестию не предаем, а лишь держим вдали от себя некоторое время – скажем, несколько лет. Однако во время нашествия армий Великого Царя я призвал всех, кто был подвергнут остракизму, вернуться домой и раздал им командные посты. Они отлично послужили своему городу, и я нисколько не сомневался в их преданности.

Ксантипп, Кимон, разве сегодня вы не мои единомышленники? Согласны ли вы, что сегодня все мы трудимся на благо Афин?

Оба кивнули, и Кимон ответил за всех:

– Да, согласны!

– Клянётесь ли вы хранить в строжайшей тайне все, что сегодня будет здесь сказано мною, как и я обещаю вам хранить в тайне все, что смогу узнать от вас? Клянётесь ли сделать все, что в ваших силах, для Зихруна и его помощников? Особенно для... – Фемистокл вопросительно посмотрел на Гиперида.

– Латро, – подсказал тот.

– Для Латро.

Оба снова кивнули. А Ксантипп сказал:

– Мы с вами заодно во всем, не сомневайтесь. Вот вам моя рука!

– И моя. – Фемистокл помолчал; в свежей зелени кустарников вздыхал весенний ветерок и щебетали птицы, однако кругом было так тихо, что я мог слышать, как по ту сторону

стены у дороги разговаривают о своих делах какие-то люди.

– Боюсь, большего ручательства мы тебе обеспечить не сможем, Зихрун, – сказал Фемистокл. – Но это лучше, чем слово царя. Если я лишусь своей власти – а я вскоре ее лишусь, будьте уверены, – Ксантипп или Аристид станут полемархами. Аристид сегодня не смог здесь присутствовать – его представляет Кимон. Но я клянусь, нет на земле другого такого человека, который настолько не способен был бы предать зависящего от него человека, как Аристид. У нас здесь немало благородных людей, и он среди них главный.

Заметьте, что именно я, его противник, говорю об этом⁵⁶. По-моему, он во многом заблуждается, и мне кажется, его умышленно вводят в заблуждение, а ведь всем Двенадцати богам известно, как он упрям. Но если бы гоплиты поклялись защищать тебя и действительно разразился бы бой, Аристид жизни своей не пожалел бы, чтобы спасти тебя.

– А теперь послушайте меня – все. Я не собираюсь вас запугивать – я знаю, свободных людей невозможно удержать на привязи с помощью угроз. Но если бы дело происходило в Империи или в какой-либо другой тирании, вас вполне мог-

⁵⁶ Аристид (ум. ок. 468-467 г. до н.э.) – афинский политический деятель, реформатор, один из стратегов в Марафонской битве. Являясь выразителем интересов крупных землевладельцев, выступал против проектов Фемистокла об увеличении морских сил, вследствие чего был изгнан на десять лет. После всеобщей амнистии принял участие в Саламинском сражении и битве при Платеях. В 478 до н.э. стал командующим флотом и одновременно инициатором создания Афинского морского союза. Его преемником как главы консервативной партии стал Кимон.

ли бы уже сегодня ночью задушить, дабы Зихрун был в полной безопасности. Гиперид, не говорил ли ты, что у Латро плохая память?

Гиперид кивнул:

– Он все забывает примерно через день.

– В таком случае, ему нужно научиться забывать еще быстрее. Любой из вас, кто еще помнит, как Зихруна звали раньше, должен немедленно это забыть. – Фемистокл указал на чернокожего. – Гиперид говорит, что ты не понимаешь нашего языка, но мне показалось, ты отлично понял все, что я сказал. Как имя того человека, который сидит с тобою рядом? Вон того, с бородой?

– Зихрун, – ответил чернокожий.

– Эгесистрат, зачем Гиперид посылал тебя во Фракию?

Эгесистрат живо ответил:

– Чтобы поддержать царя Котиса и его сторонников и заверить их в вечной дружбе Афин. Царь Котис, увы, ныне покинул этот мир, но его сын, любимец богов, принял от него престол и корону. А советники его сына прислали нам множество подарков в подтверждение своей доброй воли.

Фемистокл кивнул, вполне удовлетворенный.

– Ну а ты что скажешь, Латро? Зачем тебя посылали во Фракию?

Я сказал ему совершенно честно, что до сего момента и не знал, что побывал там.

– Но пусть никто из вас не забудет одно, – сказал Гипе-

рид. – Если кто-либо спросит вас об Эобазе, то все мы слышали, что его принесли в жертву Плейстору. Сами, правда, при этом не присутствовали, но, по слухам, это так и есть.

Ксантипп посмотрел на солнце – словно хотел понять, сколько осталось до заката.

– Я думаю, у нас все получится, Фемистокл, – сказал он. – Латро, а ты и твой друг знаете, каков ваш здешний статус?

Я сказал, что могу говорить только за себя, но, как мне кажется, мы считаемся иноземными гостями. Хотя знал, что никакие мы не эллины.

Глава 27

ИО ПЛАЧЕТ

Пока я писал, явился Полос, желавший побеседовать о колесницах и лошадях. Я заставил его умыться, а потом мы с ним действительно поговорили.

Ио принесла букет цветущих яблоневых веток. Еще не все бутоны распустились, сказала она, однако она отыскала несколько веток в полном цвету; а некоторые из тех, что сорвала Элата, с еще не распустившимися цветами, тут же распустились у нее в руках, что довольно странно. Я объяснил детям, что завтра мы отправляемся в Спарту вместе с Фемистоклом, отчего Ио очень опечалилась. Она говорит, спартанцы – люди жестокие и доверять им нельзя; надо сказать, что Эгесистрат говорит то же самое; так что, возможно, я правильно поступил, когда записал все, что говорилось здесь, под деревом.

Ксантипп и Гиперид объяснили нам с чернокожим, что по законам Афин мы являемся рабами Гиперида, которых он получил как военнопленных от города Коринфа. (Об этом я должен еще спросить Ио.) – Я собирался продать вас Каллос, – сказал Гиперид, – и даже написал ей расписку. За это она должна была устроить для меня и моих гостей (но коли-

чувством не превышавшим десяти человек) пять праздничных ужинов. Но поскольку устроен был только один ужин, я остался вашим прежним хозяином, ясно?

Я кивнул, чернокожий тоже.

– Я понимаю, вам неприятно быть рабами. Не могу винить вас за это – мне бы тоже не понравилось. Выработанный нами – Ксантиппом, Фемистоклом, Симоном и мною – план является, по сути дела, законным способом освобождения вас обоих. Что касается чернокожего, то с ним все просто, а вот с тобой, Латро, дело обстоит сложнее, потому что тебя требует к себе Павсаний. – Он глянул на Фемистокла в поисках подтверждения; Фемистокл кивнул. – Тебя ведь от Каллеос увели люди Павсания, понимаешь? И пока мы были в Сесте, она обратилась к нему за компенсацией и получила ее. Можно понять положение, в котором оказался регент – он честно уплатил за тебя, а достался ты нам. Он считает, что мы должны вернуть тебя ему.

От своего имени и от имени чернокожего я заверил Гиперида, что мы оба у него надолго не задержимся.

– В этом не будет необходимости. Я же сказал, что мы придумали кое-что – разве ты меня не слушал? Я узнал обо всем, стоило нам высадиться на берег, и все рассказал Ксантиппу – в том числе и о нашем путешествии во Фракию.

Ксантипп улыбнулся и промолвил:

– Видишь ли, Латро, я глубоко убежден: нужно помогать тем, кто помог тебе, а Гиперид немало мне порассказал о те-

бе и о той стычке во дворце, хотя, возможно, здесь и не к месту об этом упоминать. Я посвятил в твои дела Кимона – у него есть весьма полезные связи в Афинах. А Гиперид рассказал Фемистоклу. Ты не думай, что Павсаний – обыкновенный спартанец.

Он представитель старинного лакедемонского аристократического рода, вернее, того, что от этого рода осталось, и он человек разумный и великодушный.

Заметив, что Ксантипп сказал все, что хотел, Гиперид снова заговорил:

– Итак, что мы имеем? Я освобожу чернокожего за выкуп в две мины – и он сможет уплатить мне эти деньги, когда они у него появятся. Это справедливо?

Чернокожий поколебался было, но все же кивнул.

– А к тебе, Латро, у меня больше претензий нет. Как и у Каллеос – я говорил с ней сегодня на сей счет и даже кое-что ей заплатил. Фемистокл отправляется в Спарту, где ему хотят воздать всяческие почести за военные победы. Ты поедешь с ним. Ио тоже. В Спарте Павсаний освободит тебя и объявит периэком – то есть не полноправным спартиатом, как ты понимаешь, а иностранцем, живущим на территории Спарты, и свободным человеком. Ты станешь его подданным, конечно; он ведь регент. Но ничьим рабом ты больше не будешь.

Я спросил, дозволено ли мне будет покинуть Спарту и отправиться на поиски своей родины.

– Разумеется! – воскликнул Симон, – в любое время. Лишь "равные", то есть спартиаты, не могут покидать страну без разрешения Судей. Будучи периеком, ты сможешь не только путешествовать, но и заниматься торговлей; а если кто-нибудь где-нибудь вздумает тебя обидеть, ты имеешь полное право потребовать у Спарты защиты.

Полемарх, который наблюдал за мною, спросил, прищурившись:

– Ну что? Поедешь со мной в Спарту?

– А ты бы поехал на моем месте? – пожал я плечами.

Он на минуту задумался, потирая свой массивный подбородок, потом кивнул.

– А ты, Эгесистрат, что мне посоветуешь?

– Посоветую ехать, хоть и с неохотой. Я понимаю, ты этого не помнишь, но ты как-то зачитывал мне довольно длинный отрывок из твоего дневника. И там описывалось, как регент сказал тебе, что ты больше не будешь его рабом, а станешь его другом.

Словно тяжкое бремя свалилось с моих плеч.

– И его заверения звучали искренне, – по крайней мере, тебе так показалось, – продолжал Эгесистрат, – так что с моей стороны справедливо напомнить тебе об этом. И тем не менее я бы тебе ехать туда не советовал.

И тут мне захотелось спросить еще Ио, но мне, взрослому мужчине, советоваться с ребенком показалось стыдно. Вместо Ио я решил спросить чернокожего, и тот заговорил с Эге-

систратом.

– Семь Львов желает знать, свободен ли он теперь, – перевел Эгесистрат.

Гиперид утвердительно кивнул и сказал:

– Тебе еще нужно подписать один документ, но это простая формальность.

Чернокожий снова заговорил, и Эгесистрат перевел:

– В таком случае он советует Латро поехать, но с тем условием, что Фемистокл позволит и ему поехать с ними вместе. Позволишь, Фемистокл?

Полемарх кивнул:

– Конечно, пусть едет. Ну что, Латро, решил?

– Да, – сказал я. – Даю тебе честное слово.

Почему-то особое облегчение испытал после моих слов Кимон. Он улыбнулся и протянул мне руку.

– Итак, осталось разобраться только с Элаторой и со мной, – сказал Эгесистрат. – Ну с нами-то хлопот не будет.

Тут как раз вошел один из слуг Кимона и что-то коротко сказал своему хозяину. Тот обратился к Фемистоклу:

– Это Симонид⁵⁷ пришел. И с ним еще кое-кто. Он говорит, что они принесли все, что требовалось.

– Отлично. Завтра утром мы отправляемся в путь. Эгеси-

⁵⁷ Симонид (556–468 до н.э.) – греческий поэт с острова Кеос, который, как и его соперник Пиндар, вел кочевую жизнь, находя приют у различных местных владык и богатых аристократов. Возможно, ему принадлежит эпитафия воинам, погибшим вместе со знаменитым спартанским царем Леонидом при Фермопилах.

страт, ты, я надеюсь, понимаешь, что моя партия более не может тебя здесь использовать.

Ты был на стороне Великого Царя, так что мы сами вручим Ксантиппу и Аристиду оружие против себя. Да и вашим прежним отношениям с Гиперидом тоже пока что пришел конец.

– Я понимаю, – сказал прорицатель, – и мне очень жаль. Для меня это было большой удачей.

– И для меня тоже! – заверил его Гиперид. – И мне тоже очень жаль.

– Может быть, тебя мучают сомнения, на душе остался неприятный осадок?

– спросил Фемистокл. – Или тебе кажется, что тобой просто воспользовались?

– Нет, я вовсе так не думаю, – успокоил его Эгесистрат. – Как раз напротив.

– Гиперид сказал, что ты человек не бедный. Если он ошибся, я могу что-то придумать...

Эгесистрат только отмахнулся.

– Ты, без сомнения, можешь сказать Зихруну, что ни один эллин от денег не откажется, но у меня их действительно вполне достаточно. Мы сядем на корабль, плывущий к Закинфу, как только найдем приличное судно. На этом острове у меня есть дом. А впоследствии мы, возможно, направимся в Дельфы.

Кимон пришел поговорить со мной. Для начала он спросил у детей, как зовут мидийца. Я уже объяснил им все, так что они оба ответили: «Зихрун».

Он спросил тогда, уверены ли они в этом, и они повторили: "Зихрун", после чего он отослал их прочь, объяснив, что ему нужно поговорить со мной с глазу на глаз.

Когда они ушли, он стал благодарить меня за то, что я согласился поехать в Спарту, как того хотел регент Павсаний.

– Я бы попал в весьма неудобное положение, если бы ты отказался, – сказал он. – Мы могли бы, конечно, заставить тебя силой – на чем, собственно, настаивал Фемистокл, – однако как бы это выглядело впоследствии, тем более что я сам убеждал Павсания освободить тебя? А банда Фемистокла, вполне возможно, все обернула бы потом против меня. Если бы ему пришлось заявить, что мы попросту украли раба у такого-то гражданина, этот ненадежный торговец непременно поддерживал бы Фемистокла до конца.

Я сказал, что и в этом случае я наверняка был бы благодарен Гипериду за все сделанное им во имя моего освобождения.

– Наверное, ты прав. Однако существует и еще одна веская причина полагать, что ты уже свободный гражданин, ты это знаешь?

– Нет, – сказал я. – Однако мне очень приятно это слышать.

– Вы оба были взяты спартанцами в плен после битвы при Платеях, – пояснил он. – Никто с этим не спорит. Спартанцы передали вас в Коринф, а тамошние власти отдали вас Гипериду. Вы ведь были наемниками, верно? И ты, и чернокожий?

Я ответил, что это, по всей вероятности, так.

– Ладно. Однако вместе с вами в плен попала супружеская пара из Фив, а при тебе была еще эта маленькая рабыня из Беотии. Выходит, что тот мужчина был Пиндар, сын Пагонда, член одного из наших знатнейших семейств, который теперь стал уже широко известен как поэт. Он утверждает, что в то время, когда тебя взяли в плен, ты не находился на службе у варваров, а служил непосредственно ему как представителю Фив. Если его доводы будут приняты, нам придется отослать тебя назад в Фивы согласно условиям перемирия, навязанного нам Спартой.

Я так и подскочил. Честное слово, я даже несколько раз пробежался туда-сюда, чтобы успокоиться. Я не ощущал себя рабом даже во время нашей встречи в яблоневом саду Кимона, и теперь мои ощущения подтвердились.

– Вопрос в том, сколь сильно влияние Пиндара на фиванских олигархов и каково их желание беспокоиться из-за какого-то наемника, – продолжал Кимон. – Хотя, сколько бы они ни попросили, мы с ними не договоримся. Их город

здесь не любят, к тому же это серьезно повредило бы нашим отношениям со Спартой. При нынешнем положении дел мне удалось одержать, так сказать, небольшую дипломатическую победу. Аристид и Ксантипп это тоже признали.

Ксантипп и его сын, кстати, сегодня обедают у меня. А также Эгесистрат и его жена.

Я сказал, что очень рад этому, потому что мне очень не хочется расставаться с Эгесистратом. Я знаю, что Ио и чернокожий его любят.

– Будет там, разумеется, и Фемистокл со своей свитой. Трапеза пройдет на свежем воздухе. Я думаю, что до следующего года дождей больше не предвидится. А уже завтра ты отправишься в путь вместе с Фемистоклом.

Жаль, что и я не могу поехать с вами – мне Спарта нравится! Однако в настоящее время эта поездка, видимо, ни к чему. А тебя я хотел бы предупредить насчет Фемистокла.

Я сказал, что понимаю, сколь велика здесь власть этого человека.

– Это верно. К тому же он очень хитер. Помнишь, как он спрашивал прорицателя о том фракийском боге?

Я кивнул. Этого я еще забыть не успел.

– Его мать родом из Фракии, как и моя. Он эту страну знает вдоль и поперек. Он даже немного говорит по-фракийски и может объясниться с послами фракийских царей. Учти: если солжешь ему что-нибудь насчет Фракии, он тут же все поймет.

Похоже, сейчас было совсем неуместно объяснять Кимону, что Фракию я уже совершенно позабыл, так что я промолчал.

– И еще я хотел передать с тобой это письмо. Ты на нашем языке читать умеешь? Ты ведь хорошо говоришь по-эллински. – Я покачал головой. – Ах, не умеешь! Ну тогда я его тебе прочту сам. Это письмо одному из спартанских архонтов – его имя Киклос. – Кимон вытащил письмо из складок хитона и прочел: "Киклосу, сыну Антеса, Кимон, сын Мильтиада, шлет свой привет.

Латро, податель сего письма, достоин награды – и от тебя, и от нас.

Оберегай его от всяческих недобрых происков, мой добрый Киклос, дабы позор не пал на обе наши головы".

Я поблагодарил Кимона и попросил его приписать еще, чтобы этот архонт помог мне вернуться на родину. Кимон обещал это сделать и сказал, что позже пришлет мне новое письмо со слугой. Я собираюсь закатать его в свой первый свиток.

Вот, пожалуй, и все сколько-нибудь значительные события сегодняшнего дня, хотя могу добавить также, что поместье Кимона чрезвычайно красиво.

Дом вполне представляет собой как бы два соединенных между собой квадрата, и там очень много комнат. За конюшной расположены три больших амбара. Все службы и сам дом побелены известью и содержатся в безупречном порядке.

Сад, который я уже раньше описывал, по-моему, совершенно очарователен, но не меньшее восхищение вызывают у меня и луга, что раскинулись за садом. На густой сочной траве там резвятся веселые жеребята, почти такие же смешные и неловкие, как наш Полос. Я поговорил с работниками, разбиравшими стену вокруг поместья, и они сказали, что отец Кимона был великий человек, хотя я и так уже об этом догадался, а камни из этой стены должны отвезти на телегах в Афины и бросить в болото между Афинами и Пиреем в том месте, где Фемистокл и Кимон мечтают возвести длинную стену для защиты города. Я спросил, как же теперь Кимон намерен спастись от прохожих, желающих полакомиться его фруктами, и работники отвечали, что он ничего против этого не имеет, пусть, мол, берут.

Глава 28

МНЕМОЗИНА⁵⁸

Богиня памяти дала мне возможность пережить самое странное из тех приключений, что могут выпасть на долю человека. Я не смог сразу вспомнить все, но Симонид считает, что с помощью этого приема я навсегда запомню не только минувший день, но и многие другие.

Мы большой компанией ужинали в просторном дворе. Кимон, наш хозяин, восседал во главе стола, Фемистокл справа от него, а Ксантипп слева. Рядом с Ксантиппом сидел его сын, красивый юноша, который не снимал головного убора во время трапезы, и его наставник, Дамон⁵⁹, сварливый старикашка. Рядом с Фемистоклом сидел седобородый Симонид с острова Кеос, которого Гиперид называет величайшим из ныне живущих поэтов. Гиперид может говорить все, что ему вздумается, но я еще не забыл, что говорил мне Кимон о поэте Пиндаре, который заявляет, что я свободный

⁵⁸ Мнемозина – богиня памяти, дочь Урана и Геи, титанида. Родила от Зевса муз – девять дочерей.

⁵⁹ Дамон – греческий теоретик музыки из Афин (сер. V в. до н.э.), советник Перикла, воспитатель юношества. Изменения в манере пения он связывал с потрясением общественного порядка, поэтому отвергал музыкальные новшества.

человек. По-моему, нет лучше поэта, чем тот, кто объявляет человеку его право на свободу!

Эгесистрат устроился рядом с Симонидом, а дальше – Гиперид. Я сидел рядом с Дамоном и считал это большой неудачей, поскольку он все время брюзжал и всем без исключения возражал. (Потом-то я заметил, что возражает он лишь тем, кто что-нибудь скажет, а потому сидел и помалкивал, пребывая в полной безопасности.) Слева от меня сидел чернокожий – лучшей компании мне трудно было желать.

Эгесистрат, по-моему, вскоре увлекся разговором с поэтом, и оба почти ни на кого уже не обращали внимания, хотя довольно часто поглядывали через стол на меня. Маленький Полос помогал подавать на стол и сам ел тут же, пристроившись под ногами у гостей, но то и дело рысцой подбегал ко мне, сообщая о собственных переживаниях или спрашивая о чем-либо, что я, как ему казалось, непременно должен был знать, и вскоре все за столом стали над ним добродушно посмеиваться. А потом, поспорив с сыном Ксантиппа, они бросились вокруг стола наперегонки и налетели друг на друга, и Полос просто превратился во всеобщего любимца.

После трапезы принесли сладкоголосую лиру, как и предсказывал Фемистокл. Эгесистрат играл на ней и очень хорошо пел, после чего чернокожий стал знаками выражать мне свое восхищение и вспоминать, как мы пели когда-то вместе с женским хором. Он бил себя в грудь и потрясал воображаемым копьём, так что, по всей видимости, то был великий

день.

Симонид тоже очень хорошо играл на лире, напевая стихи собственного сочинения. Перикл⁶⁰ играл и пел почти так же хорошо, как Эгесистрат.

Дамон петь не пожелал, хотя, по словам Ксантиппа, голос у него когда-то был просто удивительный. Однако он сыграл нам на лире – играл он лучше всех. Кимон пел последним, и голос у него был замечательный. Когда он умолк, все мы стали громко восхищаться его искусством, стуча о столешницу своими чашами.

Затем слуги убрали со стола, и явились танцовщицы. Они танцевали на столе. У одной было целых пять кинжалов, и она танцевала среди них с огромным мастерством, а когда мы уже решили, что больше ничего особенного она нам не покажет, она высоко подпрыгнула внутри кружка, обозначенного остриями кинжалов, перевернулась в воздухе и приземлилась на руки. Все закричали от восторга, а она колесом прошлась по столу и скатилась на землю.

И тут Эгесистрат коснулся моего плеча, шепнув, что хотел бы поговорить со мной. Я вышел из-за стола и прошел с ним в небольшую комнатку, где уже сидел Симонид. Он спросил, помню ли я, как Кимон говорил, что именно здесь,

⁶⁰ Перикл (495-429 до н.э.) – крупнейший из афинских государственных деятелей, происходил из аристократического рода, но был демократом и проводником весьма прогрессивных идей. При Перикле Афинский морской союз превратился в морскую державу, в которой афинские граждане могли не только пользоваться преимуществами, но и активно участвовать в управлении.

в его поместье, Громовержец стал отцом всех муз. Я заверил его, что помню хорошо – Кимон рассказывал об этом как раз перед началом выступления певцов – но вот, увы, не знаю, кто такие Громовержец и музы.

– Громовержец, или Зевс, – отец богов, царь богов, – пояснил Симонид. И тут я понял, что именно этого бога мой отец называл отцом грома и молнии.

На мой вопрос, кто такие музы, Эгесистрат только отмахнулся:

– Самое главное то, что это случилось здесь – по крайней мере, если верить Кимону, именно здесь Великий бог отыскал Мнемозину, Хозяйку памяти.

Симонид у нас – софист и знаменитый профессор, не менее знаменитый, чем поэт. Ты это знал? – Я покачал головой. – Одно из искусств, которому он обучает своих слушателей, – это искусство памяти. Его собственная память, возможно, станет самым выдающимся явлением на долгие века. Говорят, он не забывает ничего.

– Что совершенно неверно, – вставил Симонид, – хотя благодаря подобной славе учеников у меня все прибавляется, и ты, Латро, тоже можешь стать одним из них. Я ведь предложил Эгесистрату всего лишь прийти сюда сегодня вечером и совершить жертвоприношение в честь Мнемозины. А потом я дам тебе урок искусства запоминания, не говоря уж о том, что я могу значительно больше поведать тебе о предстоящем путешествии в Спарту, чем другие.

Вполне возможно, что благодаря моим упражнениям ты научишься запоминать значительно больше, чем забывать. Или же, по крайней мере, перестанешь забывать так много и так быстро. Ну как, согласен?

Я с радостью согласился – денек сегодня был явно удачный, – и Эгесистрат, переговорив с Кимоном по поводу наших намерений, получил от него козленка для жертвоприношения и осла, чтобы ему ехать верхом (у него ведь только одна нога, ему ходить трудно), а также Кимон велел своему слуге проводить нас. Это место находилось совсем неподалеку, хотя нам так не показалось, потому что вскоре поля и леса, принадлежавшие Кимону, остались позади, и мы стали взбираться по извилистой тропке на каменистый холм. С уступа, где был устроен небольшой алтарь, окруженный тремя каменными глыбами, точно случайно вылезшими из земли, огромный дом Кимона казался совсем маленьким. Вокруг него вспыхивали золотистые искры света от факелов и фонарей.

Слуга принес дрова для костра и бронзовую коробку, полную углей.

Симонид произнес заклятье, а я держал козленка, пока он перерезал ему горло. Потом мы освежевали животное и бросили в огонь сердце и печень.

После жертвоприношения мы поджарили несколько кусков козлятины на углях.

– А теперь, Латро, – сказал Симонид, – скажи мне честно.

Ты действительно хочешь все помнить?

– Очень хочу, – отвечал я.

– Тогда закрой глаза. Настолько ли ты хочешь вернуть свою память, что готов немало потрудиться?

– О да! – воскликнул я.

– В таком случае ты должен представить себе огромное здание, дворец.

Сейчас мы построим его в твоих мыслях. Но не для того, чтобы просто им любоваться, как домом Кимона с холма, но для того, чтобы изучить его досконально, как могут его знать лишь сами строители. Каждый камень, каждая частичка орнамента – все это должно отчетливо запечатлеться у тебя в памяти.

Я почувствовал, как холм вздрогнул подо мною, словно на ноги поднялось существо, более огромное, чем любой дикий бык. Открыв глаза, я увидел женщину-великаншу, раза в два выше самого высокого из мужчин; она поднималась из узкой глубокой расселины, которая, по-моему, была для нее мала. Ее длинные светлые волосы были заплетены в косы – каждая толщиной с мою руку – и в косы вплетены разноцветные нити с нанизанными на них самоцветами. Лицо ее было искажено горем, взгляд был какой-то потусторонний.

– Нет, Латро, – сказал Симонид, – я хочу, чтобы ты не открывал пока глаз.

Чувствуя уверенность, что эта великанша не причинит нам вреда, я его послушался.

– Итак, сперва представь себе дворец, который собрался строить, – продолжал Симонид. – Представь хорошенько! Думай о нем. – Он довольно долго молчал, потом спросил:

– Ну, представил?

Я кивнул.

– Опиши его мне.

– Он стоит там, где начинается пустыня, – начал я. – За последними возделанными полями.

– Смотри на север, – подсказал он мне. – Что ты там видишь?

– Пустыню. Желтый песок и красные камни.

– И все? А на линии горизонта?

– Там невысокая гряда скал. Она кажется более темной, чем камни рядом со мной.

– Очень хорошо. Итак, сейчас ты стоишь лицом к северу, верно? Я ведь именно туда просил тебя смотреть?

Я кивнул.

– Поскольку ты стоишь лицом к северу, восток у тебя справа; повернись туда и скажи мне, что ты видишь.

– Там тоже пустыня. Каменистые холмы вроде того, на который мы только что взобрались, и они становятся все выше и выше. Меж ними проглядывает солнце.

– Отлично! Поскольку ты стоишь лицом к северу, юг находится у тебя за спиной. Посмотри на юг через плечо и скажи мне, что там.

– Там песок, – сказал я. – Желтый песок, он лежит волна-

ми, точно в море. Человек ведет трех верблюдов, но только они очень далеко.

– Все лучше и лучше. А теперь посмотри на запад, то есть налево.

Я так и поступил.

– Там поля, на которых растут ячмень и просо, – сказал я. – А еще виднеются глинобитные хижины крестьян. Дальше блестит река, а за рекой садится солнце.

– Сколько хижин ты видишь?

Я видел четыре, так ему и сказал.

– Как по-твоему, в этих хижинах живут люди?

– Да, – отвечал я. – Там живут со своими семьями те, кто трудится на этих полях.

– Хорошо. Возможно, мы встретим кого-то из этих людей, проходя мимо. А теперь посмотри на то место, где должен будет стоять твой дворец. Что ты сделаешь в первую очередь, начав его строить?

– Уберу весь этот песок, – сказал я, – чтобы дворец строить на скале.

– Неплохо! Вот и уберем. Я уже послал тысячу человек с заступами и корзинами. Смотри, они убрали весь песок. Видишь голый камень?

Я кивнул.

– Голый камень должен занимать очень большую площадь – до тех темных холмов, которые ты видел. Ну как?

– Да, тут везде сплошной камень, – сказал я и почувство-

вал на лице своем дыхание теплого ветра. Странно, как это можно было сделать такую огромную работу столь быстро?

– А теперь ты должен заложить фундамент из грубых тяжелых кусков гранита. Но учти, глыбы должны лечь вприкуру. Ну, клади же! Достаточную ли площадь занимает фундамент?

– Да, очень большую.

– В таком случае пора настилать полы. Полы пусть будут из полированного мрамора, белого, с черными или коричневыми прожилками. На каждой плите своя глиптика⁶¹, однако рисунок нигде не повторяется. На первых четырех вырезан круг, треугольник, квадрат и крест. Видишь?

Я снова кивнул.

– А дальше еще много, очень много других фигур и рисунков. На одних плитах головы животных. На других они изображены целиком. Некоторые глиптики напоминают следы людей или птиц, а есть похожие на листья. Там множество прямых линий, но не меньше и извилистых или округлых. Походи по этим плитам не торопясь – долго изучая каждый рисунок. Обнаружил ли ты хотя бы два одинаковых?

– Нет, – сказал я.

– А вот это очень хорошо! Так, теперь подойдем к дворцу поближе, но для этого нужно сперва из него выйти. Посмотри-ка на запад. Ты все еще видишь там реку? Широкая ли

⁶¹ Глиптика – искусство художественной или ремесленной обработки камней и стекла. Важнейшие виды глиптики – геммы и камеи.

это река?

– Очень широкая. Я еле-еле могу различить деревья на том берегу.

– Хорошо. Теперь, пожалуйста, ступай на запад, к реке. Все время иди прямо, пока вода не лизнет твои ступни. Травянистый ли берег у этой реки?

Берег был вовсе не травянистый, а покрытый толстым слоем черной грязи.

– Так, хорошо. Теперь повернись лицом к востоку, подними лицо и посмотри на свой дворец. Достаточно ли он высок?

Да, он был высок! И украшен сотней легких арок и воздушных галерей. И многочисленными рядами колонн, и каждый следующий ряд колонн своими резными капителями возвышался над предыдущим...

– Ступай к нему. А теперь остановись и посмотри налево и направо. Что ты видишь?

Вокруг расстились поля пшеницы, трепещущей на ветру.

– А перед тобой что?

Передо мной была аллея, по обе стороны которой возвышались статуи.

– Что это за статуи? Опиши их.

То были львы с лицами мужчин.

– Нет. Такова только одна статуя, самая ближайшая – это тебя сбило.

Смотри внимательно: все остальные чем-то отличаются друг от друга. Опиши мне статую, которая обращена лицом к той, которую ты только что назвал.

Это была крылатая львица с головой и грудью женщины.

– Правильно. Сделай два-три шага вперед и скажи, что за статуя стоит за этой львицей с женской головой.

Я сделал, как он велел. Там оказался крылатый бык с головой бородатого мужчины. Напротив него стояло изваяние могучего человека с головой быка.

– Хорошо.

Мне казалось, что я слышу голос Симонида в столах ветра; на мгновение мне почудилось, что он не рядом со мной, а на севере, за морем, хотя я прекрасно понимал, где он на самом деле. Мне показалось даже, что он, возможно, умер, а я слышу лишь дух его, который неведомым образом вырвался из гробницы и теперь никак не может отыскать вход в нее.

– Теперь смотри на того льва с лицом мужчины. Внимательно смотри. Он будет хранителем твоего имени. Этот камень мягок. Вынь свой нож и вырежь на этой статуе свое имя, Латро – ну да, прямо на правой передней лапе.

Я поступил так, как мне было ведено, хоть и казалось, что вот-вот явится стража и убьет меня на месте за осквернение такой красоты.

Старательно вырезывая каждую букву, я сгорал от любопытства: как же все-таки сумел я из Эллады добраться до этого дворца? Неужели это было так давно – я отлично по-

ужинал вместе с остальными, послушал музыку, а потом полез на вершину холма... А дальше? Все терялось в тумане...

– Повернись и смотри прямо на львицу с головой женщины и женской грудью...

Я повиновался. Статуя шевельнулась, поднялась и расправила могучие пернатые крылья, размерами превосходящие паруса любой триремы.

– Ты, конечно, узнаешь меня, Латро? – Точно огромная кошка промурлыкала. Я покачал головой. – Я твоя мать и мать твоей матери. Для меня и благодаря мне ты выкрал коней Гелиоса, чтобы их можно было вернуть ему же. И это я спрашивала, кто ходит утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех. И все, кто не мог ответить мне, вечером умирали.

Глава 29

ДВОРЦОВЫЕ СТЕНЫ

Тысячи колонн, великое множество статуй на аллее и картин на стенах – я как бы до сих пор брожу среди всего этого. Никогда и ничего в своей жизни я не помнил так живо! Так я и сказал Симониду, когда он некоторое время назад спросил меня об этом. Я был занят своими записями. Он задал мне несколько пустяковых вопросов, по большей части я на них ответил, но на некоторые не смог. В целом, похоже, он остался мною доволен.

Сказать по правде, я боялся, что забуду этот дворец, когда он прервал меня; однако, как ни странно, не забыл. А потому могу потратить несколько минут на то, чтобы описать сегодняшнее чудесное утро. Эгесистрат, его жена и мидиец Зихрун недавно отправились в путь. Чернокожий, я, Кимон, Гиперид, Ио и другие тоже прошли с ними вместе несколько стадий по дороге и попрощались. На обратном пути Ио и мальчишки шли позади остальных, и я, заметив, что Ио хочет поговорить со мной, чуть отстал и пошел рядом с нею.

– Господин мой, – сказала Ио, – ты, возможно, уже написал об этом в своей книге, но, может быть, тебе стоило бы снова и снова записывать то, чему учит тебя тот старик?

Вдруг он на самом деле поможет тебе восстановить память?

Я ответил, что, конечно же, постараюсь последовать ее совету.

– Все мы были во Фракии – я знаю, ты этого не помнишь, но это правда. И в священной пещере богини Котис была ее большая разрисованная статуя – она потом еще сгорела, к вечеру, в тот же день. И пещера эта была окружена множеством фракийцев, и ты охранял вход в пещеру. Вдруг ты сказал мне, что слышишь снаружи лай собак, и Эгесистрат вышел посмотреть, а фракийцы даже не попытались его остановить. Мы с тобой и с чернокожим говорили об этом, но так ни к какому выводу и не пришли. Не знаю, спрашивали ли ты его об этом потом.

– Нет, ни он меня, ни я его, – сказал я.

– Я так и думала, но мне казалось, я должна напомнить тебе об этом. Ты вчера слышал ночью собак?

Я не слышал и отрицательно покачал головой.

– А я слышала, вот и подумала, что тебе нужно об этом знать и записать это в своем дневнике – просто на всякий случай. Вдруг ты снова встретишься с Эгесистратом, а меня рядом не будет.

– Разве ты не пойдешь со мной в Спарту? – спросил я. Она ответила, что пойдет, только эти спартанцы – люди очень неприятные.

Я никак не мог вспомнить, как зовут того мальчика, что повыше;

Полоса-то я помнил. После позднего ужина я спросил у Полоса, пойдет ли он с Ио и со мной. Он кивнул, второй мальчик, постарше, тоже кивнул.

* * *

У нас есть тележка, запряженная мулами, на которой везут наши припасы.

Мой сундучок тоже едет на ней, а также вещи Ио. Повозкой правит Симонид, поскольку он слишком стар, чтобы делать такие длинные пешие переходы.

Фемистокл говорит, что любой из нас, если устанет, может тоже сесть на тележку и отдохнуть немного, но она ужасно качается и трясется. Только мальчик-мидиец немного проехал на ней сегодня утром; Ио и Полос шли рядом со мной. Сейчас мы остановились в одной деревушке, чтобы позавтракать.

Должен сказать, что с нами идут также два раба Фемистокла – их зовут Диаллос и Тиллон. Я опоясался мечом, хотя шлем и прочие доспехи едут на тележке. Фемистокл говорит, что дорога будет относительно безопасной, пока мы не доберемся до Аркадии.

Я только что перечитал то, что написал с утра. Теперь нужно закончить сегодняшние записи, однако из головы у меня не идет та женщина-львица.

Вряд ли я когда-нибудь сумею забыть ее.

Когда она задала мне свой вопрос, я вспомнил Эгесистрата и то, как он то ездил на ослике, то ходил, опираясь на костыль. Так что я ответил:

– Это путешественник, Гея. Когда он начинает свой путь, то едет на коне, но потом конь умирает, или его крадут, или его приходится продать, чтобы купить себе еду. Вот путнику и приходится идти пешком, а к вечеру он натирает себе мозоли, начинает хромать и еле тащится по дороге, опираясь на палку.

Она улыбнулась и соскочила со своего пьедестала, встав рядом со мной.

– Это хороший ответ, – сказала она, – хотя тебе-то самому хромоты недостает. Я всегда думала, что этому, с опухшими ногами⁶², помогла именно хромота. – Несмотря на то, что

⁶² Эдип (лат. «с опухшими ногами») – сын фиванского царя Лая и Иокасты. Дельфийский оракул предсказал, что он станет убийцей своего отца и супругом матери, поэтому он с проколотыми сухожилиями на ногах был брошен на съедение диким зверям. Найденный пастухом, ребенок попал к бездетному царю Коринфа Полибу, который назвал мальчика Эдип («с опухшими ногами») и воспитал его как родного сына.

богиня стояла на четвереньках, а я – выпрямившись во весь рост, она все равно возвышалась надо мною и смотрела на меня сверху вниз, словно и не слезала с пьедестала.

Я спросил, правилен ли мой ответ.

Гея лишь знаком велела мне последовать за нею, дабы показать мне дворец.

– Бедняжка Мнемозина – одна из моих дочерей, – сказала она. – Ей-то жертвоприношения делают нечасто.

Я спросил, кто такой этот человек с опухшими ногами.

– Он был слишком хорош для своей семьи, и отец изуродовал ему ноги еще во младенчестве; он и взрослым немного прихрамывал. И все же это был замечательный боец, вроде тебя. Сказать тебе, какой ответ дал он?

– Прошу тебя, мне это очень интересно.

– Он сказал, что это человек, простой смертный, который на заре своей жизни ползает на четвереньках, к полудню ходит прямо, и наконец – как и в твоём примере – опирается на палку. Если когда-нибудь будешь в Фивах, они тебе расскажут, что я пришла в отчаяние от того, что моя загадка разгадана, бросилась со стены крепости и погибла, разбившись о камни.

По-моему, нельзя не заметить, что я крылата. – Она засмеялась.

Я предположил, что вряд ли такую причину кто-то может счесть основанием для самоубийства. Беседуя, мы шли по аллее, с обеих сторон украшенной статуями – их там было

множество, и все совершенно разные. Вскоре мы подошли к величественным дверям дворца, которые уже громоздились над нами.

– А истина заключается в том, что я вернулась в свою стихию. Разве ты ничуть не испугался, узнав, что Земля крылата? Меня не так часто считают божеством воздуха, как и Хозяйку Афин.

– Нет, – отвечал я, – софисты считают, что земля – это сфера. – Я помолчал, надеясь, что она либо подтвердит это, либо опровергнет, но она не сделала ни того, ни другого. – Сфера – это всего лишь идеальная форма, по крайней мере, так мне говорили Эгесистрат и Симонид. В иных странах люди считают, что земля плоская и плавает в бескрайнем море, или же говорят, что ее поддерживает на спине гигантская черепаха.

– Продолжай, – велела она.

– Я не решаюсь делиться сплетнями с той, кому ведома истина.

Гея посмотрела на меня, и, хотя лицо ее было женским, глаза явно принадлежали львице.

– Ничего, она с удовольствием послушает, что ты ей расскажешь.

– Как тебе будет угодно. Довольно скоро можно убедиться, что подобные объяснения отнюдь не помогают решить этот вопрос. Если руками разбрызгивать воду, она все равно в воздухе не останется и будет падать на землю. Точно так

же моря не могут существовать сами по себе, они должны существовать на чем-то. Кроме того, человек, плавающий в море, обнаруживает под морскими глубинами дно. Правда, порой до него обычному человеку не достать, так оно глубоко; но особенно искусные ныряльщики добираются и туда, а стало быть, дно есть и там. А дно – это земля. Таким образом, очевидно, что море покоится как бы в гигантской чаше, и самое глубокое место – посредине; дно, скорее всего, есть и там, даже если ныряльщикам до него не достать. Да и кроме того, чашу, в которой нет дна, вряд ли можно было бы наполнить водой.

– Продолжай, – снова сказала она.

– Если я буду продолжать, Гея, ты скажешь мне, в чем смысл твоей загадки?

– Нет, ты сам скажешь мне это. Но продолжай.

– Если смотреть вечером на солнце, видно, что оно с той же скоростью склоняется к закату, как и в полдень приближалось к зениту, вынырнув из-за восточного края неба. В таком случае, где же оно останавливается?

Очевидно, оно и не останавливается вовсе, но вращается и вращается по кругу без остановки, подобно луне и звездам, о которых можно сказать абсолютно то же самое. Если бы то, предполагаемое, море, в котором плавает земля, существовало, солнце, луна и звезды погрузились бы туда, и свет их тогда померк бы, но ведь этого не происходит! А стало быть, не существует и предполагаемого моря, на поверхности ко-

того якобы плавают земля. А те моря, по которым плаваем на своих кораблях мы, покоятся на земле.

Как я уже говорил, вода всегда падает на землю. А что не падает? Птицы, разумеется! Иначе их всех перебыют. Если вспугнуть из кустов птицу, она, если захочет, пересядет на другой куст – или не пересядет. Любому человеку известно, что орлам и коршунам нет необходимости часто садиться на землю – разве что поесть или попить; вот они и кружат на своих огромных крыльях в вышине без малейших, казалось бы, усилий. Но что же поддерживает в воздухе землю? А что поддерживает этих птиц? Значит, и у земли тоже есть крылья? А богиня Гея крылата.

– Недурно аргументировано, – сказала она. И молчала все время, пока мы поднимались по лестнице, ведущей к парадному входу. Наконец она спросила:

– А почему, как ты думаешь, по слухам, я пожираю тех, кто не может ответить на мой вопрос?

Я осмелился выразить ту мысль, что в итоге земля поглощает вообще всех людей.

– Но не тех, кто понимает мой вопрос, Латро. Разве тот путник, о котором ты говорил, совершал странствие не по жизненному пути? Скажи "да", иначе я и тебя в конце концов съем.

– Да, – сказал я, поднимаясь рядом с нею по ступеням.

– Поясни.

– На заре своей жизни, – начал я, – человек ходит на че-

тырех ногах, потому что как бы сидит верхом на плечах своих родителей. К полудню эта поддержка исчезает, и человек должен ходить самостоятельно. А когда наступает вечер его жизни, он может ходить с высоко поднятой головой, лишь опираясь на воспоминания о том, каким он был когда-то.

Когда я произносил последнее слово, огромные крылья Геи с шумом захлопали у меня за спиной, и меня закрутил порыв очень сильного ветра. А когда я обернулся, она уже была очень высоко над землей и поднималась все выше, а я смотрел ей вслед с разинутым ртом, пока она не стала казаться всего лишь песчинкой на фоне бескрайнего лазурного небосвода, которая должна была вот-вот совсем исчезнуть. Однако она снова спустилась с небес и уселась на самой высокой точке дворцовой стены, где и застыла в неподвижности, снова показавшись мне просто статуей, вырезанной из красноватого песчаника.

В одиночестве, потрясенный до глубины души, вошел я в огромный дворец.

Залы в нем были поистине роскошны, однако заполнены главным образом светом и воздухом. Бродя из одного в другой и встречая то покрытую красной глазурью дивную вазу с изображенными на ней черными фигурами сатиров, то жука из радужной эмали, катящего огромное золотистое солнце куда-то в угол, я все пытался разгадать смысл загадки Геи. Почему она загадала ее этому Эдипу? И почему – мне? Почему она сперва взялась показать мне этот дворец памяти,

но у самого входа бросила меня одного и исчезла?

Пройдя сквозь множество пустых комнат, я набрел на статую обнаженной молодой женщины, танцующей среди кинжалов; ее мраморные члены были так изящны, что я даже не решился их коснуться, опасаясь, что она может упасть. А когда все же тронул, статуэтка действительно упала и с грохотом разлетелась на куски по украшенному множеством глиптик полу.

Я поднял глаза и... обнаружил, что смотрю в морщинистое лицо Симонида.

Его рука лежала у меня на плече. Он спрашивал, хорошо ли я себя чувствую.

Я сперва лишь молча кивнул, потом извинился и пояснил:
– Какой странный сон мне приснился!

На самом же деле тот дворец среди пустыни казался мне куда более реальным, чем окружавшая меня ветреная ночь или вершина каменистого холма, на которой мы сидели у священного огня. Эгесистрат и Симонид тут же заставили меня пересказать мой сон, и я повиновался.

Вот и все. Но сегодня утром изящная молодая женщина, имени которой Ио мне раньше, по-моему, не называла, отвела меня в сторонку и сказала, что я всю ночь ей снился. Я был польщен (на что, собственно, она и рассчитывала) и попросил ее рассказать, что же ей снилось.

– Я танцевала в каком-то пустом зале, – сказала она, – и у меня был один-единственный зритель: ты. Под конец танца,

когда я встаю на одну руку, вся окруженная острыми кинжалами, ты толкнул меня, я упала на один из них и умерла.

Я дал ей честное слово, что никогда бы не сделал ничего подобного.

Девушку зовут Анисия.

Сегодня по дороге я рассказал Ио свой сон – хотя о танцовщице не упомянул. Ио пришла в страшное возбуждение – главным образом (как мне кажется) потому, что я все так хорошо все запомнил. Она спросила, что сказал мне об этом Эгесистрат, однако же на самом деле он-то как раз почти ничего и не сказал.

Я не стал говорить об этом Ио и, наверное, не скажу. Но когда я писал о своем сне, я еще подумал о другом ответе на загадку Геи, и, возможно, этот второй ответ значительно более близок к истине (на мой взгляд, по крайней мере). Он заключается в следующем: молодой человек, вроде меня, пускается в путь по жизни как бы всегда верхом, вечно спеша вперед. Становясь старше, он начинает понимать, что это всего лишь путь к могиле, и замедляет ход, поглядывая по сторонам. Когда же он стар, он, вполне возможно, берет в руки свинцовую палочку – стиль – и начинает писать о том, что повидал; если это так, то земля поглощает его не целиком, а лишь его тело, ибо, он хоть и мертв, но все еще говорит с живыми. В точности как та тень Симонида говорила со мною у стен огромного дворца моей памяти среди пустыни.

Когда живой Симонид говорил со мной сегодня утром пе-

ред домом Кимона, то в первую очередь спросил о статуях. Я описал ему статую Геи, но, когда он спросил, что все это означает, я ничего сказать не мог. Он сказал, что своим пернатым обличем она давала мне понять, что мысли мои совершенно перепутаются, если я не сумею передоверить каждую из них некоему конкретному образу (как бы под охрану этого образа), и все эти реальные образы будут находиться внутри дворца моей памяти или рядом с ним.

* * *

Мы остановились здесь, чтобы поужинать и переночевать. Мне предоставилась возможность перечесать все то, что я записал в течение трех последних дней – о торжественном обеде в доме Кимона и о нашем жертвоприношении в честь Мнемозины. Далее я не помнил ничего; и все же память о том дворце все еще жива, даже более жива, чем память о том доме, где я родился. Я ясно вижу перед собой льва с лицом мужчины, на передней лапе которого вырезано «Латро», и пустой теперь пьедестал, на котором прежде сидела львица-Гея, и огромные двери, ведущие во дворец, и странные пустые комнаты, и все остальное. Вот было бы удивительно, если б человек способен был помнить только свои сны! Хотя я-то способен помнить только один сон. Вот этот.

Глава 30

КОРИНФ

Этот город, по словам Ио, – самый красивый во всей Элладе. Симонид подтвердил это, когда мы сидели и пили вино вместе с Адемантом и его сыновьями. Фемистокл засмеялся и сказал Адеманту, что когда Симонид жил у него в доме, в Афинах, то говорил о жителях Коринфа чаще всего гадости, усматривая лишь проявление алчности в том, что этот город так богат прекрасными мраморными зданиями, серебром и золотом, считая, что остальные зря им восхищаются.

– И все же, – закончил Фемистокл, – наш Симонид, который не выносит чужих богатых и красивых городов, позировал Полигноту⁶³, желая навеки запечатлеть свое безобразное, старое лицо.

Симонид смеялся так же громко, как и все остальные.

– Я поступил всего лишь в соответствии с той мудростью, которой давно уже учу других, – сказал он. – Все вы, я полагаю, согласитесь, что, при всех прочих равных, более краси-

⁶³ Полигнот – греческий живописец 1-й половины V в. до н.э. За свои заслуги получил афинское гражданство. По мнению многих, совершил переворот в живописи, хотя его палитра была ограничена всего четырьмя красками. По сравнению с картинами Полигнота все созданное до него кажется несовершенным.

вый человек получает большую поддержку и больше голосов в Собрании. – Все согласно закивали. – Ну что ж, хорошо. А из этого следует, что самый красивый город также получит больше всего поддержки от остальных городов союза – при прочих равных. А поскольку Коринф – соперник родного города моего друга Фемистокла и я никак не могу умалить славу его широких улиц и великолепных зданий, то я критикую нравы и мораль его обитателей. И это я могу делать с чистой совестью – хоть я и знаю о них очень мало. Впрочем, нравы и мораль повсюду стали поистине ужасны. Что же касается моей безобразной физиономии, то с ней я ничего не могу поделать. Однако в будущем обо мне будут судить не по воспоминаниям о том, каков я был в действительности, а по искусно сделанному портрету. К тому же через полсотни лет все будут считать меня одной из центральных фигур своего времени.

Адемант командовал флотом Коринфа во время битвы при Саламине. Именно он вышел навстречу кораблям из Египта, по всеобщему мнению, лучшим во флоте Великого Царя. На стенах у него в доме висят щиты и оружие, а также – носовые украшения с тех кораблей, которые он уничтожил. Украшения подбирали его матросы, а он раздаривал их своим капитанам. Остальные же оставил себе.

Поскольку и это оружие, и эти носовые украшения казались мне знакомы, я спросил Ио, не бывали ли мы когда-нибудь в Египте; она сказала, что нет.

Адемант сказал, что сам он тоже никогда не бывал там, однако, по его словам, не стоит так уж завидовать Великому Царю, владевшему этой богатой страной, хотя она действительно старейшая из стран мира и наиболее почитаемая.

– Люди, которые так яростно сражались за царя-иноземца, будут еще более яростно сражаться против него, – сказал он нам. – После битвы при Марафоне целый народ восстал против мидийцев, как вы помните. И снова восстанет.

Если душа у египтянина столь же черна и крива, как их хитрое оружие и диковинные раскрашенные щиты, то Адемант, по-моему, говорит сущую правду.

Это подтверждает и чернокожий, если я правильно понимаю его жесты, давая понять, что его народ долгое время оказывал на Речную страну существенное влияние, однако относительно недавно египтяне оттеснили чернокожих на их прежнюю территорию. Он говорит, что не раз бывал в Египте еще до нашего с ним знакомства и там очень хорошо и красиво.

Сегодня будут играть спектакль. Все мы, даже Ио, пойдем в театр.

С Фемистоклом пришел поговорить какой-то однорукий человек.

* * *

Ио предупредила меня насчет этого однорукого: я специ-

ально прервал свои записи, чтобы выслушать ее. Его зовут Паси крат. Он дрался со мной в Трое, и это я отрубил ему руку. Я попытался объяснить ей, что война есть война и воин редко по-настоящему ненавидит своего противника и после окончания боя даже рад присесть и покалякать с ним о том о сем.

И тут как раз к нам присоединились этот однорукий, Симионид и маленький Полос. Вряд ли стоит его описывать – по моему, я уже делал это раньше. Да и по отрубленной мною же чуть повыше запястья руке запомнить его несложно.

Он поразительно красив – настоящей эллинской красотой. Глаза смелые и умные. Он примерно на полголовы ниже меня; но если он действительно так быстр и силен, как кажется с виду, то был, должно быть, весьма опасным противником.

– Добрый вечер, Латро, – сказал он и обнял меня, как я обнял бы чернокожего. – Я знаю, ты меня не помнишь, но мы с тобой старые знакомые; и старинные противники.

Я выразил надежду, что он, как и я, постарается забыть наши былые разногласия.

Он рассмеялся и продемонстрировал левую культю:

– Ну, мне-то забыть довольно трудно! Хотя теперь ты один из нас и в бою моя жизнь, возможно, будет зависеть именно от тебя и твоего доброго ко мне отношения, я, пожалуй, все же прощу тебя. Честно!

Мне очень хотелось узнать о том нашем поединке, но я

не стал его расспрашивать, опасаясь разбудить былую враждебность.

– Значит, ты направляешься в Спарту? То есть намерен принять предложение Павсания?

Я знал, что мы направляемся в Спарту, а потому ответил.

– Это я решу, когда мы туда доберемся.

– Он хочет, чтобы ты участвовал в Играх – тебе об этом уже сказали?

Пасикрат на минутку вышел и принес табуреты для Симонида и для себя.

Усадив сперва старика, он уселся сам.

При упоминании об Играх Ио замотала головой, так что я ответил:

– Нет, об Играх я ничего не знаю. Это значит, что мне придется с кем-то бороться?

– Именно. Драться на кулаках, бороться, участвовать в панкратионе – ведь ты силен именно в этих видах спорта? Так я ему и сказал! А также ты вполне годишься для соревнований по спортивной ходьбе или по бегу, только в Дельфах вряд ли выиграешь, даже если Павсаний на это и надеется.

– В Дельфах? – переспросила Ио. – Так мы потом туда направимся?

Пасикрат кивнул:

– Если твой хозяин согласится с пожеланиями регента.

– Это большие Игры в честь Губителя⁶⁴, – сказала мне

⁶⁴ Пифийские игры (с VI в. до н.э.) устраивались на третье лето после каждой

Ио. – Их устраивают раз в четыре года. И всегда через два года после очередных Олимпийских игр. А девушкам разрешается быть в числе зрителей, пока они не выйдут замуж. Я правильно объясняю, Симонид?

Старый софист улыбнулся и кивнул.

– Это была бы большая честь для тебя, Латро, – сказал он. – Возможно, ты никогда не забыл бы этого.

– Я никогда не бывала в Дельфах, – сказала Ио. И прибавила:

– Но я бы очень хотела побывать там!

– Ну так мы и побываем, – пообещал я ей.

Пасикрат и Симонид вскоре оставили нас, чтобы подготовиться к походу в театр. Пасикрат не имел при себе ни соответствующей одежды, ни сандалий, и Симонид намеревался одолжить ему кое-что, хоть и предупредил, что они вряд ли соответствуют коринфской моде.

– Он, похоже, неплохой человек, – сказал я Ио, когда они ушли. – Но, по-моему, он меня ненавидит.

– Так и есть, – сказала Ио. – Нам придется быть предельно осторожными с ним. И тебе тоже, Полос. Он из тех, кому очень нравятся мальчишки.

– Значит, это ты отрубил ему руку своим мечом? – спросил Полос.

Я тут же спросил у Ио:

олимпиады на Криссейской равнине близ Дельфов в честь Аполлона. Призом был лавровый венок.

– Кстати, как это случилось?

– Ну, меня там не было, – начала она, – но Пасикрат вроде бы попытался тебя ударить кнутом, заявляя, что ты всего лишь раб регента. Ты ранил дротиком одного из его слуг, а потом, должно быть, схватился с ним самим и насквозь разрубил ему щит своей Фалькатой; меч, пройдя сквозь щит, и отсек ему кисть. Он ужасно закричал – именно в этот момент я и догадалась, что в шатре происходит что-то неладное. Помимо рабов, в лагере была еще сотня отборных спартанцев, и все они тут же примчались на помощь Пасикрату, но ты убежал. И больше я тебя не видела до тех пор, когда мы с Дракайной пробирались вдоль крепостной стены, а ты выбежал прямо на нас. Ну а потом всех нас забрали в город, и все получилось так, как мы хотели.

Пока она это рассказывала, неслышно вошел мальчик-мидиец, и я сказал, что они с Полосом вполне могли бы сесть на те табуреты, которые принес Пасикрат.

У Полоса от изумления глаза стали совсем круглыми, но Ио сказала ему:

– Не думай, то, что видит Латро, самое что ни на есть настоящее! Что бы там ни было. Если он этого коснется, мы тоже это увидим.

– Я его и так уже немножко вижу, – сказал Полос. – Но я вовсе не хочу видеть более отчетливо!

Я спросил Ио, о чем это они, но тут заговорил мальчик-мидиец и, по-моему, проявил невоспитанность, по-

сколько он заговорил одновременно с Ио и без спросу.

– В этом доме живет так много людей. А ты с ними знаком?

Я сказал, что меня представили нашему хозяину и его сыновьям, а также я видел некоторых его слуг.

– Воинов Кемета «Египта», они очень злые. – Мидиец повернулся на каблуках и вышел.

Полос, явно почувствовав облегчение, сел.

– У него тоже неважно с памятью – все никак не может запомнить, что уже умер. Наверное, здесь у него мысли всегда путаются.

Я спросил, где находится этот Кемет, но никто из них не знал. Нужно не забыть и спросить об этом Симонида.

– А что, надо быть очень сильным, чтобы рубиться на мечах? – спросил Полос.

Я ответил, что, разумеется, хорошо быть сильным, но еще важнее ловкость и быстрота реакции.

– А если самый сильный мужчина окажется и самым ловким, он всегда побеждает?

– Или женщина, Полос! – с упреком сказала Ио. – Вспомни амазонок. У меня тоже есть меч, и я уже один раз убила.

– Нет, – ответил я Полосу. – Нет, не всегда.

– А кто же тогда? И как это Ио могла убить человека? Она только что сказала...

Я немного подумал, понимая, что именно должен сказать, но не зная, как выразиться яснее. Из-за окна донеслось пе-

ние многоствольной флейты-сиринги⁶⁵, и я выглянул наружу; по улице шли три маленьких мальчика, один из них перебирал отверстия сиринги, и все трое танцевали. Несколько почтенного вида горожан остановились и стали смеяться и подшучивать над детьми.

– Посмотрите, – сказал я Полосу и Ио. – Видите этих мальчиков?

– Они играют в Пана и сатиров, – сказала Ио. – Мы тоже в Фивах часто в это играли.

– Пожалуйста, последите за ними. Считайте, что это не дети, а взрослые мужчины и что они дерутся на мечах, а не танцуют. Ясно вам? – Оба кивнули.

– Посмотрите, как они двигаются. Поединок на мечах – это тоже своего рода танец, даже если соперники сражаются верхом на лошадях. Смотрите на них внимательно – который же победит?

– Тот, что с сирингой, – сказала Ио, и Полос поддержал ее.

– Почему? – спросил я.

– Потому что он лучше всех танцует, – сказал Полос.

– Верно. А почему он лучше всех танцует?

Они молча уставились на меня, не зная, как обосновать свой ответ, и я велел им принести три палки длиной примерно с мою руку до плеча.

⁶⁵ Сиринга – многоствольная флейта, составленная из пяти, семи или девяти стволов различной длины. Излюбленный инструмент пастухов и крестьян. Сирингой, сделанной с помощью воска из нескольких камышовых трубочек, пользовался также бог Пан (флейта Пана).

Когда они вернулись, я показал им, как держать палки (точнее, мечи) – чтобы сверху всегда был большой палец.

– Боевой топор – тоже очень хорошее оружие, – сказал я, – но меч все-таки лучше. Если держать меч, как топор, то будешь только рубить, а мечом можно еще и резать, и колоть – ты должен быть мясником, ловко разделяющим тушу, а не лесорубом, который валит деревья. Ну, неужели никто из вас так и не догадался, почему мальчик с сирингой танцует лучше всех?

– Я понял! – сказал Полос. – Потому что у него свирель.

Ио кивнула:

– Ну да, он знал заранее, что именно будет играть и под какую музыку будет двигаться; а остальным пришлось принаравливаться к нему.

– Правильно. Такой человек и в поединке всегда побеждает, – сказал я. – Так, теперь возьмите оба что-нибудь в левую руку – всегда лучше драться, если у тебя что-то есть в левой руке. Лучше всего иметь щит; но если нет щита, сойдет все что угодно – нож, например, или даже второй меч.

Ио взяла свой плащ и намотала его на левую руку.

– Ты так иногда делал во Фракии, господин мой, – сказала она. – Несколько раз плащ прорубали, и мне приходилось зашивать его, зато клинок ни разу не поранил тебе руку.

– Но если б я невольно положил руку на что-нибудь твердое, например, на подоконник, любой меч тут же рассек бы и плащ, и руку до кости, – объяснил я ей. – Однако во вре-

мя боя такая возможность крайне редка; впрочем, Фальката, наверное, и на весу способна нанести подобный удар. Кстати, вот почему всегда нужно стараться иметь самый лучший и самый острый меч. И всегда держать его в полном порядке. А тебе, Ио, нужно свесить часть плаща – пусть мелькает перед глазами у противника, отвлекая его.

– А у меня нет плаща, – сказал Полос. – Наверно, мне нужно купить?

– Да, завтра купишь. Но вовсе не по этой причине. Однако драться ты должен сейчас, а не потом. Что ты будешь делать без плаща?

Он подхватил табурет, на котором сидел, и сказал:

– Пусть пока это будет мой щит.

– Отлично! Такой табурет зачастую прекрасно заменяет щит, – отметил я.

– А еще ты часто держал в левой руке дротик – когда дрался с фракийцами, – сказала Ио. – По-моему, они этого дротика очень опасались, но ты ни разу его не метнул.

– Верно, – кивнул я. – Потому что если б я его метнул, у меня в левой руке остался бы только плащ. А ведь никогда нельзя быть уверенным, что кому-то из противников не придет в голову метнуть дротик в тебя. А иногда кажется, что, метнув дротик, можно положить конец всему сражению. Или еще – если заметишь что-то более удобное для левой руки. Например, если б Полосу пришлось метнуть свой табурет, он мог бы тут же схватить второй.

Итак, теперь, когда у вас есть и мечи, и щиты, вы должны на некоторое время о них забыть. Вы помните мои слова о том, что поединок похож на танец?

Оба кивнули.

– Я сказал так потому, что вы должны двигаться очень ловко и правильно, но даже не думая о своих ногах. Например, кто-то собрался бы обучить меня незнакомому танцу, и сперва я просто вынужден был бы думать о своих ногах, но хорошо танцевать еще не смог бы. Хорошим танцором становишься только тогда, когда забываешь о ногах напрочь.

Полос изобразил несколько фигур танца, чтобы проверить себя.

– Неопытный боец, – сказал я, – почти всегда предпочитает в качестве опорной определенную ногу. Чаще всего левую, потому что в левой руке он держит щит. И шаг он будет начинать тоже с левой ноги, а правой шагнет потом. Для людей вашего роста, когда вы значительно ниже тех, с кем вы будете биться, ваш рост – огромное преимущество. Вы отступаете на один шаг назад и рубите противника по ногам. Не нужно ни ждать, ни смотреть, что получилось, – все произойдет так, как вы и рассчитывали. Просто быстро рубаните под нижним краем вражеского щита – и все.

Я заставил их попрактиковаться, подставляя свое колено под удары их палок и прикрываясь вторым табуретом, как щитом.

– Теперь, когда вы знаете, как это делается, учтите, что

нельзя выставлять левую ногу вперед так сильно, – сказал я.

– Поэтому гоплиты Асета и носят ножные латы? – спросила Ио.

– Совершенно верно, – сказал я, хоть и не помню, кто такой Асет. – Причем надевают оба наголенника, верно? – Ио и Полос кивнули. – Это потому, что хороший боец в одинаковой степени использует обе свои ноги. А теперь усвойте вот что: никогда не выдвигайте ногу вперед! Если сделал шаг одной ногой, тут же делай и второй; и желательно не оказывать предпочтения ни левой, ни правой ноге.

Мы занимались, пока не пришел Симонид, чтобы дать детям наставление о поведении в театре.

Глава 31

ИЗ ГРОБНИЦЫ

Мы вышли на склон холма по широкой белой улице. Все египтяне исчезли, как и тот мальчик-мидиец. Небо светлое, и я могу писать. Вскоре мы тоже отправляемся в путь; по словам Фемистокла, наш путь лежит на запад, в Стимфал, а потом на юг через Аркадию, Медвежью страну.

Вчера вечером мы ходили смотреть комедию. Не знаю, бывал ли я раньше в театре – возможно, и бывал, но в каком-то весьма отличном от этого. Этот мне показался несколько необычным.

Мы сидели на лучших местах, в первых рядах амфитеатра. Длинные скамьи здесь изогнуты, точно лошадиные подковы. Сцена находится посередине, а кулисы за нею. Пасикрат сел рядом со мной, однако чернокожий встал со своего места и уселся между нами. По-моему, его об этом попросила Ио.

Шутки касались нынешних городских дел; многие из них позабавили и нас, хоть мы здесь и чужаки. На актерах были маски, и выражение этих деревянных лиц менялось, когда актеры меняли позу, наклоняли голову или прикрывали часть маски руками. Мне это очень понравилось. Маски вырезаны так искусно, что кажется, это действительно живые

лица.

Было очень приятно сидеть теплым вечерком и смотреть интересное представление; однако время от времени я все же переводил взгляд на звезды и видел в небесах Овна, Стрельца со своими Гончими Псами, Семь Девственниц (это созвездие еще называют Семизвездием или Большой Медведицей) и много еще чего. Появилась холодная Дева-луна и предупредила меня, что это по ее земле ходим мы; и когда она со мной заговорила, Ио шепнула мне на ухо:

– Когда мы вернемся домой, господин мой, мне придется напомнить тебе историю Белого острова. У меня такое ощущение, будто я его только что видела.

После ее слов я не мог избавиться от ощущения, что боги глядят на нас сверху, рассматривают наши гениально выполненные маски и слушают наши шутки. Интересно, что они о нас думают? А что мы, люди, думаем, например, о сверчках, чье пение слушаем с удовольствием, а потом давим их каблуком, если ненароком на глаза попадутся?

После спектакля безвкусно изукрашенные носилки, на которых в театр принесли Адеманта с сыновьями, а также Фемистокла и Симонида, уже ждали их. Остальная наша компания двинулась за носилками пешком, однако чернокожий вскоре оттащил меня в сторонку. Здесь полно винных лавок, где можно выпить вина и погрызть орехов, а также – полюбезничать с хорошенькими женщинами, если хочешь. Правила, пояснили нам сразу несколько женщин, таковы: им раз-

решено заходить только в определенные харчевни, где они платят хозяину (или хозяйке, такой же женщине, как и они сами) по одному оболу, если уходят с мужчиной. Большая часть этих женщин запрашивала по шесть оболов, объясняя это тем, что им самим достанется только три – один обол (как я уже сказал) хозяину лавки, один городу и один богине-покровительнице. Бурдюк неразбавленного вина стоил очень дорого, так что мы с чернокожим пили вино в розлив, чашами – и разбавляли его водой так нещадно, что один раз чернокожий даже притворился, что тонет в воде, и на пальцах объяснил мне, что в кратере с разбавленным вином заметил трирему.

В третьей или четвертой лавке мы встретили стройную темноволосую девушку из Вавилона, которая так же хорошо говорила на языке чернокожего, как я на языке эллинов. Чернокожий сразу пожелал уйти с нею – меня он тоже позвал с собой, потому что столь злачные местечки – не место для одного, здесь слишком опасно. Однако возникла одна трудность: мне не понравилась подруга вавилонянки, с которой она меня познакомила, но девушке пришлось бы заплатить хозяину лавки двойную цену, если бы она ушла с двумя мужчинами. Лучше я просто дам ей лишний обол, и все, однако мы договорились, что они выберутся на улицу вдвоем, а я вскоре их догоню.

Итак, они ушли. Я потянулся, зевнул и еще несколько минут поболтал с приятельницей вавилонянки, худенькой де-

вушкой, которая сказала, что она родом с Итаки. Потом я осушил последнюю чашу вина и побрел на улицу.

Я выпил вполне достаточно, чтобы лицо и уши у меня начали гореть. До сих пор помню, как приятно было ощутить дыхание ночного ветерка и как я удивлялся, зачем это мы провели столько времени в душной, пропахшей вином лавчонке. Стоило мне ступить на землю, как я обнаружил, что не так уж твердо стою на ногах, как ожидал; оставалось утешать себя мыслью, что никто больше этого не видит.

Оказалось, что чернокожий и вавилонянка ушли, не дождавшись меня; однако вскоре я их увидел. Они были поглощены беседой и шли по улице рука об руку. Я махнул им рукой и поспешил следом, но вскоре понял, что чернокожий вовсе не жаждет моего общества. Пришлось держаться от них подальше. Через некоторое время они свернули с одной узкой и грязной улочки на другую, еще более узкую и грязную. Я, помнится, тоже свернул, чтобы не отставать от них.

И тут мне показалось, что на город обрушилась какая-то гигантская волна и закрутила меня и многих других людей в бешеном водовороте. Я не мог дышать в этих мутных водах, да и потом, будучи выброшенным на узкую полосу песка, тоже никак не мог отдышаться. Оказалось, в этом нет никакой необходимости. Я встал и почувствовал, что тело мое весит не более тела ребенка. Изумленно оглядевшись, я понял, что нахожусь в пещере невероятных размеров.

Ее свод терялся в тени надо мной так высоко, словно его достигали только пики самых высоких гор. Кое-где сквозь него просвечивало серебром ночное небо – так порой солнце пронзает своими пальцами-лучами клочья облаков в грозном небе; но от этого со всех сторон окружавший меня мрак лишь усилился.

Эта пещера была поистине громадна. В ней помещались безлюдные равнины, пустынные холмы и угрюмые болота; она простиралась на много стадий во всех направлениях, теряясь во тьме. За все то время, что я провел здесь, я ни разу не заметил ни птички, ни летучей мыши, ни вообще какого-либо иного зверя, хотя раз или два видел их влажные следы, слабо различимые на мягкой глине. Но какие-то следы все же попадались. Потом я увидел вдали людей – согбенных, нагих и одиноких.

Некоторых я окликал. Но, поскольку мне никто не отвечал, я устремился вдогонку за тем, что был ближе всех, – то был старый человек, чья неровная шаркающая походка давала понять, что я догоню его очень быстро.

– Кто ты, уважаемый старец? – спросил я его, чувствуя, что будет лучше, если я стану вести себя дружелюбно и только потом перейду к вопросу о том, где находится эта пещера и как мне из нее выбраться.

– Я – это я, – проворчал он, – точно так же, как ты – это ты. Ступай себе. Оставь меня в покое.

– Но как твое имя? – не сдавался я.

Он покачал головой и шаркающей походкой двинулся прочь, явно не желая встречаться со мной взглядом.

– Я... – И тут я обнаружил, что не могу закончить свою мысль. Я лихорадочно пытался сообразить, что сказать. – Меня зовут Латро, – выговорил я наконец. – Есть такая статуя – лев с лицом мужчины, – которая знает, как мое имя.

Он впервые глянул на меня:

– Дай мне руку. – Он сжал ее в своих ладонях, которые были холодны как лед. – Ты еще не совсем ушел, – сообщил он мне.

Я тут же сказал, что немедленно уйду, если его так раздражает мое присутствие.

– Нет, останься. Когда я был жив, меня звали Гортий. Так мы здесь говорим, хотя на самом деле жив-то был не совсем я. Та часть меня, которая была жива, теперь умерла, а то, что ты видишь, всего лишь та часть, которая никогда не жила, а стало быть, и умереть не может.

Я попытался отнять у него свою руку; его леденящее прикосновение начинало причинять мне боль.

– Девочка звала меня своим господином, – сказал я, – а однорукий звал меня Латро, как я уже тебе сказал.

– Я пойду с тобой. – Он взял меня за плечо.

На некотором расстоянии от нас какой-то человек сражался с каменной глыбой величиной почти с него самого. Я видел, как он присел на корточки, подsunул под камень пальцы и приподнял его, но глыба сорвалась и снова оказалась

на прежнем месте. Я не нашел ничего умнее, как спросить у Гортия, кто этот человек и что он пытается сделать.

– Он царь, – пояснил старик. – Видишь над ним этот холм? – Я кивнул. – Сизиф должен вкатить камень на вершину холма и оставить его там. Если камень останется на своем месте. Сизиф будет избавлен от этих мучений.

Я смотрел, как Сизиф поплевал на ладони, вытер их о бедра и снова стал поднимать камень.

– А кто его избавит от мучений? – спросил я.

– Тот бог, который вынес ему этот приговор⁶⁶.

Я повел старика к несчастному, что оказалось нелегко и очень утомительно, потому что пол пещеры был весь покрыт широкими и плохо заметными трещинами, в которые легко было провалиться. Далеко на дне трещин бежали ручейки и виднелись мокрые, скользкие камни.

Когда наконец мы добрались до без усталости трудившегося царя, мне показалось, что за это время он сдвинул свой камень едва ли шага на три.

Он, как и старик, сжимавший своими ледяными пальцами мое плечо, был совершенно нагим, однако весь измазан красноватой глиной; его хитрое лицо было покрыто каплями

⁶⁶ Сизиф – согласно греческому мифу, царь, основатель Коринфа (древней Эфиры). Хитростью ему удалось заковать в цепи бога смерти Танатоса и добиться, чтобы его отпустили из подземного царства на землю. За свои великие мошенничества Сизиф был наказан в преисподней: он должен был постоянно вкатывать на гору тяжелый камень, который, достигнув вершины, срывался вниз («сизифов труд»).

пота и казалось совершенно измученным.

– Тебе позволено принимать чью-либо помощь?

Он нетерпеливо покачал головой и снова нагнулся, пытаюсь поднять камень.

– А что ты хочешь за свою помощь? – спросил он.

– Ничего, – ответил я, – просто вдвоем мы, возможно, могли бы справиться с этой работой.

Говоря это, я уже приналег на камень. Вдвоем мы покатили его к вершине, хотя он крутился под нашими руками, словно центр тяжести сам собой все время смещался у него внутри. Хитон мой был уже совершенно мокрый и грязный, да к тому же еще и порвался, когда я особенно сильно приналег на камень; я сорвал с себя одежду и отбросил в сторону. И в этот миг камень, который мы дотащили уже до середины склона, вывернулся из-под рук царя.

Я, извернувшись, перехватил его – понятия не имею, как мне это удалось, – и с досады умудрился даже поднять его над землей. Тут в теле моем что-то хрустнуло, мне показалось, что вот-вот кости мои переломятся, но я камень не выпустил, а, спотыкаясь, побрел с этой тяжелой ношей на вершину холма и швырнул глыбу на землю – в мягкую илистую почву на берегу ручья.

Несколько мгновений камень подскакивал и шевелился, словно яйцо, из которого должен проклюнуться цыпленок, а потом раскололся с оглушительным взрывом и вспышкой белого света. Я покатился вниз.

Лежа на боку в грязи, я увидел лица чернокожего и той вавилонянки – как бы внутри камня, – и лица эти корчились среди языков пламени. Чернокожий что-то кричал, чего я понять не мог, и протягивал ко мне руки. Я помог тому царю подняться, и мы вместе стали пробираться по узкой зловонной улочке, которую я еще смутно помнил.

У вавилонянки возникла тысяча разных вопросов, но ни один я как следует не понял, настолько был ошеломлен случившимся. Да и говорила она с ужасным акцентом. Они с чернокожим держали в руках ярко горевшие факелы. Я взял ее факел и сунул в ту дыру, из которой выбрались мы с царем.

На мгновение мне показалось, что я вижу почерневшую от времени каменную кладку, кости, позеленевший от старости меч и доспехи, почти истлевшие, с бронзовыми пластинами, покрытыми ярью-медянкой. Но земля с нашей улочки уже начинала осыпаться в эту дыру. Я чувствовал, как она оседает у меня под ногами, и поспешно отступил от края. По стене над дырой прошла трещина. Вавилонянка вскрикнула, и царь с чернокожим оттащили меня прочь.

С ревом, похожим на грохот бури, стена рухнула. Мы бросились бежать, кашляя и протирая глаза, запорошенные поднятой пылью.

Чернокожий и вавилонянка – ее зовут Биттусилма – пришли и сообщили мне, что поженились. Когда я удивленно поднял брови, она объяснила мне, что отправляется с чернокожим, который хочет вернуться домой, в Нису «Нубию».

Возможно, они расстанутся, когда доберутся до Вавилона или до тех краев.

Тут заговорил чернокожий, и она перевела:

– Он думал, что главный начальник вашего отряда не позволит мне идти с вами, но теперь он вряд ли нам откажет. Он говорит, что ты его друг. Ты должен настоять на том, чтобы нам обоим разрешили пойти с вами вместе.

Я пообещал сделать все, что в моих силах.

– Я была замужем за одним капитаном, – сказала она. – Его убили здесь в прошлом году – я тогда не смогла уехать. Семь Львов хочет, чтобы я сказала тебе, что теперь я его третьей женой.

Чернокожий гордо поднял три пальца.

Я спросил ее о той яме. Она сказала, что они с чернокожим сперва долго занимались любовью – потому-то они и решили пожениться, – полагая, что я жду их снаружи. Увидев, что я ушел, они стали искать меня с факелами. Я спросил, что же все-таки случилось со мной, желая услышать, как она объяснит то, что видела. Она сказала, что, когда тот царь

и я вошли в переулок, крыша склепа, "скорее всего, давно позабытого", просто треснула и провалилась.

Надо сказать, что мы с тем царем Сизифом о многом говорили, когда шли к его дворцу. Именно он, по его словам, построил первую башню на здешнем холме, основав, таким образом, город Коринф, который, правда, раньше называли Эфирой. Он подробно описал мне этот древний город.

А потом спросил, знаю ли я что-нибудь об Азопе, Речном боге; и я, не желая казаться невежественным, сказал, что знаю. Этот Речной бог, сказал Сизиф, раньше был его другом. Он, конечно, не такой великий бог, как те Двенадцать, что живут на горе «на Олимпе», но все-таки бог. А сам он, Сизиф, – по крайней мере, по его словам, – сын повелителя бурь и нимфы, одной из дочерей Азопы. Таким образом, они с Азопом родственники.

Когда дочь Речного бога Эгина была украдена, Сизиф все видел и сказал богу, куда увезли похищенную девушку, а взамен попросил создать родник внутри построенной им оборонительной башни, чтобы в случае длительной осады ни он, ни его войско никогда не испытывали жажды – за это, собственно, он и был так наказан. Он сказал мне, что всегда надеялся, что Речной бог вспомнит о нем и как-нибудь поможет. Он считает, что это я был тем помощником, которого послал ему Речной бог. Он спросил, какое мне было обещано вознаграждение; пришлось сказать ему, что если меня кто и послал – бог или кто-то еще, – то я об этом понятия не имею.

– Я был довольно жадным, когда жил среди людей, – печально сказал Сизиф, – и каждый, кому нужна была моя мощь, должен был за нее заплатить. Ты сам видел, какие богатства я собрал таким способом.

Биттусилма случайно услышала его последние слова и оглянулась. Царь улыбнулся ей, а мне шепнул:

– Я-то свою родню знаю. Если эта женщина вас проведет, я попрошу своих предков наказать ее. Они ничего за это не возьмут, а она будет страдать, и страдать жестоко. – Не знаю уж, кого он имел в виду.

И тут мы подошли к его дворцу и обнаружили, что там собрались воины из Речной страны.

Глава 32

НА ПРИВАЛЕ

Мы устроили привал у озера. Хотя из города мы вышли не так уж рано, но упорно шли все утро – чернокожий даже выдохся и немного проехал на возке – и завтракали значительно позже обычного. После этого мы прошли совсем немного, и Фемистокл выбрал это место для привала; здесь от воды дует прохладный ветерок. По дороге Ио все время вспоминала каких-то призраков, которые, кажется, встревожили и всех остальных. Я уже прочитал о походе в театр и о том, как я помог царю Сизифу, но, может быть, я что-то упустил, так что нужно непременно поговорить с Пасикратом или Симонидом. Когда мы сели ужинать, я постарался сесть между ними. Если бы Симонид или Фемистокл велели мне занять менее почетное место, я бы, конечно, пересел; а вот если бы Пасикрат попробовал приказать мне что-либо подобное, возникла бы ссора.

Но никто ничего не сказал.

– Вот озеро, – заметил Симонид, – на котором Геракл убил так много чудовищных птиц⁶⁷.

⁶⁷ Имеется в виду шестой подвиг Геракла – изгнание стимфалийских птиц с острыми железными клювами и перьями, водившихся на лесном болоте возле

Это замечание заинтересовало чернокожего, который спросил (вопрос перевела его жена), те ли это птицы, что пролетают над его страной, когда воюют против маленьких людей далекого юга.

Не успел Симонид ответить, как Пасикрат, задрвав нос, объявил, что Геракл – его дальний предок по материнской линии, поскольку он происходит из знаменитой семьи спартанских царей Агисов.

– Я в любой момент могу тебе всех своих предков назвать, – сказал он жене чернокожего. – Спроси своего мужа, видел ли он этих птиц собственными глазами.

Чернокожий утвердительно кивнул и стал что-то говорить жене, которая нам переводила:

– Он видел, как они летели, а однажды – как они убивали детей.

При этих словах все, кроме Пасикрата и чернокожего, громко рассмеялись.

По-моему, Пасикрат ужасно рассердился, а чернокожий сказал очень серьезно (жена переводила):

– Да, они довольно часто нападают на наших детей. Может быть, потому что считают малышей пигмеями с юга? Из-за этих птиц каждый мальчик в моей стране всегда носит при себе маленькое копьё. Длинные клювы этих птиц тоже очень похожи на копья, и шеи у них очень длинные. И головы они выбрасывают вперед, как змеи, ну а поскольку они напада-

ют с воздуха, то враги они очень опасные, хотя на взрослых воинов они чаще всего нападать не решаются. Обычно они летят очень высоко – стрелой не достанешь. И если этот человек по имени Геракл убил много этих тварей, то он наш лучший друг.

Потом, по-моему, всем захотелось сменить тему разговора, и я спросил Пасикрата, не беспокоили ли призраки и его тоже.

Он кивнул:

– Меня разбудили чьи-то вопли – по-моему, кричала одна из дочерей Адеманта. Я вскочил и столкнулся с высоким человеком, державшим в руках копье с зазубренным наконечником и большой щит. Я, помнится, подумал, что щит у него в точности как те, что на стене: с такой же горизонтальной полосой. Этот человек бросился на меня... – Пасикрат вдруг умолк, глядя на свою культу. По-моему, он побледнел. Наконец он заговорил снова, но как-то неуверенно:

– Видимо, дело тут не только в привидениях... Или же я просто не умею рассказывать. Так вот, высокий человек бросился на меня, потом его копье и щит упали на пол, а когда я наконец зажег лампу, то увидел, что они действительно те самые, что висели на стене в моей комнате. Я никому не стал бы рассказывать об этом в Спарте – меня бы просто засмеяли. Мы ведь смеялись только что над историей об истреблении Гераклом стимфалийских птиц, а ведь история эта не раз вдохновляла поэтов и художников. Однако в ноч-

ном происшествии, возможно, куда больше смысла, чем кажется, – как и в истории про птиц.

С противоположного конца стола донесся голосок Ио:

– Но кричала действительно одна из дочерей Адеманта – Каллия! И Полос тоже их видел. Вот только я не пойму, почему они все сразу исчезли.

Жена чернокожего сказала:

– Их увел тот человек, что вылез вместе с твоим хозяином из разрушенной гробницы. Он, наверное, был маг. Когда твой хозяин попросил его изгнать этих тварей, он призвал их к себе и увел с собой.

Пасикрат спросил, видела ли она все это собственными глазами.

Она покачала головой:

– Но как только он заговорил, в доме стало тихо.

– Однажды мы проходили мимо небольшого селения близ Афин, – сказала Ио, – и там был один дом, где призраки просто не переводились, появляясь без конца. Ты не помнишь ваш поединок с Басием, господин" мой? А ведь это произошло именно в тот день. Нам обо всем хозяин гостиницы рассказал.

– Адеманту показалось, – прервал ее Фемистокл, – что это мы привели призраков, хотя он слишком вежлив, чтобы сказать об этом прямо. А что это за маг, Латро? Он что, действительно из Персии?

Этого человека я не помнил, но помнил то, что прочитал

о нем в своем дневнике, и сказал, что считал его эллином.

– Да, это, пожалуй, больше похоже на правду. Так как ты с ним встретился?

Я объяснил, что он пытался сдвинуть с места камень, а я ему помог.

– Когда работа была сделана, мы оба ужасно перепачкались, – сказал я, – и я предложил ему вымыться в том доме, где мы вчера ночевали. Мне и в голову не пришло, что это может вызвать чье-то неудовольствие. Значит, Адемант был против?

Фемистокл кивнул.

– Латро все еще с трудом помнит события минувшего дня, – сказал ему Симонид, – хотя память его понемногу улучшается. Вчера по всему Коринфу чувствовались подземные толчки. Правда, сам я их не заметил.

– Ах, вот почему возникла та дыра, в которую провалились мой хозяин и тот маг! – воскликнула Ио. – Ведь правда, Биттусилма? – И, повернувшись к Фемистоклу, она пояснила:

– Биттусилма сама это видела.

Жена чернокожего сказала:

– Там была старинная гробница. Жители этого дурацкого города позабыли об этом и построили на месте гробницы дом.

Симонид печально покачал головой:

– Огромный камень скатился прямо в священный ручей

на вершине холма в Верхнем городе и раскололся. Совершенно ясно: это знамение.

– Жаль, что с нами нет Эгесистрата, – вздохнула Ио.

Пасикрат метнул в ее сторону злобный взгляд и сказал:

– Ну так растолкуй нам это знамение, софист.

Фемистокл откашлялся и сказал:

– Симонид уже любезно растолковал его для меня. И мы решили, что лучше пока об этом не говорить.

– В таком случае, – сказал Пасикрат, – я желаю представить тебе и свое толкование, благородный Фемистокл. Коринф – связующее звено в стране эллинов. Священный источник на холме – это сердце Коринфа. То, что его завалило каменной глыбой, означает, что Коринф будет разрушен! А то, что глыба раскололась и источник вновь получил возможность изливать свои воды, означает, что сама Эллада тоже будет расколота на две части. Когда это произойдет, Коринф расцветет по-прежнему.

Я не все понял из его слов, но видел, что Симониду и Фемистоклу, похоже, стало не по себе. Так что я спросил Пасикрата, кто именно, по его мнению, уничтожит Коринф.

– Разумеется, не Спарта! Коринф – наш основной союзник! Если бы я думал, что твоя маленькая рабыня хоть что-нибудь знает о политических намерениях своего родного города, я бы спросил ее, не собираются ли Фивы разрушить Коринф. Но я вынужден признать, что вряд ли она что-то знает.

Фивы расположены далеко от побережья, как и Спарта. И у богатых Фив вряд ли есть основания нападать на столь далекий от них морской порт.

– А может, Сотрясающий землю послал в Коринф это знамение? – спросила Ио у Симонида. Он пожал плечами:

– С позиций разума я бы объяснил все сменой направления подземных потоков. Ну и конечно любой бог может воспользоваться землетрясением, чтобы послать людям предупреждение – прежде всего, разумеется, Сотрясающий землю. Как и любой из хтонических богов.

Ио кивнула, словно в подтверждение собственных мыслей.

– А что ты скажешь о тех призраках? – спросила она.

– Давно установлено, – отвечал Симонид, – что из потревоженных гробниц часто появляются призраки; а в прошлую ночь гробниц было повреждено немало. – Он указал на жену чернокожего. – Вот и от нее мы об этом слышали.

– Когда я вел отряд, посланный моим родным городом для осады Сеста, – заговорил снова Пасикрат, – то слышал, что варвары осквернили множество гробниц, забрав оттуда не только дары богам, но и то, что было положено в могилы покойникам. Я не слышал, чтобы хоть кто-то из них был за это наказан.

– А как насчет падения Сеста? – сухо спросил Фемистокл.

– Ну, если угодно... – сдался Пасикрат. – Да, конечно, это была могучая твердыня, а пала она очень быстро. Мне гово-

рили, что мы не успели еще погрузиться на корабль, который отвез нас домой, как пришло сообщение, что город пал.

– Что значит "тебе говорили"? – спросила Ио. Я видел, что хоть она и боится Пасикрата, но говорит смело. – Ты же сам там был! И я была, и я тебя отлично помню.

– Я был болен, – сказал он ей. – Моя рана вызвала лихорадку.

– Так, значит, это не ты отдал приказ спартанцам отправляться домой? – спросил Фемистокл. – А может, ты?

Пасикрат помотал головой.

– Ты ведь больше уже не можешь держать щит, верно? – спросил у него Полос.

Пасикрат сладко улыбнулся ему, словно ему нестерпимо хотелось погладить мальчика по голове.

– Пока что могу – щит у меня особый, мне его сделал один из наших искуснейших оружейников и приспособил к нему ремни на застежках. Я покажу его тебе, когда мы доберемся до Спарты.

По-моему, больше ничего интересного за ужином не говорилось. После трапезы Ио сказала, что хочет прогуляться по берегу озера, и попросила меня пойти с нею. Берег там местами топкий, заросший тростником, хотя видно, где этот тростник сажали специально – для крыш. Еще там ужасно много лягушек. Я спросил Ио, не боится ли она тех страшных птиц.

– Нет, господин мой, – отвечала она. – Ну, может, немно-

го. – Она взяла с собой свой меч.

– Их здесь нет, – сказал я ей, – иначе здесь не было бы столько лягушек. Водяные птицы с длинными острыми клювами всегда любили лягушек.

Ио кивнула и села на упавшее дерево.

– У тебя ноги не болят, господин мой? Мы сегодня много прошли, а ты даже ни разу не сел на повозку.

Я признался, что ноги у меня действительно болят, но если она хочет пройти еще, то я, конечно же, пойду с нею.

– По правде говоря, мне совсем не хочется никуда идти, господин мой. Я всего лишь хотела увести тебя подальше, чтобы другие не подслушали. Я знаю, ты все еще помнишь, как Пасикрат рассказывал о призраке, явившемся в его комнату, и вдруг умолк. Как ты думаешь, почему он умолк?

Я немного подумал и ответил:

– Наверное, испугался. Большая часть людей боится привидений, по-моему.

Но многим стыдно в этом признаться. Возможно, Пасикрату тоже стало стыдно.

Ио выплюнула изо рта прядку волос, которую задумчиво покусывала.

– Я так не думаю, – сказала она. – Я хочу сказать, что он, возможно, запросто солгал бы. Вряд ли страх перед привидением заставил его умолкнуть. Если бы он хотел сказать об этом, то сказал бы сразу, еще когда рассказывал, как услышал вопли Каллии или увидел призрака. – Ио соскользнула с

дерева и подобрала длинную палку. – Смотри, вот я, например, то привидение. У меня есть копьё и большой щит, и я намерена тебя убить.

Я перехватил палку, которая тут же сломалась.

– Правильно, – сказала Ио. – Ты бы попытался перехватить копьё. – Она отшвырнула сломанную палку и снова уселась на прежнее место. – Я думаю, что Пасикрат поступил именно так. Он, скорее всего, его и перехватил – он ведь очень ловок.

– Одной правой рукой? Но это же очень трудно, Ио! Да и призрак к тому же прикрывался щитом.

Она покачала головой.

– Нет, обеими руками, господин мой! По-моему, как раз об этом он чуть не проговорился. Он еще так странно посмотрел на свою культю, помнишь?

– Ты хочешь сказать, что он лгал? И вообще никакого призрака не видел?

– Нет, господин мой. Я хочу сказать, что когда он бился с ним, у него левая рука была! – Больше она ничего не прибавила и уставилась на отражение багровых закатных облаков в водах озера.

– Рука-фантом? Потому что соперником его был призрак?

– Ты помнишь Эгесистрата, господин мой? Ты сегодня читал о нем в своем дневнике?

Я признался, что нет.

– Он очень хороший прорицатель. Он очень много знает

о призраках и богах; помнишь, когда мы с ним еще только познакомились, он говорил, что те люди, которых ты убил своим мечом, вполне возможно, могут вернуться.

Это ведь ты отрубил Пасикрату руку, господин мой. Своим мечом.

* * *

Сейчас уже очень поздно, но я не думаю, что Полос спит. Я тоже не мог уснуть, так что зажег эту лампу. Далеко, на склоне горы, кто-то играет на свирели. Когда я ложусь и закрываю глаза, мне видятся танцующие фигуры с той красной вазы из дворца моей памяти – один из танцоров тоже играет на свирели... По-моему, лучше я спать пока не буду и еще кое-что запишу.

Этот Пасикрат уже подждал нас с Ио, когда мы вернулись, и сказал, что у него есть в городе дела, а потом попросил меня разрешить ему взять с собой Полоса в качестве помощника. Ио сердито замотала головой, но я, взглянув на культу Пасикрата, позволил ему взять мальчика. Когда Полос вечером вернулся, он весь дрожал и разговаривать с нами не захотел.

Я пошел в комнату Пасикрата объясняться, но тот поклялся, что Полоса не бил. Было заметно, что Пасикрат сильно ненавидит меня и очень боится. И, похоже, себя он тоже ненавидит за это. Я даже пожалел его, хотя, возможно, этого

как раз делать не стоило. Я спросил, в Спарту ли мы идем и родной ли это его город (хотя я был в этом уверен, потому что он обещал Полосу показать там свой особенный щит), и он подтвердил, что все действительно так. Тогда я сказал, что убью его даже посреди спартанской агоры, если он еще хоть раз сделает с Полосом что-нибудь дурное. И он снова поклялся, что ничего дурного ему не сделал.

Мы разбудили Фемистокла; он сказал, что я не должен угрожать Пасикрату (что я и без него уже понял), и отослал меня спать. Эту комнату мы делим с Полосом, Ио, чернокожим и его женой.

* * *

Луна стоит высоко в небе. Я перечитал многое в своем дневнике – об Эгесистрате и много раз – о Фаретре. Глаза у меня болят и слезятся от усталости.

Глава 33

КЕНТАВР

Козлоногий человек назвал его кентавром. Теперь я его боюсь, хотя он всего лишь ребенок, даже младше Ио. Козлоногий отвел Ио в сторонку и спросил об этом кентавре. Она сказала, что он мой раб. А я просто рот открыл от изумления.

– Ты же все забываешь, господин мой, – отмахнулась Ио. – Но о своей забывчивости все-таки обычно помнишь.

Я понял, что не могу вспомнить даже, как мы здесь оказались.

– Ну, ты участвовал в большом сражении... Ты был ранен... – Она моей рукой провела по шраму у меня на голове. – До того, как оказаться здесь, мы побывали в Афинах и в Коринфе, а еще раньше – во Фракии; там-то тебе и достался Полос. А меня ты получил прошлым летом, в Фивах.

Я пообещал ей, что освобожу их обоих и позволю вернуться к родным, но она сказала, что родителей своих не помнит, а родители Полоса слишком далеко отсюда.

Тогда я позвал Полоса и сказал ему, что, насколько я понимаю, он несчастлив, ибо раб счастливым быть не может. И я как его невольный хозяин весьма об этом сожалею и сразу же освобожу его, стоит ему только пожелать.

Он не сводил с меня глаз. Глаза у него большие и темные, как у Ио.

Вскоре эти прекрасные глаза наполнились слезами, и он сказал, что для него лучше быть рабом доброго человека, который будет его учить, кормить его и защищать, чем скитаться бездомным и в итоге попасть в дурные руки. Хотя я, посетовал он, не всегда должным образом защищаю его и даже велел служить одному очень плохому человеку. Он показал мне этого человека; им оказался Пасикрат, однорукий мужчина, который очень быстро бегал, пока ляжку ему не пропорол дикий кабан. Я пообещал Полосу, что больше никогда никому его не отдам, и сказал, что, если я свое обещание забуду, пусть он мне напомнит.

Я спросил, что ему сделал Пасикрат, но он убежал. Ио говорит, что не знает этого. По-моему, она что-то подозревает; впрочем, я тоже.

* * *

Я перечитал предыдущую запись. Сегодня утром мы проснулись уже не на берегу озера, так что, видимо, я по крайней мере один день пропустил и ничего не записывал.

Этот дом находится в Аркадии, где не встретишь ни одного ровного поля; всюду вокруг нас холмы и горы, многие довольно высокие, но все покрыты зеленью. Здесь никто землю не пашет, что мне представляется странным.

Женщины вскапывают землю для своих небольших огородов лопатой или короткой мотыгой, сделанной из овечьей лопатки. А мужчины пасут скот – овец, коз, иногда небольшие стада коров и лошадей, – а также занимаются охотой. Мы тоже сегодня охотились; именно тогда-то я и видел кентавра. Вот как это произошло.

Сегодня утром, когда Ио по моей просьбе перечислила всех членов нашего отряда, Фемистокл велел мне надеть шлем и кирасу. Я взял с собой меч и пару дротиков, хотя щита у меня нет. Чернокожий был экипирован примерно так же, только меч у него длинный. А вот у Пасикрата был всего лишь нож – Ио говорит, это потому, что он бежал весь путь от Спарты сюда, чтобы встретить нас.

Мы прошли уже довольно далеко, когда обнаружили, что дорогу нам перекрывает оползень. Пасикрат клялся, что оползень случился уже после того, как он пробежал здесь. Если бы у нас не было повозки, запряженной мулом, мы бы просто вскарабкались по камням и преодолели это препятствие; а вот расчистка пути отняла бы у нас много дней. Ничего не оставалось, как повернуть назад и попытаться пробраться на юг другой дорогой, которой Пасикрат не знал; и не успело еще солнце подняться достаточно высоко, как мы заблудились.

Тогда Пасикрат стал настаивать, чтобы мы снова повернули назад, потому что дорога с каждым шагом становилась все хуже; однако Фемистокл и Симонид хотели Продолжать

путь, пока мы кого-нибудь не встретим и не попросим показать нам дорогу. Спор разгорался, когда Тиллон заметил какого-то землекопа и поспешил к нему.

Спор прекратился; и Биттусилма, улыбаясь всем и каждому, убедила нас, что следует спросить совета у этого землекопа, каким бы этот совет ни оказался. Некоторое время все стояли и смотрели, как Тиллон разговаривает с землекопом, однако они стояли слишком далеко, и нам ничего не было слышно.

Вскоре они вместе подошли к нам.

– Он местный, тут неподалеку и родился, – сказал Тиллон. – Говорит, что знает тут все дороги. Он и сам немало странствовал. Обещает проводить нас, если мы будем его кормить и платить ему обол в день.

Фемистокл вытащил монету и передал Тиллону:

– Вот, отдай ему плату за первый день; пусть не сомневается в наших намерениях. Как сказал тебе этот добрый человек, – обратился он к землекопу, – мы идем в Спарту и очень спешим. Ты получишь еще два обولا в награду, если мы доберемся до Лаконии достаточно скоро.

Землекоп, весь в грязи и с мотыгой на плече, взял монету и пробормотал слова благодарности.

– Итак, мы идем вперед или поворачиваем?

– Раз вы спешите, то лучше идти вперед, тем более что главная дорога тоже завалена. Есть и другие, но все они такие же плохие, как эта, или даже хуже.

Фемистокл и Симонид выглядели победителями; Пасикрат сердито спросил, какова эта дорога впереди.

– Хуже, чем здесь, – ответил ему землекоп. – Но повозка проедет.

Симонид поинтересовался, где можно будет переночевать, и землекоп покачал головой:

– Там, конечно, есть селяне... Я могу показать вам их дома. Да только пустят ли они вас...

Он пошел впереди, а мы – с ним рядом и вскоре обогнали всех остальных и повозку.

– Это Латро, мой хозяин, – сказала землекопу Ио. – Меня зовут Ио, а это Полос.

Он ухмыльнулся и ласково кивнул каждому, а потом сказал, что его зовут Аглаус. Я заметил, что у него не хватает нескольких передних зубов.

Ио набралась храбрости и спросила, не рассердится ли на него его хозяин за то, что он оставил работу.

– Да он обрадуется, что отделался от меня, – ответил землекоп.

– Где ж ты живешь?

– Ты имеешь в виду дом? Дома-то у меня и нет.

– И у нас тоже, – сказала Ио.

Я пояснил, что я не эллин, поговорил с ним на его языке и спросил, не встречал ли он кого-нибудь из моих земляков.

Он покачал головой:

– В Аркадию редко чужеземцы заходят. А люди отсюда

еще реже куда-нибудь отправляются – боятся.

– Разбойников?

Он кивнул:

– А этот однорукий действительно из Спарты?

Ио сказала, что да.

– Значит, спартанцы вас просто пощадили.

Полос спросил, кто эти разбойники, но Аглаус притворился, что не расслышал. И сам спросил Ио:

– А тебе тот человек, что дал мне деньги, нравится?

– Не так, как мой хозяин и чернокожий или как Полос. Но он, по-моему, хороший человек и приятель Гиперида, нашего старого капитана и большого друга.

Аглаус кивнул и задумался. Потом спросил:

– А этот старик?

– Он, кажется, вроде раба у Фемистокла. Они так, правда, не говорят...

Хотя он совсем не злой и очень старается помочь Латро.

– А женщина?

– Я очень люблю нашего чернокожего, а он любит ее.

– Я слышал про таких чернокожих, да только сам ни одного не видал. – Аглаус усмехнулся. – Наверно, это не так плохо – быть чернокожим.

Интересно, а мы ему странными не кажемся?

– Не знаю, – призналась Ио. – Я об этом как-то не думала. – Она помолчала. – По-моему, мы ему кажемся не очень красивыми. А ты заметил у него на щеке шрам?

– Не мог не заметить, – кивнул Аглаус.

– Это от удара мечом, и я была рядом, когда его ранили.

Он очень много крови потерял, и тогда он был намного светлее, примерно как моя рука.

– Этот парень, Тиллон, по-моему, ничего, а? А второй?

Как его звать-то?

– Диаллос. Они оба ничего плохого тебе не сделают.

– А этот спартанец с одной рукой?

– А вот от него держись подальше, – посоветовала Ио.

– Понятно. Ты других-то спартанцев знаешь?

– Не очень хорошо, – призналась Ио. – Знала еще Эвтакта и Басия, да только они оба умерли.

– Что ж, они лучше этого были?

– Да, чуточку лучше, – сказала Ио. – Нет, впрочем, Басий был значительно лучше! А Эвтакт... ну, Эвтакт был довольно суровый, но не злой. Если кто-то его не слушался, он их бил или наказывал, но вовсе не потому, что ему это нравилось. Просто чтобы они боялись в другой раз его послушаться. И еще, по-моему, он очень любил деньги, но ведь бывают люди и похуже.

Я заметил, что он был храбрым воином.

– А ты его помнишь, господин мой? Но это же просто замечательно!

Я сказал, что помню, как принесли в жертву девочку и как Эвтакт вдохновлял своих бойцов в том сражении, пока не умер.

– Меня там не было, – удивленно заметила Ио, – и ты, по моему, даже и не рассказывал мне об этом. Это было уже после того, как Кердона укусила змея?

Я признался, что не знаю.

– А что было после того, как Эвтакт погиб?

Я припомнил Великую Мать и ее обещания рабам, но мне показалось, что лучше об этом вслух не говорить, и ничего не сказал. И все же был очень удивлен, что все это так хорошо сохранилось в моей памяти – ведь помимо этого дня я помнил лишь свое раннее детство да еще страшный бой у храма.

Вскоре мы нагнали человека, который нес мертвого юношу. Покойника звали Ликаон, видимо, он был года на два-три моложе Пасикрата. Рана его была ужасна. Все мы, согласно обычаю, выразили отцу покойного сочувствие, а Аглаус низко ему поклонился.

– Я о тебе слышал, – сказал несчастный отец Фемистоклу. – Я ведь служил в армии. Как и сыновья мои.

Потом они еще некоторое время вежливо беседовали в том же духе; я не очень прислушивался, наблюдая за теми, кто нес труп, и за их спутниками.

Их было семеро, и они как-то чересчур внимательно к нам приглядывались – особенно к Пасикрату, к чернокожему и ко мне. Те, у кого руки были свободны, не спускали их с рукотей больших охотничьих ножей и с дротиков.

Потом отец мертвого юноши расстелил свой плащ поверх

нашего скарба в повозке и велел своим спутникам положить покойника туда. И тогда все сразу расслабились, заулыбались, и я обнаружил, что тоже улыбаюсь. Я спросил Ио, куда мы идем.

– К ним домой, – с удовольствием сообщила она. – Мы там переночуем, а завтра поможем им с похоронами.

Фемистокл тоже снял плащ. И вместе со стариком укрыл им мертвого юношу.

Дом был очень старый и поистине огромный. Там даже сторожевая башня была. Неподалеку виднелись еще дома, и все постройки были обнесены каменной стеной в два раза выше человеческого роста. Отца мертвого юноши зовут Ортиген; у него еще восемь живых сыновей и очень много дочерей.

Аглаус говорит, что у него уже было три жены и он их всех пережил.

Один из молодых людей побежал вперед, чтобы предупредить тамошних женщин о случившемся. Они встретили нас на дороге, плакали и рвали на себе волосы. Вскоре старший из сыновей Ортигена предложил Пасикрату, чернокожему и мне вместе с его братьями и другими мужчинами загнать того кабана, который убил Ликаона. Нам всем очень хотелось пойти с ними, в том числе и Полосу, но мальчика я не пустил, напомнив ему о ране, которую кабан нанес покойному.

Мы были довольно далеко от дома, когда наконец услышали лай гончих – они лаяли отрывисто, возбужденно, видимо,

загнали зверя и вынудили его обороняться. Все бросились туда; Пасикрат с чернокожим вскоре всех обогнали. Хоть я и бежал изо всех сил, но все же сильно от них отстал; мы бежали наравне с одним из братьев Ликаона, он даже чуть позади меня.

Мне было стыдно, что Пасикрат меня обогнал. Я его недолюбиваю, а он меня, по-моему, просто ненавидит. И я решил добраться до загнанного зверя более коротким путем. Как мне показалось, я такой путь обнаружил, однако через минуту я остался совершенно один, все еще в пылу погони, но никого уже не видя и не слыша вокруг. На пути у меня попадалось то одно препятствие, то другое: сперва заросли колючего кустарника, потом трещина, через которую мне было не перепрыгнуть. Злясь на собственную глупость и едва пробираясь шагом вместо того, чтобы бежать, я вышел на открытое пространство.

И тут Фортуна, которая только что сыграла со мной такую отвратительную шутку, решила мне улыбнуться. Не более чем в полустадии от меня, искоса на меня поглядывая одним глазом, стоял гнедой жеребец, почти еще жеребенок; он подбежал на мой свист с такой готовностью, словно знал меня всю жизнь.

Здесьняя местность слишком камениста для езды верхом, однако я заметил сразу, что по крайней мере стадии две проехать можно. Мне бы хоть до края долины добраться, к кабану поближе! Я вскочил на коня, и мы понеслись неровным

галопом.

Дальше мне придется основываться на том, что рассказывал мне об этой охоте чернокожий (жестикуюлируя и то и дело прибегая к помощи жены). Кабан засел в старом волчьем логове, и гончие не могли взять его сзади. Кто-то уже побежал в селение за огнем, чтобы выкурить зверя, но не успел этот человек пуститься в путь, как Пасикрат присел на четвереньки и нырнул в логово сам. Если это действительно так, то он безусловно не только самый храбрый человек на свете, но и самый глупый.

Кабан тут же повернулся и бросился на него – чего, собственно, от него и ожидали. Пасикрат попал ему дротиком в плечо, дротик скользнул и глубоко пропорол зверю бок. Клыки, что убили сына Ортигена, успели лишь легко коснуться бедра спартанца. Если бы логово было более тесным, кто-то из них – или оба – уже, без сомненья, погиб бы.

Когда кабан развернулся и бросился к выходу из норы, чернокожий, по его словам, вовсе не был первым, кто бросил в зверя дротик; однако именно его дротик застрял в туше кабана, когда тот, прорвав кольцо гончих, бросился в лес и вылетел на опушку прямо передо мной, восседавшим на гнедом жеребце.

Стая гончих неслась за зверем по пятам.

Не могу сказать, послушался ли молодой конь моей руки или же по собственному почину бросился на кабана. Мне просто повезло, как потом говорили сыновья Ортигена, и я

был на волосок от гибели, когда так удачно метнул в него свой дротик.

Кабан сразу будто споткнулся, и гончие мгновенно облепили его, как муравьи дохлого жука. Впрочем, все это я тут же позабыл благодаря тому, что случилось далее; хотя сейчас, когда я пишу об этом, мне кажется, я снова вижу этого кабана, его огромную темную голову со сверкающими белыми клыками, занесенными для решающего удара.

Никто так и не смог мне сказать, чей это конь, хотя братья убитого юноши посоветовали мне оставить его себе, пока кто-нибудь другой не вздумал предъявить на него права. Я спешился – честно говоря, мне очень хотелось извлечь из кабаньей туши свой дротик и посмотреть, попал ли я кабану прямо в сердце или не попал. Дротик действительно пронзил зверю сердце. А вот гнедой, поскольку всем было не до него, куда-то исчез, хотя я бы, конечно, стал искать его и поймал бы, если б не узнал о том, насколько серьезно ранен Пасикрат.

Кабана выпотрошили и бросили его внутренности собакам, как велит обычай. Кто-то срезал молоденькое деревце, и мы как раз привязывали кабана за ноги к этому деревцу, когда к нам подошел Пасикрат, опираясь о плечо чернокожего. Ему хотелось знать, кто убил кабана, – и, по-моему, особого восторга он не испытал, когда ему сказали, что это я. Тем не менее он поздравил меня и протянул мне руку. Не думаю, что он мне когда-либо нравился, но в тот момент я

его почти любил.

– Я останусь с тобой, – сказал я ему, – пусть они пойдут вперед с кабаном. Может быть, кто-нибудь приведет для тебя лошадь.

– Вовсе ничего этого не нужно, – тут же заявил Пасикрат. – Я и сам прекрасно доберусь, я знаю дорогу.

Тогда чернокожий на пальцах объяснил мне, чтобы я шел вместе с остальными, которые понесут кабана, а потом постарался подогнать сюда повозку Фемистокла, если удастся.

Я согласился и поспешил вперед. И тут я успел увидеть, как среди деревьев мелькнул Полос – я видел его не во весь рост, а лишь до пояса.

Глава 34

ПИР ЗАКОНЧЕН

Ели и пили очень много – по-моему, даже слишком. Сколько-то я потом проспал и, проснувшись, обнаружил, что валяюсь прямо посреди двора вместе со многими другими людьми. Мне стало стыдно, я встал и пошел от дома к шумевшей неподалеку реке, туда где брод. Там меня сперва вырвало, потом я умылся, снял свой хитон, выстирал его в холодной горной реке, отжал хорошенько и повесил на ветку, чтобы немного подсох на ветру.

Солнце уже почти село, и я подумал, что лучше все же вернуться в дом. Я надел свой влажный хитон и пошел поговорить с хозяином – его зовут Ортиген; потом я зажег лампу и перечитал вчерашнюю запись в дневнике. Как же мне теперь жаль, что я прямо не написал о том, кого видел! Кто такой, например, "козлоногий человек"? Козопас? Но ведь я знаю и нормальное слово, которым обозначают тех, кто пает коз!

Этот день был посвящен погребальному ритуалу, хоронили Ликаона, сына Ортигена. Ио помогала остальным женщинам обмывать тело и умащивать его благовониями. Женщин там было по крайней мере тридцать, хотя со всей работой

легко могли бы справиться три, однако каждая женщина в селении хотела как-то поучаствовать в обряде – и поучаствовала. Когда все было готово, Ликаона обрядили в лучшие одежды и красивый зеленый плащ, а на ноги надели новые сандалии с ремешками.

Между тем рабы Ортигена срубили старую оливу, очень большую и уже наполовину засохшую. Они распилили ее и накололи дров. Пока мужчины занимались этим, дети собрали полные корзины ветвей оливы и сплели Ликаону венок из них, украшенных листьями.

Ортиген и его сыновья с помощью Фемистокла, Симонида, чернокожего и меня, а также других мужчин приготовили Ликаону ложе: сперва аккуратно положили слой сосновой щепы, потом – дрова из оливы, а в середине оставили углубление, куда насыпали кучу листьев. (Пасикрат ни в чем участия не принимал из-за раненой ноги.) Ио, которая оставила других женщин, теперь руководила изготовлением венка и вскоре принесла его. И только когда венок надели Ликаону на голову, в рот ему вложили монету; по словам Ио, монета была маленькая, потертая, но зато из чистого золота.

Когда все было готово, братья Ликаона подняли его и понесли, а отец, сестры и все остальные женщины пошли следом. Его отец и братья мужественно хранили молчание; однако женщины плакали, вопили, а Ио с Биттусилмой вторили им.

Каждый брат по очереди выступил с речью, рассказывая

какой-нибудь эпизод из жизни Ликаона, где покойный проявил особую смелость, находчивость, доброту и тому подобные качества; в основном они говорили кратко, только двое оказались многословными. Затем отец описал знамения, которые сопровождали рождение его сына на свет, пересказал все полученные Ликаоном пророчества и пояснил, как именно сбылось каждое из них.

Симонид прочитал стихи, специально написанные им по этому поводу. Он описал горе благородных предков Ликаона, когда они встречаются его и ведут в Страну мертвых. (Потом я спросил Ио, понравились ли ей эти стихи. Она сказала, что понравились, но она все же находит их слабее тех, которые слышала однажды на похоронах знакомого моряка.) Ортиген снова взял слово и объяснил всем, что Симонид – известный поэт с острова Кеос. Он также искренне поблагодарил Пасикрата и Фемистокла за желание проводить его сына в последний путь.

Пасикрат говорил очень кратко; он заверил жителей Аркадии в дружбе Спарты и объяснил, что полез в волчье логово, где засел кабан, исключительно из желания отомстить за гибель Ликаона.

Фемистокл начал с дружбы между Афинами, Аркадией и Спартой. Лишь в таких вот местах, сказал он, и соблюдаются еще старинные традиции эллинов.

Именно здешние жители должны стать учителями остальной Эллады, должны напомнить людям о высоких идеалах

их предков, и примером соблюдения этих идеалов является лежащий перед нами юноша. Затем он сказал, что здесь есть человек, который каждый день забывает абсолютно все, что произошло с ним накануне, однако он не забыл тех уроков, которые были преподнесены ему в юности, а потому – хотя он еще и не успел стать мудрым – он благороден, справедлив и смел. (Я не знал, что он говорит обо мне, пока не увидел, что ко мне повернулось сразу столько лиц, а Ио стала подталкивать меня в бок своим остреньким локотком. Вся кровь бросилась мне в лицо от смущения, я даже чуть было не совершил какое-нибудь непотребство, чтобы Фемистокл никогда больше так не хвалил меня. Честно говоря, ощущение у меня такое, что всяких непотребств я и так совершил великое множество.) Таков был и Ликаон – продолжал между тем Фемистокл. Он тоже испил из источника забвения – вкусив последний благодатный дар добрых богов, которые так заботливы к своим мертвым; однако те уроки, которые он получил в этом доме, остались в его памяти навечно, а потому среди мертвых он будет принят как герой.

Людам не дано избежать смерти, бессмертие даровано лишь богам; для человека же главное в том, что принесет его смерть близким: добро или зло.

Сегодня Аттика, Лакония и Острова вместе с Аркадией оплакивают гибель ее сына. Если варваров и покорили – возможно, навсегда, – то именно благодаря этому союзу.

После речи Фемистокла Ортиген велел принести факел, и

тут женщины завыли вовсю. Они вопили, плакали, рвали на себе волосы, они царапали себе лица, пока кровь не потекла ручьями, – они оплакивали не только Ликаона, но и всех умерших, вкладывая в его уши послания любви, утешения и тоски, чтобы он повторил все это их дорогим покойникам, когда окажется среди них в царстве теней. Ортиген, Фемистокл и даже моя маленькая Ио написали письма и вложили их в складки пеплоса юноши.

Потом к сосновой щепе поднесли факел. Огонь занялся сразу, с треском, вскоре перешедшим в рев. Последнее ложе Ликаона окуталось языками красного пламени. День был жаркий, ясный и почти безветренный. Дым ровным столбом подымался в голубое небо. Мы все отступили от костра; но даже и на расстоянии то у одного, то у другого оказывались опалены волосы. В ревушем пламени мне привиделся лик самой Смерти; я быстро отвернулся и стал смотреть на зеленую траву луга, где пасся скот, и на прекрасные гибкие оливы, которые пока что считаются моими – хотя на самом деле принадлежат они Ортигену. Скоро и ко мне придет смерть, только, наверное, оплакивать меня будут не так бурно, а вскоре и вовсе забудут – помнить будет лишь кое-кто, да и то благодаря этим свиткам.

Жертвенными животными были молодой бычок, три барашка и три черных козла. Они посвящались хтоническим богам и были частично сожжены на погребальном костре Ликаона. Зажарен был и тот кабан, на которого мы охоти-

лись вчера; для всех угощения было более чем достаточно. Чернокожий сказал, что это я убил кабана, о чем я, разумеется, уже успел позабыть. Он также говорит, что во Фракии мы тоже видели какого-то кабана, который был значительно крупнее этого. Только того так никто убить и не сумел.

* * *

Аглаус остановился, чтобы поговорить со мной, и я спросил, сколько ему лет. Ему пошел тридцать второй год, хотя выглядит он значительно старше – наверное, потому что волосы у него уже начали седеть, да и зубов маловато осталось. Он спросил, не являются ли те буквы, которыми я пользуюсь при письме, чем-то вроде рисунков. Я объяснил, что так оно и есть. "А", например, обозначается головой быка и так далее. Однако же я совсем не быка имею в виду, когда пишу букву "А". Я показал ему, как пишется его имя на моем языке, выводя буквы на земле.

Он считает, что тот козлоногий человек – это бог, который живет в горах Аркадии. Его зовут Бог всего⁶⁸. Я спросил, почему его так странно называли, и Аглаус сказал, что это чет-

⁶⁸ Имеется в виду Пан, сын Гермеса, происходящий из Аркадии; Пан был похотливым созданием с ногами козла. Его опасались в тишине полуденного зноя и во время полуденного сна. Пан способен был вызвать панический ужас. Он, например, наслал панику на персов перед битвой при Марафоне. Из-за сходства с греческим словом «пан» («все») Пана толковали и как «божество всего».

вертый сын Времени и Земли, хотя его братья не признают его притязаний на власть в четвертом мире, то есть в нашем. Остальные три мира – это небо, море и Страна мертвых, что лежит под нами. Это божество наводит ужас на тех, кто тревожит его полуденный сон.

Я спросил, видел ли его когда-нибудь сам Аглаус. Он сказал, что видел. Ио, которая прислушивалась к нашей беседе, сказала, что этот бог помогал афинянам во время битвы при Марафоне.

Когда Аглаус ушел, я спросил Ио о том письме, которое она положила на грудь Ликаону. Сперва она мне ничего говорить не хотела, но когда я пообещал, что больше никому не скажу, она сказала, что это письмо ее родителям. Она так и не знает, умерли они или нет, но полагает, что, должно быть, умерли. Она написала им, что живет хорошо и счастливо, а также – что у нее есть хороший муж, но она все равно очень по ним скучает.

Я спросил, кто этот "муж", но она заплакала, и я принялся ее утешать.

Теперь осталось записать только то, что я сказал Ортигену.

Я нашел его у потухшего погребального костра. Он сидел и смотрел на угли. Вокруг было полно народу, но все спали. У него был целый бурдюк вина, и он предложил мне выпить, но я отказался. Он спросил, видел ли я когда-нибудь его сына живым. Я не помнил, так что покачал головой.

– Он был не такой огромный, как ты, – сказал Ортиген. – У нас здесь редко встречаются такие великаны. Но благородная кровь нашего старинного рода в нем чувствовалась.

Я сказал, что мне все говорили, какой это был замечательный юноша.

– Ты что же, из будинов?⁶⁹ – спросил Ортиген. – Или из какого-нибудь гетского племени?

Я что-то пробормотал, но, по-моему, он моего ответа не расслышал.

– Наш род участвовал в битвах на ветреных равнинах Илиона, – сказал Ортиген. – А вот мой бедный мальчик никогда в жизни, кроме этих гор, ничего не видел!

*Я сыну почести сегодня воздаю.
Достойной жизнью долг сполна он отдал
Богам, что ему славу обещали.
Увы! И жизнь была кратка, и славы он лишен -
Ведь гордый царь ахейцев, как и весь его народ,
В изгнании таится, себя бесчестя и детей позоря.*

– Вот какова наша тайна! – воскликнул с горечью Ортиген. – Теперь ты ее знаешь. Впрочем, ты же все равно все забываешь. Знаешь, кто такие ахейцы?⁷⁰

⁶⁹ Одно из скифских племен.

⁷⁰ Ахейцы во II тысячелетии до н.э. заселяли северо-восточную часть Фессалии и гористое побережье Пелопоннеса, где первоначально жили ионийцы. В поэмах Гомера ахейцами называются все греки. В 419 г. до н.э. спартанцы (дорийцы)

Я признался, что не знаю этого.

– Это мы, – сказал Ортиген. – А я и есть тот царь ахейцев, что вынужден скрываться. Думаешь, мы сможем когда-нибудь отвоевать свои земли? Ничего подобного! Народ – он ведь как человек: только стареет, а молодости вернуть не в силах. Мой сын имел несчастье родиться молодым среди одряхлевшего народа. Таким же, как я когда-то. Благодарю богов за то, что твой народ еще молод! Каков бы он ни был.

* * *

Утром мы пересекли пределы Лаконии. Фемистокл отдал Аглаусу обещанные деньги и сказал, что более в его услугах не нуждается; но когда мы остановились, чтобы позавтракать, то обнаружили, что Аглаус все это время тащился за нами следом, что ужасно разозлило нашего спартанца. Фемистокл позволил Аглаусу поесть с нами, однако велел ему возвращаться домой, но тот стал униженно просить, чтобы ему позволили служить нам просто так, без платы, подобно рабу; он сказал, что согласен делать любую работу, которую Тиллон и Диаллос сочтут слишком тяжелой для себя. Фемистокл покачал головой и отвернулся.

Тогда Биттусилма с Ио отозвали меня и чернокожего в сторонку и предложили нам самим нанять Аглауса в слуги.

одержали над ахейцами победу при Матинее и привнесли свои порядки в ахейские полисы.

Оказалось, что и у чернокожего, и у меня есть деньги (мои хранятся у Ио и в настоящий момент едут на повозке), и мы могли бы платить ему по оболу в день по очереди.

Чернокожий засомневался, но я сказал, что если он не хочет, то я сам найму Аглауса, чтобы он прислуживал мне, Ио и Полосу. Тогда чернокожий тоже согласился с предложением Ио и Биттусилмы. Аглаус очень обрадовался, когда я ему об этом сказал, и, по-моему, даже Фемистокл и Симонид были рады, хоть и притворялись, что им это безразлично. Тиллон и Диаллос теперь приветствовали Аглауса как своего товарища.

Я ничего не говорил, только кивал, пока Ио объясняла Аглаусу его новые обязанности; я был рад, что он остается с нами. Когда он подсел к нам за трапезой, я вспомнил серебряную колесницу и то, как стоял в ней и держал вожжи, хотя в колесницу не было впряжено ни одного коня. Возможно, все это я просто выдумал – когда создавал тот дворец моей памяти, – но я не уверен; мне кажется, что дворец по-прежнему стоит там, окруженный скалами.

Если присутствие Аглауса поможет мне еще что-то вспомнить, я стану платить ему гораздо больше, чем один обол.

* * *

Нынче вечером я читал о кремации Ликаона и о том, что мне сказал Ортиген. А потом спросил Пасикрата, называли

ли жителей Аркадии ахейцами.

Он сказал, что нет и что ахейцы давно все уничтожены дорийцами (то есть его предками), которые перерезали всех ахейских мужчин, а женщин забрали в плен. Аглаус подтвердил его слова – однако вид у него при этом (а может, мне это только показалось) был, пожалуй, чересчур серьезный.

Глава 35

СПАРТАНЕЦ КИКЛОС

Тот спартанский архонт, для которого у меня было письмо от Кимона, пригласил меня вместе с Ио и Полосом в свой дом. Я совсем позабыл о письме (как позабыл и о человеке по имени Кимон), но Ио напомнила мне об этом письме и сказала, что я закатал его в свой свиток. Киклос – человек среднего роста, с сильной проседью в волосах, но не всякий юноша может держаться так прямо, как он. Я ни разу не видел, чтобы он улыбался.

Следует отметить, что тот раненый спартанец, что все время шел с нами, побежал вперед, стоило нам подойти ближе к Спарте. Бежать ему явно было очень трудно, что, впрочем, никак не отразилось на его физиономии, да и на раненую правую ногу он опирался с той же силой, что и на левую. Но когда он оглянулся, чтобы махнуть нам на прощанье рукой, лицо у него было совершенно белым от боли. Присмотревшись, я увидел, с каким напряжением он бежит и как он два раза даже чуть не упал. Фемистокл и Симонид пытались отговорить его, но он сказал, что это его долг – объявить о нашем прибытии, и, пока он будет в состоянии выполнять свой долг, он будет это делать. Я предложил послать вместо него

Полоса, который бегают очень быстро, но он даже и слышать об этом не захотел.

Он, должно быть, добежал до Спарты гораздо раньше, чем туда прибыли мы, потому что прием нам был устроен просто великолепный. Все пять спартанских Судей-архонтов вышли из городских ворот нам навстречу в сопровождении по крайней мере двух сотен спартанцев в полном военном снаряжении. Их доспехи блестели на ярком солнце, как золотые. Вместе с ними шел женский хор, который, как говорят, славится не только своим умением петь, но и исполнением самых различных музыкальных произведений, а вместе с хором явилась большая группа очаровательных юных танцовщиц.

Особенно горячий прием был оказан Фемистоклу, которого обнимали по очереди все Судьи, и каждый выражал свое восхищение его воинскими талантами, особенно проявившимися во время какой-то крупной битвы (в которой, по словам Ио, принимали участие и мы с чернокожим). Потом они стали спрашивать обо мне и также очень тепло меня приветствовали. Я сказал, что, насколько мне известно, я ничем особым не заслужил подобного расположения, однако постараюсь заслужить его в будущем, и они, похоже, остались очень довольны моими словами. Вот тут-то Ио и передала мне то письмо, и, поскольку Киклос уже представился мне, письмо я отдал прямо ему.

В Спарте нас для начала отвели во дворец Агисов, это ста-

ринный царский род. Павсания мы, правда, не видели – а он, по слухам, считается здесь самым главным – но Симонид сказал, что завтра мы наверняка увидим его во время предстоящей церемонии. Вместо Павсания нас приняла седовласая царица Горго⁷¹ и ее сын, царь Плейстарх, мальчик одних лет с Полосом. Горго сказала, что помнит Ио и меня с тех пор, как мы впервые побывали в ее городе, и спросила Ио, что случилось с той красавицей, которая была вместе с нами. Ио сказала, что ее убили при осаде Сеста. Горго кивнула и сказала, что предвидела эту смерть, внезапную и жестокую. Надо не забыть расспросить Ио об этой женщине; эту мысль я поместил среди различных украшений на лестнице во дворце моей памяти.

Надо отметить, что дворец Агисов ничуть не похож на величественный дворец моей памяти, где я пробую хранить все то, что хотел бы помнить. Это самый обыкновенный каменный дом. Адом Киклоса, в котором мы находимся сейчас, даже и не каменный, а сделан из глиняных кирпичей и к тому же вовсе невелик.

Нужно непременно записать все, что мне сказали по поводу завтрашней торжественной церемонии. Прежде чем лечь спать, я положу этот свиток на видное место и утром все перечитаю, чтобы правильно вести себя во время торжеств, даже если Ио в какой-то момент рядом не окажется.

⁷¹ Горго (греч. «грозная») – вдова знаменитого спартанского царя Леонида, мать малолетнего царя Плейстарха и главная жрица храма Артемиды Оргии.

Во-первых, все начнется с восходом полной луны – здесь это считается весьма существенным. Мы с Симонидом довольно долго беседовали нынче с Киклосом, и он рассказал, что здесь все очень беспокоились, не опоздаем ли мы к полнолунию, потому что если бы мы опоздали, многие важные части церемонии пришлось бы опустить. Я лежу между лап пантеры: "Каждый должен быть на своем месте еще до восхода луны" – таково правило.

Во-вторых, вместе со мной две тысячи людей будут удостоены великой чести стать жителями Спарты, хотя именно я считаюсь среди них главным.

Чтобы не возникло ошибок, способных оскорбить Триодиту⁷², каждого из нас должен сопровождать помощник-поручитель, молодой спартанец, который уже несколько раз репетировал всю церемонию. Моим помощником будет Гиппоклис, он работает под началом Киклоса; он такой же молодой и высокий, как я, и я бы назвал его красивым (хотя, пожалуй, челюсть у него несколько тяжеловата), но Ио он не нравится. Она сказала, что он из того же теста, что и Пасикрат, тот однорукий спартанец, который бежал впереди, чтобы сообщить о нашем прибытии. Я решил, что они, возможно, близкие родственники, и спросил Гиппоклиса, не братья ли они. Он улыбнулся и сказал, что они очень-очень дальние родственники, но хорошие друзья.

⁷² Триодита – эпитет Гекаты, богини трех дорог; также отождествлялась с Артемидой и Селеной.

– У тебя будет самая трудная задача, – предупредил я его, – если я здесь считаюсь главным – ведь я все забываю, как тебе, наверное, уже сказал Симонид.

Он дружески положил руку мне на плечо и улыбнулся:

– Вовсе нет, Латро. Нет, это остальным будет трудно. – И действительно, из всех молодых людей, которые находятся при Киклосе, только Гиппоклис, похоже, и беспокоится как-то о предстоящих завтрашней ночью торжествах. Я "положил" его имя – Гиппоклис – во дворце своей памяти слева от главного входа, у порога.

В-третьих, подготовка участников начнется задолго до заката. После завтрака все мы должны собраться на берегу Эврота, с северной стороны храма. Там мы и наши помощники при дневном свете должны потренироваться в том, что нам придется делать ночью. Ио тоже хочет пойти; Гиппоклис говорит, что это разрешается, хотя ей придется остаться в толпе зрителей.

Эти слова "все мы должны собраться" я пишу на полу дворца своей памяти – перед золотым шаром солнца, который катят синие жуки-скарабеи.

В-четвертых, наконец, опишу порядок прохождения церемонии, потому что не уверен, будет ли у меня возможность что-либо записать после репетиции.

Сперва будет петь мужской хор, затем принесут жертву от имени всей Лаконии. Предполагается, что знамения будут благоприятными, потому что несколько раз уже выясня-

ли, чего именно хочет богиня, и каждый раз она настаивала, чтобы церемония состоялась.

После жертвоприношения будут произнесены речи в честь Фемистокла и тех, кто получает право гражданства; я точно не знаю, сколько их и как все это будет происходить. Затем выступит сам Фемистокл – с хвалебной речью в адрес спартанцев и их союзников, прославляя их за ту великую роль, которую они сыграли в этой войне.

Затем на голову его возложат венок из клевера. Сделают это два спартанских царя. (Мне кажется очень странным, что Спарте так уж необходимо иметь двух царей, но Аглаус и Ио дружно подтверждают, что это так и есть. Полос же знает об этой стране не больше меня.) Мы должны кричать очень громко и радостно, когда этот венок будут возлагать Фемистоклу на голову. Затем ему преподнесут дары; насколько я понимаю, каждый из пяти архонтов, царица Горго и регент – все они сделают ему какие-то редкие и драгоценные подарки, после чего сам Фемистокл преподнесет в дар Царю богов, Зевсу, белоснежного бычка. (Этот бычок – один из тех даров, которые он должен получить.) До этих пор я и все те, кто будет назван свободными гражданами Спарты (перизеками), будем всего лишь зрителями; но затем мы должны отбросить свою одежду и омыться в водах Эвроты. Затем помощники благовонными маслами умастят наши тела и подадут нам полотенце и новую белую одежду.

Соответствующим образом подготовившись, мы постро-

имся в колонну во главе со мной и Гиппоклисом (я должен стоять справа от него) и пройдем перед храмом Ортии, где нам дадут факелы и подношения для богини и жриц, заранее приготовленные нашими помощниками. (Во время подношения нами даров будет петь женский хор.) Затем мы по очереди обойдем все храмы Спарты. Первыми должны идти танцоры, за ними женский хор, а потом уже мы, вторя припеву каждой песни – мне сказали, что припев всегда короткий и очень простой и что он нам успеет надоесть еще во время репетиции. В каждом из храмов сто человек совершат жертвоприношения. (Всех их уже предупредили об этом; мы так и будем идти – по сто.) Когда мы вернемся к храму Ортии, я должен буду поднести богине свои дары, и вместе со мной дары принесут все те, кто еще не успел этого сделать. Регент Павсаний, пятеро судей и оба царя пройдут по рядам неофитов в сопровождении жриц. По мере того, как они будут каждого по отдельности провозглашать свободным, стоящая рядом жрица будет надевать неофиту на голову венок из диких цветов. Я буду первым из освобожденных – обряд этот совершит сам регент и царица Горго. Я должен каждого поблагодарить – кратко, внятно, искренне, но скромно. Как только я закончу свою речь, я должен бросить свой факел в реку.

К тому времени, когда будет освобожден последний раб, должно быть готово мясо жертвенных животных. И начнется всеобщий пир. И, как предупреждал меня Симонид, вино

польется рекой.

Во дворце моей памяти есть одна статуя – Гидра с семью головами и четырьмя лапами. Я все предстоящие действия распределил по ее головам и конечностям: первые жертвоприношения, речи, выступление Фемистокла, подношение ему даров, его собственное жертвоприношение богам, наше очищение в реке, распределение факелов и жертвенных даров, прохождение по городу, мои дары богине, церемония освобождения от рабства и утопление факела в реке.

Ио спросила, не видел ли я нашего чернокожего. Мы отыскали его в гимнасии неподалеку, где он смотрел, как Гиппоклис учит Полоса орудовать спартанским мечом. Ио показала нам маленькую комнатку без окон напротив той, где спим Ио, Полос и я. Там всего лишь пара дубовых колодок, укрепленных бронзой и железом; на полу кровавые пятна. Ио с чернокожим нашли на стене место, где ее чинили. Они говорят, что здесь был заключен один человек, которого мы знаем, однако он бежал, проломив эту стену. Оба предупредили меня, чтобы я никому ничего об этом не говорил. Мы вышли из этой комнаты так, что никто нас не заметил, хотя, когда мы шли через двор, нас видел один из подручных Киклоса.

Ио говорит, что будет очень рада поскорее покинуть Спарту – ей здесь очень не нравится. Мне тоже, хотя после завтрашних событий это будет мой город. Ио попросила меня узнать у Киклоса, когда мы отправляемся в Дельфы на

Мы поужинали в казармах той моры⁷³, в которой состоит Гиппоклис.

Это длинное помещение с низким потолком, где нет ничего, кроме столов и скамей. Ио сказала, что мы уже однажды ели в таком доме, когда были здесь в прошлый раз, и предупредила меня, чтобы я даже не пробовал их суп. Я вскоре увидел, однако, что все спартанцы едят его с удовольствием, и тоже попробовал, однако он показался мне каким-то горько-соленым. Копченая свинина, лук и ячмень, тушенные вместе, составили второе блюдо, хотя Гиппоклис говорит, что вообще-то мясо им дают очень редко.

Потом я сидел и слушал разговор Киклоса с Гиппоклисом и другими молодыми людьми, хотя кое-кому из них мое присутствие явно не нравилось. Я бы не сказал, что Киклос красноречив, да и голос у него не благозвучный, а фразы редко бывают удачно построены – однако молодые люди впитывали каждое его слово.

Раб принес вино и сушеный инжир. Я хотел разбудить Ио и Полосу, чтобы они тоже полакомились, но Киклос покачал головой. А я все-таки спрятал для каждого по одной боль-

⁷³ Мора – подразделение гоплитов (щитоносцев) в спартанской фаланге (1024 человека).

шой ягоде.

Хотя обо всем здесь говорилось как о чем-то обыденном, кое-что из сказанного Киклосом показалось мне просто невероятным. Он рассказывал о Кире⁷⁴, царе варваров, который завоевал многие страны и народы. Один из его советников предложил ему перенести столицу Персидской империи туда, где климат помягче, а земля более плодородна. Кир отказался, заявив, что мягкая земля плодит мягких людей. Затем Киклос заговорил о плодородных землях Лаконии, где во множестве произрастает пшеница, ячмень и самые разнообразные фрукты, и спросил: отчего же тогда спартанцы оказались не такими же «мягкими», как их земля?

Киклос также говорил о законе, который превращает женщину во вдову на все то время, что ее супруг находится за пределами своей родной страны.

Сперва он спросил у молодых спартанцев, справедлив ли этот закон по отношению к мужу, а потом (когда никто не ответил на первый вопрос) – справедлив ли он по отношению к жене. Молодые люди заспорили и пришли к выводу, что он несправедлив по отношению к обоим: мужчина не должен терять то, что принадлежит ему по праву, стоит ему покинуть свой дом, а женщина не должна подвергать риску доброе имя своего мужа только потому, что находится с ним в разлуке. Киклос объяснил причину, по которой был принят

⁷⁴ Кир II Великий (Старший) царствовал с 558 по 529 г. до н.э.; основал Персидскую державу, захватил Мидию, Лидию и Вавилонию.

этот закон: это было сделано во имя процветания Спарты, чтобы дети рождались вне зависимости от наличия в домах мужей. А я еще подумал: вряд ли у мужчин после этого могла возникнуть слишком большая тяга к путешествиям.

– Ты бы оставил здесь свою жену, Латро? – спросил Киклос. – Теперь, когда знаешь этот наш закон?

Я сказал, что нет, и все засмеялись.

– Ну тебе беспокоиться нечего, – сказал он. – Этот закон применим только к спартиатам, а не к вам. – Но мне кажется, что он абсолютно справедлив: я-то, конечно же, забуду свою жену сразу же, как нас разлучат.

На самом деле весьма вероятно, что я и сейчас женат, только жена моя считает себя вдовой! Видишь ли, – продолжал он, – наш город в основном ведь защищают именно спартиаты, а не периэки, хотя мы можем в случае нужды призвать в свою армию и вас. Видел ли ты, сколь мощны наши стены?

Я сказал, что вообще никаких стен не видел и даже не думал, что этот город окружен стеной.

– Он окружен стеной из наших щитов! – напыщенно провозгласил Киклос.

Потом зевнул и потянулся. – У нас завтра полно дел – боюсь, как бы мы не проспали.

Я встал вместе с остальными, намереваясь идти, однако он жестом велел мне остаться.

Когда все ушли, я сказал:

– С твоей стороны очень великодушно было принять в

своём доме меня и этих детей, однако, боюсь, мы тебя сильно стеснили. Впрочем, скоро мы, я надеюсь, будем уже на пути в Дельфы, и ты вздохнешь с облегчением.

Он только отмахнулся, наливая мне еще вина. Налил он и себе.

– Гиппоклис говорит, ты отлично владеешь мечом?

Я сказал, что вроде бы не хвастал ему этим.

– Да нет, – покачал головой Киклос, – он просто учил твоего мальчишку и обнаружил, что ты уже успел многое из своего искусства ему передать.

Пасикрат говорит, что ты ему руку отсек и вообще в тебе есть нечто сверхъестественное. То же самое говорит и наш регент...

– По-моему, – сказал я, – я самый обыкновенный человек.

– Ну нет – обыкновенные люди никогда так о себе самих не скажут! По словам Фемистокла, ты все забываешь. А завтра утром ты будешь помнить то, что я говорю тебе сейчас?

Я сказал, что запишу все это в дневник, а утром перечитаю.

Киклос открыл сундук, на котором сидел, и вытащил два деревянных меча.

Один он протянул мне.

– Только в лицо не бить, хорошо? Все остальное как всегда. А теперь попробуй меня убить.

Я ударил его по руке. Он очень ловко парировал и стал наступать; я перехватил его за запястье, швырнул на пол и

приставил свой деревянный меч ему к горлу.

Когда он поднялся на ноги и отдышался, то спросил:

– Как же так получается, что этой науки ты не забываешь?

Я объяснил, что умение и память – вещи различные.

– А ты умеешь управлять колесницей? С четверкой лошадей справишься?

Я сказал, что не знаю этого.

– Утром тебя об этом будет спрашивать Павсаний. Не пройдет и суток, как ты будешь объявлен жителем Спарты и его подданным. Что ты ответишь ему?

Я сказал, что, разумеется, попробую, если этого пожелает правитель моей новой родины.

Киклос отвернулся и прошелся по двору, больше на меня не глядя.

– Наш авторитет значительно упал, – бормотал он. – Сперва Марафон, потом Платеи, Микале, Сест... Однако мы вскоре выведем Фемистокла из игры, а тогда посмотрим. Если мы победим на Пифийских играх – а мы просто обязаны выиграть скачки на колесницах! – и храбро выступим против какого-нибудь из городов Великого Царя...

Я спросил, почему он хочет убить Фемистокла.

– Нет-нет, напротив! – сказал он. – Я намерен возвеличить его – буквально осыпать его почестями и подарками! За такое никто никогда нас винить не станет.

Глава 36

ЗАПЯТНАННЫЕ КРОВЬЮ ДОСПЕХИ

Порванная одежда, искореженные латы и оружие висели в зале царского дворца.

– Все это принадлежало царю Леониду, – пояснил нам сын регента Павсания, Плейстоанакс. – Мой отец подобрал все это у Фермопил, когда вез домой тело Леонида. Мой дед и царь Леонид были братья. Пожалуйста, не трогайте здесь ничего, мой отец никому не позволяет трогать эти вещи!

Я убрал руку, которой дотронулся было до хитона покойного царя, а Фемистокл заверил юношу, что мы ничего трогать не будем. Ио шепнула Полосу:

– Значит, ты хочешь стать великим воином? Видишь, какую цену за это приходится платить?

Полос, похоже, ее даже не слушал; потрясенный, он лишь смотрел на все вокруг огромным темными глазами.

– Все мы смертны, – сказал Плейстоанакс. – Я знаю, что должен умереть, но я бы очень хотел умереть так, как он, – в рукопашной битве с врагом, видя его лицо!

– Вряд ли он видел лицо того, кто его убил, – заметил я. – Ему нанесли сзади удар дротиком.

Плейстоанакс улыбнулся:

– Я вижу, ты многое знаешь о том героическом сражении, господин мой.

Да, царь Леонид прорвал оборону варваров и угрожал их предводителю, один из стражников которого и убил Леонида именно так, как ты сказал.

Фемистокл смотрел на меня прищурившись.

– Не думаю, чтобы Латро мог помнить историю Леонида – если он вообще когда-нибудь ее слышал. Как ты это узнал, Латро?

– По его хитону. Там большое кровавое пятно на плече у ворота, однако на боках крови почти нет; и мне еще кажется, что Леониду, уже мертвому, кто-то отрубил ноги и руки. А вот след от той раны, что оказалась для него смертельной, – круглая дырка на спине, примерно на ладонь выше талии, и совсем небольшое отверстие спереди – там, где наконечник копья вышел из груди.

Плейстоанакс все это время внимательно рассматривал хитон, не решаясь даже коснуться его. Он пока что еще подросток, хотя довольно высокий и, пожалуй, чересчур красивый на мой вкус.

– Дротик пробил заднюю пластину его кирасы, – продолжал я, – прошел сквозь тело и был остановлен нагрудной пластиной. Стрела никогда бы не смогла пробить бронзу, да и отверстие оставила бы поменьше. Разрез от меча был бы более широким, как и от кинжала. А тяжелое копье – если бы ударил всадник – проделало бы огромную дыру, да, пожа-

луй, и нагрудную пластину тоже пробило бы. – Я хотел еще сказать, что дыра на хитоне – если бы ударил своим копьем гоплит – тоже была бы больше, однако вовремя умолк. А потом сказал:

– Царь Спарты не должен был подставлять спину под вражеские копья. Так что, по всей вероятности, кто-то метнул дротик с довольно близкого расстояния, причем метнула его чья-то умелая и сильная рука. И из-за спины.

Молодой однорукий спартаец влетел в зал, оборвав своим появлением мою речь. Из того, что я прочитал с утра в своем дневнике, я знаю, что это Пасикрат. Я поздоровался с ним, назвав его по имени, и, хотя выражение его лица осталось непроницаемым, в глазах вспыхнуло удивление. Однако сказал он только то, что обязан был передать:

– Великий регент сейчас примет вас, в том числе и детей.

– А меня? – Плейстоанакс надменно поднял бровь, что должно было означать, что себя к понятию "дети" он не относит, хотя вряд ли он был старше Ио.

Регент Павсаний поднялся нам навстречу и приветствовал нас самым сердечным образом: обнял Фемистокла, Симионида и меня, потрепал Ио по голове и ласково ущипнул Полосу за щечку. Хотя Ио предупреждала меня, чтобы я не слишком доверял ему, мне он сразу понравился. Его лицо превращено в ужасную маску шрамами от старых ран, из-за которых правый угол его рта постоянно приподнят, словно он усмехается. Однако разве можно винить человека за по-

лученные в бою увечья!

– Это Тизамен, мой прорицатель, – сказал регент, указывая на какого-то коротышку, который тут же вскочил. Увидев его, я быстро посмотрел на Ио.

"Мы обо всем поговорим позже", – сказал я ей взглядом. Она мне описывала этого похожего на кролика человечка как самое настоящее чудовище, однако "чудовище" готово было прыгать перед Фемистоклом на задних лапках, стоило тому щелкнуть пальцами.

– Садитесь же, прошу вас. И ты тоже, Пасикрат. Поскольку ты идешь с нами, то почему бы и тебе не послушать нашу беседу.

Фемистокл поднял голову:

– Кимон говорил мне, что ты, великий регент, желал бы, чтобы Латро представлял Спарту в Дельфах? А сам ты будешь участвовать в Играх?

– Да, я туда отправлюсь, и вместе с тобой, если ты не против, – потому-то я и просил вас всех прийти сюда. Это безусловно произведет благоприятное впечатление, если мы сегодня во время церемонии упомянем о нашем решении отправиться на Игры вместе.

Фемистокл и регент уселись, остальные тоже сели, и Фемистокл сказал:

– Я довольно давно не видел соревнований – для меня это большое искушение. Вон Симонид каждый год бывает на Играх.

– Это же моя работа! – скромно заметил старый поэт. – Я прославляю победителей из Афин и даже платы не прошу. Я как бы отдаю тем самым свой долг городу, который так хорошо принял меня, иноземца. А от представителей других городов, если они побеждают, мне порой действительно достаётся богатое вознаграждение.

Регент Павсаний подмигнул сыну:

– Предположим, победителем стану я. Ну как, поэт, ты ведь не заставишь платить меня, а? Разве ты сам – как, впрочем, и Афины – не нам обязан победой при Платеях?

Симонид откашлялся:

– Да, разумеется. Я бы даже сказал, что мы вам обязаны в той же степени, что и вы – всей Аттике, когда Фемистокл – о, это всего лишь пример! – выиграл битву при Саламине. Кстати, кто был тот, кого вы, спартанцы, поставили во главе соединенных флотов? Я забыл его имя... Так или иначе, из двух названных побед я бы считал Саламин более важной – ведь то была первая ваша сокрушительная битва с персами.

Павсаний громко рассмеялся, ему вторили толстенький прорицатель и однорукий Пасикрат, а потом засмеялся и сам Фемистокл. Ио прошептала:

– Но ведь это Фемистокл командовал флотами при Саламине!

Регент вытер слезы, выступившие от смеха у него на глазах.

– Бедняга Эврибиад!⁷⁵ Его славы хватило бы на дюжину полководцев, однако никто не желает выказать ему должное уважение. Если я одержу победу, Симонид, ты сочинишь в мою честь победную оду. Бесплатно, раз ты сам на этом настаиваешь. Впрочем, никто никогда не мог упрекнуть меня в неблагодарности.

Симонид молча ему поклонился.

– Мое участие в Играх, однако, носит лишь номинальный характер, – продолжал Павсаний. – Это не секрет, и сейчас вы узнаете весь расклад: именно моя тетка тренировала нашу команду. Насколько я понимаю, с нею вы уже встречались?

Фемистокл и Симонид кивнули.

– У нее особый глаз на лошадей, и она отлично умеет с ними обращаться.

Однако вам закон известен: ни одна замужняя женщина или вдова участвовать в Играх не может. Вступишь в брак, добра не жди – видно, так решили боги, – пошутил регент. – Мы сперва сочли это не столь большим препятствием – ведь Горго могла бы передать свою команду Плейстарху...

– Разумно, – вставил Фемистокл. – Но что-то не получилось?

– Дело главным образом в самом Плейстархе. Он ведь еще

⁷⁵ Спартанец Эврибиад был верховным командующим греческим флотом при Саламине, а афинянин Фемистокл – главным стратегом. В этой битве был полностью уничтожен персидский флот.

мальчишка, но упрямства у него не меньше, чем у любого взрослого спартамца. И он настаивает на том, чтобы самому поехать в Дельфы – если мы, разумеется, хотим, чтобы он возглавил нашу команду. Полагаю, на самом-то деле он рассчитывает сам поучаствовать в гонках на колесницах, хотя духу предложить это матери у него не хватает.

Фемистокл тихонько засмеялся.

– Ну и, естественно, тетка моя и слышать об этом не желает. Как, впрочем, и наши архонты – они начинают страшно нервничать, стоит одному из царей покинуть Спарту: кто знает, когда варвары вздумают снова начать войну?

Фемистокл сказал примирительно:

– Ну, я надеюсь, война пока что окончена. А царю Спарты грозит куда больше опасностей на Пелопоннесе, чем за его пределами.

– Вот и я так же считаю, – подхватил Павсаний. – Все постепенно приходит в норму. Взгляни на это письмо. Вчера вечером мне его гонец доставил.

Фемистокл развернул папирус и прочел вслух:

– "Привет тебе, славный царь Павсаний Клеомброт! Это пишу я, твой преданный слуга Агис из Коринфа! Добытое тобой на войне имущество, порученное моим заботам, я передал честнейшему Муслаку Библу на весьма выгодных условиях. Муслик уже сегодня вручил мне полных восемь сотен золотых дариков для тебя. Из того, что принесет ему продажа твоего имущества, он намерен оставить себе лишь

каждую десятую монету. Остальное он передаст в течение года, и это составит лишь чуть меньше тех восьми сотен дариков, которые он уже уплатил. Отослать ли тебе это золото? Или же ты хочешь, чтобы я пустил его в оборот? Олово снова поступает на рынок, и мы могли бы неплохо заработать".

Ио прошептала Симониду:

– А я думала, они вообще торговлей не занимаются.

Услышав ее шепот, регент сказал:

– Мы и не занимаемся, дитя мое. Вот, например, Пасикрат уж точно не занимается, да и прочие спартиаты тоже. Но царь Леотихид постоянно занимается куплей-продажей от имени нашего города; и я тоже – от имени царя Плейстарха. Вы теперь знаете о содержании этого письма и легко можете догадаться сами, о каких опасностях там не упоминается. Я понимаю, как они велики – ведь в торговле оловом приходится взаимодействовать с финикийцами, нашими постоянными соперниками и даже врагами (по крайней мере, по сути).

Мы вышли из дворца, и по дороге я спросил Ио, как она считает: действительно ли этот торговый агент регента сотрудничает с врагами Фив?

Павсаний и Фемистокл шли рука об руку далеко впереди нас, так что услышать нас они не могли.

– Они вовсе моему городу не враги, – возразила Ио. – И я о них не так уж много знаю. Зато я достаточно наслышана о Павсаний, и, честно говоря, мне этих финикийцев очень жаль. – Помолчав, она продолжала:

– Да, по-моему, он вполне способен с ними сотрудничать. Он же знает, что именно нужно Павсанию – золото! Как можно больше золота, каким бы способом он его ни добыл! И он прекрасно понимает, что Павсаний не станет высказывать ему вслух свое одобрение даже в случае удачной сделки.

Об этом я не подумал. И в который раз восхитился пронзительным умом этой девочки, хоть и пытался ранее уговорить ее не осуждать так пылко покрытого боевыми шрамами регента. По-моему, именно его внешность прежде всего внушает Ио такое отвращение. Я чувствовал, что ей очень хочется взять меня за руку, но сделал вид, что этого не замечаю, и держал руку плотно сжатой в кулак.

Когда мы добрались до места, где проводятся тренировки (это в семи стадиях от города, по словам Пасикрата), там нас ждала лишь та колесница, которой мне предстояло править. Я взял в руки поводья и немного погонял лошадей, не заставляя их бежать в полную силу. Они мне показались вполне хорошими, прекрасно слушались, однако, на мой взгляд, были недостаточно горячи.

Потом ко мне подошел Полос и сказал, как было чудесно слушать мой столь подробный рассказ о гибели царя Леонида. Рядом никого не было, и никто не мог нас подслушать, так что я признался ему, что тот дротик на самом деле так никто и не метнул – человек, убивший Леонида, стоял с ним рядом и просто проткнул своим дротиком латы царя, ударив его в спину. (Я не понимаю, откуда мне все это известно, но

абсолютно уверен, что именно так все и было.) Полос был озадачен.

– Но разве в таком случае острие бы не прошло сквозь его нагрудную пластину? Ведь просто ударить легче, чем метнуть с расстояния?

– Это верно, – сказал я, – если ты, тренировки ради, просто бьешь дротиком в дерево или во что-нибудь еще в этом роде. Однако в настоящем бою дротик, если его должным образом метнуть, всегда наносит более глубокую рану, чем если им просто ударить. А ударить достаточно сильно в спину того, кого уже сбили с ног, особенно трудно.

* * *

Перечитав все это, я взял свиток с собой, чтобы сделать новые записи, когда выдастся свободная минутка. Царица на своей колеснице пока так и не появилась; так что я пишу. Место здесь очень приятное – ровная широкая площадка, по краям которой растут большие деревья, и в их густой тени могут укрыться и отдохнуть и лошади, и люди, а рядом течет чистый холодный ручей. Дует слабый ветерок, воздух удивительно прозрачен.

Мне показалось, что где-то пастух играет на свирели, и я пошел посмотреть; но это была всего лишь Ио, которая играла на сиринге, которую, по ее словам, сделал для нее Аглаус. Я видел, что для этого он срезал зеленый тростник, набил

трубочки пчелиным воском и перетянул расщепленным лоскутком ивовой коры. Ио сегодня утром уже называла мне его имя, и теперь я спросил, не стыдно ли ей, что у нас такой бедный и жалкий слуга, да еще беззубый – я знаю, что многим женщинам подобные вещи далеко не безразличны.

Ио засмеялась и сказала, что у нас скоро будет другой слуга, потому что у Полоса уже выпадают молочные зубы. У нее-то самой они почти все выпали.

Потом она вдруг стала серьезной и сказала, что очень любит Аглауса, хотя он, как ни странно, чем-то похож на Элату. Я Элату не помню и попытался это скрыть, но Ио сразу все поняла и пояснила, что Элата – жена прорицателя Эгесистрата.

– Она была неплохая и даже нравилась мне, – сказала Ио. – Но я почему-то ее боялась.

Ну вот, Полос что-то кричит.

Глава 37

ВЗГЛЯД МЕРТВЕЦА

Его лицо и застывшие, вытянутые вперед руки видятся мне, стоит лишь закрыть глаза. Он словно пытается поговорить со мной, но я не могу уловить слов. Попробую отвлечься и заняться своим дневником, хотя сперва придется, видно, побить хозяйского раба, чтобы заставить его наконец принести мне лампу. Буду писать, пока не усну от усталости прямо на этом табурете, опершись спиной о стену.

Горго и мальчик, которого они называют своим царем, приехали в ее колеснице. Возничим был раб, довольно мускулистый коротышка, по-моему, весьма неплохо разбирающийся в лошадях. Он стал спрашивать, много ли мне доводилось ездить на колеснице, и, когда я сказал, что не могу сказать с уверенностью, он счел это шуткой, подмигнул мне и толкнул ладонью в плечо.

Царица Горго говорила со мной. В мире нет второй такой женщины! Она спросила, помню ли я нашу первую встречу в храме Ортии. Когда я объяснил, что все забываю, она мягко упрекнула меня:

– Но ты же не мог забыть нашу вчерашнюю встречу в моем доме?

– Конечно нет! – отвечал я. – Разве можно забыть встречу со столь прекрасной и доброй царицей! – Из лести я соврал и, разумеется, тут же покраснел, а потому поспешил переменить тему – заговорил о ее лошадях.

Кони у нее серые, очень ухоженные и красивые.

– Я думаю, это самые лучшие лошади в Элладе, – сказала она. – Мы раньше не раз соревновались с моим племянником, и моя упряжка всегда легко побеждала. Но теперь он говорит, что его колесницу никому не обогнать, если ею будешь править ты. Надеюсь, ты не собираешься пользоваться каким-нибудь колдовством?

Я сказал, что понятия о колдовстве не имею.

Она медленно покачала головой; глаза ее были печальны.

– Ты мне напоминаешь Леонида; ты такой же простой и честный воин, как он. И в тебе, по-моему, заключена та же энергия, что была в нем. Для Спарты очень хорошо, когда в ней встречаются такие люди. Но как же это тяжело для их жен и матерей!

Пока я разговаривал с Горго, Полос внимательнейшим образом осматривал ее упряжку. Он сказал мне, что этим коням очень хочется бежать и они совершенно уверены в своей победе. По поводу той упряжки, которая предназначалась мне, он сказал:

– Они понимают, что им не победить, и хотят одного: поскорее со всем этим покончить и вернуться на пастбище.

– Почему они так уверены, что не победят? – спросил я. –

Они что, сами тебе об этом сказали?

Полос пожал плечами с таким подавленным видом, словно сам был одним из этих коней.

– Они говорят, что тот человек, который управляет ими, всегда заставляет их бежать чересчур быстро, так что они выдыхаются задолго до конца состязаний.

Я опустил перед ним на колено и заглянул в глаза:

– Скажи им, что я не стану заставлять их лезть вон из кожи до самого последнего круга. И кричать на них тоже не буду. А если крикну – значит, до финиша осталось совсем чуть-чуть. Вот тут-то они и должны показать, на что способны. Обещаю, что потом они спокойно отправятся на пастбище.

Можешь это им передать?

– Наверное. Надеюсь, они меня поймут и запомнят эти слова.

Мы сделали три круга по краю поля, которое, как я уже говорил, было довольно большим. Круг начинался и кончался у огромного дуба, под которым мы отдыхали. Горго должна была судить. Она стояла под дубом и поднимала вверх руку с растопыренными пальцами, показывая нам количество пройденных кругов, в чем, собственно, не было никакой необходимости. Когда возникчий на ее колеснице заметил, что я вовсе не гоню своих коней, то ухмыльнулся и поудобнее перехватил поводья. Пусть себе, подумал я, хотя все, даже регент Павсаний, кричали мне, чтобы я ехал быстрее.

Возможно, не стоит об этом писать, но мне доставляло

огромное удовольствие ехать так – быстро и все же не по-нукая лошадей. Казалось, колесница плывет в прозрачном, теплом воздухе утра. С мягкой травы, увлажненной росой, не взлетала еще пыль, а высокие деревья по краю поля и низкие каменные стены сухой кладки, казалось, исполняли передо мной какой-то веселый танец.

Не знаю, на самом ли деле Полос умеет разговаривать с лошадьми.

По-моему, это невозможно. Но когда мы миновали последний поворот, я почувствовал, что моя четверка готова к последнему решающему рывку. Мы сразу и намного обогнали колесницу Горго.

Потом прошли полкруга... две трети... "Давай!" – заорал я, набрав полную грудь воздуха, и кнут мой молнией взвился над головами коней. Они полетели вперед точно дикие олени.

Когда обе колесницы наконец остановились, возникший царицы был разъярен и долго злобно ругался – я некоторые его ругательства вообще никогда не слышал. Пришлось Пасикрату встать между нами, потому что мой соперник все норовил еще и кнутом меня огреть. Регент Павсаний практически не обратил на него внимания и, к моему удивлению, улыбнулся Горго, которая улыбнулась ему в ответ. Что же касается хорошенькой Ио и маленького Полоса, то они прямо-таки сияли от радости. Даже Фемистокл и Симонид цвели улыбками.

Потом возничий Горго бросился к ее ногам и стал что-то очень быстро говорить, все время указывая на ее упряжку. Я не все из сказанного мог разобрать, но знаю, что он молил ее о втором заезде. А это всегда очень плохо – заставлять лошадь дважды в день выкладываться до предела. Хотя во время войны такое случается и куда чаще. По правде, лучше всего сейчас было бы дать лошадям несколько дней отдохнуть после трудного забега.

Однако регент с готовностью согласился на второй заезд. Лошадей выводили, дали им как следует обсохнуть, осмотрели им ноги и наконец разрешили немного попить. Я спросил Полосу, понимают ли наши лошади, что им придется бежать снова. Он кивнул, и я попросил его объяснить им, если можно, что моей вины тут нет. Я был уверен, что после первого заезда они смогут вернуться на пастбище.

Полосу было явно приятно слушать мои слова, и он сказал:

– Они совсем не против. Они даже хотят бежать снова.

Я бы не стал сдерживать их, даже если б мог. Впрочем, я их и не понукал. По собственной воле мчались они, подобно вихрю, держась вровень с колесницей царицы Горго до самого последнего поворота. И тут у ее колесницы вдруг отлетело колесо. Возничий упал, и четверка серых поволокла его по земле. На мгновение мне показалось, что мы его затопчем, но мои кони успели чуть свернуть вправо. Возница лишился чувств, а когда я увидел, как Пасикрат срезает вожжи, намо-

танные у него на руку, то решил, что он и вовсе умер. Однако не успели мы отъехать немного, как возница встал и пошел.

Позавтракали мы прямо под дубом. Еда была так себе, но Ио говорит, что в казармах куда хуже. По ее словам, мы там иногда едим. Она хочет, чтобы я попросил царицу разрешить нам ужинать с нею вместе, хотя в таком случае – и я уже говорил Ио об этом – Киклос непременно обидится и будет прав. Ио спросила Аглауса, где чернокожий, но он мог лишь сказать, что тот куда-то недавно ушел один.

Отправляясь с Гиппоклисом на репетицию, я случайно проходил мимо комнаты, где спят чернокожий с женой, и услышал, как он отдает ей какие-то приказания командирским тоном. Вскоре они оба нас догнали, и жена чернокожего спросила, задыхаясь от быстрого бега, смогу ли я носить свой меч, когда стану полноправным жителем Спарты. Гиппоклис сообщил, что любое оружие у них носить строго запрещено. Тогда она оттащила меня в сторонку чуть ли не силой, а чернокожий тем временем отвлекал Гиппоклиса.

– Сегодня ночью будут крупные неприятности, – едва слышно шепнула мне жена чернокожего. – Мой муж хочет, чтобы я придвинула к двери стол и никого не впускала, пока не услышу его голос. Он собирается на эту церемонию и принесет тебе твой меч, завернув его в плащ. В случае нужды он тебе его бросит.

Я сказал, чтобы она взяла к себе Ио и Полоса, но она возразила:

– Аглаус сумеет защитить их куда лучше меня, а мой муж убьет меня, если обнаружит в моей комнате Аглауса.

Я ничего не стану писать о репетиции; все было довольно скучно, я не могу вспомнить ничего, что стоило бы записывать, разве что скажу, что руководила всем царица Горго.

После ужина мы собрались, как и накануне, ждать восхода луны. Мы стояли в молчании, как нас учили на репетиции; а когда кто-нибудь все же осмеливался говорить, его сразу заставляли умолкнуть молодые спартанцы.

Тот раб, что стоял рядом со мною в темноте (жилистый, жуликоватого вида коротышка), раза два дотронулся до меня, словно желая уверить и себя, и меня, что все это не сон. Я слышал, как во время репетиции эти рабы разговаривали между собой, и знал, что они лучше всех бились на поле брани и были избраны своими соратниками.

Наконец взошла полная луна, и ее приветствовало низкое пение мужского хора. Нет на свете более прекрасного серебряного щита, чем тот, что надет на руку Великой богини!

Едва смолкли мужские голоса, как послышался рев быков. Они выбежали рысцой – один черный и один пегий; каждого держали на цепи, продетой сквозь ноздри, двое сильных мужчин. Жрицы подбросили в огонь дров, и, когда пламя взметнулось в два раза выше человеческого роста, царь Леотихид зарезал обоих бычков, которые, умирая, преклонили перед богиней колена.

Царица Горго и Тизамен (это прорицатель Павсания)

осмотрели жертвенных животных, и Горго провозглашала каждый обнаруженный ею знак богов громким чистым голо-сом.

После этого по очереди говорил каждый из архонтов, восхваляя Фемистокла. А когда он выступил с ответной речью, громко приветствуемый криками всех присутствующих, я случайно столкнулся с молодым спартанцем, который был помощником того жилистого раба. По-моему, спартанец даже не обратил внимания на мою невольную неловкость, но сам я почувствовал, что под плащом у него спрятан кинжал, и подумал еще, что его, должно быть, тоже предупредили заранее, как и меня.

Леотихид и Плейстарх возложили на голову Фемистокла венок, и наши ликующие голоса вознеслись к небесам. Вряд ли имеет смысл перечислять все дары, которые получил затем Фемистокл, – их было слишком много; но, по-моему, самый лучший подарок он получил от принца: серебряную колесницу, украшенную драгоценными камнями и запряженную той самой четверкой коней, на которых я дважды победил упряжку царицы. Это был последний из даров, и я увидел, как широко распахнулись глаза Фемистокла, когда он его получил.

У человека всегда появляется особое выражение на лице, когда он достигает высот, о которых даже не мечтал, – вот такое выражение лица было и у Фемистокла Афинского.

Что же касается меня самого, то на моей физиономии

изумление было написано столь явно, что Гиппоклис даже шепнул мне:

– Что-нибудь случилось?

Я покачал головой и не сказал ему, что помню эту колесницу, что я ее уже где-то видел!

Руки моей коснулся Аглаус, и, когда я обернулся, он указал мне на чернокожего, стоявшего среди зрителей вместе с Ио и Полосом. Луна поднялась еще выше, и свет от священного очага заливал теперь всю площадь.

Я видел узел в руках чернокожего, который он всячески оберегал, стараясь ни в коем случае не коснуться им кого-либо из молодых спартанцев.

Мы омылись в холодных водах Эвроты, как делали это и во время репетиции, но на этот раз мы уже не надели свою старую одежду; наши помощники умастили нас благовонными маслами и облачили в новые белые одежды.

Когда с этим было покончено – а много времени это не заняло, – мы построились в двойную колонну, хотя и не без замешательства (несмотря на многочисленные тренировки). Мне очень хотелось скомандовать, точно на плацу, и я видел по лицам Гиппоклиса и других молодых спартанцев, что им хотелось того же, но все же мы молчали, и, возможно, колонна все же построилась как бы сама собой и довольно быстро именно потому, что мы сдержались.

Без сомнения, марш вокруг города должен был бы нас утомить. Не знаю, как остальные, но сам я почему-то не чув-

ствовал ни малейшей усталости.

Возможно, боевой дух нам поднимали чистые голоса поющих женщин, изящные танцовщицы, все время менявшие фигуры танца, и торжественный вид храмов, где в неровном свете факелов нам улыбались резные лица богов. Наши голоса звонко вторили голосам женщин, прославляя каждого из богов по очереди.

Гораздо скорее, чем я ожидал, наша процессия подошла к концу. Еще один храм – и мы оказались на берегу Эвроты. Последний храм принадлежал богине Ортии – круг замкнулся. И я наконец принес в дар богине серебряную статуэтку, которую припас для меня Гиппоклис, и выбросил свой воючий факел в реку. Те, кто еще не успел принести дары богам, тоже клали к ногам богини статуэтки, но только из свинца. Моя же статуэтка изображала богиню крылатой; накинув на голову длинный шарф, она стояла перед своим священным деревом. И те из ее рабов, которых я мог разглядеть, были зверями лесными или же крошечными воинами, вооруженными луками и пращами⁷⁶.

Регент Павсаний собственноручно возложил мне на голову венок из цветов – в точности как мне и было обещано. Он казался еще более сердечным, чем утром, обнял меня и два-

⁷⁶ Культ Артемиды Ортии в Спарте восходит к крито-микенскому времени, когда эта архаическая богиня считалась (прежде всего на Крите) владычицей зверей, обладавшей весьма агрессивным и решительным характером и губительными функциями. Хтоническая необузданность этой богини близка образу Великой Матери богов Кибеле.

жды приказывал Гиппоклису следить, чтобы ничего плохого со мной не случилось во время грядущего пира. Каждый раз Гиппоклис заверял его, что ничего дурного и не случится. Мне показалось странным, что меня, взрослого мужчину, крупнее и (как мне кажется) сильнее многих, опекают, как ребенка. Я не мог оторваться от сверкавших глаз царицы Горго, однако в том и заключалась моя глупость, вызванная чрезвычайным возбуждением и значительностью момента, что лишь когда на голову мне возложили венок, я понял, что глаза ее сверкают от слез.

Когда начался пир, Ио, чернокожий, Полос и Аглаус присоединились ко мне. Было очень много мяса и вина, фруктов и меда, медовых пирожков и всякого печенья – все, чего только может пожелать душа. Мы ели и пили вволю, а чернокожий даже прихватил с собой фиги, виноград и бурдюк отличного вина для Биттусилмы. К этому времени ставшая красной луна уже склонилась низко к западному краю неба. Половина или даже больше пирующих успели разойтись по домам – по крайней мере, мне так показалось. Я уже позабыл, о чем меня предупреждал чернокожий, сам он, возможно, тоже, хотя узелок, в котором были спрятаны наши мечи, лежал у его ног. Где-то неподалеку не менее сотни гончих гнали оленя, и их лай заглушил уже смолкавший гул пира.

Потом послышался вопль тоски и отчаяния – надеюсь, мне никогда в жизни больше не придется услышать такое! – и появился бегущий человек. Венок из цветущих растений

наполовину свалился у него с головы, а в руке он держал один из тех огромных ножей, которыми пользовались жрицы во время жертвоприношения. Было уже очень темно, однако мне показалось, что человек этот весь в крови. Гиппоклис сразу вскочил, словно желая остановить его, и тут же получил удар в живот кривым ножом. Все это произошло так быстро, что я, точно замороженный, смотрел, как Гиппоклис мертвым сползает к моим ногам, стащив с моей головы праздничный веночек.

Дюжина кинжалов сразу вонзилась в его убийцу; толпа сомкнулась вокруг нас, и я сразу потерял из виду чернокожего и остальных.

Потом мне показалось, что я целый век искал их, но так и не нашел.

Поняв, что уже занимается новый день, я, совершенно измученный и до конца так и не протрезвевший, решил вернуться в дом Киклоса. Несколько раз я здорово споткнулся, но упал лишь однажды, налетев на умирающего раба.

Он, как и я, тоже был в венке из цветов; веночек валялся в пыли на расстоянии вытянутой руки от упавшего. Хотя изо рта несчастного струилась кровь, он все еще пытался мне что-то сказать – то ли просил прощения, то ли хотел о чем-то предупредить, то ли еще что-то, а может, просто просил о помощи. О боги, с какой радостью я помог бы ему! Ведь я узнал его, пытаюсь остановить кровь и вытащив беднягу из тени на лунный свет! Это был тот самый раб, который управ-

лял четверкой серых коней, принадлежавших царице Горго. Я не сделал ему ничего дурного, но воспоминания о его последних минутах до сих пор не дают мне уснуть.

Вернувшись, я узнал, что однорукий спартанец и другие молодые его соотечественники заставили чернокожего, детей и Аглауса покинуть пир, угрожая наказать их в соответствии с законами Спарты, если они не подчинятся.

Похоже, меня обложили со всех сторон.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 38

ПИФИЯ

Жрица этого дельфийского бога очень молода. И кажется доброй.

Я написал это и не знаю, что писать дальше. Однако Кихезипп и моя девочка-рабыня стоят и смотрят на меня.

Они мои записи прочесть не могут, хотя грамоте разумеют. Если я просто так буду что-то царапать в этом свитке, они сразу догадаются и станут меня бранить. Но о чем же мне все-таки писать и зачем? Моя девочка-рабыня спала со мной. Когда мы проснулись, регент спросил, давно ли она моя любовница.

Она сказала, что давно, но я-то знаю, что это не правда. Она просто боится, что Павсаний пришлет мне мальчика.

* * *

И снова они пристают ко мне, заставляя писать. Ио гово-

рит, что я всегда записывал аккуратнo, а Кихезипп утверждает, что в письме легче рассказать о своем недуге – хоть ему, хоть самому Светлому богу, покровителю лекарей, в чьем храме мы находимся. Вообще хорошо просто рассказать о своей жизни – пусть даже папирусу, считает Кихезипп, ибо если мы сами себя слышим, то и боги нас слышат. Ерунда какая-то!

Я спросил Ио, что же мне писать. Она сказала: все, о чем помню. А хорошо я помню только одно: как мать целовала меня в детстве перед сном. А потом, наверное во сне, я умер и отправился в Страну мертвых, в темное царство под этими горами. Долго скитался я среди глубоких пропастей, где таится ночная тьма, среди каменных глыб, воды и бесплодной земли. Я слышал ржание коней Принимающего многих «Аида», а также – лвиный рев. А вскоре я каким-то чудом снова стал бродить по этой земле, и сейчас сижу в шатре Павсания. Но я знаю: они еще придут за мной.

Ио сказала мне, как ее зовут; я считал ее своей сестрой, но, оказывается, она моя любовница. Остальные – регент Павсаний, Киклос (спартанский архонт), Кихезипп, чернокожий со шрамом на щеке, его жена, сердитый однорукий Пасикрат, неугомонный Полос, Амикл и Аглаус – составляют нашу довольно большую компанию. Есть и другие, имен которых Ио мне не назвала. В основном это рабы Павсания. Но теперь, при ярком свете утреннего солнца, сюда собираются тысячи людей.

Мы с Павсанием снова ходили в священную пещеру. Я пишу «снова», потому что, по словам Аполлония, мы здесь уже бывали, хоть я этого и не помню.

Жрица храма сандалий не носит, и вообще здешние жрецы никогда не должны мыть ног. Я не мог отвести глаз от их ужасных ступней, и регент мне все это объяснил. Он сказал также, что спать они обязаны на земле. Впрочем, здесь все так спят, кроме разве что самого регента. Мы совершили жертвоприношение, потом долго молились, потом омыли себя священными водами – в общем, сделали все, что велел Аполлоний. И только тогда вошли в пещеру.

Стены ее были влажны, а свод очень высок. У нас над головами была видна узкая полоска почти черного неба. По ней я и понял, что мы находимся не совсем в мире людей: только что, когда мы стояли на склоне горы у входа в пещеру, небо было светлым, цвета лазури (а это лучший из всех цветов!).

Здесь в священном очаге горели сосновые дрова и стебли белены. Рядом, окутанная сверхъестественным мраком, сидела на своем треножнике юная пифия, скрытая от посетителей легким газовым занавесом. Аполлоний проводил нас

лишь до входа; Анох, проксен⁷⁷ Спарты, ждал у него за спиной.

– Мне была обещана победа, – сказал регент, – и все же мой возникший болен; мало того, охвачен ужасом, причины которого ни он, ни я не понимаем. Что же мне делать?

После этих его слов наступила полнейшая тишина, все так и застыли. Я, например, и пальцем бы не смог шевельнуть. Даже биение сердца более не отдавалось эхом у меня в ушах; я почти и не дышал. Точно издалека донесся голос пифии, звучавший удивительно монотонно и печально.

В глубинах земли шевельнулся питон⁷⁸. Я отчетливо слышал, как шуршит его чешуя, как шипит воздух у него в ноздрях – но все это тоже доносилось будто издалека, пока вдруг голова чудовища не показалась из щели прямо под хлипким треножником жрицы. Едва различимый во мраке, он обвил пифию своими кольцами.

Она дико вскрикнула, мы вздрогнули, и жизнь вернулась к нам. Пифия выбросила вперед руки, откинула голову назад так, что мне показалось, шея у нее вот-вот переломится, и из уст ее послышался голос регента Павсания.

⁷⁷ Проксен (греч. «друг гостя») – гражданин какого-либо полиса, официально представляющий интересы другого полиса и его граждан у себя на родине; проксения – это своеобразное дипломатическое представительство, почетная должность.

⁷⁸ Питон (Пифон) – рожденный Геей мифический дракон, который охранял близ Дельф (древнее название которых Пифо) оракул Геи. Аполлон убил его стрелой и основал там свой оракул (Пифийский), где прорицала пифия.

Ошеломленный, я взглянул на него, но он молчал, хотя вид у него был не менее потрясенный.

– Ты из царской семьи, царем ты и будешь. – Таковы были слова, произнесенные пифией.

Но Аполлоний напомнил нам, что лишь жрец может понять откровения пифии, и преподнес их нам в виде следующего стиха:

*Не самоцветы и не копыя царей на трон возводят.
И дерево, что возвращено богами, не уничтожит
смертным.
Царица, хоть одень ее в лохмотья, царицей остается,
За милосердие и доброту с лихвою ей богами воздается.*

Когда мы покинули священную пещеру, регент обратился ко мне:

– Ты ведь понял слова пифии, Латро? Скажи мне, что она говорила.

Испуганный, я спросил:

– Откуда ты знаешь, что я их понял?

– Потому что тебе знакомы слуги Великого бога и потому что я видел, какое у тебя было лицо, когда Аполлоний преподнес нам свое толкование. Ну, так что же сказала пифия на самом деле?

Я повторил ему слова прорицательницы.

– Истолкуй их сам.

Я молча покачал головой, и он ударил меня по лицу с та-

кой силой, что я чуть не упал.

– Будь же мужчиной! – крикнул он. – Когда-нибудь ты непременно попытаешься убить меня за это оскорбление.

Он говорил мне еще всякие гадости. Я всего не помню и не стал бы этого записывать, даже если б помнил, несмотря на требования Кихезиппа и Ио записывать все. Возможно, он бы снова меня ударил, если бы верхом на жеребце не при- скакал Полос.

Увидев Павсания, он тут же соскользнул с коня:

– Великий регент...

Павсаний резко повернулся к нему.

– Великий регент, когда мы были там, на севере, Латро все время ездил верхом. Ему это очень нравилось. Я подумал, что может быть...

В точности, как когда над морем пронесется гроза и вновь выглянет умытое дождем солнце, гнев исчез с покрытого шрамами лица Павсания; он улыбнулся и потрепал Полоса по каштановым кудрям.

– Ты прав. Наверно, это ему не повредит. Латро, не хочешь ли покататься на этом мешке с костями?

Я покачал головой.

– И все-таки тебе придется это сделать. Что за дохлятина, Полос! Где ты только нашел такого доходягу?

– Это конь моего дяди, господин мой. Он очень хороший, честное слово!

– Конь высокочтимого Амикла? В таком случае не стоит

быть к нему слишком строгим. – Павсаний осмотрел зубы коня. – Но ведь он стар, Полос!

Ему, по крайней мере, лет тридцать. Слишком стар для такой работы.

Садись-ка на него, Латро.

Полос встал на четвереньки, чтобы я мог использовать его как подножку, отчего у меня возникло желание дать ему пинка. Как только я оказался в седле, он сказал:

– Я побегу рядом, великий регент. Не беспокойся, с Латро ничего не случится.

– Что ж, хорошо!

Я отпустил поводья, думая, что конь пойдет шагом (если вообще надумает тронуться с места), но, к моему удивлению, он понесся стрелой, точно беговая лошадь. Миновав дорогу, он нырнул под деревья и помчался дальше по склону холма, так что Полос и Павсаний остались далеко позади. Я натянул поводья, и сразу же старый конь замедлил свой бег и пошел шагом. Я чуть отпустил поводья, и он заржал – мне показалось, что я слышу в этом ржании человеческую речь. Конь явно благодарил меня.

– Пожалуйста, ступай медленнее, если хочешь, – сказал я ему и начал смотреть на сосны и лавры вокруг. Мне казалось, что я вижу даже их корни, сокрытые глубоко в земле и похожие на жадные пальцы, которыми они ломают кости мертвецов...

Вскоре к нам присоединился гнедой конек без седока, ко-

торому явно нравилось общество старого коня. Вскоре тропа – я по-прежнему ехал, отпустив поводья, – поползла вверх, но мы тоже, в общем-то, ползли, и мне показалось, что подъем занял очень много времени.

Наконец мы добрались до небольшого храма, построенного из местного известняка. В храме возвышалось мраморное изваяние Девы с луком, а рядом стояла живая женщина, ничуть не менее прекрасная. И она протянула ко мне руки.

– Слезь с коня, Латро. Нам с тобой нужно поговорить. Аглаус, позаботься о наших гостях.

Мой беззубый слуга, которого я сперва не заметил, вышел из-за колонны и взял под уздцы моего коня и увел прочь. Молодой жеребец поскакал за ними следом.

– Тут неподалеку есть родник, – сказала жрица. – Аглаус может принести тебе воды, если хочешь. Однако, кроме воды, увы, нам нечего предложить тебе. Ты не захватил с собой свою книгу?

Я покачал головой.

– Жаль. Мы будем говорить о серьезных вещах. Я пока не могу начать – не все еще прибыли, – но ты должен пообещать мне, Латро, что сразу запишешь все, о чем здесь будет говориться. Мне бы, конечно, следовало раньше об этом позаботиться, но я пью слишком много вина, как утверждает мой муж. И пью его, чтобы забывать, а не помнить.

Я пообещал, что все непременно запишу (чем, собственно, сейчас и занимаюсь). Я даже извинился, что не привез

вина.

– Когда-то мы с тобой были неплохими любовниками, – сказала она. – Целовались и пили вино из одной чаши... Возможно, это еще повторится. Но не сейчас. И тогда ты будешь иным, не таким, как сегодня.

Я кивнул в знак согласия: у меня не было ни малейшего желания делить сейчас ложе с какой бы то ни было женщиной.

Вскоре вернулся Аглаус, и вместе с ним пришли Полос и его дядя, старей Амикл с несколько унылым длинным лицом. Они явно пили из родника: губы их были влажны и на щеках сверкали капли воды. Я отчетливо сознавал, что тоже хочу пить, и в то же время жажду испытывал как бы не я, а кто-то другой – мне казалось бессмысленным даже пытаться ее удовлетворить обычным способом. Женщина приветствовала гостей, и мы все вместе устроились под сенью храма.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что мы привели тебя сюда, – сказал Полос.

– Мы всего лишь пытаемся тебе помочь.

Я сказал, что когда он предложил мне встать ему на спину, чтобы легче было садиться в седло, то несколько перегнул палку: я ведь пока что не старик.

– А прокатиться на мне верхом тебе бы не хотелось? – спросил он.

Я сказал, что мне бы такое и в голову не пришло.

– А ведь ты уже делал это – когда крал тех коней или уби-

вал кабана, помнишь?

Я сердито посмотрел на него, и он примирительно сказал:

– Я знаю, ты не помнишь. Но это правда! Скажи ему, Элата, – ты же все видела!

Жрица кивнула головой и сказала:

– Если хочешь, я могу тебе это даже показать, Латро. Ты действительно украл коней Гелиоса с помощью Полоса, льва и некой женщины по имени Фаретра.

От досады у меня даже слезы выступили на глазах. Полос, смутившись, отвернулся, но его престарелый дядя положил руку ему на плечо:

– Ты считаешь, что великие воины не плачут? Неужели ты не знаешь, что как раз великие и должны уметь плакать?

Поскольку его племянник ничего не ответил, он продолжал:

– Ты слишком большое значение придаешь физической силе, Полос. Пока в этом нет ничего дурного – ведь сам ты еще не слишком силен. А вот Латро уже не ставит физическую мощь так высоко; он и сам очень силен и хорошо знает, как мало можно сделать с помощью одной лишь силы. Видишь ли, мальчику позволительно смотреть на героя снизу вверх – в конце концов, это даже естественно. Но если сам герой смотрит на себя с таким же обожанием, то он вовсе не герой, а просто чудовище.

Когда я вытер глаза, Полос сказал мне:

– Я вовсе не стыжусь за тебя, Латро. Правда! Ты просто

вспомнил Фаретру, потому что Аглаус здесь.

Эти слова настолько удивили меня, что я на мгновение даже забыл о своем горе. По-моему, у меня просто челюсть отвисла от изумления, да и сам Аглаус выглядел не менее ошарашенным.

Полос обратился к дяде:

– Можно я скажу ему?

– Нет, я сам ему скажу. Ты действительно все забываешь, Латро, и, насколько я знаю, понимаешь это. Дело в том, что твоя забывчивость – дело рук Геи, это знает даже Ио, а Аглаус посвящен Великой богине.

Мой беззубый слуга стал оправдываться:

– Я ничего не хотел скрывать от тебя, господин мой, но мне и самому никто прежде не говорил об этом.

– Видимо, в ранней юности ты был ее любовником, Аглаус. Она, возможно, и любит тебя именно потому, что ты об этом даже не подозреваешь.

Воспоминание вдруг пробудилось в голове моей, точно певчая птичка.

– Ты же видел бога Пана! – сказал я Аглаусу. – Ты сам мне как-то говорил.

– Я много чего видел, – согласился Аглаус, не сводя глаз с Полоса и Амикла. – Обычно у меня хватает ума не говорить об этом с теми, кто может мне не поверить. Тебе я сказал только потому, что ты и сам его тогда видел.

– А как ты попал сюда, Аглаус? – спросил я. – Разве тебе

дома делать нечего?

– Это она привела меня, – указал он на жрицу. – Она пришла, когда я помогал поварам, и позвала с собой. Ио ее хорошо знает и приказала мне идти с нею и делать то, что она мне велит.

– Это святилище моей госпожи, – сказала Элата. – Ты называешь ее богиней. Я ее служанка – но я куда ближе ей, чем Ио или Аглаус – тебе. Я здесь представляю ее интересы. А Полос, Амикл и Аглаус представляют интересы ее соперницы Геи, которая и отняла у тебя память.

– Регент Павсаний задал вопрос оракулу, – сказал Полос, – и Светлый бог сказал, чтобы он велел мне привести моего дядю тебе на помощь. Он знаменитый целитель.

Старый Амикл прибавил:

– Боюсь, мне немного пока удалось добиться. Именно поэтому мы здесь.

– Ну а я здесь, – раздался вдруг чей-то голос, – просто потому, что Латро – мой друг.

Сказавший это вынырнул из сосняка, росшего чуть ниже по склону. Он был мускулист, среднего роста, с лисьими глазами.

– Сомневаюсь, что ты меня помнишь, Латро, но имя мое Сизиф. Тот возникший, которого ты победил в гонках на колесницах, все рассказал мне, и я подумал, что мне стоит вмешаться. – Он поколебался, но ничего объяснять не стал, а весело рассмеялся. – Ты пока не понимаешь, в чем тут дело,

но может и вправду получиться здорово!

– Что ж, теперь мы можем начать, – прошептала пифия...

Узнав от Полоса, что моя длительная прогулка верхом несколько подняла мне настроение, Кихезипп прошелся со мной до города и обратно. Теперь он настаивает, чтобы я об этом написал. Воздух был чудесный, солнце ярко светило. Какой-то раб на рыночной площади назвал меня братом. Мне было стыдно, и я притворился, что не слышу его. Позже я спросил Кихезиппа, почему он так назвал меня, и Кихезипп объяснил, что я вместе с другими рабами был освобожден регентом Павсанием. А этот человек – один из финикийцев, чей корабль стоит в гавани Кипариссы⁷⁹. Их продадут вместе с привезенными товарами, которых, по слухам, очень много. Кихезипп сам – тоже раб принца и, по его словам, никакой свободы не желает. А та пифия из храма – рабыня божества, что, по сути дела, примерно то же самое.

⁷⁹ Сипарисса – небольшой порт у подножия горы Парнас.

Глава 39

ДИОКЛ

Меня начали тренировать гимнасты. Регент Павсаний хочет, чтобы я научился драться на кулаках и участвовал в панкратионе, помимо состязаний на колесницах. Диокл имел сегодня утром беседу на мой счет с Павсанием, Киклосом, Тизаменом и Амиклом. Этот Диокл на целую голову ниже меня.

Борода у него с сильной проседью и вечно всклокоченная. А еще он все время сплевывает. Он тренирует также Пасикрата, который будет участвовать в соревнованиях по бегу.

– Я вижу, что он силен, – сказал Диокл. – Но что у него с головой?

Принц посмотрел на Тизамена, но тот только пожал плечами. Диоклу ответил старый Амикл:

– Он лишен памяти, вот и все. Однако физические упражнения ему только на пользу.

Диокл важно кивнул:

– Они всем на пользу. А о чем это он так тоскует?

– Это нам неизвестно, господин мой, – вздохнул Тизамен. – Как тебе уже сказали, Латро ничего не помнит.

Киклос откашлялся с явным намерением вступить в бе-

седу.

– Тизамен, прорицатель великого регента, и досточтимый Амикл, всеми признанный лекарь, как раз и пытаются устранить эти его душевные неполадки, – сказал он. – А твоя задача, Диокл, – подготовить лишь его тело.

Диокл понимающе кивнул, хотя ему явно хотелось поспорить с Киклосом, по глазам было видно.

– Для Спарты чрезвычайно важно, чтобы он хорошо выступил во время игр, – продолжал Киклос. – Он должен выиграть по крайней мере в одном виде соревнований и достойно проявить себя во всех остальных – никаких извинений потом мы не примем. Когда ты внесешь его в списки?

– Завтра, когда начнется запись. Но нужно внести плату за обучение.

Павсаний улыбнулся:

– Деньги у Тизамена. Он пойдет с тобой – могут возникнуть еще какие-то трудности. Ты скажешь, что Тизамен представляет меня и наш город. А он сам объяснит судьям, что Латро пригоден во всех отношениях.

– Понятно, – кивнул Диокл.

Потом мы с Диоклом остались одни и стали смотреть, как тренируется Пасикрат. Диокл спросил, какой вид спорта мне совсем незнаком, и я сказал, что не знаю.

– Клянусь, знаешь! – заявил он. – Ладно, об этом можешь не беспокоиться, ясно? Я тобой займусь. Но все-таки мне хотелось бы знать, каковы твои слабые места. Ты ведь родом

не с Пелопоннеса, верно? Непохоже.

– Наверное, ты прав, – сказал я.

– Ты что, и этого не знаешь? Хм! А бороться ты умеешь?

– Немного, наверное.

– Это хорошо. Множество борцов пытаются участвовать в панкратионе, но никогда не побеждают. Поговори с ними, они тебе расскажут, как однажды уже почти одолели противника, да только вмешались боги! – Он помолчал, словно ожидая, какова будет моя реакция. – Ты ведь понимаешь, о чем я говорю?

Знаешь, что такое панкратион?

– Можно догадаться по названию, – сказал я.

– Но самих соревнований ты никогда не видел?

– Не знаю.

Диокл сплюнул.

– Трудное это дело. Ну, значит, так: можно бить кулаками, производить захваты и даже бить ногами. Ты на кулаках драться умеешь?

– По-моему, да.

– Это мы выясним. А ногой как следует ударить сможешь?

– По-моему, это каждый сможет, – сказал я.

Диокл снова сплюнул:

– А ну-каними сандалии. И до конца игр их не надевай. –

Он вытянул руку на высоте плеча. – А ну-ка ударь меня ногой, да посильнее. Чем сильнее, тем лучше.

Я ударил со всей силы, однако едва сумел коснуться его

ладони.

– Попробуй еще раз!

Результат был примерно тот же.

– А другой ногой?

На этот раз я даже до ладони его не достал.

– А теперь держи свою руку – я ударю.

Я сделал, как он сказал; кончики моих пальцев были на уровне его глаз.

Его нога мелькнула в воздухе, точно кулак бойца, взлетев выше головы. На третий раз я не выдержал и отдернул руку.

– Существует примерно полдюжины разных приемов удара ногой, и ты должен выучить их все. Причем научиться бить обеими ногами. Это во-первых. Теперь посмотрим, как ты дерешься на кулаках.

Совершенно неожиданно он ударил меня в лицо. Я успел закрыться и отскочить. Он нанес удар другой рукой, этот удар я сумел парировать. Тогда его правая рука моментально обвилась вокруг моей талии; я сбросил ее.

– Теперь попробуй обхватить меня, – крикнул он мне.

Когда я разбил ему нос и лицо, он с довольным видом сказал:

– Так, на кулаках ты драться действительно умеешь. Павсаний говорит, что сам видел, как ты правишь колесницей, и утверждает, что в этом искусстве ты кое-что понимаешь. Но это единственное, в чем я могу ему поверить – особы из царских семей обычно неплохо разбираются в лошадях, да-

же если больше не смыслят абсолютно ни в чем. Но панкратион – задача очень трудная!

Пасикрат как раз пробежал мимо нас. Диокл крикнул ему:

– Еще один круг – и в полную силу! А потом я тебя разотру.

Глядя, как Пасикрат припустил по дорожке, можно было подумать, что он только что на нее вышел. Он прямо-таки летел.

– Вполне может победить, клянусь Близнецами, – пробормотал, глядя на него, Диокл. – Мы запишем его на все виды соревнований по бегу. Он что, твой друг?

Я сказал, что наверное.

– Он говорит, что девчонка принадлежит тебе, а мальчишка у вас на двоих.

Мне показалось, что безопаснее просто кивнуть, что я и сделал.

– Так вот, оставьте-ка вы оба все эти штучки до конца игр, ясно? Ему я об этом уже сказал. И с женщинами не вздумайте развлекаться!

Ио сидит и наблюдает за мной, но больше я писать не буду.

* * *

Сегодня я очень устал, и, заметив это, Ио тайком отвела меня в рощу, к одной женщине. У нее было вино, и она уже расстелила покрывало, думая, что я лягу с ней. Я выпил вина

и объяснил ей, что у меня нет ни денег, ни малейшего желания заниматься любовью. Женщина рассмеялась и стала меня ласкать, но я оставался холоден, и через некоторое время мы с Ио вернулись назад.

* * *

Диокл подсел ко мне после ужина и сказал:

– Что-то, парень, я никак тебя не пойму. – Я ответил, что в этом и нет необходимости. – Но мне же нужно отработать плату за тебя. – Он сплюнул. – Старый Киклос думает, что если ты не победишь, то мне и платить не за что.

– Я понимающе кивнул. – Ну вот! Только он ошибается. Все мы здесь связаны с оракулом, ясно? Тут от него никуда не деться. И каждый год мы совершаем жертвоприношения перед Играмми, что, поверь мне, стоит немало. А если кто-то отказывается нам платить, за ним приходят жрецы. Так что деньги свои я все равно получу. Ты меня слушаешь?

Я сказал, что слушаю.

– Но что касается тебя... А что все-таки с тобой такое? Скажи мне.

Я сказал, что не знаю, да это и не имеет значения.

– Ха! Для тебя, может, и не имеет, а для меня имеет! Ты ведь хочешь победить, верно?

– Возможно.

– Хорошо, тогда позволь кое-что тебе сказать. Любой че-

ловек рождается со множеством прекрасных задатков. Это дар богов. Никто этого изменить не в силах. Конечно, условия тоже важны – даже очень! И еще очень важно, насколько человек тренирован. А во время Игр очень большое значение имеет, кому я – человек здесь бывалый – дам взятку. Я этим занимался в Олимпии, в Немее, в Истмии⁸⁰ – сто раз! Но самое важное – состояние человека: хочет ли он победить так сильно, что пойдет на все... Знаешь историю о Геракле и тележке?

Я не знал, и она меня совершенно не интересовала. Однако я приведу ее здесь – нужно же мне что-то писать. (Боюсь, что если я перестану писать, то могу запросто броситься на собственный меч. Меня так и тянет сделать это, рука сама тянется к рукояти меча, стоит мне отложить стиль.) – Один крестьянин, – сказал Диокл, – все пытался проехать на телеге по довольно узкой дорожке, и кончилось тем, что тележка перевернулась и упала в канаву. "Отец наш, всемогущий Зевс, – молил крестьянин, – пошли мне помощь, прошу тебя! Мне же никогда этой телеги одному не вытащить!"

И тут, разумеется, появился Геракл, самый сильный человек на свете.

"Хвала Зевсу, – сказал крестьянин. – Это он на мою мольбу откликнулся!

Благородный Геракл, не вытащишь ли ты эту старую раз-

⁸⁰ Олимпийские и Немейские игры (Арголида) проводились в честь Зевса, а Истмийские (на Коринфском перешейке) – в честь Посейдона.

валину из канавы? И не сможешь ли выбраться оттуда моим быкам?"

Но Геракл только рассмеялся. "Папаша Зевс ни одного твоего слова не расслышал! – сказал он крестьянину. – А я оказался здесь чисто случайно.

Теперь вот что: бери-ка кнут в правую руку, а стрекало в левую да погоняй быков. Подставь-ка плечо вон под то колесо! Так, теперь кричи, проклинай своих быков что было силы – только так папаша Зевс и может порой кого-то из людей услышать".

И действительно, – продолжал Диокл, – я сам не раз видел, как выигрывали такие мужчины и юноши, у которых не было ни малейшего шанса на успех! У них словно крылья за спиной вырастали, когда они, тащась позади всех, вдруг вырывались вперед и первыми приходили к финишу, чего от них никто не ожидал. Даже они сами от себя не ожидали. Это значит, кто-то из богов смотрел на них и думал: "А ведь этот человечек очень мужественно ведет себя. Дай-ка я ему чуточку помогу!" Ясно?

Поскольку я промолчал, Диокл сердито закончил:

– Вот только вряд ли кто из богов станет помогать тебе такому! Во всяком случае, такому, как сейчас.

И тогда я выложил ему все, что было у меня на душе. Я такого даже Ио никогда не говорил. Я не помню всего, что сказал, да и слова слишком затасканны, чтобы выразить обуревавшие меня чувства. Примерно я сказал следующее: на

земле нет ничего, кроме предательства и ненависти; людьми овладела неумемная жажда крови. Человек человеку стал волком. Люди ведут себя хуже злобных хищников, которые никогда не охотятся на себе подобных.

Я знаю, что со мной это именно так, хоть и считаю это отвратительным. И, по-моему, точно так же обстоят дела со всеми остальными представителями рода человеческого. И большинству из них это, в отличие от меня, даже не кажется отвратительным.

* * *

Я перестал писать и, опасаясь собственного меча, убрал его с глаз долой в сундучок. Потом нашел уединенную дорожку и прошагал по ней немало стадий.

Вскоре мне показалось, что иду я по ней не один. Я не сразу разглядел своего спутника, но через некоторое время заметил его неясный силуэт, а потом я увидел, что это человек из плоти и крови, как и я сам. Я спросил, не призрак ли он, и он совершенно спокойно заявил, что так оно и есть.

– Но это не повод, чтобы меня бояться, – сказал он мне. – Большая часть людей мертва – вы, живые, просто как бы находитесь на каникулах, которые скоро кончатся. Скажи, ты помнишь, как помогал мне тащить на гору ту каменную глыбу?

Я не помнил, но ничего не сказал.

– Мне позволили уйти оттуда, потому что ты это сделал. Наша царица разрешила мне – порой боги совершают такие вот неожиданные поступки. Я тебе когда-нибудь рассказывал, почему наша царица и ее муж так на меня рассердились? Это весьма занимательная история.

Призрак явно ждал моего ответа. Я молча покачал головой; увидев это при ярком свете луны, он рассмеялся.

– Ну так слушай. Задолго до своей смерти я решил, что не стоит особенно беспокоиться по поводу неизбежной отправки в Страну мертвых, и заставил свою жену Меропу пообещать, что она никого слушать не станет, а тело мое ни в землю не зароет, ни на костре не сожжет. Мериоп – женщина хорошая, может, не слишком умная, правда, иначе никогда бы не вышла за меня замуж; но если уж она что пообещает, то обещание свое выполнит точно. Даже смерти не побоится.

– Понятно, – промолвил я.

– Ничего тебе не понятно! – Он указал на скопление звезд вдали⁸¹. – Она та самая звезда, которую увидеть невозможно – семья ведь так и не простила ее. Ну что ж, когда я умер – ведь я все-таки смертный, – Мериоп вынесла мое тело в отдельное помещение и оставила там безо всякого погребения, как и обещала. Вскоре оно воняло на весь дворец, но Мериоп никому не позволяла его трогать.

⁸¹ Мериоп – одна из плеяд (дочь Атланта и Плейоны), супруга коринфского царя Сизифа, единственная из семи сестер, вышедшая замуж за смертного. Превратившись вместе с сестрами в созвездие, она со стыда закутала свое лицо и светила более слабым светом.

Вскоре люди стали пробегать мимо дворца бегом, и тогда я сам отправился к правителю своей новой страны⁸². «Позволь мне вернуться в мир живых, – попросил я, – и отомстить своей неверной жене, которая даже не похоронила меня как следует». Видишь ли, я знал, насколько серьезно он относится к подобным вещам.

В общем, меня оттуда выпустили. Мне удалось отлично спрятаться и неплохо провести время, пока меня снова не потребовали в Страну мертвых.

Теперь я, правда, поведу себя иначе – ведь они вполне могут подыскать мне и другую глыбу.

Голос его стал серьезнее.

– Так вот, я хочу сказать тебе, друг мой, что мы подумываем, как нам лучше убить Пасикрата.

– Убейте, если хочется, – равнодушно сказал я.

Призрак положил руку мне на плечо, и хотя она выглядела точно живая, но была холодна как лед.

– Большинство из нас согласны с тем, что эта идея весьма привлекательна, но наши предсказатели полагают, что вряд ли тебе это поможет, пока ты сам не умер.

– Ничего, это скоро произойдет, – сказал я.

– Ты прав, но не стоит торопить события, друг мой! Все равно, раз убивать Пасикрата ни к чему, мы намерены попытаться заставить его отпустить нас. Эта Элата – хорошая де-

⁸² Имеется в виду Танатос – бог смерти и брат Гипноса, бога сна. Сизифу хитростью удалось заковать Танатоса в цепи.

вочка, между прочим. Она очень напоминает мне Меропу, и она на твоей стороне – исключительно по старой памяти. А также потому, что ты обещал Охотнице, что выиграешь эти состязания на колесницах. У Охотницы есть свой прорицатель, и он полностью согласен с Амиклом. Амикл тоже на твоей стороне – из-за племянника, конечно.

* * *

Когда я вернулся в дом, то обнаружил, что кто-то натянул старый плащ на две табуретки, чтобы отгородить то место, где я буду спать. Я не стал особо раздумывать над этим и лег. И тут же обнаружил, что рядом со мной лежит женщина.

– Ты был такой печальный, – пояснила она. – Я пришла, чтобы поцелуями осушить твои слезы.

Ах, каким гибким, цветущим и нежным было ее тело, умащенное благовониями! Возможно, призрак поселил в моей душе какую-то надежду, или же просто потому, что эта женщина чем-то отличалась от всех остальных, но с ней я снова стал настоящим мужчиной, хотя ни на что не был способен еще днем, когда та, другая женщина, в роще угощала меня вином.

Потом мы пошли прогуляться рука об руку в лунном свете.

– Я тебя знаю, – сказала она мне. – Ничего удивительного, что ты мне снился! Я, наверно, в тебя влюблена.

Звали ее Анисия.

– Меня прислал гимнаст Диокл, – сказала она и сунула мне в руку несколько монет. – Вот что он мне дал. Верни их ему – или оставь себе, если хочешь.

Когда она ушла, я заснул и спал хорошо и крепко, хотя, по-моему, недолго. Теперь я снова бодрствую; солнце еще даже не взошло над вершинами гор.

Глава 40

ПО СТАРОЙ ПАМЯТИ

Элата добра ко мне, отчасти потому, что я обещал Охотнице, что состязания закончатся так, как того хочет богиня, – так сказал призрак.

Перечитав последнюю запись, я спросил, кто такая Элата. Ио объяснила, что мы с ней встречались на севере, как и с Эгесистратом, ее мужем, прорицателем. Элата, похоже, была той самой женщиной, что угощала меня вином в роще.

– Они приходили к здешнему оракулу вместе с тем человеком – с Закинфа.

Закинф – не такой большой остров, чтобы иметь особого прорицателя для каждого отдельного события, как в Спарте.

Ио хотела знать, помню ли я встречу с Элатой в роще. Я признался, что не помню, но только что прочитал об этом в своем дневнике. Ио покраснела.

– Элата надеялась тебя развеселить, – сказала она. – Ну я и согласилась – раз так для тебя лучше. Но тебе действительно стало лучше! Впрочем, вряд ли из-за Элаты. Скорее, из-за той особой пищи, которой вас кормят.

Кихезипп по этому поводу ужасно спорил с Диоклом, а Амикл чуть не сцепился с ними обоими. Он считает, что вам

нужно есть больше ячменя, но никакого мяса.

Я сказал ей, что буду есть все, что сочтут нужным мои врачи, пусть только помогут мне вернуть память.

– Не в этом дело, – сказала Ио. – Просто всем хотелось, чтобы ты хоть немного приободрился, и, по-моему, тебе уже чуточку лучше. Ты стал гораздо больше записывать в своей книге, а это добрый знак.

Еще Ио сказала, что Эгесистрат очень хочет меня видеть, но в наш шатер ни за что не придет – боится спартанцев. Повсюду в Элладе перемирие в честь Игр, но он все равно спартанцам не доверяет.

Охотница – это богиня, так говорит Ио. Она ничего не знает о том обещании, которое я этой Охотнице дал, но считает, что это произошло в ее храме, в Спарте. А чернокожий ни за что не отпускает Ио и Полоса в этот храм даже со мной.

Чернокожий и его жена сегодня пойдут вместе с нами – то есть с Пасикратом, Тизаменом и со мной – в Дельфы, чтобы Диокл внес меня в список участников Игр. Сейчас мы как раз ждем Диокла.

Пока что я читал. Оказывается, "фаретра" значит "чехол для лука".

Обыкновенное слово. Но как она надо мной тогда смеялась... Когда я об этом читал эти строки, сердце мое болезненно билось. Что с нею стало? Неужели она умерла от ран?

Тизамен пришел поговорить с чернокожим и со мной. Я знаю, Ио его терпеть не может, но вел он себя вполне дружелюбно и вежливо. Все вокруг его уважают и считают великолепным предсказателем.

– Вчера вечером я беседовал о тебе с Триодитой, – сказал он мне. – Она сделает все, что в ее силах, чтобы помочь тебе, но и ты должен сделать все, что в твоих силах, чтобы помочь Спарте. Она сказала: "Царица должна победить и, таким образом, проиграть". Ты видишь в этих словах какой-то особый смысл?

Я покачал головой, чернокожий тоже.

– Я уверен, что царица – это Горго, ее жрица. И она должна победить, – сказал Тизамен. – Управляя колесницей регента, господин мой, ты будешь представлять и Горго. Остальное нам еще предстоит разгадать.

– Благодаря милости дивной Триодиты тебе стало лучше, – продолжал Тизамен. – Мысли твои, я надеюсь, более не обращаются к самоубийству?

Я не ответил, но чернокожий так и подскочил при его словах.

– Когда душа переполнена горем, – мягко продолжал Тизамен, – как твоя, например, господин мой, человек все делает машинально, точно во сне, ибо более не верит, что ему

еще что-то может помочь. И тогда он совершенно не опасен ни для себя, ни для кого-то другого. Но когда стоит разжаться страшным когтям горя, возвращается надежда – самое последнее чудовище из той ужасной шкатулки⁸³, которую боги приготовили людям. Именно тогда семья человека и его друзья должны не спускать с него глаз, ибо он способен подумать, что, положив конец собственной жизни, положит конец и всем своим страданиям и печалям.

Я признался, что подобные мысли порой шевелились и в моей душе.

– Никогда не доверяйся им, господин мой. – Тизамен ласково положил руку мне на колено. – Лучше доверься мне. Мне доводилось беседовать со многими призраками – они куда менее счастливы, чем мы, и завидуют нам. Я слышал, что, путешествуя по странам варваров, ты был знаком с неким Эгесистратом Теллидом?

Я кивнул, припоминая, что Ио говорила мне о нем.

Тизамен покачал головой.

– Он великий прорицатель, господин мой, и теперь некоторые считают его главой нашего семейства, хотя он не осмеливается и носа показать в Элиде.

Но в нем слишком сильна злоба, господин мой. Я его род-

⁸³ Имеется в виду шкатулка Пандоры, первой женщины, наделенной прелестью всех богов и посланной Зевсом к людям как «прекрасное зло» в отместку за кражу Прометеем огня. Пандора вышла замуж за брата Прометея и выпустила из принесенного с собой сосуда («шкатулки Пандоры») все заключенные в нем бедствия, кроме надежды, которая осталась на дне.

ственник, и мне самому горько произносить такие слова. Однако это чистая правда.

Эгесистрат поклялся быть врагом Спарты и говорил, что уничтожит ее, если она не уничтожит его.

Тут чернокожий что-то быстро сказал мне с помощью жестов. Я почти ничего не понял, но один жест был достаточно красноречив: он как бы воткнул себе в грудь кинжал.

– Это правда, – сказал нам Тизамен. – Спартанцы держали его в темнице, и он спасся оттуда именно с помощью кинжала. – Он тяжело вздохнул. – С каким бесконечным терпением трудятся боги над нашим воспитанием! Ведь порой мы совершенно невозмутимо говорим о человеке, который не остановится ни перед чем! И нас совсем не удивляет, когда мы имеем дело с таким человеком – а ведь он действительно ни перед чем не остановится. – Тизамен пронзил меня взглядом.

– И к тому же он клеветает на наш город, господин мой, – твой город и мой! Ты забыл, да? Я надеюсь, ты не забудешь впредь, что тебя провозгласили жителем самого славного города в Элладе?

По правде говоря, я совершенно этого не помнил, но из вежливости сказал:

– Конечно нет!

– Я тоже... – Тизамен коснулся своей груди. – Мне тоже была дарована эта привилегия. Мы здесь приемные дети, господин мой, мы оба! Ты, возможно, уже слышал, что бла-

городный Пасикрат желает жениться, чтобы ему разрешили усыновить маленького варвара по имени Полос? Скажи, господин мой, кто должен быть более верен своему отцу? Родной сын, плоть от плоти его, или же приемный?

Я сказал, что, по-моему, приемный сын больше обязан отцу, ибо тот, помимо всего прочего, является также его спасителем.

– Прекрасно аргументировано, господин мой! В таком случае рассмотрим мою позицию. Я был в Элиде, где у меня есть дом, который я некогда делил со своей супругой, когда туда явился и мой родственник, позволявший себе грубейшие оскорбления и гнуснейшую клевету в адрес того самого города, который незадолго до этого оказал мне честь и сделал своим сыном. Неужели же я должен был сидеть молча и тем самым соглашаться с его словами? Нет, я выступил с ответом на эту клевету – но меня криками согнали с трибуны те, кого я знал с детства и считал своими друзьями! В отчаянии я написал своему повелителю и своему старому другу Киклосу; оба письма понесли самые быстрые из моих рабов. Я поведал в этих письмах о том, что видел и слышал, и потребовал, чтобы они со всей строгостью предупредили моего родственника о том, что многие из его прежних друзей теперь станут его врагами. А как бы ты поступил на моем месте?

Я согласился, что предупредить Спарту было необходимо, хотя, пожалуй, я бы отправился туда сам, чтобы поскорее со

всем покончить, а писем посылать не стал бы.

– Возможно, господин мой. Тем более что случилось непредвиденное.

Регент еще не вернулся в Спарту, а Киклос отправил в Элиду несколько надежных воинов разобраться с моим родственничком. Они прибыли, разумеется, как делегация, а не как военный отряд. Их там и было-то всего человек пять-шесть. Элида должным образом приветствовала их, и они, обнаружив, что никакими увещеваниями не могут заставить моего родственника уняться, пригласили его в Спарту, чтобы он смог поговорить лично с Киклосом, поскольку он даже не потрудился повидать тот город, на который вылил столько грязи. Он колебался; они настаивали и наконец, получив разрешение от магистратов, посадили его под арест и доставили в Спарту силой. Знаете, какой приговор обычно выносят в Спарте преступникам?

Мы не знали.

– Бросают в колодец, а потом сверху швыряют им жалкую еду. Но ничего подобного, уверяю вас, с моим дурно воспитанным братцем не произошло. Сам Киклос, один из самых достойных и почитаемых граждан Спарты, приветствовал его в своем доме как гостя, хотя позднее ему все же пришлось передать Эгесистрата властям, поскольку тот стал грубо настаивать на немедленном отъезде.

Так вот, я, собственно, хотел сказать, что, по-моему, именно мой братец виновен в той печали, что гнетет тебя.

Скорее всего, он опутал тебя какими-то чарами. Я решил безотлагательно поговорить с тобой, узнав, что он здесь и собирается присутствовать на Играх. Надеюсь, ты помнишь, как он выглядит? Если нет, твой друг сможет указать тебе на него.

* * *

Излагая все это в своем дневнике, я и понятия не имел, что мы действительно вскоре встретим этого человека, которого зовут Эгесистратом из Элиды. Едва я дописал последнее слово, как пришел Диокл и мы направились туда, где судейская комиссия заносила в списки будущих участников Игр – их было великое множество, и они, насколько я понял, прибыли не только из Эллады, но и отовсюду, где говорят на языке эллинов.

Всех в первую очередь внимательно осматривали, ибо, согласно правилам, в состязаниях могут участвовать только эллины. Жена чернокожего сказала мне, что чернокожий тоже очень хотел принять участие в соревнованиях по бегу и в метании дротиков, но ему отказали, хотя он предложил сразу уплатить необходимый взнос. Некоторое время нам с Диоклом пришлось подождать, и наконец мы подошли к одному из судей.

Это был знакомый Диокла, и они дружески приветствовали друг друга.

Диокл представил всех нас и пояснил, что чернокожий понимает, что его к соревнованиям не допустят, однако мечтает изучить механизм проведения Игр, дабы учредить нечто подобное среди своих соотечественников. Имя Пасикрата занесли в три свитка, как только за него были уплачены взносы.

– Ты эллин? – спросил судья, внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Конечно, – сказал я и объявил (как меня наставляли Тизамен и Диокл), что я гражданин Спарты.

– Это он просто так сильно загорел, Агатарх, – вмешался Диокл. – Мне его регент Павсаний рекомендовал. Пришлось взять.

– Ясно. – Судья пригладил бороду.

– Он будет управлять колесницей великого регента, – сказал Тизамен. – Меня ведь тоже сделали гражданином Спарты, хотя обычно меня называют Тизамен из Элиды. Благородный Пасикрат, спартанец по рождению, я уверен, готов за него поручиться.

Глаза всех обратились к однорукому спартанцу, который прошипел как змея:

– Да, он житель Спарты – но никакой не эллин!

После чего случилось нечто такое, что мне и в голову прийти не могло.

Тизамен взвился от негодования и с кулаками набросился на однорукого, который испуганно отшатнулся; страх был

прямо-таки написан у него на лице.

Диокл ловко отгородил его от разъяренного прорицателя.

– Тут не без ревности, Агатарх, ты же понимаешь...

Судья пожал плечами:

– Ну что ж, Латро Спартанский, проверим, действительно ли ты эллин.

Почитай нам какие-нибудь стихи, а мы послушаем.

Я признался, что ни одного стихотворения не помню.

– Ну что-нибудь ты же должен помнить! Как насчет вот этого:

Из-за тебя, мой сын, всю жизнь я провела в слезах;

Из-за тебя скиталась по темницам вечным ада.

Но не дарована судьбой мне гибели награда -

Не выпустит стрелы своей златой богиня;

Ужасная болезнь мое дыханье не прервет.

Ты, ты, мой сын, – моя болезнь, моя отрада;

Недобро ты с моей любовью вечной поступил -

Я для тебя хила, тебя не видя – сгину.

Печаль охватила меня – я точно слышал стон неведомой женщины на ветру.

Глаза мои наполнились слезами. Я лишь молча качал головой.

– Господин мой, – шепнул мне Тизамен, – теперь твоя очередь читать стихи, иначе... Киклос на тебя станет гневаться.

Дворец моей памяти вставал передо мной камень за кам-

нем. Я спешил от статуи к статуе – от мужчины с головой крокодила к другому – с головой ястреба.

– Ну? – нетерпеливо поторопил меня судья.

Я попытался припомнить, что он говорил о богине с золотыми стрелами, хоть и не знал – как не знаю и сейчас, – что это означает. На мгновение мне показалось, что она мелькнула у него за спиной, ее нежный светлый лик светился прямо над его темноволосой головой, и сразу же невесть откуда возникли у меня на устах полузабытые строки:

*Ты лира золоченая для Аполлона и для муз,
Твоя мелодия ведет их танец дивный,
Когда, хозяин хора певчих птиц,
Он заставляет голоса их чистые звучать призывней...*

Еле слышно до меня донесся чей-то крик: «Что?... Латро!»

*Ты гасишь молнии огонь опасный.
Орел небесный складывает крылья, что устали не знают,
Чтоб тебя послушать, твоею песней потрясенный.
И даже Арес покидает войско,
Услышав голос твой прекрасный...*

– Латро, это же я, Пиндар! – Он был старше меня по крайней мере лет на десять и значительно ниже ростом, однако

заклучил меня в поистине медвежьи объятия и даже немного приподнял над землей.

– Хорошо, он будет участвовать в состязаниях на колеснице великого регента, – пробормотал, записывая, судья. – А также – драться на кулаках.

И участвовать в панкратионе.

Пиндар и чернокожий тем временем устроили настоящую пляску, подскакивая, точно камни в праще, и обнимая друг друга.

Глава 41

ПУСТЬ БОГ САМ РЕШАЕТ

Так было условлено после долгих споров. Фаретра уезжает завтра со своей царицей, Фемистоклом, Эгесистратом и прочими. Между тем прибывают все новые путешественники, у меня просто глаза разбегаются. В городе только и говорят, что об огромном лагере гостей, который разрастается с каждым днем. Когда Пиндар пригласил нас выпить с ним вина, я засомневался, что в Дельфах осталась хоть капля, да и местечко, где можно было бы спокойно посидеть, вряд ли нашлось бы. Но Пиндар повел нас в гостиницу, где останавливается всегда, когда сюда приезжает.

– А приезжаю я каждые четыре года, – сказал он, – когда проводятся Пифийские игры. Я, правда, еще ни разу не выиграл, но надежды питаю большие – очень большие! – именно в этот раз. Да и для дела моего полезно бывать на публике.

Считая его слишком старым для соревнований по бегу, я спросил, не дерется ли он на кулаках, чем ужасно насмешил их с Диоклом (Пасикрата и Тизамена с нами не было, хотя Пиндар пригласил их обоих. Пасикрат ни за что бы не остался, а Тизамен, как мне кажется, опасался, как бы однорукий не поговорил с регентом наедине).

Мы пили вино, и Диокл с Пиндаром объясняли мне, как проводятся Игры.

Оказывается, там есть состязания в музыке и пении, а не только в силе, ловкости и быстроте. И вот сейчас я даже прервал свои записи, чтобы еще раз уточнить порядок проведения Игр. В основном он таков.

Пение под аккомпанемент лиры. Пиндар как раз стал репетировать, когда мы допили вино. Стихи непременно должны принадлежать самому участнику соревнований и исполняться впервые.

Игра на флейте.

Соревнования в беге на короткую дистанцию – один круг. Побегит Пасикрат.

Соревнования в беге на среднюю дистанцию – два круга. Тоже Пасикрат.

Бег на длинную дистанцию – двадцать четыре круга. Бежит Пасикрат.

Пятиборье – бег, метание диска, прыжки, метание дротика и борьба.

Борьба.

Кулачный бой – в этом участвую я.

Панкратион – тоже я.

Скачки – Павсаний записал своего коня Аргаса; наездник – Ладас.

Соревнования в беге для юношей.

Пятиборье для юношей.

Кулачный бой для юношей.

Бег на среднюю дистанцию для юношей.

Гонки на колесницах – возниким на колеснице принца Павсания буду я.

Игра на лире – сыграет Симонид.

Бег в доспехах – последний вид соревнований.

* * *

В некоторые дни проводится несколько видов соревнований. Например, в первый день Пиндар и остальные будут утром петь, а играть на флейте соревнующиеся будут днем. Ближе к вечеру состоится забег на стадионе. Все соревнования для юношей (за исключением скачек) будут проводиться в один день, а в последний день Игр сперва будут состязаться музыканты в умении играть на лире, а потом состоится забег в полном боевом снаряжении.

Ио разыскала нас, когда мы мирно пили вино, и принесла новость: прибыл Фемистокл Афинский на серебряной колеснице. Я этого человека не помню, но Ио и чернокожий сказали, что мы вместе с ним проделали весь путь до Спарты. Амазонки хотят воспользоваться его колесницей, если им разрешат участвовать в состязаниях.

Выпив вина, мы снова отправились туда, где записывают будущих участников состязаний, чтобы имя Пиндара тоже занесли в список. Там мы встретили Фемистокла, плотного,

веселого человека в хорошей одежде, и с ним старика Симо-нида. Симонид будет состязаться в игре на лире. Фемистокл сказал Пиндару, что сам он приехал только посмотреть, и рассказал, как чернокожий и я стали жителями Спарты. Потом Пиндар рассказал всем, как он ездил в Фивы, чтобы раздобыть денег для того, чтобы нас выкупить, – хотя, по правде, мы никогда рабами и не были. Когда он вернулся в Афины, нас там уже не было, и он оставил деньги одной своей знакомой и снова вернулся в Фивы, где обратился с просьбой к отцам города как-нибудь убедить афинян освободить нас.

Слушая его рассказ, я чувствовал, что он мне все больше и больше нравится. Я знаю, что далеко не всякий, кто шумно и радостно приветствует тебя, твой истинный друг, но Пиндар, по-моему, – настоящий наш друг. Я спросил, не споет ли он для меня, чтобы разогнать мою печаль. Я знаю, у музыки есть такая власть. Он сказал, что обязательно споет, если я сегодня вечером приду к нему в гости. Теперь я уже не думаю, что его пение мне поможет, хотя Кихезипп уверяет меня, что поможет непременно.

Еще много чего надо записать; постараюсь быть кратким. Амазонки влетели на стадион, точно камень, пущенный из пращи, влетел в окно, и мгновенно смолкли всяческие разговоры. Все головы сразу повернулись в их сторону; нашим изумленным взорам предстали пять весьма мрачного вида женщин, более высоких, чем множество мужчин, исключительно ловких, одетых в лохмотья, однако обладав-

ших великолепным оружием. Но когда самая высокая из них вдруг бросилась меня обнимать и целовать, тысяча глоток, наверное, радостно приветствовала нашу встречу! Даже сейчас щеки мои пылают, когда я пишу об этом. Оказывается, мы с Фаретрой были любовниками еще во Фракии. Я решил поговорить с судьями, чтобы Фаретре и остальным амазонкам разрешили участвовать в состязаниях, но судьи куда-то ушли, и нам пришлось подождать.

Тогда-то я и разглядел приз, предназначенный победителю в гонках на колесницах. Прежде я его не замечал. То была высокая красная ваза – работа замечательного мастера, – наполненная, как мне сказали, самым лучшим из масел и запечатанная воском. Но меня поразило куда сильнее то, что эта ваза была из дворца моей памяти! И когда я мысленно вошел в тот дворец, она почему-то продолжала стоять там! А вокруг нее прыгали чернокожие танцоры с бородами, лошадиными ушами и хвостами.

Вернулись судьи, человек двенадцать, по-моему, и тут же принялись качать головами. Никаких женщин, утверждали они. Женщинам запрещено участвовать в соревнованиях! То, что царица амазонок была не замужем, никакого значения не имело – просто женщины не допускались, и все. Как и все неэллины; к тому же ни одна из амазонок не умела говорить по-эллински, разве что несколько слов знала.

Я и не заметил, как Ио куда-то ушла, но теперь она снова пробиралась к нам сквозь толпу, ведя за собой довольно

красивого хромого человека с курчавой бородой. Фемистокл приветствовал его как друга, судьи тоже, а царица амазонок обняла его. Пока он говорил то с одним, то с другим, Ио рассказала мне, что это Великий прорицатель – куда более известный даже, чем Тизамен. И он был на севере вместо с Фаретрой, Ио и со мной.

Он знает язык амазонок и заверил судей, что этих женщин послал сюда великий Бог войны. Но судьи по-прежнему отказывались допускать их к соревнованиям.

Тогда он повернулся к Фемистоклу и старому Симониду, и они втроем стали что-то очень быстро обсуждать, но говорили так тихо, что подслушать было невозможно.

Наконец они согласно закивали головами, и Фемистокл выступил вперед, обращаясь к судьям – а точнее, ко всем присутствующим. Его зычный голос разносился по всему двору.

– Вы должны извинить мне мое невежество, друзья, – начал он, – но прошло уже много лет с тех пор, как я принимал участие в этих Играх.

Судьи заверили его, что они очень рады прибытию столь великого человека.

– Мне сказали, что мой дорогой друг регент Павсаний из Спарты решил принять участие в гонках на колесницах, – продолжал Фемистокл. – Но неужели он сам будет управлять своей колесницей? Неужели сам будет держать поводья?

При этих словах кто-то из судей указал на меня, пояснив,

что управлять колесницей от имени Павсания буду я.

– А та прекрасная ваза – это и есть главный приз? Так это ее получит Латро, если выиграет? Счастливчик!

Судьи поспешили объяснить Фемистоклу, что ее получу не я, а Павсаний – ведь считается, что это он участвует в состязаниях.

– Ах вот как! – сказал Фемистокл. – Тогда все понятно. Но я хорошо знаю Латро, и он никакой не эллин...

Судьи сказали, что решили считать меня эллином и потому разрешили мне участвовать в двух видах состязаний.

– Но не в гонках на колесницах, – возразил Фемистокл. – Ведь в этом виде состязаний участвует регент Павсаний, не правда ли? Скажите, а что, закон запрещает всем женщинам участвовать в Играх?

Этот вопрос, казалось, ужасно озадачил судей. Они пошептались, а потом сказали, что, поскольку женщины участвовать не могут, то, согласно правилам, им это и не разрешается.

– Замечательно! – Фемистокл потер свои крупные руки и широко улыбнулся.

– Но я-то могу участвовать? Я ведь мужчина и эллин, да и колесница у меня отличная.

Судьи сказали, что были бы счастливы включить его в число участников; вопрос о его мастерстве даже стоять не может.

– Ну так я приму участие в Играх! – заявил он. – Запи-

шите меня, пожалуйста. Я – Фемистокл из Афин, а эта женщина будет моим возничим. – И он указал на Фаретру.

Потом я долго тренировался под наблюдением Диокла – занимался тем, что пинал ногами бурдюк, набитый просом и подвешенный на веревке. Агатарх, один из судей, пришел посмотреть, поскольку именно он вносил мое имя в списки. Он сказал, что многих записавшихся, возможно, вычеркнут, когда судьи понаблюдают за их тренировками, но меня не вычеркнут совершенно точно. Диокл заявил, что я работаю все лучше, и он, хоть и совершенно не одобряет занятий любовью во время тренировок и перед началом Игр, все же устроил мне кое-что приятное, отчего я, видимо, и повеселел. Я его не понял; но у Ио, которая смотрит, как я пишу, спрашивать мне что-то не хочется. Я чувствую... Вон какие там скалы – если с них броситься либо на камни, либо в море, то непременно погибнешь.

* * *

Странный я провел вечер, и снилось мне тоже что-то очень странное.

Сперва я должен написать, что же на самом деле со мной случилось, а потом, если останется время, пересказать свой сон. Ну а потом, если останется еще немного времени, рассказать, как я себя чувствую сейчас. Это самое важное, в сущности, но вряд ли стоит писать об этом в первую очередь.

Итак, мы с Ио пошли в гостиницу, где остановился тот поэт, и он пригласил нас войти. А увидев, как я устал, предложил полежать на его постели, пока он будет мне петь. Я так и сделал, но мне почему-то все время казалось, что точно так же поют и для мертвых – в преддверии вечного отдыха и покоя. И вдруг я заснул, и мне приснился тот сон, а потом я услышал слова поэта: "На сегодня все. Боюсь перенапрячь голос".

И при этих словах я сел.

Ио плакала. Она обнимала и целовала поэта, без конца повторяя, какая замечательная у него музыка и чудесные стихи. Ну а я не мог вспомнить ни одной строчки! Однако ощущал себя героем, который способен разрушать города и воздвигать новые; так что я улыбался во весь рот, как дурак, и тоже обнимал Пиндара, и мы хлопали друг друга по спине.

– Я знал, что тебе поможет, – говорил он. – Ведь если бы у тебя не было вкуса к поэзии и такой удивительно восприимчивой души, ты никогда бы не вспомнил тот отрывок из моей поэмы, который декламировал судьям сегодня утром. И как только ты умудрился его вспомнить – ведь ты все забываешь!

Однако Светлый бог способен исцелить тебя, а Парнас – его дом, и он наш покровитель.

Было темно, как в могиле, когда мы с Ио покинули гостиницу и побрели по улицам Дельф; идти нам было далеко, и я пожалел, что не захватил с собой меч.

– Пиндар, наверное, лучший поэт в мире, – с чувством сказала Ио. – И подумай только – ведь он наш друг!

Я спросил у нее, не храпел ли я во сне.

– Так ты все проспал? Господин мой, но как же ты мог? Это ведь было просто замечательно! Да и глаза у тебя все время были открыты.

– Боюсь, что я все же заснул, хоть и ненадолго, – сказал я. – Вроде бы одну или две строфы я помню.

Ио покачала головой:

– Ну ладно, что тут поделаешь. Хорошо хоть ты не храпел – впрочем, я бы тебя сразу разбудила. Но тебе сейчас явно стало лучше! Даже Диокл так говорит. Не потому ли, что ты увиделся с Фаретрой? Ты очень тосковал по ней, но теперь она снова здесь, с тобой, и все идет на лад.

Вдруг чей-то незнакомый голос громко сказал прямо у меня над ухом:

– И она куда ближе, чем ты думаешь, Латро. – Из арки перед нами появились тот хромой человек, царица амазонок, Фаретра и маленькая хрупкая женщина с длинными развевающимися волосами, головой не достававшая Фаретре и до плеча.

Ио воскликнула:

– Эгесистрат! Какое счастье! А знаешь, Латро теперь значительно лучше!

– Так и должно было быть, – кивнул Эгесистрат.

Я почувствовал, как рука Фаретры скользнула в мою ла-

донь.

Царица амазонок заговорила на своем языке, которого я не понимал, и Эгесистрат перевел:

– Мы идем взглянуть на лошадей. Не хочешь ли с нами? Эти лошади будут в колеснице твоего соперника.

Мы направились к лагерю, где остальные три амазонки охраняли лошадей.

Они посветили нам факелами. Честное слово, никогда не видел лучших коней!

Они сверкали, точно языки пламени в неровном свете факелов, всхрапывали и нервно переступали копытами. Ио сказала, как хорошо, что Фемистокл так помог амазонкам, а хромой Эгесистрат посоветовал Фемистоклу записаться в число участников. Хромой только головой покачал в ответ на ее слова и сплюнул в огонь.

– Фемистокл теперь стал другом спартанцам, – сказал он. – Ради благополучия всех его следовало бы за это дискредитировать, а спартанцев уничтожить. – Спohватившись, он велел нам помалкивать насчет подобных его высказываний.

Эгесистрат еще остался с царицей амазонок и остальными женщинами, когда мы с Ио пошли домой; с нами ушла и Фаретра. Оказалось, какая-то женщина уже лежит в моей постели, и когда она увидела Фаретру, то бросилась на нее, размахивая кинжалом. В результате проснулся Павсаний, потом Киклос и все остальные, но никто не рассердился – наоборот, все стали смеяться и подшучивать над дерущи-

мися женщинами. Наконец Фаретра выбила кинжал у своей соперницы, скрутила ее и бросила в канаву.

Когда все снова улеглись спать, Фаретра легла со мною. Хотя она почти так же велика, как крупный мужчина, целовала она меня совершенно по-женски. Я очень люблю ее. Она знает несколько слов по-эллински и сказала мне, что однажды мы с ней украли священных белых коней и спрятали их в пещере. Ей хотелось знать, помню ли я Иппостизию, которая умерла там, на севере. (Я не помню.) Поздно ночью она сказала мне, что ее страшат состязания, ведь, если она проиграет, царица амазонок наверняка принесет ее в жертву их богу-покровителю, желая его умилоствить. После этих слов я особенно крепко обнял ее. Она разбудила меня, когда уходила, и с тех пор я все пишу и пишу свой дневник, вынеся лампу во двор.

А вот и мой сон.

Какой-то мальчик стоял возле моей постели. Когда я повернул голову и посмотрел на него, то увидел, что он младше Полоса. Ноги его постукивали по полу козлиными копытцами; на лбу торчали рожки.

– Пойдем со мной, – сказал он мне, и мы пошли в какой-то город, расположенный на горе; сперва шли по извилистой улице, потом карабкались по крутому склону.

– Ты фавн, – сказал я. – А фавны приносят сны. – Кто-то говорил мне об этом, но я не помню, кто именно.

– Да, – кивнул он. – А я привел тебя. – Своими копытцами

он переступал с камня на камень ловчее, чем я – ногами.

Мы подошли к маленькому храму, где на алтаре горел огонь. Здесь творилось что-то странное – меня приветствовала хорошенькая женщина, а потом мы вроде бы вместе с нею проснулись. И, без сомнения, я уже встречал ее сегодня утром, и потом все время думал о ней. Полос и Амикл тоже оказались там, нижняя часть тела у обоих была лошадиная. Полос весело бегал между храмом и растущими неподалеку деревьями. "Не бойся", – сказал он мне. Я ответил, что хотел бы умереть, а вот пугать меня ничто не пугает. Однако последнее было не совсем правдой.

Тизамен и Пасикрат вошли в сопровождении моего слуги, а вел их странный человек с лисьей физиономией, который ухмыльнулся, завидев меня. Лаяли гончие. Позже, когда мы с восхищением рассматривали белых коней амазонок, хромой Эгесистрат спросил, слышал ли я гончих. Я сказал, что не слышал. Но не стал говорить, что слышал их во сне.

– Верни свою руку, – сказала женщина Пасикрату. – Верни ее, если хочешь обрести покой.

Однорукий огрызнулся:

– Это он у меня ее отнял; вот пусть он ее у себя и держит!

– Так, значит, это ты сделал, – прошептал Тизамен. – Теперь, когда я это знаю, я могу снять чары.

– Никаких чар и нет, – сказал ему Амикл. – Одна ненависть.

– В таком случае он должен умереть, господин мой. – И

Тизамен кивнул, точно подкрепляя свои слова. – Киклос уже решил это, потому что... – он мотнул головой в сторону Полоса, – он не такой, как они. Эта любовь опасна. – Если вы хотите причинить вред моему хозяину... – начал Аглаус.

Пасикрат ударил его по горлу. Аглаус упал и больше не поднялся. И сразу Амикл бросился на Пасикрата, могучий жеребец и всадник одновременно, сбил его с ног и поставил оба передних копыта ему на грудь. Пасикрат смотрел на него выпученными глазами, а Амикл издевался:

– Все красуешься своей силой, ловкостью и мужеством? А ты посмотри на меня! Я стар, но куда сильнее и быстрее тебя – да ты таким и не будешь никогда. И я куда храбрее. Ну что стоят все твои хваленые качества перед лицом настоящего противника?

Женщина присела на корточки возле Пасикрата:

– Не обманывай себя. Неужели ты думаешь, что это всего лишь сон? Смерть – это смерть, и Амикл легко может убить тебя. А потом те, кого ты называешь своими друзьями, найдут тебя мертвым на том ложе, где ты заснул.

И твой Павсаний забудет тебя задолго до того часа, когда под жаркими лучами солнца в теле твоём зашевелиятся черви.

Я помог Аглаусу встать, потом спросил Пасикрата, что он такого сделал, чем вызвал такой гнев у этих людей; но он не желал ни смотреть на меня, ни отвечать мне. Полос попросил дядю позволить Пасикрату сесть.

– Ты хотел, чтобы я любил тебя, – сказал Полос спартан-

цу, – и я действительно этого хочу. Честное слово.

Что-то шевельнулось в моей груди, точно паук в своих сетях.

– Я непременно полюблю тебя, – сказал Полос. – Обещаю.

Стоя рядом с женщиной, я наклонился над Пасикратом, желая что-то ему сказать, и он потянулся ко мне своей искаленной рукой. Но она показалась мне совершенно такой же, как моя собственная. Где-то вдали раздался голос:

"На сегодня все. Боюсь перенапрячь голос".

* * *

Я смотрел, как восходит солнце. Я действительно все забываю, но я не забыл той ночи, что сокрушила мою жизнь, как тот человек-конь Амикл из моего сна; и вот я пишу, надеясь, что, если все вернется, я сумею это перечесть.

Жизнь человеческая и в самом деле коротка, а кончается смертью. Если бы она была длинна, ее дни значили бы мало. Если бы не было смерти в конце – она не значила бы ничего. Так пусть человек наполняет каждый свой день славой и радостью. Пусть он не винит ни себя, ни другого, ибо он не знает законов, по которым существует в этом мире. Если спит он смертным сном, пусть спит. Если во время сна он увидится с богом, то пусть бог сам решает, хорошо или плохо этот человек жил.

Тот бог, которого он встретит, пусть правит жизнью этого

Человека, но не сам человек.

Глава 42

ПАВСАНИЙ В ГНЕВЕ

Ио говорит, что когда Кихезипп пришел поговорить обо мне с Павсанием, тот его ударил. По-моему, стыдно бить старого ученого человека. Так же думает и сам Павсаний – я видел это по его лицу, – и тем не менее он его ударил.

– Я стал игрушкой в руках богов, – сказал он Тизамену при всех. – Они дали мне величайшую в истории победу, но желают вырвать плоды ее из моих рук!

– Эллины в долгу перед тобой, в большом долгу! – попытался успокоить его Тизамен.

– Но я же не могу просить их о милости!

– Ну конечно же нет! – Тизамен потер пухлый подбородок и, округлив глаза, возвел их к небесам. – И все же кое-кто мог бы потребовать от них благодарности – даже не упомянув имени великого регента. Для этого есть и Фемистокл, и Симонид.

И вот что случилось далее. Я узнавал об этом как бы по частям, а самое важное узнал на рынке, когда поговорил с жителями Пурпуровой страны, то есть с финикийцами, которые считались пленными и содержались под стражей.

Павсаний, оказывается, погрузил свои военные трофеи на

их корабль; Коринф обещал им безопасное плавание, однако на них неожиданно напало судно из Аргоса, и аргивяне заставили финикийцев зайти в гавань у подножия горы и полностью их ограбили. Таким образом, Павсаний лишился огромных богатств.

Капитан финикийцев меня узнал сразу. Его зовут Муслак. Не желая, чтобы он понял, как быстро я все забываю, я приветствовал его тоже как старого знакомого. "Левкис"⁸⁴ – примерно так он назвал меня, и возможно, это и есть мое настоящее имя; разве может мать назвать своего сына «наемником», а ведь «латро» и означает «наемник».

– Я знал, что ты еще вернешься, – сказал мне Муслак. – Ты ведь не хотел, чтобы тот старик понял, что мы с тобой знакомы, верно? Хотя мы надеялись, что ты придешь раньше.

Я сказал, что не видел в том смысла, пока не узнал об обстоятельствах, в которых они оказались. На самом деле я понятия не имел, как им помочь.

Когда ничего не помнишь и не понимаешь, но все же должен что-то говорить, лучше всего задавать вопросы. Я задал их великое множество. Но стоило мне спросить, смогут ли они отвезти меня на родину, если я помогу им освободиться и вернуть свой корабль, как Муслак, глядя мне прямо в глаза, поклялся, что непременно сделает это. Он заверил меня, что прекрасно знает, где мой дом, и все время указывал на запад, называя живущих там людей "лухиту", что, возмож-

⁸⁴ Латро считает, что так финикийцы произносят его имя – Люций.

но, должно было означать "латины"⁸⁵ – мы нарочно говорили только по-финикийски, чтобы не поняли стражники.

Я по-прежнему не знаю, что можно сделать для них, одно мне совершенно ясно: ради золота эти эллины готовы на все и на все будут смотреть сквозь пальцы. У Ио есть какие-то деньги – я сам видел, как она доставала монету, когда я рас-плачивался с Аглаусом.

* * *

Павсаний наблюдал, как мы деремся на кулаках с Диоклом. Мы надели гиманты, чтобы защитить руки. Диокл очень быстрый и осторожный; как раз то, что нужно.

– А ты сегодня довольно веселый, – заметил мне Павсаний.

Я сказал, как мне трудно справляться с Диоклом, который умело совершает разные обманные движения левой рукой, поскольку управляется ею так же хорошо, как и правой.

– Зато, господин мой, я обучился многим новым приемам, – продолжал я. – Я, конечно, забуду, где этому научился и у кого, но самих уроков забыть не смогу.

Павсаний улыбнулся и хлопнул меня по плечу. Из-за шрамов лицо его порой кажется злым, но, по-моему, сердце

⁸⁵ Латины, или жители Лация – одно из основных италийских племен, проживавшее на территории от нижнего течения Тибра до Альбанской горы и на побережье Центральной Италии.

в груди его бьется не злое.

– Это ведь ты его вылечил, верно, Диокл? – спросил он.

Диокл сплюнул:

– Да он сам себя вылечил, великий регент. Ну может, и я чуточку помог.

Просто он поступал так, как я ему советовал.

– Конечно, это ты ему помог! Я все время следил за тем, как Латро лечат наши великие целители Кихезипп и Тизамен (у последнего, кстати, вчера ночью было удивительное видение), да еще Амикл, хотя он так и не испросил на это моего разрешения. И маленькая плутовка Ио о нем тоже все время заботилась. Уже четверо. Да еще ты и сам, Латро. Шесть человек заботились об одном! Может, еще кто найдется? Полос, например?

Вспомнив свой сон, который я записал в дневник на рассвете, я сказал:

– Да, регент, и Полос, и Пасикрат. Но больше, конечно, Полос.

– Значит, всего восемь? Я просто должен получить лавровый венок! Кстати – о Полосе. Латро, ты помнишь, что говорил о нем Тизамен сегодня утром?

– Конечно. Что он должен скакать на твоём Аргасе.

– Тебе нашептывают боги, Латро! Это я уже говорил, не знаю – помнишь ты об этом или нет. Значит, ты согласен?

Я пожал плечами:

– А сам Полос этого хочет?

– Я его не спрашивал.

Диокл снова сплюнул и сказал:

– Хочет он, хочет, да еще как! Он меня все расспрашивал насчет юношеских соревнований – во всем ему поучаствовать хотелось. Пришлось сказать ему, что он пока маловат, старшие мальчишки все равно бы его побили. Но как наездник он значительно легче и лучше Ладаса. Да и с лошадьми никто так обращаться не умеет.

* * *

Аглаус растирал меня после тренировки, а Диокл – Пасикрата.

– Ах, какой мне снился сон! – сказал Пасикрат. – Ты сперва сбил меня с ног, а потом помог встать.

Я уже успел забыть свой собственный сон, но прочел о нем в дневнике, а потому спросил, уверен ли он, что это был именно я.

– Еще бы! Ведь я думал, ты снова меня ударишь. У меня до сих пор шея болит – по-моему, после того сна.

Пасикрат сказал, что такой сон – хорошее предзнаменование перед кулачным боем.

– Больше никаких боев! – заявил Диокл. Он посчитал, загибая пальцы:

– У Латро до поединка всего четыре дня, так что никаких травм и ссадин быть не должно.

Надо сказать, что по правилам ни один боец не ударит своего противника снова, если помог ему подняться: если человека сбили с ног, поединок окончен. Только во время панкратиона можно подняться, даже если тебя сбили с ног, и продолжать борьбу.

После массажа Пасикрат поговорил со мной наедине.

– А мне снилось, – сказал он, – что я ударил Аглауса. – Я промолчал, и он продолжал:

– А ты, увидев, как я зол, спросил еще, не хочу ли я получить назад свою руку. Я на тебя действительно был очень зол – наверное, я и Аглауса ударил только потому, что он твой слуга, – и я сказал, что раз уж ты ее у меня отнял, так и держи ее при себе. Я чувствовал, что, если ты ее вернешь, я должен буду перестать с тобой ссориться, понимаешь?

Я сказал, что, надеюсь, вернул ему руку.

– Да, вернул. Мы поехали к тебе, и ты достал мою руку из своего сундучка. Там еще сверху лежал твой меч; а дальше – хитоны и тому подобное. И ты стал вышвыривать вещи на пол, потому что моя рука была на самом дне. Потом я взял ее и как-то пристроил к себе.

Он засмеялся, и я тоже.

– Надеюсь, ты помог мне сложить вещи обратно в сундук? – спросил я.

– Не помню. Но вот что самое странное: у меня весь день было такое ощущение, будто моя рука действительно ко мне вернулась и я перестал быть калекой! Я теперь могу делать

все то, что и любой другой с двумя руками – например, играть на лире.

Потом Тизамен отвел меня к принцу, а еще туда пришел аргивянин Орзипп.

Тизамен говорит, что это один из правителей Артоса и что он очень богат.

Сперва я не мог понять, зачем меня привели туда и почему этот толстый и лысый Орзипп так меня разглядывает. Потом догадался: Павсаний заключил с ним пари, и Орзипп захотел на меня посмотреть. Их ставки после этого были удвоены.

* * *

Хотя кое-кому из спартанцев это было не по нутру, мы с Пасикратом во время церемонии открытия Игр шли бок о бок; действие было исключительно впечатляющим. Затем к нам присоединились вавилонянка, чернокожий и дети, и мы все вместе остались на стадионе слушать какого-то поэта из Беотии.

Пасикрат сперва передразнивал его смешной акцент, но вскоре перестал и признал его самым лучшим. Судьи были того же мнения, и этого поэта наградили лавровым венком. Ио говорит, что это наш старый друг. Он довольно долго беседовал с нами после выступления, хотя сотни других людей ждали, желая перемолвиться с ним хотя бы словечком.

Стадион очень хорош; нижние ряды сидений сделаны из камня, а верхние – из дерева. Он открытый со всех сторон, можно свободно приходить и уходить.

Овальная беговая дорожка равна одному стадию. По этой дорожке мы шли во время открытия Игр. Все поэты уселись в центре, прямо на траве. Слушатели, покинув свои места на скамьях, собрались вокруг тех, за кого болели.

Вокруг нашего поэта собралась просто невообразимая толпа.

Сегодня я начал читать свой свиток с самого начала и успел прочесть об Артаикте и его сыне, но мало что понял. Я велел Аглаусу каждый день спрашивать меня наедине о тех финикийских рабах на рынке и сказал, что именно он должен у меня спрашивать.

Пасикрат бежал очень хорошо, но победителем не стал. Павсаний ужасно разгневался. Он велел Тизамону и Диоклу занести мое имя в список борцов, но судьи не разрешили: было уже слишком поздно.

* * *

Ночь была беспокойная – смех, как оказалось, порой труднее перенести, чем любой удар. Фаретра легла со мной, некоторое время мы говорили о луках и тому подобном, поскольку она как раз посетила одного оружейника. По ее словам, мечи у него просто прекрасные, да и луки неплохие. Я ска-

зал ей, чтобы она выяснила, не продаст ли он ей лук, стрелы и меч, не спрашивая, зачем они ей понадобились. Когда она сказала, что ей не на что все это покупать, я объяснил, что денег ей дам. Она уже немного понимает по-эллински благодаря Ио.

Снова пришла та, другая женщина. Войти она не решилась, но стала кричать, обзывая Фаретру дикой коровой и другими отвратительными прозвищами, и всех разбудила. Фаретра ее прогнала, но даже Полос над нами смеялся. Я не мог больше оставаться в шатре и теперь сижу у костра и пишу.

Рядом со мной сидит один умный пожилой человек с деревянной ногой. Он советовался с богами на мой счет и говорит, что у меня все будет хорошо и я даже с триумфом выиграю гонки на колесницах. Я чувствую, что он прав.

* * *

Сегодня был забег на среднюю дистанцию – это самый популярный вид соревнований в беге. Отборочный забег был проведен утром, а основной – вечером. Пасикрат бежал так хорошо, что всем нам казалось, что он непременно выиграет, однако судьи назвали победителем другого бегуна. Он опередил Пасикрата не более чем на толщину пальца.

Диокл учит меня бороться. Он называет борьбу самой бессмысленной частью панкратиона, но говорит, что я дол-

жен уметь делать это не хуже, чем все остальное. Он научил меня несколькими ценными приемам захвата, но, когда мы действительно стали бороться по-настоящему, я легко победил его.

Тот поэт, у которого все руки в перстнях, сочиняет оду в честь победителя в беге; платить ему будет тот город, откуда победитель родом.

* * *

Выиграл не Пасикрат, и было ужасно видеть после этого его лицо и слушать пощечины, которыми его награждал Тизамен; мне, конечно, следовало отшвырнуть коротышку-прорицателя и прекратить это издевательство. Потом Пасикрат призвал к себе Полоса, поцеловал его, а меня обнял как брата. Я заметил, что после забега он прихрамывает (особенно, когда думает, что его никто не видит). Павсаний отослал его в Коринф и велел не возвращаться оттуда без золота.

* * *

Сегодня день пятиборья. Я не пошел на стадион, а отправился в город.

Рынок был пуст – все отправились на Игры. Я уже собрался уходить, когда Анисия пригласила меня позавтракать с

нею; думая, что она захочет любви и денег, я сказал ей, что ни за что не лягу с женщиной до состязаний. Она потянула меня за руку и сказала, что это вовсе не обязательно и что она просто хотела поговорить со мной. Мы с ней позавтракали, а потом со всеми вместе пошли на стадион.

Теперь я подробно изложу то, что рассказала мне Анисия до завтрака; если все это правда, то сведения действительно очень важные. Анисия родом из небольшого городка неподалеку от Фив и живет благодаря своему искусству. Нынче ночью я видел, как замечательно она танцевала в красноватом свете факелов – она удивительно напоминала мне какую-то богиню!

– Я твоя настоящая любовь, – сказала она. – Ты все забываешь, так что по-настоящему познать любовь ты не в силах, но я люблю тебя и никогда тебя не забуду. И я так верна тебе, как никто другой. Неужели ты считаешь, что любишь Фаретру?

– Я так думаю, – признался я. – Вот ты произнесла ее имя, так у меня сразу сердце забилося.

Анисия как-то странно на меня посмотрела и сказала:

– Ты, наверное, мне не поверишь, но знай: та амазонка, которую ты считаешь Фаретрой, вовсе не Фаретра. Твоя Фаретра умерла во Фракии.

Мне показалось, я слышу свой смертный приговор.

– А эта амазонка, – продолжала Анисия, – действительно немного похожа на Фаретру. Такая же высокая и сильная.

Только волосы у нее каштановые, а не рыжие.

Как раз такую женщину Ио называла Фаретрой. Странно!

– Ее настоящее имя Иппостизия, – сказала Анисия. – Она была подругой твоей рыжеволосой Фаретры. Видя, как ты печалишься, и зная, что ты все забываешь, твой раб сказал тебе, что эта женщина и есть Фаретра, заранее договорившись с нею. – Я молчал. – Они смеялись у тебя за спиной!

Радовались тому, какие они умные. Но твоя девочка-рабыня в конце концов решила, что твое счастье ей дороже. По крайней мере, я так поняла. – Я кивнул, догадываясь, что это правда. – Ради меня – ведь это я все рассказала тебе, – пожалуйста, не бей Ио слишком сильно. А эту, длинную, можешь убить, мне все равно.

Я покачал головой, зная, что не причину зла ни Ио, ни той высокой амазонке.

– Как ты все это узнала?

– От того, кого встретила вчера ночью. Я много танцевала и очень устала, но меня разбудила музыка. Никогда я не слышала такой замечательной музыки. Я пошла на звуки флейты, надеясь, что смогу уговорить этого музыканта присоединиться к нам, чтобы мне танцевать под его музыку.

Поскольку я все время думала об этом, то начала танцевать, едва спустившись с крыльца. Я кружилась в танце, и одна женщина – оказалось, ее зовут Элата – вторила моим движениям. Она очень красива и отлично танцует, между прочим.

Потом музыка смолкла, и она спросила, почему я плакала. Я рассказала ей о тебе и обо всех ужасных вещах, которые сотворила со мной та амазонка – я называла ее Фаретрой, ибо от кого-то слышала это имя. И эта Элата сказала, что знала их обеих – и Фаретру, и Иппостизию – и что Фаретра умерла. А твой раб, сговорившись с мужем Элаты, велел той амазонке поцеловать тебя и вообще все устроил...

Мы говорили с Анисией довольно долго; она многое рассказала мне о жизни танцовщицы, но ее рассказ я здесь повторять не буду. И она снова сказала, что любит меня. Я отвечал, что никак не могу на ней жениться (и ни на ком другом), пока не отыщу свою родину. Даже и потом вряд ли я сразу смогу жениться. Она возразила, что ей нужна моя любовь, а не моя собственность – по-моему, это что-то новое. Она, видимо, считала, что я, стоит мне выпить чашу вина, уже ничего не помню, но я доказал ей, что помню все, о чем мы только что говорили, а также – многое из того, чего уже, кажется, и не должен помнить: например, как высокая амазонка, которую она называет Иппостизией, столкнула ее в канаву.

Я теперь тоже стану называть эту женщину Иппостизией, потому что, по-моему, Анисия сказала мне правду. Но пока что эта амазонка нужна мне, если я хочу освободить тех, кто знает, где мой дом, так что ей я ничего о нашем разговоре с Анисией не скажу. Кстати, с финикийцами я сегодня даже не разговаривал – опасался, что стражники заподозрят

неладное.

Полос пришел посмотреть, как я упражняюсь в езде на колеснице. Пока мы с Диоклом чистили скребницами коней, он попросил меня объяснить ему понятие "арете".

– Я знаю, Арес – это здешний бог войны, – сказал он, – как Плейстор во Фракии. Но сейчас же не война. Как же можно говорить об "арете" того, кто быстрее всех пришел к финишу?

– Совершенно не обязательно, чтобы человек, который бежит лучше всех, бежал от своих врагов, – сказал я ему. – Наоборот, порой нужно, чтобы воины бежали на врага. Скорость нужна и для того, чтобы успеть спастись, и для того, чтобы снова поскорее вступить в бой.

Диокл, как всегда, сплюнул и сказал:

– Война – это не только кровь да смерть, парень. И далеко не всегда побеждает самая большая армия. Гораздо чаще побеждает та, которая лучше обучена и содержит свое оружие в чистоте и порядке, а также выдерживает долгий марш на минимальном рационе. Старый Арес вовсе не такое уж чудовище, ясно? Воспринимай его как обычного человека, который просто хочет побыстрее победить и вернуться домой к своей Афродите. Такой человек всегда будет ратовать за отличную военную подготовку, за дисциплину и за честную игру. И Арес, как и мы, готов присвистнуть, когда глупо проигрывает. И радостно засвистеть – если стал победителем.

Я спросил Диокла, будут ли проводиться еще какие-ни-

будь состязания в день гонок на колесницах; он сказал, что нет. Таким образом, моих друзей-финикийцев, скорее всего, оставят на рыночной площади до окончания соревнований. По крайней мере, я на это надеюсь. Завтра состязаются борцы, а я схожу в Кипариссу – посмотрю на корабль финикийцев. Я велел Аглаусу напомнить мне об этом. Я, конечно, не стал упоминать об этом корабле танцовщице Анисий, и она никак не может догадаться о моих тайных планах.

* * *

Дорога, ведущая на берег, крута и узка. Все это даже неплохо, но я бы хотел, чтобы она была покороче. При отплытии корабля должно или быть еще темно, или едва светать. Корабль не охраняется и привязан лишь одним канатом. Вот только как спрятать мой меч? Надо попробовать привязать его к днищу колесницы.

* * *

Над мраморными скамьями видны ряды деревянных скамей. Я видел сидевших там зрителей и слышал их оглушительные крики. Но когда я указал на них Ио, она их почему-то не увидела, хотя одна женщина даже махала нам рукой.

Призом было замечательное блюдо, полное свежих смокв. Я роздал их всем, кто хотел получить хотя бы одну, а блюдо подарил регенту Павсанию, который остался этим очень доволен и даже обнял меня за плечи – жест особой милости. Он выиграл огромную сумму, поставив на меня.

Судья составил для меня документ, согласно которому я передаю детей на попечение этого поэта из Фив. Я подписал документ и отдал поэту; теперь Ио наконец вернется на родину. А мое главное сражение – завтра.

Говорят, что у амазонок в упряжке кони самого Гелиоса, однако на Гелиоса буду больше похож я сам. Когда я обрежу поводья, у нас будет четыре скаковых коня; остальные финикийцы пусть пробиваются сами.

Глава 43

Пиндар из Фив приносит это в дар Светлому богу, своему покровителю, которого осмеливается также считать своим другом. Делает он это по велению пифии, дабы всем стало известно, что воля бога свершилась.

Царица из северной страны привела на Игры в честь Великого бога поистине божественных коней, широкогрудых, могучих, с бешено сверкающими очами. На старте они громоподобно топали копытами, запряженные в прекраснейший дар Лаконии, милостиво присланный сыном Неокла, командором флота Фемистоклом. Вот уже идет второй круг. Колесница дорийцев по-прежнему стремится вперед. Украшенный священным лавровым венком – даром Дафны⁸⁶, прекраснейшей из дочерей реки, – ею уверенно правит панкратиаст Латро из Спарты (проводящим которого я однажды был по велению Светлого бога). Он улыбается. Пятеро остальных участников покрыты вздымающейся за его колесницей пылью. Зрители-эллины приветственно кричат двум первым претендентам на победу, и крики их подобны грохоту бронзовых щитов.

Умелой рукой чуть натянув поводья, служанка божья,

⁸⁶ Дафна (греч. «лавр») – дочь речного бога Пенея. Спасаясь от преследований Аполлона, была превращена в лавровое дерево. С этого времени в греческих мифах лавр посвящен Аполлону.

темнокожая дочь копыеносца, осаживает свою четверку перед быстро приближающимся поворотом.

И вот ее обходит вторая колесница – на голову, на голову и шею, на полтуловища опережает могучая четверка бессловесных слуг Гераклидовых, лучших в битве, колесницу, которой правит амазонка! То мчится Латро. Так мчался Диомед⁸⁷ – но только по прямой дороге.

Перед Латро бегут, точно испуганные дети, тысячи воинов, испытанных в боях героев, что сокрушили варваров на равнинах Беотии; все бегут, подобно стыдливой и печальной Астрее, заслышавшей всесокрушающую поступь Посейдона; все расступаются, словно волна морская, разрезаемая носом "Арго". И никто не преследует летящего над землею Латро – потому что не может.

Но зачем богине столько пыли и такой отчаянный бег коней? Какие ревнивые надежды несет отважный возничий колесницы сероглазой Афины?

Дивную урну, дар бога, получит ее слуга, но затем преподнесет ее царице-девственнице – упрочая мир между городом Тезея и его старинными врагами⁸⁸. Иппофода получит вазу

⁸⁷ Диомед – греческий герой, участник Троянской войны, сын Тидея, царь Аргоса. Прославился подвигами, которые отчасти совершил вместе с Одиссеем – в частности, похитил волшебных коней фракийского царя Реса, помогавшего Трое.

⁸⁸ Тесей (Тезей) – аттический мифический герой, совершивший множество подвигов. Став царем Афин, пошел войной на амазонок и привез в Афины их царицу Ипполиту, которая стала его женой.

сияя, радостная, ибо с честью выполнит свой долг, и заговорит устами хромого сына Элиды, великого своего советчика. По его же совету она, царственная во всем, посвятит сосуд, освободив его прежде от роскошного масла, Светлому богу.

Но едва успела сказать слово мира сия дочь войны, как прозвучал трубный глас битвы. Глуп тот, кто смеется над Гераклидами, ибо сила Геракла живет даже в приемных его сыновьях. Точно могучий Геракл ударил своей палицей – так своей колесницей рассек толпу Латро, на полной скорости влетев в священный город. Некогда в замерзающей Колхиде Ясон посеял драконовы зубы, и из распаханной земли тотчас встали сотни вооруженных воинов, готовых драться. То же случилось и на рыночной площади, когда тот, кого я опекал когда-то, выхватил из кучи яблок и гранатов четыре острых меча, тяжелые луки и колчаны, полные стрел. И жалкие рабы сразу превратились в воинов.

И сразу аргивяне, заклятые враги Лаконии, запросили помощи у мужественных сынов Спарты, могучих, в бронзовых доспехах, желая наказать тех, кто нарушил священное перемирие. Объявив, что никакой его вины в происшедшем нет и он к тому же потерял огромную сумму из-за сорванных состязаний, царевич Павсаний приказал своим слугам броситься в погоню...

Кто осмелится утверждать, что здесь не замешаны всемогущие и бессмертные боги? Ио, моя рабыня, мудрая не по годам и ставшая мне истинной наградой за все хорошее, что

я пытался сделать Латро, отвела меня к хромоту Эгесистрату, который ныне служит переводчиком у царицы амазонок.

Он оплакивал свою исчезнувшую жену.

– Я потерпел неудачу, Синтия, – громко стонал он. – Пред собою ты видишь уже зловонный труп, а не человека. О да, серебряная колесница слишком тяжела! А Латро всегда одерживает победу. И не станет женщина, которая так долго его желала, пытаться победить его, тем более теперь, когда она покорила наконец сердце своего возлюбленного. Да, я был подкуплен и поклялся служить богине собственных врагов, но не смог достойно служить ей. Свой конец я предвидел еще в далекой Фракии – а теперь ее слуги вышвырнут меня с моего родного острова и пять их мечей принесут мне смерть.

Прорицатель Тизамен отдал мне эти два свитка, принадлежавших, как он выразился, "широкоплечему панкратиасту".

– В этих свитках он взывает к милосердию Светлого бога, всегда столь великодушного. В них этот родившийся под несчастливой звездой Латро отдает оскорбленному богу всю свою жизнь.

Царица одногрудых дочерей войны настояла, чтобы свитки были приложены к ее дару – той прекрасной урне, которую она преподнесет богу. Его жрецы согласны, и завтра она совершит жертвоприношение, а потом, полностью удовлетворенная, отправится к себе на родину.

Фемистокл Афинский встретит неласковый прием, когда вернется в свой город в венце фиалковом: многие из его земляков считают, что он продался Спарте, несмотря на его горячие протесты. Его нынешний приятель Симонид от него удалится и будет по-прежнему молотить на своей мельнице зерно поэзии.

Регента Спарты всюду будут восхвалять за чрезвычайную проницательность и за обещание выступить против сыновей Персея⁸⁹. Всем теперь известно, что тот финикийский корабль, на котором уплыл Латро, вез добычу Павсания.

А еще говорят, что именно благодаря его командованию спартанцы избегли финикийской стали и по своей расчетливой нерешительности только мешали в узком проливе, не давая другим вступить в битву. В общем, по слухам, властолюбивый Павсаний выиграл раз в десять больше, чем потерял. Кое-кто из тех, с кем я позже беседовал в Кипариссе, заметили, что на уносящем Латро финикийском судне рядом с ним стояла изящная женщина с луком в руке.

Они не решаются назвать ее Артемидой, отважной сестрой Светлого бога. Но то, что победила серебряная колесница, никто отрицать не может. Будет ли то правдой или же пустой сказкой, покажет время, но верно то, что Павсаний, сын Клеомброта, считается дважды героем среди любящих военные хитрости греков.

⁸⁹ Персей – сын Зевса и Данаи, добывший голову Медузы Горгоны и ставший владыкой Аргоса.

Я же, бедный слуга Светлого бога, покровителя муз, вместе со своей рабыней вернусь в Семивратные Фивы. А может быть, отправлюсь в путешествие на далекую Сицилию, славящуюся своими стадами, в качестве эмиссара к славному Гиерону⁹⁰, известному своими победами. Если так случится, то я прошу милостивую Ино⁹¹, хранительницу морских дворцов, благословить меня. Позволь же нам, о прекрасная Ино, плыть без опаски в великий город Сиракузы, во владения Ареса.

⁹⁰ Гиерон – с 478 г. до н.э. тиран Сиракуз. Считался покровителем искусств и спортивных состязаний. При его правлении Сиракузы превратились в культурный центр Западной Греции. При его дворе жили поэты Симонид, Эсхил, Пиндар и Вакхилид.

⁹¹ Ино – сестра Семелы, взявшая на себя после ее смерти заботу о младенце Дионисе. Позже, спасаясь от преследований разгневанного мужа, Ино бросилась в море и превратилась в морскую богиню Левкотею.